
СОЧИНЕНІЯ
ЛЕРМОНТОВА
1
П. Е.

ИЗЪ КНИГЪ

П. А. ЕФРЕМОВА.

№ шк. пол.

72/
Ф 6.

СОЧИНЕНІЯ
ЛЕРМОНТОВА

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА
А. Н. – С. С. С. Р.

М. Лермонтовъ

Гравировалъ на сталиО. Гурданъ 1859 года.

3 2/6

СОЧИНЕНІЯ
ЛЕРМОНТОВА

ПРИВЕДЕННЫЯ ВЪ ПОРЯДОКЪ

С. С. Дудышкинымъ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, СВѢРЕННОЕ СЪ РУКОПИСЯМИ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ; СЪ ПОРТРЕТОМЪ ПОЭТА И ДВУМЯ СНИМКАМИ СЪ ЕГО ПОЧЕРКА

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БИБЛИОТЕКА А.Н. С.С.С.Р.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА А. И. ГЛАЗУНОВА
1862

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 30 октября 1861 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

106732

Ин-т Русск. Лит-ры
Библиотека
АН СССР

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-го ТОМА.

—

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

1828.

	стр.
Черкесы	5
Кавказскій плѣнникъ. Поэма	7
Корсаръ. Поэма	14

1829.

Пиръ	21
Портретъ	—
Къ генію	22
Письмо	24
Русская мелодія	—
Къ *** «Не привлекай меня красой!»	25
Къ N. N.	26
Къ Гр..нову	—
Два сокола	27
Грузинская пѣсня	28
Мой Демонъ	—

СТР.
Преступникъ 29
Цыгане. Опера 35
Монологъ 37
Молитва: «Не обвиняй меня, всесильный» 38
Первый очеркъ Демона 39
1-е посвященіе ..... —
2-е посвященіе 40
Начало поэмы ..... —
Олегъ 44

1830.

Второй очеркъ Демона 49
«Настанетъ день, и міромъ осужденный» 67
К... Д. 68
Пѣсня. «Желтый листъ о стебель бьется» 69
Князь Мстиславъ. Сюжетъ 70
Силуэтъ 74
«Какъ духъ отчаянья и зла» ..... —
Н. Ф. И 75
Б....ной 76
Т.....ому ..... —
Н....ной 77
Т.....ой ..... —
М.....вой ..... —
Додо 78
Б.....ву ..... —
Б.....ву 79
«Вы не знавали князь Петра? ..... —
«Люблю я цѣпи синихъ горъ» 80
«Время сердцу быть въ покоѣ» 81
«Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!» 82
«Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень» 83
Къ *** «Я не унижусь предъ тобою» ..... —
«Какъ лучъ зари, какъ розы Леля» 84
Романсъ 85
Прелестницѣ 86
Had we never loved so kindly ..... —
1830 года, іюля 15. Москва 87

стр.
Эпитафія ... 88
Экспромтъ. (Три граціи) ... 89
Черноокой ... —
Благодарность ... 90
«У вратъ обители святой» ... 91
Весна. «Когда весной разбитый ледъ» ... 92
«Зови надежду сновидѣньемъ» ... —
«Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ» ... 93
«Когда къ тебѣ молвы разсказъ» ... —
Къ Л *** (подражаніе Байрону) ... 94
«Передо мной лежитъ листокъ» ... 95
«Свершилось! поздно ожидать» ... —
«Итакъ, прощай! впервые этотъ звукъ» ... 96
Menschen und Leidenschaften. Ein Trauerspiel. (Отрывокъ). —
Отрывокъ изъ повѣсти въ стихахъ: «Джуліо» ... 97
Кавказъ ... 99
Незабудка. Сказка ... 100
М. Ф. М.....вой ... 119
Смерть ... 120
«Теперь я вижу: пышный свѣтъ» ... 123
Въ Воскресенскѣ (жилище Никона) ... 124
Прости ... —
Эпитафія. «Простосердечный сынъ свободы» ... 125
«Когда-бы могъ весь свѣтъ узнать» ... 126
Посвященіе. «Прими, прими мой грустный трудъ» ... —
Посвященіе. «Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ» ... 127
Къ *** (Прочитавъ жизнь Байрона, написанную Муромъ) ... 128
Смерть (9 октября 1830 г.) ... 153

1831.

«Въ верху одна» ... 105
«Нѣтъ, я не требую вниманья» ... —
Бородино ... 106
1831 года, іюня 11 ... 109
Третій очеркъ Демона ... 128
«Всевышній произнесъ свой приговоръ» ... 130
Одиннадцатаго іюля ... 132
Желаніе ... —

	стр.
Св. Елена	133
Къ другу В. Ш.	134
7-го августа, въ деревнѣ	135
Атаманъ	136
Исповѣдь	139
Чаша жизни	140
Воля	—
28 сентября. «Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый»	142
«Метель шумитъ и снѣгъ валитъ»	143
«Когда-бъ въ покорности незнанья»	—
«Я видѣлъ тѣнь блаженства»	144
Стансы къ Д ***	146
Къ пріятелю	148
Два посвященія поэмы «Демонъ»	149
Романсъ къ *** «Когда я унесу въ чужбину»	150
На картину Рембрандта	151
Волны и люди	152
«Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей»	—
«Ребенка милаго рожденье»	154
«Привѣтствую тебя, воинственныхъ славянъ»	155
«Опять народные витіи»	—
«Какъ небеса твой взоръ блистаетъ»	157
«Она поетъ — и звуки таютъ»	158
«Нѣтъ, я не Байронъ, я другой»	—

1832.

Морякъ	161
Литвинка. Повѣсть	163
Аулъ-Бастунджи. Отрывокъ	166
Каллы. Черкесская повѣсть. Отрывокъ	168
Четвертый очеркъ Демона	170

1834.

Петергофскій праздникъ (отрывки)	187
Уланша (отрывки)	190
Монго	192
Юнкерская молитва	201

стр.
Къ портрету стараго гусара (Н. И. Б — ву)..... 202
Къ Бухарову..... —

1836.

Два великана..... 207

1838.

Экспромтъ. М. И. Ц..... 211

НЕИЗВѢСТНЫХЪ ГОДОВЪ.

Къ графинѣ М. П..... 215
«Посреди небесныхъ тѣлъ»..... —
«Онъ былъ въ краю святомъ»..... 216

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

1830.

Испанцы. Отрывокъ изъ трагедіи..... 219

1831.

Странный человѣкъ. Романтическая драма..... 243
Ангелъ смерти. Восточная повѣсть..... 329

1832.

Измаилъ-бей. Восточная повѣсть..... 349

1833.

Хаджи-Абрекъ..... 431

стр.

1834.

Маскарадъ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ..... 449

1835.

Боярин Орша..... 579

1836.

Казначейша..... 617

—

Примѣчанія..... 647

—

КЪ ИЗДАНІЮ ПРИЛОЖЕНЫ:

1) портретъ автора.

2) два снимка съ почерка Лермонтова.

I

1828

ЧЕРКЕСЫ.*

I.

. . . . . Солнце исчезаетъ,
Въ долинахъ всюду мертвый сонъ,
Заря, блистая, угасаетъ,
Вдали гудитъ протяжный звонъ,
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещетъ въ небесахъ,
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ,
Лишь серны скачутъ на холмахъ.
И сѣрый волкъ бѣжитъ чрезъ горы,
Его свирѣпо блещутъ взоры.
Въ тѣни развѣсистыхъ деревъ
Влѣзаетъ онъ въ свою берлогу.
За нимъ бѣжитъ черезъ дорогу
Съ ружьемъ охотникъ; пара псовъ
На сворахъ рвутся съ нетерпѣньемъ;
Все тихо, и въ глуши лѣсовъ
Неслышно жалобнаго пѣнья
Пустынной иволги; лишь тамъ
Весенній вѣтерокъ играетъ,

---

* Этой поэмой начинается рядъ первыхъ стихотвореній и подражаній Пушкину, хотя еще прежде *Черкесовъ* написаны Лермонтовымъ двѣ дѣтскія поэмы: «Бахчисарайскій Фонтанъ» и «Шильйонскій Узникъ». Обо всемъ этомъ см. примѣчаніе 1 въ концѣ тома. *С. Д.*

Перелетая по кустамъ,
Въ глуши кукушка занываетъ,
И на дуплѣ, какъ тѣнь, сидитъ
Полночный воронъ и кричитъ.
Межъ дикихъ скалъ крутитъ, сверкаетъ
Подалѣ Терекъ за горой;
Высокій берегъ подмываетъ,
Крутяся пѣною сѣдой.

II.

Одѣто небо черной мглою,
Въ туманѣ мѣсяцъ чуть блеститъ,
Лишь на сухихъ скалахъ травою
Полночный вѣтеръ шевелитъ.
На холмахъ маяки блистаютъ:
Тамъ стражи русскіе стоятъ,
Ихъ копья острыя блестятъ,
Другъ друга громко окликаютъ.
«Не спитъ казакъ во тьмѣ ночной;
«Чеченецъ ходитъ за рѣкой!»
Но вотъ они стрѣлу пускаютъ,
Взвилась! и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана,
Въ очахъ его смертельный мракъ:
Ему не зрѣть роднаго Дона,
Ни милыхъ сердцу, ни семью.
Онъ жизнь окончилъ здѣсь свою.
. . . . . .

---

* Всего XI строфъ. Въ нихъ описывается сраженіе черкесовъ съ русскими и побѣда русскихъ.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

ПОЭМА.

—

I.

Въ большомъ аулѣ подъ горою,
Близъ саклей дымныхъ и простыхъ,
Черкесы позднею порою
Сидятъ. — О коняхъ удалыхъ
Заводятъ рѣчь, о мѣткихъ стрѣлахъ,
О разоренныхъ ими селахъ,
И съ ними какъ дрался казакъ,
И какъ на русскихъ нападали,
Какъ ихъ плѣнили, побѣждали...
Межъ тѣмъ черкешенки младыя
Взбѣгаютъ на горы крутыя,
И въ темну даль глядятъ — но пыль
Лежитъ спокойно по дорогѣ,
И не шелохнется ковыль.
Неслышно шума, ни тревоги.
Тамъ Терекъ издали кипитъ,
Межъ скалъ пустынныхъ протекаетъ
И пѣной зыбкой орошаетъ
Высокій берегъ. Лѣсъ молчитъ,
Лишь изрѣдка олень пугливый
Черезъ пустыню пробѣжитъ,
Или коней табунъ игривый
Молчанье дали возмутитъ.

III.

Лежалъ цвѣтовъ коверъ узорный
По той горѣ и по холмамъ;
Внизу сверкалъ потокъ нагорный
И текъ струисто по камнямъ.
Черкешенки къ нему сбѣжались
. . . . . .*

IV.

Ужъ раздалось мычанье стадъ,
И ржанье табуновъ веселыхъ,
Они съ полей идутъ назадъ.
...Но, что̀ за звукъ цѣпей тяжелыхъ?
Зачѣмъ печаль сихъ пастуховъ?
Увы! то плѣнники младые,
Утративъ годы золотые,
Въ пустынѣ горъ, въ глуши лѣсовъ,
Близъ Терека пасутъ уныло
Черкесовъ тучныя стада,
Воспоминая то̀, что̀ было
И что̀ не будетъ никогда!...
Они въ цѣпяхъ, они рабами!
Сливалось все, какъ въ мутномъ снѣ.
Души не чувствуя, они
Ужъ видятъ гробъ передъ очами.
Несчастные! въ чужомъ краю!...
. . . . . .

* Точки обозначаютъ пропущенные нами стихи и цѣлыя строфы, см. примѣчаніе 1.

V.

Лай вѣрныхъ псовъ
Не раздавался вкругъ аула,
Природа шумная уснула;
Лишь слышенъ дѣвъ издалека
Напѣвъ унылый. Вторятъ горы,
И нѣженъ онъ, какъ птичекъ хоры,
Какъ шумъ привѣтный ручейка.

ПѢСНЯ.

1.

Какъ сильной грозою
Сосну вдругъ согнетъ;
Пронзенный стрѣлою,
Какъ левъ зареветъ:
Такъ русскій средь бою
Предъ нашимъ падетъ,
И смѣлой рукою
Чеченецъ возьметъ
Броню золотую
И саблю стальную,
И въ горы уйдетъ.

2.

Ни конь оживленный
Военной трубой,
Ни варваръ смятенный
Внезапной борьбой,
Страшнѣй не трепещетъ,

Когда вдругъ заблещетъ
Кинжалъ роковой.

. . . . . .
. . . . . .

XVIII.

Однажды, погрузясь въ мечтанье,
Сидѣлъ онъ позднею порой.
На темномъ сводѣ, безъ сіянья,
Безцвѣтный мѣсяцъ молодой
Стоялъ, и лучъ дрожащій, блѣдный
Лежалъ на зелени холмовъ;
И тѣни шаткія деревъ,
Какъ призраки, на крышѣ бѣдной
Черкесской сакли, прилегли.
Въ ней огонекъ уже зажгли;
Краснѣя онъ въ лампадѣ мѣдной,
Чуть освѣщалъ большой заборъ.
Все спитъ: холмы, рѣка и боръ.

XIX.

Но кто въ ночной тѣни мелькаетъ?
Кто легкой тѣнью межъ кустовъ
Подходитъ ближе, чуть ступаетъ,
Все ближе, ближе, черезъ ровъ
Идетъ бредучею стопою?
Вдругъ видитъ онъ: передъ собою,
Съ улыбкой жалости нѣмой,
Стоитъ черкешенка младая!
Даетъ заботливой рукой
Хлѣбъ и кумысъ прохладный свой,
Предъ нимъ колѣни преклоняя.

И взоръ ея изобразилъ
Души порывъ какъ-бы смятенный;
Но пищу принялъ русскій плѣнный
И знакомъ ей благодарилъ.
. . . . . .

XXI.

Четверту ночь къ нему ходила
Она и пищу приносила;
Но плѣнникъ часто все молчалъ,
Словамъ печальнымъ не внималъ...
. . . . . .

XXV.

Но кто идетъ тропой гористой?
Она... Съ кинжаломъ и пилой...
. . . . . .

XXVI.

Ахъ, русскій, русскій! что̀ съ тобою?
Почто ты съ жалостью нѣмою,
Печаленъ, хладенъ, молчаливъ
На мой отчаянный призывъ?...
Готова я часы досуга
Съ тобой дѣлить; но ты сказалъ,
Что любишь, русскій, ты другую?
Ея бѣжитъ за мною тѣнь,
И вотъ о чемъ и ночь и день
Я плачу, вотъ о чемъ тоскую!...
Забудь ее! готова я
Съ тобой бѣжать на край вселенной!
. . . . . .

XXVII.

. . . . . Она рыдала,
Но ободрилась, тихо встала,
Взяла пилу одной рукой;
Кинжалъ другою подавала.
И вотъ подъ острою пилой
Скрипитъ желѣзо; распадаетъ,
Блистая, цѣпь и чуть звенитъ.
Она его приподнимаетъ,
И такъ, рыдая, говоритъ:

XXVIII.

Да!... плѣнникъ... ты меня забудешь...
Прости!... прости же... *навсегда;*
Прости навѣкъ!... Какъ счастливъ будешь...
Ахъ!... вспомни обо мнѣ тогда...
Тогда... быть-можетъ, ужъ могилой
Желанной скрыта буду я;
Быть-можетъ... скажешь ты уныло:
Она любила и меня!...
Она беретъ его за руки
И въ поле темное спѣшитъ,
Гдѣ чрезъ утесы путь лежитъ.

XXIX.

Идутъ, идутъ, остановились,
Вздохнувъ, назадъ оборотились;
Но роковой ударилъ часъ...
Раздался выстрѣлъ — и какъ-разъ
Мой плѣнникъ падаетъ...

XXX.

Но очи русскаго смыкаетъ
Ужъ смерть холодною рукою.
Онъ вздохъ послѣдній испускаетъ...
. . . . . .

XXXI.

Межъ-тѣмъ черкесъ, съ улыбкой злобной,
Выходитъ изъ глуши деревъ,
И, волку хищному подобный,
Бросаетъ взоръ... стоитъ... безъ словъ,
Ногою гордой попираетъ
Убитаго...

XXXII.

Но вотъ она очнулась вдругъ;
И ищетъ плѣнника очами...
Встаетъ... и скорыми шагами
Пошла съ потупленной главой...

XXXIII.

Она ужъ къ терему подходитъ...
И долго на бѣгущи волны
Она глядитъ... и взоръ безмолвный
Блеститъ звѣздой въ полночной тьмѣ.
Она на каменной скалѣ —
О русскій, русскій! восклицаетъ...
Плеснули волны при лунѣ,
О берегъ брызнули онѣ!...

И дѣва съ шумомъ исчезаетъ.
Покровъ лишь бѣлый выплываетъ,
Несется по глухимъ волнамъ
Остатокъ грустный и печальный,
Плыветъ какъ саванъ погребальный,
И скрылся къ каменнымъ скаламъ.

XXXIV.

Но кто убійца ихъ жестокій?...
Увы! то былъ отецъ несчастной...

XXXV.

Отецъ, убійца ты ея:
Гдѣ упованіе твое?
Терзайся вѣкъ! живи уныло!
Ея ужъ нѣтъ. И за тобой
Повсюду призракъ роковой.
Кто гробъ ея тебѣ укажетъ?
Бѣги, ищи ея вездѣ...
«Гдѣ дочь моя?» и отзывъ скажетъ:
«Гдѣ?»

КОРСАРЪ.

ПОЭМА.

—

Друзья, взгляните на меня!
Я блѣденъ, худъ, потухла радость

Въ очахъ моихъ, какъ блескъ огня.
Моя давно увяла радость;
Давно, давно нѣтъ ясныхъ дней,
Давно нѣтъ доли упованья!
Исчезло все! одни страданья
Еще живутъ въ душѣ моей.

Я не видалъ своихъ родимыхъ,
Чужой семьей воскормленъ я:
Одинъ лишь братъ былъ у меня,
Предметъ всѣхъ радостей любимыхъ.
Его я старѣ годомъ былъ,
Но онъ равно меня любилъ,
Равно мы слезы проливали,
Когда все спитъ, во тьмѣ ночной,
Равно мы горе повѣряли
Другъ другу жаркою душой...

Мой умеръ братъ! передъ очами
Еще теперь тотъ страшный часъ,
Когда въ ногахъ его съ слезами
Сидѣлъ...

Не могъ съ улыбкою смиренья
Съ-тѣхъ-поръ я все переносить:
Насмѣшки гордости, презрѣнья...
Я могъ лишь пламеннѣй любить...
Самимъ собою недоволенъ,
Желая быть спокоенъ, воленъ,
Я часто по лѣсамъ бродилъ,
И только тамъ душою жилъ...
Возненавидя шумный свѣтъ,
Узнавъ навѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ людей нашедъ измѣну,

Утративъ жизни лучшій цвѣтъ,
Ожесточился я...

Я въ Грецію идти хотѣлъ,
Чтобъ турокъ сабля роковая
Пресѣкла горестный удѣлъ.

«Прости, отчизна золотая!»
Сказалъ: «быть-можетъ, въ этотъ разъ
Съ тобой навѣки мнѣ проститься;
Но этотъ мигъ, но этотъ часъ
Надолго въ сердцѣ сохранится!»

Гдѣ Геллеспонтъ сѣдой, широкій,
Плеская волнами, шумитъ,
Покрытый лѣсомъ, одинокій
Аѳосъ задумчивый стоитъ.
Вѣнчанный грозными скалами,
Какъ неприступными стѣнами
Онъ окруженъ. Ни быстрыхъ волнъ,
Ни свиста вѣтровъ не боится.
Бѣда тому, чей бренный челнъ
Порывомъ ихъ къ нему домчится.
Его высокое чело
Травой и мохомъ заросло.
Между стремнинъ, между кустами,
Изрѣзанъ узкими тропами
Съ востока рядъ зубчатыхъ горъ
Къ подошвѣ тянется Аѳоса,
И башни гордыя Лесбоса
Встрѣчаетъ удивленный взоръ...
Воспоминанье здѣсь одною
Прошедшей истиной живетъ...
Вотъ цареградскій путь идетъ

Чрезъ поле черной полосою...
Кустарникъ дикій въ отдаленьи
Терялся межъ угрюмыхъ скалъ —
Межъ скалъ, гдѣ въ счастьи, упоеньи
Ѳракіецъ храбрый пировалъ.
Теперь все пусто...
И дышетъ все здѣсь стариной,
Минувшей славой и войной.

Когда-жъ народъ ожесточенный
Хватался вдругъ за мечъ военный —
Въ пещерѣ темной, у скалы,
Какъ-будто горные орлы,
Бывало, греки въ ночь глухую
Сбирали шайку удалую...
И въ той пещерѣ отдыхая,
Какъ часто ночью я сидѣлъ,
Воспоминая и мечтая,
Кляня жестокій свой удѣлъ.
И что-то новое пылало
Въ душѣ неопытной моей...
Желалъ я быть въ бояхъ жестокихъ,
Желалъ я плыть въ моряхъ широкихъ.
— (Любить — кого, не находилъ)
Друзья мои! я молодъ былъ.

. . . . . .
. . . . . *

---

* См. примѣчаніе 1.

106732

105732

1829

ПИРЪ.

Приди ко мнѣ, любезный другъ,
Подъ сѣнь черёмухъ и акацій,
Чтобъ раздѣлить святой досугъ
Въ объятьяхъ мира, музъ и грацій.
Не мясо тучнаго тельца,
Не фрукты Греціи счастливой
Увидишь ты; не медъ, не пиво
Блеснутъ въ стаканѣ пришлеца;
Но за столомъ любимца Феба
Пируетъ дружба и *она;*
А снѣдь — кусокъ прекрасный хлѣба
И рюмка краснаго вина.

ПОРТРЕТЪ.

Онъ не красивъ, онъ не высокъ,
Но взоръ горитъ, любовь сулитъ:
И на челѣ оставилъ рокъ,
Средь юныхъ дней, печать страстей.
Власы на немъ, какъ смоль, черны,
Блѣдны всегда его уста;

Открыты-ль, сомкнуты-ль они,
Лютъ безъ словъ языкъ боговъ!...
И пылокъ онъ, когда надъ нимъ
Грозитъ бѣдой перунъ земной!
Не любитъ онъ и славы дымъ;
Средь тайныхъ мукъ, свободы другъ,
Смѣется рѣдко; чаще, вновь
Клянетъ онъ міръ — гдѣ вѣчно сиръ —
Коварность, зависть и любовь.
Все проклялъ онъ, какъ лживый сонъ,
Какъ призракъ дымныя мечты.
Холодный умъ, средь мрачныхъ думъ,
Не тронутъ слезы красоты.
Вездѣ одинъ, природы сынъ,
Не зналъ онъ друга межъ людей;
Такъ бури токъ сухой листокъ
Мчитъ жертвой посреди степей!

КЪ ГЕНІЮ.

Когда во тьмѣ ночей, мой не смыкаясь взоръ
Безъ цѣли бродитъ вкругъ, прошедшихъ дней укоръ
Когда зоветъ меня, невольно, къ вспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!...
О, сколько вдругъ толпой тѣснится въ грудь мою
И тѣней, и любви свидѣтелей!... «Люблю!»
Твержу забывшись имъ. Но, полный весь тоскою,
Невѣрной дѣвы ликъ мелькаетъ предо мною...

Такъ счастье вѣдалъ я — и сладкій мигъ исчезъ,
Какъ гаснетъ блескъ звѣзды падучей средь небесъ!
Но я тебя молю, мой неизмѣнный геній,
Дай разъ еще любить! дай жаромъ вдохновенія
Согрѣться мигъ одинъ, послѣдній, и тогда
Пускай остынетъ пылъ сердечный навсегда, —
Но прежде тамъ, гдѣ вы, души моей царицы,
Промчится звукъ моей задумчивой цѣвницы.
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Надъ яблоней мой тирсъ и съ лирой золотой
Повѣсь и начерти: здѣсь жили вдохновенья!
Пѣвецъ знавалъ любви живыя упоенья...
. . . И я приду сюда, и не узнаю васъ,
О, струны звонкія! . . . . . .
. . . . . .
Но ты забыла, другъ, когда, порой ночной,
Мы на балконѣ томъ сидѣли. Какъ нѣмой,
Смотрѣлъ я на тебя съ обычною печалью.
Не помнишь ты тотъ мигъ, какъ я подъ длинной шалью
Сокрывши голову, на грудь твою склонялъ —
И былъ отвѣтомъ вздохъ, твою я руку жалъ —
И былъ отвѣтомъ взглядъ и страстный и стыдливый!
И мѣсяцъ былъ одинъ свидѣтель молчаливый
Послѣднихъ и невинныхъ радостей моихъ!
Ихъ пламень на груди моей давно затихъ...
Но, милая, зачѣмъ, какъ годъ прошелъ разлуки,
Какъ я почти забылъ и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня къ себѣ...
Забудь любовь мою! покорна будь судьбѣ!
Кляни мой взоръ, кляни моихъ восторговъ сладость!...
Забудь! пускай другой твою украситъ младость!
Ты-жъ, чистый житель тѣхъ неизмѣримыхъ странъ,
Гдѣ стелется эоиръ, какъ вѣчный океанъ,
И совѣсть чистая съ безпечностью драгою,

Хранители души, останьтесь вѣкъ со мною!
И будетъ мнѣ луны любезенъ томный свѣтъ,
Какъ смутный памятникъ прошедшихъ, милыхъ лѣтъ!

ПИСЬМО.

Но ты не плачь: мы ближе другъ отъ друга,
Мой духъ всегда готовъ къ тебѣ летать...
Настанетъ ночь, пріѣдешь изъ собранья,
И къ ложу тайному придешь одна;
Посмотришь въ зеркало, и жаръ дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И вспыхнетъ огнь на дѣвственныхъ ланитахъ,
Къ груди младой прильнетъ безвѣстный духъ...

РУССКАЯ МЕЛОДІЯ.

1.

Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной,
И образовъ иныхъ существованье;
Я цѣпью ихъ связалъ между собой,
Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ названья;

Вдругъ зимнихъ бурь раздался грозный вой,
И рушилось невѣрное созданье!...

2.

Такъ передъ праздною толпой,
И съ балалайкою народной,
Сидитъ въ тѣни пѣвецъ простой,
И безкорыстный, и свободный!...

3.

Онъ громкій звукъ внезапно раздаетъ,
Въ честь дѣвы милой сердцу и прекрасной —
И звукъ внезапно струны оборветъ,
И слышится начало пѣсни, но напрасно...
Никто конца ея не допоетъ!...

КЪ ***.

—

Не привлекай меня красой!
Мой духъ погасъ и состарѣлся.
Ахъ! много лѣтъ, какъ взглядъ другой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!...
Я для него забылъ весь міръ,
Для сей минуты незабвенной:
Но я теперь какъ нищій сиръ,
Брожу одинъ, какъ отчужденный!

Такъ путникъ въ темнотѣ ночной,
Когда узритъ огонь блудящій,
Бѣжитъ за нимъ... схватилъ рукой...
И — пропасть подъ ногой скользящей!...

КЪ N. N.

—

Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ
И спорить съ женщиной — все то-же,
Что́ черпать воду рѣшетомъ: —
Отъ сихъ троихъ избавь насъ Боже!

КЪ ГР. . НОВУ.

—

Скажу, любезный мой пріятель,
Ты для меня такой смѣшной,
Ты музъ прилежный обожатель —
Имъ даже жертвуешь собой!...
Напрасно, милый другъ, коварныхъ
Къ себѣ не приманишь никакъ:
Вѣдь музы — женщины, итакъ,
Кто-жъ видѣлъ женщинъ благодарныхъ?

ДВА СОКОЛА.

—

Степь, синѣя, разстилалась,
Близъ азовскихъ береговъ;
Западъ гасъ, и ночь спускалась;
Вихрь скользилъ между холмовъ.
И, тряхнувшись, въ полѣ дикомъ
Сѣрый соколъ тихо сѣлъ;
И къ нему съ отвѣтнымъ крикомъ
Братъ стрѣлою прилетѣлъ.
«Братецъ, братецъ, что̀ ты видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй!»
— Ахъ! я свѣтъ возненавидѣлъ
И безжалостныхъ людей.
«Что̀-жъ ты видѣлъ тамъ худова?»
— Кучу каменныхъ сердецъ:
Дѣвѣ — смѣхъ тоска милова,
Для дѣтей — тиранъ отецъ.
Дѣвы му̀кой слезъ правдивыхъ
Веселятся, какъ игрой,
И у ногъ самолюбивыхъ
Гибнутъ юноши толпой!...
Братецъ, братецъ, ты что̀-жъ видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй!
«Свѣтъ и я возненавидѣлъ
И измѣнчивыхъ людей.
Ношею обмановъ скрытыхъ
Юность тамъ удручена,
Вспоминаній ядовитыхъ
Старость мрачная полна.
Гордость, вѣрь ты мнѣ, прекрасной

Забывается порой;
Но измѣна дѣвы страстной —
Ножъ для сердца вѣковой!»

ГРУЗИНСКАЯ ПѢСНЯ.

—

Жила грузинка молодая,
Въ гаремѣ душномъ увядая;
Случилось разъ,
Изъ черныхъ глазъ
Алмазъ любви, печали сынъ,
Скатился.
Ахъ! ею старый армянинъ
Гордился!
Вокругъ нея кристаллъ, рубины,
Но какъ не плакать отъ кручины
У старика?
Его рука
Ласкаетъ дѣву всякій день . . .

МОЙ ДЕМОНЪ.

—

Собранье золъ — его стихія.
Носясь межъ дымныхъ облаковъ,

Онъ любитъ бури роковыя
И пѣну рѣкъ, и шумъ дубровъ.
Межъ листьевъ желтыхъ, облетѣвшихъ,
Стоитъ его недвижный тронъ;
На немъ, средь вѣтровъ онѣмѣвшихъ,
Сидитъ унылъ и мраченъ онъ.
Онъ недовѣрчивость вселяетъ,
Онъ презрѣлъ чистую любовь.
Онъ всѣ моленья отвергаетъ,
Онъ равнодушно видитъ кровь;
И звукъ высокихъ ощущеній
Онъ давитъ голосомъ страстей,
И муза кроткихъ вдохновеній
Страшится неземныхъ очей.

ПРЕСТУПНИКЪ.

—

«Скажи намъ, атаманъ честной,
Какъ жилъ ты въ сторонѣ родной;
Чай прежній жаръ въ тебѣ и нынѣ
Не остываетъ отъ годовъ?
Здѣсь, подъ дубочкомъ, ты въ пустынѣ
Потѣшишь добрыхъ молодцовъ!»

— Отецъ мой, вѣкъ свой доживая,
Былъ на второй женѣ женатъ;
Она — красотка молодая,
Онъ былъ и знатенъ и богатъ...
Перетерпѣвши лѣтъ удары,

Когда захочетъ соколъ старый
Подругу молодую взять —
Такъ онъ не думаетъ, не чуетъ,
Что послѣ будетъ проклинать.
Онъ все голубитъ, все милуетъ;
Къ нему ласкается она,
Его хранитъ въ минуту сна.
Но вдругъ увидѣла другаго,
Не стараго, а молодаго.
Лишь первая проходитъ ночь,
Она, безъ всякаго зазрѣнья,
Клевкомъ лишитъ супруга зрѣнья,
И отъ гнѣзда помчится прочь!...
. . . . . .
Пиры, веселья забывая
И златоструйное вино,
И домъ, гдѣ, чашу наполняя,
Палило кровь мою оно;
Какъ часто я чело покоилъ
Въ колѣняхъ мачихи моей,
И съ нею вмѣстѣ козни строилъ
Противъ отца, среди ночей...
Ея пронзительныхъ лобзаній
Огонь впивалъ я въ грудь свою.
Я помню ночь страстей, желаній,
Мольбы, угрозъ и заклинаній,
Но слезы злобы только лью!...
Богъ-вѣсть: меня она любила,
Иль это былъ притворный жаръ.
И мысль печально утаила,
Чтобы вѣрнѣй свершить ударъ.
Иль мнила, что она любима,
Порочной страстію дыша?
Кто знаетъ. Женская душа

Какъ океанъ неизслѣдима!
И дни летѣли. Часъ насталъ!
Ужъ грѣховодникъ въ дни младые,
Я какъ предъ казнію дрожалъ...
Гремятъ проклятья роковыя.
Я принужденъ, какъ нѣкій тать,
Изъ дому отчаго бѣжать.
О, сколько мукъ! Потеря чести!
Любовь, и стыдъ, и нищета!
Вражда непримиримой мести,
И гнѣвъ отца!... За ворота
Бѣжалъ я, сирый, одинокій,
И обратившись, бросилъ взоръ,
Съ проклятіемъ, на домъ высокій,
На тотъ пустой, унылый дворъ,
На прудъ заглохшій, садъ широкій!...
Въ безумьи мрачномъ и нѣмомъ
Желалъ, чтобъ сжегъ небесный громъ
И столъ, за коимъ я съ друзьями
Пилъ чашу радости и нѣгъ,
И рѣчки безъименной брегъ,
Всегда покрытый табунами,
Гдѣ принялъ онъ ударъ свинца,
И возвышонныя стремнины,
И тѣ коварныя сѣдины,
Неумолимаго отца;
И очи, очи неземныя...
И грудь и плечи молодыя,
И сладость тайную отрадъ,
И устъ неизлечимый ядъ;
И ту зеленую аллею,
Гдѣ я въ лобзаньяхъ утопалъ...

Въ лѣсахъ, изгнанникъ своевольный,
Двумя жидами принятъ я:
Одинъ, властями недовольный,
Купецъ, обманщикъ и судья;
Другой служитель Аарона,
Ревнитель древняго закона,
Алмазы прежде продавалъ,
Какъ я, изгнанникъ, бѣденъ сталъ.
Какъ я, искалъ по міру счастья,
Бродяга пасмурный, скупой
На деньги, на ударъ — лихой
На поцалуи сладострастья.
Но скрытенъ, недовѣрчивъ, глухъ
Для всякихъ просьбъ, какъ адскій духъ!...

Придетъ-ли ночь и мракъ печальный,
Идемъ къ дорогѣ столбовой;
Тамъ изъ страны проѣзжій дальный
Летитъ на тройкѣ почтовой.
Раздастся выстрѣлъ. Съ быстротой
Свинецъ промчался непомѣрной,
Ударъ губительный и вѣрный!...
Съ обезображеннымъ лицомъ
Упалъ ямщикъ! Помчались кони!
И рѣдко лишь ударъ погони
Ихъ не застигнетъ за лѣскомъ.
Разъ — подозрительна, блѣдна
Катилась на небѣ луна.
Вблизи дороги, передъ нами
Лежалъ застрѣленный пришлецъ.
О, какъ ужасенъ былъ мертвецъ,
Съ окровавленными глазами!
Смотрю... лицо знакомо мнѣ...
Кого-жъ при трепетной лунѣ

Я узнаю... великій Боже!
Я узнаю его... кого-же?
Кто сей погубленный пришлецъ?
Кому-же роется могила?
На чьихъ сѣдинахъ кровь застыла?
О!... други!...
Это мой отецъ!...
Я ослабѣлъ, упалъ на землю;
Когда-жъ, потомъ, очнулся, внемлю:
Стучатъ... жидовскій разговоръ.
Гляжу, сырой еще бугоръ...
Надъ нимъ лежитъ топоръ съ лопатой,
И конь привязанъ подъ дубкомъ,
И два жида считаютъ злато
Передъ разложеннымъ костромъ!...
. . . . . .
. . . . . .

Промчались дни, на дно рѣчное
Одинъ товарищъ мой нырнулъ.
Съ тѣхъ поръ какъ этотъ утонулъ.
Пошло житье-бытье плохое:
Пріему не было въ корчмахъ
Жить было негдѣ, отовсюду
Гоняли наглаго Іуду.
Въ далекихъ дебряхъ и лѣсахъ
Мы укрывался. Безъ страха,
Не могъ я спать, мечтались мнѣ:
Остроги, пытки въ черномъ снѣ,
То петля гладкая, то плаха!...

Исчезли средства прокормленья.
Одно осталось: зажигать
Дома господскіе, селенья

И въ суматохѣ пировать.
Среди снѣдающихъ пожаровъ
И домъ родимый запылалъ;
Я весь горѣлъ и трепеталъ,
Какъ въ шумѣ громовыхъ ударовъ!
Вдругъ вижу: раздраженный жидъ
Младую женщину тащитъ.
Ея ланиты обгорѣли
И шолкъ каштановыхъ волосъ;
И очи полны, полны слезъ
На похитителя смотрѣли.
Я не слыхалъ его угрозъ,
Я не слыхалъ ея моленій;
И ужъ въ груди ея торчалъ —
Кинжалъ, друзья мои, кинжалъ!...
Увы! дрожатъ ея колѣни,
Она блѣднѣе стала тѣни,
И перси кровью облились,
И недосказанныя пѣни
Съ устъ посинѣлыхъ пронеслись.
Пришло Іудѣ наказанье:
Онъ въ ту-же самую весну,
Повѣшенъ мною на сосну,
На пищу вранамъ. Состраданья
Послѣдній годъ меня лишилъ.
Когда-жъ я снова посѣтилъ
Родныя, мрачныя стремнины,
Лѣса и рѣчки и долины,
Столь крѣпко вѣдомыя мнѣ:
То я увидѣлъ на соснѣ
Виситъ скелетъ полуистлѣвшій,
Изъ глазъ посыпался песокъ,
И коршунъ, тутъ-же отлетѣвшій,
Тащилъ руки его кусокъ...

Бѣгутъ года, умчалась младость,
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчитъ въ груди моей
Порывъ болѣзненныхъ страстей.
Одни холодные остатки:
Несчастной жизни отпечатки,
Любовь къ свободѣ золотой,
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный.
Старикъ преступный, безразсудный,
Я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой.
Но жаръ подавленный очнется,
Когда за волюшку мою,
Въ кругу удалыхъ, приведется,
Что чашу полную налью.
Поминки юности забвенной
Прославлю я, и шумъ крамолъ,
И ножъ мой, ножъ окровавленный
Воткну, смѣясь, въ дубовый столъ!...

ЦЫГАНЕ.

ОПЕРА.

—

ДѢЙСТВІЕ I. ЯВЛЕНІЕ I.

(Театръ представляетъ пріятное мѣстоположеніе. Цыгане сидятъ въ шатрахъ; иные ходятъ и, собравшись въ группы, поютъ).

ЦЫГАНСКАЯ ПѢСНЯ.

ЦЫГАНЪ (*поетъ*).

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ,

Мы счастливѣе царей
И вельможъ могучихъ.
Гей цыгане, гей цыганки!...
(и проч.)

ЦЫГАНКА (изъ «Московскаго Вѣстника» пѣсню).*

. . . . . .
. . . . . .

(*Пляшутъ и поютъ*).

(*Все умолкаетъ*).

СТАРЫЙ ЦЫГАНЪ (*предъ очагомъ*).

Что за жизнь!... Одному да одному... Земфира ушла гулять въ пустынномъ полѣ: она привыкла бродить по дальнимъ лѣсамъ и таборамъ. Но вотъ ужъ и ночь, — а все ея нѣтъ... вотъ и луна спускается къ небосклону. Какъ прекрасно... (*смотритъ на мѣсяцъ и подходя къ очагу*). Мой ужинъ скоро простынетъ, — а дочь не приходитъ; видно придется одному провести ночь. Но вотъ она!

ЯВЛЕНІЕ II.

(*Земфира и за нею юноша*).

СТАРИКЪ.

Гдѣ ты была такъ долго, дочь моя? я думалъ, что и ты меня покинешь, какъ сдѣлала коварная мать твоя...

* Пѣсня, однакожъ, не выписана. Слѣдующіе пропуски всѣ — въ самой тетради.

Бѣгутъ года, умчала младость,
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчитъ въ груди моей
Порывъ болѣзненныхъ страстей.
Одни холодные остатки:
Любовь къ свободѣ золотой,
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный.
Старикъ преступный, безразсудный,
Я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой.
Но жаръ подавленный очнется,
Когда за волюшку мою,
Въ кругу удалыхъ, приведется,
Что чашу полную налью.
Поминки юности забвенной
Прославлю я, и шумъ крамолъ, —
И ножъ мой, ножъ окровавленный
Воткну, смѣясь, въ дубовый столъ!...

ЦЫГАНЕ.

ОПЕРА.

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

(Театръ представляетъ пріятное мѣстоположеніе. Цыгане сидятъ въ шатрахъ; иные ходятъ и, собравшись въ группы, поютъ).

ЦЫГАНСКАЯ ПѢСНЯ.

ЦЫГАНЪ (*поетъ*).

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ,

Мы счастливѣе царей
И вельможъ могучихъ.
Гей цыгане, гей цыганки!...
(и проч.)

ЦЫГАНКА (изъ «Московскаго Вѣстника» пѣсню). *

. . . . . .
. . . . . .

(*Пляшутъ и поютъ*).

(*Все умолкаетъ*).

СТАРЫЙ ЦЫГАНЪ (*предъ очагомъ*).

Что за жизнь!... Одному да одному... Земфира ушла гулять въ пустынномъ полѣ: она привыкла бродить по дальнимъ лѣсамъ и таборамъ. Но вотъ ужъ и ночь, — а все ея нѣтъ... вотъ и луна спускается къ небосклону. Какъ прекрасно... (*Смотритъ на мѣсяцъ и подходя къ очагу*). Мой ужинъ скоро простынетъ, — а дочь не приходитъ; видно придется одному провесть ночь. Но вотъ она!

ЯВЛЕНІЕ II.

(*Земфира и за нею юноша*).

СТАРИКЪ.

Гдѣ ты была такъ долго, дочь моя? я думалъ, что ты меня покинешь, какъ сдѣлала коварная мать твоя...

* Пѣсня, однакожъ, не выписана. Слѣдующіе пропуски всѣ — въ самой тетради.

ЗЕМФИРА.

Прости, отецъ мой, но, видишь ты,
Веду я гостя; за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла
И въ таборъ на ночь зазвала;
Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ.
Его преслѣдуетъ законъ,
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ идти за мною всюду.

СТАРИКЪ.

Я радъ; останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь... *

МОНОЛОГЪ.

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!...
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...

* Неокончено.

Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Однообразное ея теченье...
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой.
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ.

МОЛИТВА.

—

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю;
За то, что рѣдко въ душу входитъ
Живыхъ рѣчей Твоихъ струя;
За то, что въ заблужденьи бродитъ
Мой умъ далеко отъ Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочетъ на груди моей;
За то, что дикія волненья
Мрачатъ стекло моихъ очей;
За то, что міръ земной мнѣ тѣсенъ, —
Къ Тебѣ-жъ проникнуть я боюсь, —
И часто звукомъ грѣшнымъ пѣсенъ
Я, Боже, не Тебѣ молюсь.

Но угаси сей чудный пламень —
Всесожигающій костеръ,
Преобрази мнѣ сердце въ камень,
Останови голодный взоръ,
Отъ страшной жажды пѣснопѣнья
Пускай, Творецъ, освобожусь:
Тогда на тѣсный путь спасенья
Къ Тебѣ я снова обращусь.

ПЕРВЫЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.

—

1-е посвященіе.

Я буду пѣть, пока поется,
Пока волненья не забылъ,
Пока высокимъ сердце бьется,
Пока я жизнь не пережилъ.
Въ душѣ горятъ, хотя безвѣстной,
Лучи небеснаго огня;
Но нѣжныхъ и веселыхъ пѣсней,
Мой другъ, не требуй отъ меня...
Я умеръ. Свѣтлыхъ вдохновеній
Забыта мною сторона
Давно. Какъ скученъ день осенній,
Такъ жизнь моя была скучна,
Такъ впечатлѣній непріятныхъ
Душа всегда была полна —
Понынѣ о годахъ развратныхъ
Не престаетъ скорбѣть она.

2-е посвященіе.

Я буду пѣть, пока поется,
Пока, друзья, въ груди моей
Еще высокимъ сердце бьется
И жалость не погибла въ ней.
Но той веселости прекрасной
Не требуй отъ меня напрасно,
И юныхъ, гордыхъ дней, поэтъ,
Ты не вернешь: ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ...
Какъ солнце осени суровой,
Такъ пасмурна и жизнь моя.
Среди людей скучаю я:
Мнѣ впечатлѣніе не ново...
И вотъ печальныя мечты,
Плоды душевной пустоты!...

—

Печальный демонъ, духъ изгнанья
Блуждалъ подъ сводомъ голубымъ,
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснились передъ нимъ,
Тѣхъ дней, когда онъ не былъ злымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ него,
Когда сердечная тревога
Чуждалася души его,*
Какъ дня боится мракъ могилы.
И много, много... и всего

* Вар. Когда забота и тревога
Чуждалися ума его.

Представить не имѣлъ онъ силы...

«Демонъ узнаетъ, что ангелъ любитъ одну смертную. Демонъ узнаетъ и обольщаетъ ее, такъ что она покидаетъ ангела, но скоро умираетъ и дѣлается духомъ ада. Демонъ обольстиль ее, разсказывая, что... несправедл. и проч. Мою ист.»*

Любовь забылъ онъ навсегда.
Коварство, ненависть, вражда
Надъ нимъ владычествуютъ нынѣ...
Въ немъ пусто, пусто... какъ въ пустынѣ.
Смертельный слѣдъ напечатлёнъ
На томъ, къ чему онъ прикоснется,
И говорятъ, что даже онъ
Своимъ злодѣйствамъ не смѣется,
Что груды гибнущихъ людей
Не веселятъ его очей...
Зачѣмъ-же демонъ отверженья
Роняетъ, посреди мученья,
Свинцовы слезы иногда,
И имъ забыты на мгновенье
Коварство, зависть и вражда?...

«Демонъ влюбляется въ смертную, и она его наконецъ любитъ, но Демонъ видитъ ея ангела-хранителя и отъ зависти и ненависти рѣшается погубить ее. Она умираетъ. Душа ея улетаетъ въ адъ, и Демонъ, встрѣчая ангела, который плачетъ съ высотъ неба, упрекаетъ его язвительной улыбкой.»**

---

* Слова Лермонтова.
** Тоже.

Угрюмо жизнь его текла,
Какъ жизнь развалинъ. Безконечность
Его тревожить не могла,
Онъ хладнокровно видѣлъ вѣчность,*
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды,
Ему желанья были чужды;
Онъ жогъ печатью роковой
Того, къ кому онъ прикасался;
Но часто демонъ молодой
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Боясь лучей, бѣжалъ онъ тьму;
Душой измученною боленъ,
Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ,
Все горько сдѣлалось ему,
И все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣря ни чему
И ничего не признавая.
Таковъ осеннею порой,
Среди долины опустѣлой,
Одинъ чернѣетъ пѣнь горѣлый.
Сраженъ стрѣлою громовой,
Онъ прямо высится главой,
И презираетъ бурь порывы,
Пустыни сторожъ молчаливый...
Въ полночь, между высокихъ скалъ,
Однажды надъ волнами моря,
Одинъ, безъ радости, безъ горя,**

---

* Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ міра. Безконечность —
Жилище для него была;
Онъ равнодушно видѣлъ вѣчность.

** Однажды вечеромъ межъ скалъ
И надъ сѣдой равниной моря,
Безъ думъ, безъ радости, безъ горя.

Представить не имѣлъ онъ силы... *
. . . . . .
Любовь забылъ онъ навсегда.
Коварство, ненависть, вражда
Надъ нимъ владычествуютъ нынѣ...
Въ немъ пусто, пусто... какъ въ пустынѣ.
Смертельный слѣдъ напечатлѣнъ
На томъ, къ чему онъ прикоснется,
И говорятъ, что даже онъ
Своимъ злодѣйствамъ не смѣется,
Что груды гибнущихъ людей
Не веселятъ его очей...
Зачѣмъ-же демонъ отверженья
Роняетъ, посреди мученья,
Свинцовы слезы иногда,
И имъ забыты на мгновенье
Коварство, зависть и вражда?...

«Демонъ влюбляется въ смертную, и она его наконецъ любитъ, но Демонъ видитъ ангела-хранителя и отъ зависти и ненависти погубитъ ее. Она умираетъ. Душа улетаетъ въ адъ, и Демонъ, встрѣчая ангела, который плачетъ съ высотъ неба, упрекаетъ его язвительной улыбкой». **

Угрюмо жизнь его текла,
Какъ жизнь развалинъ. Безконечность
Его тревожить не могла.

---

* Далѣе у Лермонтова слѣдуетъ изложеніе сюжета прозой. Потомъ продолжаются стихи.

** Слова Лермонтова.

Онъ хладнокровно видѣлъ вѣчность, *
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей безъ всякой нужды,
Ему желанья были чужды,
Онъ жегъ печатью роковой
Того, къ кому онъ прикасался;
Но часто демонъ молодой **
Своимъ злодѣйствамъ не смѣялся.
Боясь лучей, бѣжалъ онъ въ тьму,
Душой измученною боленъ,
Ничѣмъ не могъ онъ быть доволенъ.
Все горько сдѣлалось ему,
И все на свѣтѣ презирая,
Онъ жилъ, не вѣря ни чему
И ничего не признавая.
Таковъ осеннею порой,
Среди долины опустѣлой,
Одинъ чернѣетъ пѣнь горѣлый.
Сраженъ стрѣлою громовой,
Онъ прямо высится главой,
И презираетъ бурь порывы,
Пустыни сторожъ молчаливый..
Въ полночь, между высокихъ скалъ,
Однажды надъ волнами моря,
Одинъ безъ радости, безъ горя, ***

---

* Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ міра. Безконечность —
Жилище для него была;
Онъ равнодушно видѣлъ вѣчность.

** Все то, къ чему ни прикасался,
И часто Демонъ молодой.

*** Однажды вечеромъ межъ скалъ
И надъ сѣдой равниной моря,
Безъ думъ, безъ радости, безъ горя.

Бѣглецъ эдема пролеталъ,
И грѣшнымъ взоромъ созерцалъ
Земли пустынныя равнины,
И зритъ, чернѣетъ подъ горой
Стѣна обители святой
И башенъ странныя вершины.
Межъ низкихъ келій тишина;
Садится поздняя луна. *
И въ усыпленную обитель
Вступаетъ мрачный искуситель.
Вотъ тихій и прекрасный звукъ,
Подобный звуку лютни, внемлетъ...
И чей-то голосъ... Жадный слухъ
Онъ напрягаетъ. Хладъ объемлетъ
Чело... Онъ хочетъ прочь тотчасъ...
. . . . . .
Его крыло не шевелится,
И странно! изъ потухшихъ глазъ **
Слеза свинцовая катится...
Какъ много значилъ этотъ звукъ!
Мечты забытыхъ упоеній,
Вѣка страданія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій —
Все оживилось въ немъ, — и вновь
Погибшій вѣдаетъ любовь.

ОНА.

О чемъ ты близь меня вздыхаешь?
Чего ты хочешь получить?

---

* Межъ бѣдныхъ келій тишина;
Встаетъ багровая луна.

** И чудо! изъ померкшихъ глазъ.

Я поклялась давно, ты знаешь,
Земныя страсти позабыть.
Кто ты?... Мольба моя напрасна...
Чего-жъ ты хочешь.

Д.

Ты прекрасна.

ОНА.

Кто ты?

Д.

Я демонъ. Не страшись,
Святыни здѣшней не нарушу!
И о спасеньи не молись:
Не искусить пришелъ я душу.
Сгорая жаждою любви,
Несу къ ногамъ твоимъ моленья,
Земныя первыя мученья
И слезы первыя мои.

ОЛЕГЪ.

—

Ахъ! было время, время боевъ,
На нашей милой сторонѣ!
Гдѣ-жъ тѣ года? Прошли они
Съ мгновенной славою героевъ.
Но тѣни славныхъ я видалъ,

И громкій голосъ ихъ слыхалъ,
Въ часы суровой непогоды,
Когда, бушуя, плещутъ воды,
И вихрь, клубя сѣдую пыль,
Волнуетъ по полямъ ковыль...
И я рѣшился начертать
Временъ былыхъ простую повѣсть.

Жилъ-былъ когда-то князь Олегъ,
Владѣтель русскаго народа,
Варягъ, боецъ (тогда свобода
Не начинала свой побѣгъ).
Его рушительный набѣгъ
Почти отъ Пскова до Онѣги
Поля и села покорилъ...
Онъ всѣмъ сосѣдямъ страшенъ былъ:
Предъ нимъ дрожали печенѣги;
Съ нимъ отъ каспійскихъ береговъ
Казары дружества искали.
Его дружины побѣждали
Свирѣпыхъ жителей дубровъ.
И онъ искалъ на грековъ мести,
Презрѣньемъ гордыхъ раздраженъ...
Царь Византіи былъ смущенъ
Молвой ужасной этой вѣсти...
Но что замедлилъ князь Олегъ
Свой разрушительный набѣгъ?... *

---

* Неокончено.

1830

ВТОРОЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.

Cain. Who art thou?
Lucif. Master of spirits.
Cain. And being so canst thou
Leave them and walk with dust?
Lucif. I know the thoughts
Of dust, and feel for it, and with you.

Cain. Are ye happy?
Luc. We are mighty.
Cain. Are ye happy?
Luc. No; art thou?...

—

3. *

Какъ много значитъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій:
Все оживилось въ немъ опять;
Но что-жъ, ему не воскресать
Для нѣжныхъ чувствъ... Такъ, если мчится

* Первая строфа отъ стиха:

Печальный Демонъ, духъ изгнанья

до стиха:

Представить не имѣлъ онъ силы

вся вошла въ новый очеркъ. Потомъ, все написанное прозой,— также стихи

Любовь забылъ онъ навсегда...

По небу лѣтнему порой
Отрывокъ тучи громовой,
И лучъ случайно отразится
На сумрачныхъ краяхъ, она
Тотъ блескъ мгновенный презираетъ,
И дальше, дальше улетаетъ,
Холодной гордостью полна. *
Проникнулъ въ келью духъ смущенный.
Людскаго счастья тайный воръ,
Минуя образъ позлащенный,
Какъ будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ.
Онъ зритъ божественныя книги,
Лампаду, чотки и вериги...
Но гдѣ-же звуки? гдѣ-же та,
Къ которой сильная мечта
Его влечетъ?... Она сидѣла
Съ испанской лютнею въ рукахъ, **
И пѣсню горъ, играя, пѣла;
И все, и все въ ея чертахъ

до стиха:

Коварство, зависть и вражда

выброшены. Потомъ первая строфа продолжается приведенными выше стихами, съ нѣкоторыми поправками.

Во второй строфѣ, послѣ стиха:

Слеза свинцовая катится.

приписано:

Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прозженный видѣнъ камень
Слезою, жаркою, какъ пламень,
Нечеловѣческой слезой.

Съ *третьей* строфы почти все вновь написано, и потому передаемъ вполнѣ послѣдующій разсказъ.

* Хладна, какъ прежде, и темна.

** На ложѣ съ лютнею въ рукахъ.

Земной безпечностью дышало;
И кольцы мягкія кудрей
Сбѣгали, будто покрывало,
На вѣки блѣдныя очей.
Исполнена какой-то думой
Младая волновалась грудь.
Вотъ поднялась. На сводъ угрюмый
Она задумала взглянуть.
Какъ звѣзды омраченной дали
Глаза монахини сіяли...
Ея лилейная рука,
Бѣла, какъ утромъ облака,
На черномъ платьѣ отдѣлялась;
И отвѣчали струны ей,
Что́ дальше, то нѣжнѣй, нѣжнѣй.
Тоской раскаянья, казалось,
Была та пѣсня сложена.
Межъ-тѣмъ, какъ путникъ любопытный,
Въ окно, участіемъ полна,
На дѣву, жертву грусти скрытной,
Смотрѣла ясная луна.
Окованъ сладкою игрою,
Стоялъ злой духъ: ему любить
Недолжно сердце допустить.
Онъ связанъ клятвой роковою.
(И эту клятву молвилъ онъ,
Когда блистающій Сіонъ
Оставилъ съ гордымъ сатаною).
. . . . . .
. . . . . *
Онъ искусить хотѣлъ — не могъ,
Не находилъ въ себѣ искусства;

* Точки въ подлинникѣ.

Забыть? — забвенья не далъ Богъ;
Любить? — недоставало чувства.
Что̀ дѣлать? Новыя мечты
И чуждыя понынѣ муки!
Такъ, Демонъ, слыша эти звуки,
Земную страсть отвѣдалъ ты.
Ты плакалъ горькими слезами,
Глядя на милый свой предметъ,
О томъ, что цѣпь лежитъ межъ вами,
Что пламя въ мертвомъ сердцѣ нѣтъ;
Когда ты зналъ, что не принудитъ
Его минута полюбить,
Что даже скоро, можетъ-быть,
Она твоею жертвой будетъ. *
И удалиться онъ спѣшитъ
Отъ этой кельи, гдѣ впервые
Нарушилъ клятвы роковыя
И князя бездны раздражилъ.
Но прелесть звуковъ и видѣнья
Остались на душѣ его,
И въ памяти сего мгновенья
Ужъ не изгладитъ ничего.

---

* Эти стихи написаны вмѣсто слѣдующихъ, зачеркнутыхъ:

Онъ былъ-бы для любви готовъ
Оставить полкъ своихъ духовъ,
И безъ могущества, безъ силы,
Скитаться посреди міровъ,
Какъ трупъ вампира, изъ могилы
Исторгшись, бродитъ межъ людей,
Страшилищемъ нѣмыхъ ночей...
Легокъ, какъ падающій снѣгъ
По вѣтру, средь зимы холодной,
Мой Демонъ, волею свободный,
Летучій направляетъ бѣгъ —
Прочь, прочь отъ міра, гдѣ впервые...

4.

Спустя сто лѣтъ, пергаментъ пыльный
Между развалинъ отыскалъ
Какой-то странникъ; онъ узналъ,
Что это памятникъ могильный,
И съ любопытствомъ прочиталъ
Онъ монастырскія преданья
О жизни дѣвы молодой,
И имъ повѣрилъ, и порой
Жалѣлъ о ней въ часы мечтанья.
Онъ перевелъ на свой языкъ
Разсказъ таинственный. Но свѣту
Не передамъ я повѣсть эту:
Цѣнить онъ чувства не привыкъ. *

---

* О семьѣ Гудала, о свадьбѣ его дочери, объ убійствѣ жениха, какъ читатель видитъ, и намека нѣтъ. Четвертая строфа, здѣсь приведенная, написана уже послѣ первоначальной, зачеркнутой, которая была слѣдующая:

Но кто-жъ *она?* Зачѣмъ сокрыта
Въ пустынѣ межъ высокихъ стѣнъ?
Иль это добровольный плѣнъ,
И ею радость позабыта?
Иль краска черная одеждъ
Съ ея душой была согласна?
Ея исторія ужасна,
Какъ вспоминанье безъ надеждъ.
Она отца и мать не знала,
И люльку дѣтскую ея
Старушка чуждая качала...
Но это-ль бѣдное житье,
Любовь-ли сердце испугала,
Опасность-ли — о томъ узнать
Никто не думалъ испытать.

5.

Печальный Демонъ удалился
Отъ силы адской съ этихъ поръ,
Онъ на хребетъ далекихъ горъ
Въ ледяный гротъ переселился,
Гдѣ подъ снѣгами хрустали
Корой огнистою легли,
Природы дивныя творенья.
Ея причудливой игры
Онъ наблюдаетъ измѣненья.
Составя свѣтлые шары,
Онъ ихъ по вѣтру посылаетъ,
Велитъ имъ путнику блеснуть,
И надъ болотомъ освѣщаетъ
Заглохшій, неѣзжалый путь.
Когда метель гудетъ и свищетъ
Онъ охраняетъ прошлеца,
Сдуваетъ снѣгъ съ его лица
И для него защиту ищетъ...
И часто, поднимая прахъ,
Въ борьбѣ съ летучимъ ураганомъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Онъ дико мчится въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть.
Но все не то его тревожитъ,
Что́ прежде; тотъ желѣзный сонъ
Прошелъ... Любить онъ можетъ... можетъ...
И въ самомъ дѣлѣ любитъ онъ.
И хочетъ въ путь опять пускаться,

Чтобъ съ милой дѣвой повидаться,
Чтобъ разъ ей въ очи поглядѣть
И невозвратно улетѣть...

6.

Едва блестящее свѣтило
На небо юное взошло,
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Какъ Демонъ видѣлъ предъ собой
Стѣну обители святой, ...
И башни бѣлыя, и келью,
И подъ рѣшотчатымъ окномъ
Цвѣтущій садикъ. И кругомъ
Обходитъ Демонъ, но веселью
Онъ недоступенъ; тайный страхъ
Въ ледяныхъ свѣтится глазахъ...
Вотъ дверь простая передъ ними.
Томяся муками живыми,
Онъ долго медлилъ, онъ не могъ
Переступить черезъ порогъ,
Какъ будто-бы онъ тамъ погубитъ,
Что на минугу отдалъ рокъ...
. . . . . .
Теперь лишь видно, что онъ любитъ!
Все тихо. Вдругъ услышалъ онъ
Давно знакомый лютни звонъ;
Слова пѣвицы вдохновенной
Лились какъ свѣтлыя струи;
Но не понравились они
Тому, кто съ думой дерзновенной
Искалъ надежды и любви.

ПѢСНЬ.

Какъ парусъ надъ бездной морской,
Какъ подъ вечеръ златая звѣзда,
Явился мнѣ ангелъ святой;
Не забуду его никогда.

Къ другой онъ летѣлъ, иль ко мнѣ:
Я напрасно старалась узнать.
Быть-можетъ, то было во снѣ...
Ахъ! всю жизнь такъ нельзя-ли мнѣ спать.

Тебя лишь любила, Творецъ,
Я понынѣ съ младенческихъ дней;
Но видитъ душа наконецъ,
Что другое готовилось ей.

Виновна я быть не должна:
Я горю не любовью земной;
Чиста, какъ мой ангелъ, она,
Мысль о немъ неразлучна съ тобой!

Онъ отблескъ сіяній твоихъ,
Ты украсилъ чело его самъ;
Явился онъ мнѣ лишь на мигъ, —
Но за вѣчность тотъ мигъ не отдамъ.

Онъ въ сладкомъ снѣ
Явился мнѣ;
Онъ будетъ для меня всегда
Звѣзда
Надеждъ въ иной странѣ.
Моей виной,

Создатель мой,
Любовь къ нему не можетъ быть:
Любить
Приказано тобой!

Умолкла. Вѣтеръ моря хладный
Послѣдній звукъ унесъ съ собой.
Непобѣдимою судьбой
Гонимый, Демонъ безотрадный
Проникнулъ въ келью. Что-же онъ
Не привлечетъ ея вниманья?
Зачѣмъ не пьетъ ея дыханья?
Не вздохъ любви — могильный стонъ
Какъ эхо изъ груди разбитой
Протяжно вышелъ наконецъ,
И сердце яростью облито,
Отяжелѣло, какъ свинецъ.
Его рука остановилась
На воздухѣ. Сведенный перстъ
Оледенѣлъ, хоть взоръ отверстъ:
Въ немъ ничего не отразилось,
Кромѣ презрѣнья — но къ чему?
Что̀ показалося ему?

8.

Посланникъ рая, ангелъ нѣжный,
Въ одеждѣ дымной, бѣлоснѣжной,
Стоялъ съ блистающимъ челомъ
Вблизи монахини прекрасной,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ.
Они счастливы, святы оба!
И мщенье, ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.

Онъ вышелъ твердою стопой.
Онъ вышелъ. Сколько чувствъ различныхъ,
Съ давнишнихъ лѣтъ ему привычныхъ,
Въ душѣ тѣснится! Сколько думъ
Мѣняетъ безпокойный умъ!
Красавицѣ погибнуть надо.
Ее не пощадитъ онъ вновь.
Погибнетъ — прежняя любовь
Не будетъ для нея оградой!...

9.

Какъ жалко! онъ уже хотѣлъ
На путь спасенья возвратиться,
Забыть толпу недобрыхъ дѣлъ,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, можетъ-быть,
Внушилъ-бы Демонъ сожалѣнье,
И благодатное прощенье
Ему-бъ случилось получить.
Но поздно! сынъ безгрѣшный рая
Вдругъ разбудилъ мятежный умъ.
Кипитъ онъ, ревностью пылая,
Явилась снова воля злая
И ядъ преступныхъ черныхъ думъ. *

---

* Въ нѣкоторыхъ спискахъ послѣ этого помѣщены еще слѣдующіе стихи:

Но впрочемъ онъ перемѣниться
Не могъ-бы: это былъ лишь сонъ,
И, рано-ль, поздно-ль, пробудиться
На вѣки долженъ былъ-бы онъ.

Онъ образъ смерти принимаетъ,
Вѣнецъ чело его ласкаетъ
И очи черныя горятъ...
Но что-жъ? Очей тѣхъ пламень — ядъ.
Онъ ждетъ, у стѣнъ святыхъ блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня младая:
Когда, нескромная луна
Взойдетъ, пустыню озаряя,
Онъ ожидаетъ часъ глухой,
Текущій подъ ночною мглой,
Часъ тайныхъ встрѣчъ и наслажденій
И незамѣтныхъ преступленій.
Онъ къ ней прокрадется туда
Подъ сѣнь обители уснувшей,
И тамъ погубитъ навсегда
Предметъ любви своей минувшей!

Успѣло зло укорениться
Въ душѣ его съ давнишнихъ дней:
Добро не ужилось-бы въ ней;
Его присвоить, имъ гордиться
Не могъ-бы Демонъ никогда;
Оно въ немъ было-бы чужое
И сталъ-бы онъ несчастнѣй вдвое.
Взгляните на волну, когда
Въ ней отражается звѣзда:
Какъ разсыпаются чудесно
Вокругъ сребристыя струи!
Но что-же? Блескъ тотъ — блескъ небесный,
Не завладѣютъ имъ они.
Ихъ — лучъ звѣзды той не согрѣетъ,
Онъ гаснетъ — и волна темнѣетъ!...
Злой духъ недолго размышлялъ:
Онъ не впервые отомщалъ!
Онъ образъ смертный принимаетъ...

10.

Лампада въ кельѣ чуть горитъ.
Лукавый съ дѣвою сидитъ,
И чудный страхъ ее объемлетъ,
Она, какъ смерть блѣднѣя, внемлетъ...

ОНА.

Страстей волненье позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь.
Къ чему-жъ теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

ДУХЪ.

Ты прекрасна.

ОНА.

Кто ты?

ДУХЪ.

Я демонъ. Не страшись,
Святыни здѣшней не нарушу!
И о спасеньи не молись —
Не искусить пришелъ я душу.
Къ твоимъ ногамъ, томясь въ любви,
Несу покорныя моленья,
Земныя первыя мученья

И слезы первыя мои.
Не разставлялъ я людямъ сѣти
Съ толпою грозныхъ злыхъ духовъ;
Брожу одинъ среди міровъ
Несмѣтное число столѣтій.
Не выжимай изъ груди стонъ,
Не отгоняй меня укоромъ:
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не зная радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перелетный метеоръ,
Оставленъ всѣми, безпріютный.
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
У бога вашего прощенья.
Я полюбилъ мои мученья
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лѣнь
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь. *
. . . . . .
Такъ говорилъ онъ и рукою
(Онъ) трепетную руку жалъ
И поцалуями порою

---

* Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ послѣ этого помѣщено продолженіе разговора начиная со стиха: «Зачѣмъ мнѣ знать твои печали» (см. т. 2 стр 35). — Послѣдній отвѣтъ Демона читается:

Такъ что-жъ? ты будешь тамъ со мной!
Мы станемъ жить любя, страдая,
И адъ намъ будетъ стоить рая;
Мнѣ рай вездѣ, гдѣ я съ тобой!

Плечо дѣвицы покрывалъ;
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый снѣгъ отъ взоровъ дня.
. . . . . .*

11.

Въ часы суровой непогоды,
Въ осенній день, когда межъ скалъ,
Пѣнясь, крутясь, шумѣли воды,
Восточный вѣтеръ бушевалъ,
И темно-сѣрыми рядами
Неслися тучи небесами:
Зловѣщій колокола звонъ,
Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами.
Куда зоветъ отшельницъ онъ?
Не на молитву поспѣшали
Въ обширный и высокій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,
Въ гробу мертвецъ лежалъ безгласный,
И рядъ монахинь окружалъ
Тотъ гробъ съ недвижностью безстрастной.
Зачѣмъ не слышенъ плачъ родныхъ
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ мертвыя черты.

* Точки въ подлинникѣ.

Уста закрытыя безцвѣтны.
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Сіи глаза не поселятъ,
Хотя еще весьма недавно
Владѣли бурною душой,
Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Незнавшей власти надъ собой.
За часъ до горестной кончины,
Когда сырая ночи мгла
На усыпленныя долины
Сребристой дымкою легла,
Духовника на мигъ единый
Младая дѣва призвала:
Чтобъ жизни грѣшныя дѣянья
Открыть съ слезами покаянья.
Пришелъ исповѣдникъ. Но вдругъ
Его безумный хохотъ встрѣтилъ.
Онъ на лицѣ ея замѣтилъ
Бореніе послѣднихъ мукъ.
На предстоящихъ не взирая,
Шептала дѣва молодая:
«О, Демонъ!... о коварный другъ!
Своими сладкими рѣчами...
Ты... бѣдную... заворожилъ...
Ты былъ любимъ и не любилъ,
Ты-бъ могъ спастись, а погубилъ...
Проклятье сверху, мракъ подъ нами!»
Но кто безжалостный злодѣй,
Тогда не понялъ старецъ честный,
И жизнь монахини моей
Осталась людямъ неизвѣстной.
Но говорятъ, какъ принесли
Къ могилѣ трупъ ея печальный,

И хоръ раздался погребальный,
И горсть прощальная земли
О крышку гроба застучала,
Надъ нимъ, всѣ видѣть то могли,
Тѣнь безпокойная летала.

12.

Съ-тѣхъ-поръ промчалось много лѣтъ;
Пустѣла древняя обитель,
И время, общій разрушитель,
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ... И храмъ священный
Сталъ жертва бури и дождей.
Изъ двери въ дверь во мглѣ ночей
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри на ликахъ расписныхъ
И средь разсѣлинъ стѣнъ сѣдыхъ *
Большой паукъ, пустынникъ новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Сбѣгаючи со скалъ крутыхъ,
Случалось, лань, дитя свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искала въ кельѣ — и покой.
Забытой утвари паденье,
Среди развалины глухой,
Вдругъ приводило въ удивленье
Ее; — но нынѣче ни чему
Нельзя встревожить тишину: **

* И на окладахъ золотыхъ.

** По другимъ рукописямъ, вмѣсто послѣднихъ девяти стиховъ, читается:

Не разъ, сбѣжавъ со скалъ крутыхъ,
Сайгакъ иль серна, дочь свободы,

Что̀ можетъ падать — то упало,
Что̀ мретъ — то умерло давно;
Что̀ живо — то безсмертно стало;
Но время вживѣ удержало
Воспоминаніе одно...
И море пѣнится и злится,
И сильно плещетъ и шумитъ,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранитъ;
Онъ вдался въ море одиноко;
На немъ чернѣетъ крестъ высокій.
Всегда скалой отражена,
Покрыта пѣной бѣлоснѣжной,
Тѣснится у волны волна,
И слышенъ ропотъ ихъ мятежный;
И удаляются толпой,
Другимъ предоставляя бой.

13.

Надъ тѣмъ крестомъ, надъ той скалою,
Однажды, утренней порою,
Съ глубокой думою стоялъ
Дитя эдема, ангелъ мирный,
И слезы молча утиралъ
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкія, какъ ленъ,

Пріютъ отъ зимней непогоды
Искали въ кельяхъ, — и порой
Забытой утвари паденье,
Среди развалины глухой,
Ихъ приводило въ удивленье;
Но въ наше время ни чему
Нельзя нарушить тишину.

Съ главы вѣнчанной упадали,
И крылья легкія, какъ сонъ,
За бѣлыми плечми сіяли.
. . . . . .
И былъ небесный сводъ надъ нимъ,
Украшенъ радугой цвѣтистой,
И волны съ пѣной серебристой,
Съ какимъ-то трепетомъ живымъ,
Къ скаламъ тѣснились вѣковымъ.
Все было тихо. Взоръ унылый
На небо ноднялъ ангелъ милый,
И съ непонятною тоской
За душу грѣшницы младой
Творцу молился онъ, и мнилось —
Природа вмѣстѣ съ нимъ молилась.
Тогда надъ синей глубиной,
Духъ гордости и отверженья,
Безъ цѣли мчался съ быстротой;
Но ни раскаянья, ни мщенья,
Не изъявлялъ угрюмый ликъ:
Онъ побѣждать себя привыкъ;
Не для другихъ его мученья. —
Онъ близъ могилы промелькнулъ
И, взоръ пронзительный кидая,
Посла потерянаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ.

ЭПИЛОГЪ.

Я не для ангеловъ и рая
Всесильнымъ Богомъ сотворенъ;
Но для чего живу, страдая?
Про это больше знаетъ Онъ. *

* Строфа неоконченная и перечеркнутая авторомъ.

Какъ Демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ Демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой:

Прочтя, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни.

---

* * *

Настанетъ день, и міромъ осужденный,
Чужой въ родномъ краю,
На мѣстѣ казни — гордый, хоть презрѣнный —
Я кончу жизнь мою;
Виновный предъ людьми, не предъ тобою,
Я твердо жду тотъ часъ.
Что́ смерть? лишь ты не измѣнись душою —
Смерть не разрознитъ насъ.
Иная есть страна, гдѣ предразсудки
Любви не охладятъ;
Гдѣ не отниметъ счастія изъ шутки,
Какъ здѣсь, у брата братъ.
Когда-же вѣсть кровавая промчится
О гибели моей,
И, какъ побѣдѣ, станутъ веселиться
Толпы другихъ людей...
Тогда... молю... единою слезою
Почти холодный прахъ

Того, кто часто, съ скрытою тоскою,
Искалъ въ твоихъ очахъ
Блаженства юныхъ лѣтъ и сожалѣнья;
Кто предъ тобой открылъ
Таинственную душу и мученья,
Которыхъ жертвой былъ.
Но если... если надъ моимъ позоромъ
Смѣяться станешь ты,
И возмутишь неправеднымъ укоромъ
И рѣчью клеветы
Обиженную тѣнь... не жди пощады:
Какъ червь къ душѣ твоей
Я прилѣплюсь, и каждый мигъ отрады
Несносенъ будетъ ей,
И будешь помнить прежнюю безпечность,
Не зная воскресить,
И будетъ жизнь тебѣ долга, какъ вѣчность,
А все не будешь жить.

К... Д...

—

Будь со мною, какъ прежде бывала,
О, скажи мнѣ хоть слово одно,
Чтобъ душа въ этомъ словѣ сыскала,
Что̀ хотѣлось ей слышать давно!
Если искра надежды хранится
Въ моемъ сердцѣ — оно оживетъ,

Какъ Демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ Демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой:

Прочтя, мою съ его судьбою
Воспоминаніемъ сравни,
И вѣрь безжалостной душою,
Что мы на свѣтѣ съ нимъ одни.

---

* * *

Настанетъ день, и міромъ осужденный
Чужой въ родномъ краю,
Я кончу жизнь мою;
Виновный предъ людьми, не предъ тобою,
Я твердо жду тотъ часъ.
Что̀ смерть? лишь ты не измѣнись душою —
Смерть не разрознитъ насъ.
Иная есть страна, гдѣ предразсудки
Любви не охладятъ;
Гдѣ не отниметъ счастія изъ шутки,
Какъ здѣсь, у брата братъ.
Когда-же вѣсть кровавая промчится
О гибели моей,
И, какъ побѣдѣ, станутъ веселиться
Толпы другихъ людей...
Тогда... молю... единою слезою
Почти холодный прахъ

Того, кто часто, съ скрытою тоскою,
Искалъ въ твоихъ очахъ
Блаженства юныхъ лѣтъ и сожалѣнья;
Кто предъ тобой открылъ
Таинственную душу и мученья,
Которыхъ жертвой былъ.
Но если... если надъ моимъ позоромъ
Смѣяться станешь ты,
И возмутишь неправеднымъ укоромъ
И рѣчью клеветы
Обиженную тѣнь... не жди пощады:
Какъ червь къ душѣ твоей
Я прилѣплюсь, и каждый мигъ отрады
Несносенъ будетъ ей,
И будешь помнить прежнюю безпечность,
Не зная воскресить,
И будетъ жизнь тебѣ долга, какъ вѣчность,
А все не будешь жить.

К... Д...

—

Будь со мною, какъ прежде бывала,
О, скажи мнѣ хоть слово одно,
Чтобъ душа въ этомъ словѣ сыскала,
Что̀ хотѣлось ей слышать давно!
Если искра надежды хранится
Въ моемъ сердцѣ — оно оживетъ,

Если можетъ слеза появиться
Въ очахъ — то она упадетъ.
Есть слова — объяснить не могу я,
Отчего у нихъ власть надо мной;
Ихъ услышавъ, опять оживу я,
Но отъ нихъ не воскреснетъ другой.
О, повѣрь мнѣ! холодное слово
Уста оскверняетъ твои,
Какъ листки у цвѣтка молодаго
Ядовитое жало змѣи!

ПѢСНЯ.

Желтый листъ о стебель бьется
Передъ бурей;
Сердце бѣдное трепещетъ
Предъ несчастьемъ.
Что́ за важность, если вѣтеръ
Мой листокъ одинокій
Унесетъ далеко, далеко...
Пожалѣетъ-ли объ немъ
Вѣтка сирая?

Зачѣмъ грустить молодцу,
Если рокъ судилъ ему
Угаснуть въ краю чужомъ?
Пожалѣетъ-ли объ немъ
Красна дѣвица?

КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ.

СЮЖЕТЪ.

—

«1) Молодежь разговариваетъ о томъ, что татары пріѣдутъ толпой и все заберутъ. Никто не смѣетъ слова сказать. Иные говорятъ: лучше предаться татарамъ, чѣмъ умереть и т. п. Мстиславъ вскакиваетъ и уходитъ. Онъ все сначала молчалъ; онъ кажется равнодушенъ къ бѣдствіямъ отечества, и его порицаютъ за это.

«2) Паломникъ у Ольги; онъ разсказываетъ про іерусалимское путешествіе и разрушенный Кіевъ. Мстиславъ входитъ. Услыша разсказы о прежней вольности, ему приходитъ въ голову мысль — освободить родину отъ татаръ. Ольгѣ одинъ богатый татаринъ далъ подарки; мать ея позволила взять ихъ; онъ ей нравится.

«3) Послы татарскіе въ городѣ. Пиръ у князя. Униженіе князя. Одинъ посолъ велитъ казнить русскаго за то, что тотъ не низко ему поклонился. Мстиславъ убиваетъ посла и скрывается.

«4) Татаринъ любитъ Ольгу. Мать не противится. Онъ обольщаетъ ее. (Это длинная сцена). Между-тѣмъ, множество заговорщиковъ разговариваютъ о возмущеніи противъ татаръ; они ищутъ начальника и выборъ падаетъ на Мстислава; они идутъ искать его.

«5) Мстиславъ на курганѣ; три ночи онъ молился.

Три ночи я провелъ безъ сна — въ тоскѣ,
Въ молитвѣ, на колѣняхъ. Степь и небо

Мнѣ были храмомъ, алтаремъ — курганъ;
И еслибъ кости, скрытыя подъ нимъ,
Пробуждены могли быть человѣкомъ,
То, обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили-бъ, загремѣвъ одеждой бранной!
О Боже! какъ? — одна, одна слеза
Была плодомъ ужасныхъ трехъ ночей? —
Нѣтъ, эта адская слеза, конечно,
Послѣдняя: не то, три ночи-бъ я
Ея не дожидался. — Кровь собратій,
Кровь стариковъ, растоптанныхъ дѣтей
Отяготѣла на душѣ моей,
И приступила къ сердцу, и насильно
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и въ мщенье обратила все,
Что̀ въ немъ похоже было на любовь.
Свой замыселъ пускай я не свершу,
Но онъ великъ и этого довольно;
Мой часъ насталъ — часъ славы иль стыда?
Безсмертенъ иль забытъ я навсегда?

Я вопрошалъ природу и она
Меня въ свои объятья приняла;
Въ лѣсу холодномъ, въ грозный часъ метели,
Я сладость пилъ съ ея волшебныхъ устъ,
Но для моихъ желаній міръ былъ пустъ:
Они себѣ предмета въ немъ не зрѣли.
На звѣзды устремлялъ я часто взоръ
И на луну, небесъ ночныхъ уборъ,
Но чувствовалъ, что не для нихъ родился.
Я неба не любилъ, хотя дивился
Пространству безъ начала и конца,
Завидуя судьбѣ сего творца.

Но, потерявъ отчизну и свободу,
Я вдругъ нашелъ себя — въ себѣ одномъ!
Нашелъ спасенье цѣлому народу,
И утонулъ дѣятельнымъ умомъ
Въ единой мысли, можетъ быть, напрасной
И безполезной для страны родной,
Но какъ надежда — чистой и прекрасной,
Какъ вольность — сильной и святой!...

Приходитъ паломникъ и узнаетъ его. Мстиславъ спрашиваетъ его о сестрѣ; паломникъ говоритъ, что про сестру его носятся дурные слухи, будто она въ связи съ мурзой татарскимъ; это еще болѣе воспламеняетъ его. Приходятъ заговорщики, избираютъ его начальникомъ. Онъ клянется имъ. Они хотятъ напасть на станъ татаръ, которые приближались опять чтобы грабить, и надѣятся, что Россія послѣдуетъ ихъ примѣру.

«6) Мстиславъ возвращается домой печаленъ, озабоченъ, угрюмъ. Сцена, гдѣ видна его любовь къ сестрѣ. Онъ ее спрашиваетъ: любитъ-ли его одного она смущается; онъ приготовляетъ ее къ тому, что самъ, можетъ быть, погибнетъ, и спрашиваетъ, готовали она все пожертвовать для отечества; потомъ, какъ будто-бы все зналъ, но чтобы испытать правда-ли, вдругъ говоритъ: «Ты любишь татарина?» Она ему признается, въ испугѣ. Онъ мраченъ, но выноситъ этотъ ударъ; говоритъ ей сильно, какая она преступница, и заставляетъ ее согласиться, что на будущую ночь она его пригласитъ, и тогда его убьютъ; это будетъ сигналомъ кровопролитія. Однако, послѣ этой вѣсти, узнавъ позоръ сестры своей, Мстиславъ предчувствуетъ ужасное, но не теряетъ духа.

«7) Ольга колеблется между отечествомъ и любов-

Мнѣ были храмомъ, алтаремъ — курганъ;
И еслибъ кости, скрытыя подъ нимъ,
Пробуждены могли быть человѣкомъ,
То, обозженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили-бъ, загремѣвъ одеждой бранной.
О Боже! какъ? — одна, одна слеза
Была плодомъ ужасныхъ трехъ ночей. —
Нѣтъ, это адская слеза, конечно,
Послѣдняя: не то, три ночи-бъ я
Ея не дожидался. — Кровь собратій,
Кровь стариковъ, растоптанныхъ дѣтей
Отяготѣла на душѣ моей
И приступила къ сердцу, и насильно
Заставила его расторгнуть узы
Свои, и въ мщенье обратила все,
Что̀ въ немъ похоже было на любовь.
Свой замыселъ пускай я не свершу,
Но онъ великъ и этого довольно;
Мой часъ насталъ; — часъ славы иль стыда —
Безсмертенъ иль забытъ я навсегда.

Я вопрошалъ природу и она
Меня въ свои объятья приняла;
Въ лѣсу холодномъ, въ грозный часъ метели,
Я сладость пилъ съ ея волшебныхъ устъ,
Но для моихъ желаній міръ былъ пустъ.
Они себѣ предмета въ немъ не зрѣли.
На звѣзды устремлялъ я часто взоръ
И на луну, небесъ ночныхъ уборъ,
Но чувствовалъ, что не для нихъ родился.
Я неба не любилъ, хотя дивился
Пространству безъ начала и конца,

Но, потерявъ отчизну и свободу,
Я вдругъ нашелъ себя — въ себѣ одномъ!
Нашелъ спасенье [illegible]
И утонулъ дѣятельнымъ умомъ
Въ единой мысли, можетъ-быть, напрасной
И безполезной для страны родной,
Но какъ надежды чистой и прекрасной,
Какъ вольность, сильной и святой!...

Приходитъ паломникъ и узнаетъ его. Мстиславъ спрашиваетъ его о сестрѣ; паломникъ говоритъ, что про сестру его носятся дурные слухи, будто она въ связи съ татарскимъ мурзою — и это еще болѣе воспламеняетъ его. Приходятъ заговорщики и избираютъ его начальникомъ. Онъ клянется имъ. Они хотятъ напасть на станъ татаръ, которые приближались для грабежа, и надѣятся, что Россія послѣдуетъ ихъ примѣру.

«6) Мстиславъ возвращается домой печаленъ, озабоченъ, угрюмъ. Сцена, гдѣ видна любовь его къ сестрѣ. Онъ ее спрашиваетъ: любитъ-ли его одного; она смущается; онъ приготовляетъ ее къ тому, что самъ, можетъ-быть, погибнетъ, и спрашиваетъ, готовали она все пожертвовать для отечества; потомъ, какъ будто-бы зная все, но чтобъ испытать правда-ли, вдругъ говоритъ: «Ты любишь татарина?» Она ему признается, въ испугѣ. Онъ мраченъ, но выноситъ этотъ ударъ. Онъ говоритъ ей сильно, какая она преступница, и заставляетъ ее согласиться, что на будущую ночь она его пригласитъ, и тогда его убьютъ, и это будетъ сигналомъ кровопролитія. Однако, послѣ этой вѣсти, узнавъ позоръ сестры своей, Мстиславъ предчувствуетъ ужасное, но не теряетъ духа.

«7) Ольга колеблется между отечествомъ и любов-

никомъ. Она умоляетъ татарина не приходить къ ней, потому что жизнь его въ опасности. Мурза допытывается и догадывается, что есть заговоръ. Ольга убѣгаетъ съ мурзою, боясь братняго гнѣва.

«8) Мстиславъ проходитъ мимо деревни. Одна женщина поетъ, убаюкивая ребенка. Мстиславъ радуется, что эта пѣснь вдыхаетъ ребенку ненависть противъ татаръ, и что если онъ погибнетъ, то остается еще мститель за отечество. Онъ идетъ въ назначенное мѣсто, гдѣ уже всѣ собрались; но удивляется, что мурза не пришелъ.

«9) Станъ татаръ; всѣ спятъ; стражи пьютъ русское вино и засыпаютъ, разговаривая о красотѣ дѣвушки, которая досталась мурзѣ. Приходятъ русскіе и убиваютъ сонныхъ; Мстиславъ считаетъ удары. Онъ входитъ въ палатку мурзы и выноситъ оттуда дѣву, говоря, что такъ какъ всѣхъ положено убить, то ее жалко; вдругъ узнаетъ, что это его сестра. Она спитъ и бредитъ; наконецъ просыпается, вскрикиваетъ, узнаетъ его, упадаетъ. Онъ думаетъ, что она умерла и склоняется надъ ней. Между тѣмъ, крикъ разбудилъ нѣсколькихъ татаръ, которые еще не могутъ опомниться. «Боже, говоритъ Мстиславъ, зачѣмъ одно чувство любви должно погубить мое отечество». Выбѣгаетъ мурза; онъ его убиваетъ. Начинается битва; русскихъ всѣхъ перерѣзали.

«10) День. Мстиславъ, раненый, подъ деревомъ. Приходитъ старый воинъ. Мстиславъ спрашиваетъ его: всѣ-ли убиты, и узнаетъ, что всѣ, что татары взяли въ то-же утро городъ и разграбили. Приходятъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ, которые, въ своемъ отчаяніи, указывая на зарево, хотятъ скрыться въ лѣсахъ. Мстиславъ спрашиваетъ, не видали-ли они женщины въ станѣ, можетъ быть, она не умерла. Они

его не понимаютъ. Мстиславъ умираетъ и проситъ предъ смертію, чтобъ надъ нимъ поставили крестъ и чтобъ разсказали дѣла его какому нибудь пѣвцу, который, сложивъ объ этомъ пѣсню, возбудилъ-бы жаръ къ родинѣ въ душѣ потомковъ.»

СИЛУЭТЪ.

—

Есть у меня твой силуэтъ.
На память я его чертилъ,
И мнится, что тотъ черный цвѣтъ
Родня съ моей душою былъ.
Виситъ онъ на груди моей,
И мраченъ онъ, какъ сердце въ ней.

Души въ глазахъ, ланитъ огня
Не различите вы на немъ,
За то онъ вѣчно близъ меня
И взоръ его не на другомъ.
Онъ тѣнь твоя, но я люблю,
Какъ тѣнь блаженства, тѣнь твою.

Какъ духъ отчаянья и зла
Мою ты душу обняла;
О, для чего тебѣ нельзя
Ее совсѣмъ взять у меня?

Моя душа — твой вѣчный храмъ;
Какъ божество твой образъ тамъ;
Не отъ небесъ, лишь отъ него
Я жду спасенья своего.

* * *

Я не люблю тебя; страстей
И мукъ умчался прежній сонъ;
Но образъ твой въ душѣ моей
Все живъ, хотя безсиленъ онъ.
Другимъ предавшися мечтамъ,
Я все забыть его не могъ;
Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все богъ!

Н. Ф. И.

—

Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали,
Что̀ значатъ толки дураковъ,
И чтобъ вамъ не было печали
Отъ шпоръ, мундира и усовъ!
Дай Богъ, чтобъ васъ не огорчали
Соперницъ ложныя красы,
Чтобы у ногъ вы увидали
Мундиръ и шпоры и усы!

Б.....ной.

—

Не чудно-ль, что зовутъ васъ Вѣра?
Ужели можно вѣрить вамъ?
Нѣтъ я не дамъ своимъ друзьямъ
Такаго страшнаго примѣра!...
Повѣрить стóитъ разъ... и что-жъ?
Вѣдь самъ раскаяваться будешь,
Закона вѣры не забудешь,
И старовѣромъ прослывешь!

Т.....ому.

—

Нѣтъ! міръ пошелъ совсѣмъ не такъ.
Обиняковъ не понимаютъ.
Скажи не просто: ты дуракъ! —
За комплиментъ ужъ принимаютъ!
Все то, на чемъ ума печать,
Они привыкли ненавидѣть!
Такъ станутъ умнымъ называть,
Когда захóчется обидѣть!

Н.....ной.

—

Всѣмъ жалко васъ: вы такъ устали,
Вы такъ хотѣли танцовать —
И цѣлый вечеръ танцовали!
Какъ наконецъ не перестать?
Но еслибъ всѣ цѣнить умѣли
Вашъ умъ, любезность вашихъ словъ, —
Клянусь безсмертіемъ боговъ,
Тогда-бъ мазурки опустѣли.

Т — ой.

—

Не даромъ она, не даромъ,
Съ отставнымъ гусаромъ.

М.....вой.

—

Когда поспорить вамъ придется,
Не спорьте никогда о томъ,
Что невозможно быть съ умомъ
Тому, кто въ этомъ признается;
Кто съ вами разъ поговорилъ,
Тотъ съ вами вѣчно спорить будетъ,
Что умъ вашъ вѣчно не забудетъ
И что другое все забылъ.

ДОДО.

—

Умѣешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нѣжной оживить;
Умѣешь ты польстить случайно,
Съ холодной важностью лица,
И умника унизить тайно,
Взявъ пылко сторону глупца!
Какъ въ талисманѣ стихъ небрежный,
Какъ надъ пучиною мятежной
Свободный парусъ челнока —
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понялъ сѣверъ хладный;
Въ нашъ кругъ ты брошена судьбой,
Какъ божество страны чужой,
Какъ въ день печали мигъ отрадный!

Б.....ВУ.

—

Вы старшина собранья вѣрно,
Такъ я прошу васъ объявить:
Могу-ли здѣсь нелицемѣрно
Въ глаза всѣмъ правду говорить?

Авось, авось займетъ насъ дѣломъ,
Иль хоть потѣшитъ, новый годъ,
Когда одинъ въ собраньи цѣломъ
Ему на встрѣчу не солжетъ.
Итакъ я васъ не поздравляю.
Что̀ годъ сей дастъ вамъ — знаетъ Богъ!
За то минувшій, увѣряю,
Отмстилъ за васъ какъ только могъ!

Б.....ВУ. Булгакову.

—

На вздоръ и шалости ты хватъ
И мастеръ на бездѣлки,
И шутовской надѣвъ нарядъ,
Ты былъ въ своей тарелкѣ.
За службу долгую и трудъ,
Авось на мѣсто класса,
Тебѣ, мой другъ, по смерть дадутъ
Чинъ и мундиръ паяса.

Вы не знавали князь Петра?
Танцуетъ, пишетъ онъ порою,
Отъ ногъ его и отъ пера
Московскимъ дурамъ нѣтъ покою:

Ему устать-бы ужъ пора —
Ногами, но не головою.

Люблю я цѣпи синихъ горъ,
Когда, какъ южный метеоръ,
Ярка безъ свѣта и красна
Всплываетъ изъ-за тучъ луна,
Царица лучшихъ думъ пѣвца,
И лучшій перлъ того вѣнца,
Которымъ сводъ небесъ порой
Гордится, будто царь земной.
На западѣ вечерній лучъ
Еще горитъ на ребрахъ тучъ,
И уступить все медлитъ онъ
Лунѣ — угрюмый небосклонъ.
Но скоро гаснетъ лучъ зари...
Высоко мѣсяцъ... двѣ иль три
Младыя тучки окружатъ
Его сейчасъ... Вотъ весь нарядъ,
Которымъ бѣлое чело
Ему убрать позволено. —
Кто не знавалъ такихъ ночей
Въ ущельяхъ горъ, иль средь степей?
Однажды, при такой лунѣ,
Я мчался на лихомъ конѣ,
Въ пространствѣ голубыхъ долинъ,
Какъ вѣтеръ, воленъ и одинъ.
Туманный мѣсяцъ и меня,
И гриву, и хребетъ коня
Сребристымъ блескомъ осыпалъ;

Я чувствовалъ какъ конь дышалъ,
Какъ онъ, ударивши ногой,
Отбрасываемъ былъ землей,
А я, въ чудесномъ забытьи,
Движенья сковывалъ свои,
И съ нимъ себя желалъ я слить,
Чтобъ этимъ бѣгъ нашъ ускорить.
И долго такъ мой конь летѣлъ,
И вкругъ себя я поглядѣлъ:
Все та-же степь, все та-жъ луна...
Свой взоръ склонивъ ко мнѣ, она,
Казалось, упрекнула въ томъ,
Что человѣкъ съ своимъ конемъ
Хотѣлъ владычество степей
Въ ту ночь оспоривать у ней!

Время сердцу быть въ покоѣ
Отъ волненья своего,
Съ той минуты, какъ другое
Ужъ не бьется для него.
Но пускай оно трепещетъ:
Тò безумной страсти слѣдъ;
Такъ все бурно море плещетъ,
Хоть подъ нимъ ужъ бури нѣтъ!...
Неужли ты не видала,
Въ часъ разлуки роковой,
Какъ слеза моя блистала,
Чтобъ упасть передъ тобой?
Ты отвергнула съ презрѣньемъ
Жертву лучшую мою,

Ты боялась сожалѣньемъ
Воскресить любовь свою.
Но сердечнаго недуга
Не могла ты утаить;
Слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобъ другъ друга позабыть.

Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!
Какъ ты стыдливъ! . . .
. . . . . пропуск
Какъ ты хорошъ! бывало жду, когда
Настанетъ вечеръ; сяду у окна.
И мимо ты идешь, бывало... да,
Ты помнишь? Серебристая луна,
Какъ ангелъ средь отверженныхъ, межъ тучъ
Блуждала, на тебя кидая лучъ...

Печать презрѣнья на моемъ челѣ;
Но справедливъ-ли міра приговоръ?
Что̀ добродѣтель, если на землѣ
Проступокъ — не безчестье, но позоръ?...
Родителей не знала я своихъ,
Воспитана старухою чужой;
Въ пятнадцать лѣтъ, по волѣ злой судьбы,
Я продана мужчинѣ... Ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня. —
Съ-тѣхъ-поръ я гибну, гибну день отъ дня.
Мнѣ милъ мой стыдъ! Онъ право мнѣ даетъ
Тебя лобзать...

Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень,
Ненуженъ въ мірѣ я;
Хоть сердце тяжело, какъ камень,
Но все подъ нимъ змѣя;
Меня спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ суетъ;
Но отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьи нѣтъ.

Молю о счастіи бывало...
Дождался наконецъ —
И тягостно мнѣ счастье стало,
Какъ для царя вѣнецъ.
И всѣ мечты отвергнувъ, снова
Остался я одинъ,
Какъ замка мрачнаго, пустаго
Ничтожный властелинъ.

КЪ ***

—

Я не унижусь предъ тобою:
Ни твой привѣтъ, ни твой укоръ
Не властны надъ моей душою.
Знай, что мы чужды съ этихъ поръ.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдамъ;
И такъ пожертвовалъ я годы

Твоей улыбкѣ и глазамъ,
И такъ я слишкомъ долго видѣлъ
Въ тебѣ надежду юныхъ дней,
И цѣлый міръ возненавидѣлъ,
Чтобы тебя любить сильнѣй!
Какъ знать, быть можетъ, тѣ мгновенья,
Что̀ протекли у ногъ твоихъ
Я отнималъ у вдохновенья!
А чѣмъ ты замѣнила ихъ?
Быть можетъ, мыслію небесной
И силой духа убѣжденъ,
Я далъ бы міру даръ чудесный,
А мнѣ за то безсмертье онъ?...
Иль женщинъ уважать возможно,
Когда мнѣ ангелъ измѣнилъ!
Я былъ готовъ на смерть и муку,
И цѣлый міръ на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумецъ! — лишній разъ пожать.
Не знавъ коварную измѣну,
Тебѣ я душу отдавалъ;
Такой души ты знала-ль цѣну?
Ты знала — я тебя не зналъ.

Какъ лучъ зари, какъ розы Леля,
Прекраснъ цвѣтъ ея ланитъ;
Какъ у Мадонны Рафаэля,
Ея молчанье говоритъ.
Съ людьми горда, судьбѣ покорна,
Не откровенна, не притворна,

Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свѣтъ чего не уничтожитъ,
Что̀ благородное снесетъ,
Какую душу не сомнетъ,
Чье самолюбье не умножитъ,
И чьихъ не обольститъ очей
Нарядной маскою своей?

РОМАНСЪ.

—

Стояла сѣрая скала на берегу морскомъ.
Однажды на чело ея слетѣлъ небесный громъ
И раздвоилъ ее ударъ, — и новою тропой
Между разрозненныхъ камней течетъ потокъ сѣдой.
Вновь двумъ утесамъ не сойтись, — но все они хранятъ
Союза прежняго слѣды — глубокихъ трещинъ рядъ.
Такъ мы съ тобой разлучены злословіемъ людскимъ,
Но для тебя я никогда не сдѣлаюсь чужимъ.
И мы не встрѣтимся опять, и если предъ тобой
Меня случайно назовутъ, ты спросишь: кто такой
И, проклиная жизнь мою, на память приведешь
Былое... и одну себя невольно проклянешь.
И не изгладишь ты никакъ изъ памяти своей
Не только чувствъ и словъ моихъ — минуты прежнихъ
дней!...

ПРЕЛЕСТНИЦѢ.

—

Пускай ханжи глядятъ съ презрѣньемъ
На беззаконный нашъ союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ;
Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета,
Ни сильной злобы, ни любви;
Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не чту владыкой никого,
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего;
Живу, какъ соколъ, беззаботно,
И не тревожимый ничѣмъ,
Я людямъ руки жму охотно,
Хоть презираю ихъ межъ тѣмъ.
Мы брань ихъ — смѣхомъ уничтожимъ,
Насъ клеветы не разлучатъ,
Мы будемъ счастливы, какъ можемъ,
Они пусть будутъ — какъ хотятъ.

HAD WE NEVER LOVED SO KINDLY.

—

Еслибъ мы не дѣти были
Еслибъ слѣпо не любили,

Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свѣтъ чего не уничтожитъ!
Что̀ благородное снесетъ,
Какую душу не сомнетъ,
Чье самолюбье не умножитъ,
И чьихъ не обольститъ очей
Нарядной маскою своей?

РОМАНСЪ.

—

Стояла сѣрая скала на берегу морскомъ.
Однажды на чело ея слетѣлъ небесный громъ
И раздвоилъ ее ударъ, — и новою тропой
Между разрозненныхъ камней течетъ потокъ сѣдой.
Вновь двумъ утесамъ не сойтись, — но все они хранятъ
Союза прежняго слѣды — глубокихъ трещинъ рядъ.
Такъ мы съ тобой разлучены злословіемъ людскимъ,
Но для тебя я никогда не сдѣлаюсь чужимъ.
И мы не встрѣтимся опять, и если предъ тобой
Меня случайно назовутъ, ты спросишь: кто такой?
И проклиная жизнь мою, на память приведешь
Былое... и одну себя невольно проклянешь.
И не изгладишь ты никакъ изъ памяти своей
Не только чувствъ и словъ моихъ — минуты прежнихъ дней!...

ПРЕЛЕСТНИЦѢ.

—

Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ;
Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои,
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета.
Ни сильной злобы, ни любви.
Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не чту владыкой никого,
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего;
Живу, какъ соколъ, беззаботно,
И не тревожимый ничѣмъ,
Я людямъ руки жму охотно,
Хоть презираю ихъ межъ тѣмъ.
Мы брань ихъ — смѣхомъ уничтожимъ,
Насъ клеветы не разлучатъ,
Мы будемъ счастливы, какъ можемъ,
Они пусть будутъ — какъ хотятъ!...

HAD WE NEVER LOVED SO KINDLY.

—

Еслибъ мы не дѣти были,
Еслибъ слѣпо не любили,

Не встрѣчались, не прощались:
Мы съ страданьемъ-бы не знались.

1830 ГОДА, ІЮЛЯ 15. МОСКВА.

—

Зачѣмъ семьи родной безвѣстный кругъ
Я покидалъ? Все сердце грѣло тамъ,
Все было мнѣ наставникъ или другъ,
Все вѣрило младенческимъ мечтамъ.
Какъ ужасы плѣняли юный духъ!
Какъ я рвался на волю къ облакамъ!
Готовъ лобзать уста друзей былъ я,
Не посмотрѣвъ, не скрыта-ль въ нихъ змѣя.

Но въ общество иное я вступилъ,
Узналъ людей и дружескій обманъ,
Сталъ подозрителенъ и погубилъ
Безпечности душевной талисманъ.
Чтобы никто теперь не говорилъ:
Онъ будетъ другъ мнѣ! Боль старинныхъ ранъ
Изъ груди извлечетъ не рѣчь, но стонъ;
И не привѣтъ, упрекъ услышитъ онъ.

Ахъ! я любилъ, когда я былъ счастливъ,
Когда лишь отъ любви могъ слезы лить.
Но эту грудь, страданьемъ напоивъ,
Скажите мнѣ, возможно-ли любить?
Страшусь, въ объятья дѣву заключивъ,
Живую душу ядомъ отравить

И показать, что сердце у меня
Есть жертвенникъ, сгорѣвшій отъ огня.

Но лучше я, чѣмъ для людей кажусь:
Они въ лицѣ не могутъ чувствъ прочесть,
И что молва кричитъ о мнѣ... боюсь!
Когда-бъ я зналъ, не могъ-бы перенесть.
Противу нихъ во мнѣ горитъ, клянусь,
Не злоба, не презрѣніе, не месть.
Но... для чего старалися они
Такъ отравить ребяческіе дни?

Согбенный лукъ, порвавшій тетиву,
Гремитъ, но вновь не будетъ прямъ, какъ былъ.
Чтобъ цѣпь ихъ сбросить, я, поднявъ главу,
Послѣднее усиліе свершилъ;
Что-жъ? нынѣ жалкій, грустный я живу
Безъ дружбы, безъ надеждъ, безъ думъ, безъ силъ,
Блѣднѣй, чѣмъ лучъ безчувственной луны,
Когда въ окно скользнетъ онъ вдоль стѣны.

ЭПИТАФІЯ.

—

Прости! увидимся-ль мы снова?
И смерть захочетъ-ли свести
Двѣ жертвы жребія земнаго?
Какъ знать! Итакъ, прости, прости!
Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ;
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,

Ты въ людяхъ столько зла извѣдалъ,
Но понимаемъ былъ однимъ.
И тотъ одинъ, когда рыдая
Толпа склонялась надъ тобой,
Стоялъ, очей не отирая,
Небрежный, хладный и нѣмой.
И всѣ, не вѣдая причины,
Винили дерзостно его,
Какъ будто мигъ твоей кончины
Былъ мигомъ счастья для него.
Но что ему ихъ восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чѣмъ страдать,
Безъ всякихъ признаковъ страданья!

ЭКСПРОМПТЪ.

—

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ,
Родились вы... все три, а не четыре!

ЧЕРНООКОЙ.

Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, черпѣе ночи.

—

Вблизи тебя до этихъ поръ
Я не слыхалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ-ли твой волшебный взоръ,
Не билось сердце у меня:

И пламень звѣздочныхъ очей,
Который вѣчно, можетъ быть,
Останется въ груди моей,
Не могъ меня воспламенить.

Къ чему-жъ разлуки первый звукъ
Меня заставилъ трепетать?
Онъ не предвѣстникъ долгихъ мукъ,
Я не люблю! зачѣмъ страдать?

Однако-же, хоть день, хоть часъ,
Желалъ-бы больше здѣсь пробыть,
Чтобъ блескомъ вашихъ чудныхъ глазъ
Тревогу мыслей усмирить.

Средниково.
12 августа 1830.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Благодарю!... вчера мое признанье
И стихъ мой ты безъ смѣха приняла:
Хоть ты страстей моихъ не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

Въ другомъ краю ты нѣкогда плѣняла;
Твой чудный взоръ и острота рѣчей
Останутся навѣкъ въ душѣ моей,
Но не хочу, что-бы ты мнѣ сказала:
Благодарю!

Я-бъ не желалъ умножить въ цвѣтѣ жизни
Печальную толпу твоихъ рабовъ
И отъ тебя услышать, вмѣсто словъ
Язвительной жестокой укоризны:
Благодарю!

О, пусть холодность мнѣ твой взоръ укажетъ,
Пусть онъ убьетъ надежды и мечты
И все, что̀ въ сердцѣ возродила ты,
Душа моя тебѣ тогда лишь скажетъ:
Благодарю!

Средниково.
12 августа 1830.

У вратъ обители святой
Стоялъ — просящій подаянья,
Безсильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлѣба онъ просилъ
И взоръ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!

Такъ я молилъ твоей любви,
Съ слезами горькими, съ тоскою,
Такъ чувства лучшія мои
На вѣкъ обмануты тобою.

(17 августа).

ВЕСНА.

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей, мѣстами,
Чернѣетъ голая земля,
И мгла ложится облаками
На полуюныя поля:
Мечтанье злое грусть лелѣетъ
Въ душѣ неопытной моей;
Гляжу — природа молодѣетъ,
Но молодѣть лишь только *ей*:
Ланитъ покойныхъ пламень алый
Съ годами время уведетъ,
И *тотъ*, кто такъ страдалъ, бывало,
Любви къ *ней* въ сердцѣ не найдетъ.

Зови надежду сновидѣньемъ,
Неправду — истиной зови,
Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Лишь вѣрь одной моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
Мой взоръ не скроетъ ничего;
Съ тобою грѣхъ мнѣ лицемѣрить:
Ты слишкомъ ангелъ для того.*

---

* См. примѣчаніе 2.

Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ,
Хотя звѣзда судьбы моей
Померкнула съ давнишнихъ поръ,
А съ ней и думы лучшихъ дней!
Слеза, которая не разъ
Рвалась блеснуть передъ тобой,
Ужъ не придетъ, какъ прошлый часъ,
На смѣхъ подосланный судьбой.
Надъ мною посмѣялась ты,
И я презрѣньемъ отвѣчалъ;
Съ тѣхъ поръ сердечной пустоты
Я ужъ ничѣмъ не замѣнялъ!
Ничто не сблизитъ больше насъ,
Ничто мнѣ не отдастъ покой,
И сердце шепчетъ мнѣ подчасъ:
«Я не могу любить другой!»
Я жертвовалъ другимъ страстямъ;
Но если первыя мечты
Служить не могутъ снова намъ,
То чѣмъ-же ихъ замѣнишь ты?
Чѣмъ ты украсишь жизнь мою,
Когда ужъ обратила въ прахъ
Мои надежды въ семъ краю,
А можетъ быть и въ небесахъ?

Когда къ тебѣ молвы разсказъ
Мое названье принесетъ
И моего рожденья часъ
Передъ полміромъ проклянетъ,
Когда мнѣ пищей станетъ кровь

И буду жить среди людей,
Ни чью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей:
Тогда раскаянья кинжалъ
Пронзитъ тебя; и вспомнишь ты,
Что при прощаньи я сказалъ:
Увы! то были не мечты,
И если только наконецъ
Моя лишь грудь поражена,
То вѣрно прежде зналъ Творецъ,
Что ты страдать не рождена.

КЪ Л***

(ПОДРАЖАНІЕ БАЙРОНУ.)

—

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей,
Любя другихъ, я лишь страдалъ
Любовью прежнихъ дней.
Такъ память, демонъ-властелинъ,
Все будитъ старину,
И я твержу одинъ, одинъ:
Люблю, люблю одну!

Принадлежишь другому ты,
Забытъ пѣвецъ тобой;
Съ тѣхъ поръ влекутъ меня мечты
Прочь отъ земли родной;

Корабль умчитъ меня отъ ней
Въ безвѣстную страну,
И повторитъ волна морей:
Люблю, люблю одну!

И не узнаетъ шумный свѣтъ,
Кто нѣжно такъ любимъ;
Какъ я страдалъ и сколько лѣтъ
Я памятью томимъ;
И гдѣ-бы я ни сталъ искать
Былую тишину,
Все сердце будетъ мнѣ шептать:
Люблю, люблю одну!

Передо мной лежитъ листокъ,
Совсѣмъ ничтожный для другихъ,
Но въ немъ сковалъ случайно рокъ
Толпу надеждъ и думъ моихъ.
Исписанъ онъ твоей рукой
И я вчера его укралъ,
И для добычи дорогой
Готовъ страдать, какъ ужъ страдалъ.

Свершилось! полно ожидать
Послѣдней встрѣчи и прощанья!
Разлуки часъ и часъ страданья
Придутъ, — зачѣмъ ихъ отклонять!
Ахъ! я не зналъ, когда глядѣлъ

На чудные глаза прекрасной,
Что часъ прощанья, часъ ужасный,
Ко мнѣ внезапно подлетѣлъ.
Свершилось! голосомъ безцѣннымъ
Мнѣ больше сердца не питать;
Запрусь въ углу уединенномъ
И буду плакать... вспоминать!

2 октября 1830.

Итакъ, прощай! впервые этотъ звукъ
Тревожитъ такъ жестоко грудь мою.
Прощай! — шесть буквъ приносятъ столько мукъ,
Уносятъ все, что̀ я теперь люблю!
Я встрѣчу взоръ ея прекрасныхъ глазъ
И можетъ быть... какъ знать... въ послѣдній разъ.*

MENSCHEN UND LEIDENSCHAFTEN. **

EIN TRAUERSPIEL.

(Отрывокъ).

—

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тобою только вдохновенный
Я строки грустныя писалъ,

* См. примѣчаніе 3.
** Содержаніе трагедіи разсказано въ примѣчаніи 4.

Не знавъ ни славы, ни похвалъ,
Не мысля о толпѣ презрѣнной.
Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрываючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжный.
На зло враждующей судьбѣ
Имѣлъ онъ лишь одно въ примѣтѣ:
Всю душу посвятить тебѣ —
И больше никому на свѣтѣ!
Его любовь отвергла ты,
Не заплативши за страданья.
Пусть предъ тобой сіи листы
Листами будутъ оправданья.
Прочти: онъ здѣсь своимъ перомъ
Напомнилъ о мечтахъ былаго,
И если не полюбишь снова,
Ты, можетъ быть, вздохнешь о немъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ ВЪ СТИХАХЪ:

ДЖУЛІО.

Осенній день тихонько угасалъ
На высотахъ гранитныхъ шведскихъ скалъ.
Туманъ облекъ поверхности озеръ,
Такъ что едва замѣтить могъ-бы взоръ
Бѣгущій бѣлый парусъ рыбака.
Я выходилъ тогда изъ рудника,

Гдѣ золото — земныхъ трудовъ предметъ —
Тамъ люди достаютъ ужъ много лѣтъ.
Здѣсь обратились страсти всѣ въ одну,
И вѣчный стукъ тревожитъ тишину:
Между столбовъ гранитныхъ и аркадъ,
Блеститъ огонь трепещущихъ лампадъ,
Какъ мысль въ умѣ, подавленномъ тоской,
Кидая свѣтъ безсильный и пустой!...

Но если очи въ безпривѣтной мглѣ
Угасшіе, морщины на челѣ,
Но если блѣдный, вялый цвѣтъ ланитъ
И равнодушный, молчаливый видъ,
Но если вздохъ, потерянный въ тиши,
Являютъ грусть глубокую души,
О! не завидуйте судьбѣ такой:
Печальна жизнь въ могилѣ золотой!
Повѣрьте мнѣ: немногіе изъ нихъ
Могли собрать плоды трудовъ своихъ.
Не нахожу достаточно рѣчей,
Чтобъ описать восторгъ души моей,
Когда я вновь взглянулъ на небеса,
И освѣжила голову роса
Тянулись цѣпью острыя скалы
Передо мной; пустынные орлы
Носилися, крича средь высоты.
Я зрѣлъ вдали кудрявые кусты
У озера спокойныхъ береговъ
И стебли черные сухихъ дубовъ.
Отъ рудника вился желтѣя путь...
Какъ я желалъ скорѣй въ себя вдохнуть
Прохладный воздухъ, вольный какъ народъ
Тѣхъ горъ, куда сей узкій путь ведетъ.
Вожатому подарокъ я вручилъ,

Но, признаюсь, меня онъ удивилъ,
Когда не принялъ денегъ. Я не могъ
Понять зачѣмъ, и снова въ кошелекъ
Не смѣлъ ихъ положить... Его черты
(Развалины минувшей красоты,
Хоть не являли старости онѣ),
Казалося, знакомы были мнѣ.
И подойдя, взявъ руку у меня,
«Напрасно-бъ», онъ сказалъ: «скрывался я,
«Такъ, Джуліо предъ вами...» *

КАВКАЗЪ.

—

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, оттоpгнутъ отъ васъ,
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За то и люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ,
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.

* Содержаніе повѣсти разсказано въ примѣчаніи 5.

Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ, —
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ!

НЕЗАБУДКА.

СКАЗКА.

—

Въ старинны годы люди были
Совсѣмъ не то, что̀ въ наши дни,
(Коль въ мірѣ есть любовь) любили
Чистосердечнѣе они.
О древней вѣрности, конечно,
Слыхали какъ нибудь и вы;
Но какъ сказанія молвы
Все дѣло перепортятъ вѣчно,
То я вамъ точный образецъ
Хочу представить наконецъ.

У влаги ручейка холодной,
Подъ тѣнью липовыхъ вѣтвей,
Не опасаясь злыхъ очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидѣлъ съ любезною своей.
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою,
Бесѣда мирная текла:

«Другъ, не клянися мнѣ напрасно,»
Сказала дѣва: «вѣрю я,
«Ясна, чиста любовь твоя,
«Какъ эта звонкая струя,
«Какъ этотъ сводъ надъ нами ясный;
«Но какъ она въ тебѣ сильна —
«Еще не знаю. Посмотри-ка,
«Тамъ рдѣетъ пышная гвоздика...
«Но нѣтъ, гвоздика не нужна;
«Подалѣе, какъ ты, унылый
«Чуть видѣнъ голубой цвѣтокъ...
«Сорви-же мнѣ его, мой милый —
«Онъ для любви не такъ далёкъ!»

Вскочилъ мой рыцарь, восхищенный
Ея душевной простотой;
Черезъ ручей прыгнувъ, стрѣлой
Летитъ онъ — цвѣтикъ драгоцѣнный
Сорвать послушною рукой...
Ужъ близко цѣль его стремленья —
Какъ вдругъ подъ нимъ (ужасный видъ!)
Земля невѣрная дрожитъ, —
Онъ вязнетъ... нѣтъ ему спасенья!
Взоръ кинувъ полный весь огня,
Къ своей красавицѣ безгласной: —
«Прости... не позабудь меня!» —
Воскликнулъ юноша несчастный,
И мигомъ пагубный цвѣтокъ
Схватилъ рукою безнадежной,
И, сердца пылкаго въ залогъ,
Его онъ кинулъ дѣвѣ нѣжной.

Цвѣтокъ печальный съ этихъ поръ
Любови дорогъ; сердце бьется,

Когда его примѣтитъ взоръ —
Онъ незабудкою зовется.
Въ мѣстахъ сырыхъ, вблизи болотъ,
Какъ-бы страшась прикосновенья,
Онъ ищетъ тамъ уединенья,
И цвѣтомъ неба онъ цвѣтетъ,
Гдѣ смерти нѣтъ и нѣтъ забвенья...

Вотъ повѣсти конецъ моей.
Судите: быль иль небылица?
А виновата-ли дѣвица —
Сказала вѣрно совѣсть ей.

1830—1831

Въ верху одна
Горитъ звѣзда,
Мой взоръ она
Манитъ всегда;
Мои мечты
Она влечетъ,
И съ высоты
Меня зоветъ.
Таковъ-же былъ
Тотъ свѣтлый взоръ,
Что̀ я любилъ
Судьбѣ въ укоръ.
Мукъ никогда
Онъ зрѣть не могъ;
Какъ та звѣзда,
Онъ былъ далекъ.
Усталыхъ вѣждъ
Я не смыкалъ
И безъ надеждъ
Къ нему взывалъ.*

Нѣтъ, я не требую вниманья
На грустный бредъ души моей;
Таить отъ всѣхъ мои желанья
Привыкъ ужъ я съ давнишнихъ дней

* См. примѣчаніе 6.

Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтобъ здѣсь чрезъ много скучныхъ лѣтъ,
Отъ жизни краткой, но мятежной,
Какой нибудь остался слѣдъ.

Быть можетъ, нѣкогда случится,
Что, всѣ страницы пробѣжавъ,
На эту взоръ вашъ устремится
И вы промолвите: *онъ правъ!*
Быть можетъ, долго стихъ унылый
Вашъ взглядъ удержитъ надъ собой,
Какъ близъ дороги столбовой
Пришельца — памятникъ могильный.*

БОРОДИНО.

1.

Всю ночь у пушекъ пролежали
Мы безъ палатокъ, безъ огней,
Штыки вострили да шептали
Молитвы родины своей.
Шумѣла буря до разсвѣта,
Я, голову поднявъ съ лафета,
Товарищу сказалъ:
Братъ, слушай пѣсню непогоды,
Она дика, какъ пѣснь свободы!

* См. примѣчаніе 6.

Но, вспоминая прежни годы,
Товарищъ не слыхалъ.

2.

Пробили зорю барабаны,
Востокъ туманный побѣлѣлъ,
И отъ враговъ ударъ нежданный
На батарею прилетѣлъ.
И вождь сказалъ передъ полками:
«Ребята, не Москва-ль за нами!
Умремте-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И мы погибнуть обѣщали.
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ бородинскій бой.

3.

Что̀ Чесма, Рымникъ и Полтава!
Я, вспомня, леденѣю весь.
Тамъ души волновала слава,
Отчаяніе было здѣсь.
Безмолвно мы ряды сомкнули.
Громъ грянулъ, завизжали пули;
Перекрестился я.
Мой палъ товарищъ, кровь лилася,
Душа отъ мщенія тряслася,
И пуля смерти понеслася
Изъ моего ружья.

4.

Маршъ-маршъ пошли впередъ и болѣ
Ужъ я не помню ничего.

Шесть разъ мы уступали поле
Врагу, и брали у него.
Носились знамена какъ тѣни,
Я спорилъ о могильной сѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ.
На пушки конница летала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

5.

Живые съ мертвыми сравнялись,
И ночь холодная пришла,
И тѣхъ, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали —
Противникъ отступилъ.
Но день достался намъ дороже!
Въ душѣ сказавъ: помилуй Боже!
На трупъ застывшій, какъ на ложе,
Я голову склонилъ.

6.

И крѣпко, крѣпко наши спали
Отчизны въ роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали,
Но этимъ не могли помочь.
Однако-же въ преданьяхъ славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!
Скорѣй обманетъ гласъ пророчій,

Скорѣй небесъ потухнутъ очи,
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно.*

1831 ГОДА, ІЮНЯ 11.

—

1.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ, —
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями... Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ.

2.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!

* См. примѣчаніе 7.

3.

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье думъ. Нѣтъ звуковъ у людей
Довольно сильныхъ, чтобъ изобразить
Желаніе блаженства. Пылъ страстей
Возвышенныхъ я чувствую; но словъ
Не нахожу, и въ этотъ мигъ готовъ
Пожертвовать собой, чтобъ какъ нибудь
Хоть тѣнь ихъ перелить въ другую грудь.

4.

Извѣстность, слава, что̀ онѣ? — А есть
У нихъ и надо мною власть; и мнѣ онѣ
Велятъ себѣ на жертву все принесть,
И я влачу мучительные дни
Безъ цѣли, оклеветанъ, одинокъ;
Но вѣрю имъ! Невѣдомый пророкъ
Мнѣ обѣщалъ безсмертье, и живой
Я смерти отдалъ все, что̀ даръ земной.

5.

Но для небеснаго могилы нѣтъ.
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ; и ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь;
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое: на что̀ имъ мертвыхъ разлучать?

6.

Къ погибшимъ люди справедливы; сынъ
Боготворитъ, что̀ проклиналъ отецъ.

Чтобъ въ этомъ убѣдиться, до сѣдинъ
Дожить не нужно: есть всему конецъ;
Немного долголѣтнѣй человѣкъ
Цвѣтка; въ сравненьи съ вѣчностью ихъ вѣкъ
Равно ничтоженъ. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна.

7.

Такъ и ея созданье. Иногда,
На берегу рѣки, одинъ, забытъ,
Я наблюдалъ, какъ быстрая вода,
Синѣя, гнется въ волны, какъ шипитъ
Надъ ними пѣна бѣлой полосой:
И я глядѣлъ и мыслію иной
Я не былъ занятъ, и пустынный шумъ
Разсѣевалъ толпу глубокихъ думъ.

8.

Тутъ былъ я счастливъ... О, когда-бъ я могъ
Забыть, что́ незабвенно... Женскій взоръ!
Причину столькихъ слезъ, безумствъ, тревогъ!
Другой владѣетъ ею съ давнихъ поръ,
И я другую съ нѣжностью люблю,
Хочу любить, — и небеса молю
О новыхъ мукахъ: но въ груди моей
Все живъ печальный призракъ прежнихъ дней.

9.

Никто не дорожитъ мной на землѣ
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ;
Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
Я холоденъ и гордъ; и даже злымъ

Толпѣ кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко въ сердце мнѣ должна?
Зачѣмъ ей знать, что́ въ немъ заключено?
Огонь иль сумракъ тамъ — ей все равно!

10.

Темна проходитъ туча въ небесахъ,
И въ ней таится пламень роковой;
Онъ, вырываясь, обращаетъ въ прахъ
Все, что́ ни встрѣтитъ. Съ дивной быстротой
Блеснетъ — и снова въ облакѣ укрытъ,
И кто его источникъ объяснитъ,
И кто заглянетъ въ нѣдра облаковъ?
Зачѣмъ? они исчезнутъ безъ слѣдовъ.

11.

Грядущее тревожитъ грудь мою:
Какъ жизнь я кончу, гдѣ душа моя
Блуждать осуждена, въ какомъ краю
Любезные предметы встрѣчу я?...
Но кто меня любилъ, кто голосъ мой
Услышитъ — и узнаетъ... И съ тоской
Я вижу, что любить, какъ я — порокъ,
И вижу... я слабѣй любить не могъ.

12.

Не вѣрятъ въ мірѣ многіе любви,
И тѣмъ счастливы; для иныхъ она
Желанье, порожденное въ крови,
Разстройство мозга иль видѣнье сна.
Я не могу любовь опредѣлить,
Но эта страсть сильнѣйшая! — Любить

Необходимо мнѣ, и я любилъ
Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ.

13.

И отучить не могъ меня обманъ.
Пустое сердце ныло безъ страстей,
И въ глубинѣ моихъ сердечныхъ ранъ
Жила любовь, богиня юныхъ дней;
Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза выростаетъ — молода
И зелена, и взоры веселитъ
И украшаетъ сумрачный гранитъ.

14.

И о судьбѣ ея чужой пришлецъ
Жалѣетъ. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконецъ
Увянетъ преждевременно она;
Но съ корнемъ не исторгнетъ никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Такъ лишь въ разбитомъ сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.

15.

Подъ ношей бытія не устаетъ
И не хладѣетъ гордая душа;
Судьба ее такъ скоро не убьетъ,
А лишь взбунтуетъ; мщеніемъ дыша
Противъ непобѣдимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
Съ такой душой ты богъ, или злодѣй.

16.

Какъ нравились всегда пустыни мнѣ;
Люблю я вѣтеръ межъ нагихъ холмовъ,
И коршуна въ небесной вышинѣ,
И на равнинѣ тѣни облаковъ.
Ярма не знаетъ рѣзвый здѣсь табунъ;
И кровожадный тѣшится летунъ
Подъ синевой, и облако степей
Свободнѣй какъ-то мчится и свѣтлѣй.

17.

И мысль о вѣчности, какъ великанъ,
Умъ человѣка поражаетъ вдругъ,
Когда степей безбрежный океанъ
Синѣетъ предъ глазами; каждый звукъ
Гармоніи вселенной, каждый часъ
Страданья или радости для насъ
Становится понятенъ, и себѣ
Отчетъ мы можемъ дать въ своей судьбѣ.

18.

Кто посѣщалъ вершины дикихъ горъ
Въ тотъ свѣжій часъ, когда садится день,
На западѣ свѣтило видитъ взоръ
И на востокѣ близкой ночи тѣнь,
Внизу туманъ, уступы и кусты,
Кругомъ все горы чудной высоты,
Какъ послѣ бури облака стоятъ
И странные верхи въ лучахъ горятъ.

19.

И сердце полно, полно прежнихъ лѣтъ,
И сильно бьется; пылкая мечта

Приводитъ въ жизнь — минувшаго скелетъ
И въ немъ почти все та-же красота.
Такъ любимъ мы глядѣть на свой портретъ,
Хоть съ нами въ немъ ужъ сходства больше нѣтъ,
Хоть на холстѣ хранится блескъ очей,
Погаснувшихъ отъ время и страстей.

20.

Что на землѣ прекраснѣй пирамидъ
Природы, этихъ гордыхъ снѣжныхъ горъ!
Не перемѣнитъ ихъ надменный видъ
Ничто: ни слава царствъ, ни ихъ позоръ;
О ребра ихъ дробятся темныхъ тучъ
Толпы, и молній обвиваетъ лучъ
Вершины скалъ: ничто не вредно имъ.
Кто близъ небесъ, тотъ не сраженъ земнымъ.

21.

Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучій аквилонъ
И предъ собой свободно гонитъ пыль,
И гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,
Встрѣчаетъ взглядъ березы двѣ иль три,
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой.

22.

Такъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ,
Въ минувшее проникнувъ — различить
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ; въ цвѣтѣ лѣтъ
Она души не будетъ веселить.

Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать-бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что̀ значитъ отдыхать.

23.

Всегда кипитъ и зрѣетъ что нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что̀-жъ? Мнѣ жизнь все какъ-то коротка
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то. Жажда бытія
Во мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ,
Хотя я презираю жизнь другихъ.

24.

Есть время, леденѣетъ быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ:
Душа сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна, —
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.

25.

Я къ состоянью этому привыкъ,
Но ясно выразить его-бъ не могъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ:
Они такихъ не вѣдаютъ тревогъ;
Въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло.
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло

Священное съ порочнымъ. Всѣ его
Мученья происходятъ оттого.

26.

Никто не получалъ, чего хотѣлъ
И что любилъ; и если даже тотъ,
Кому счастливый данъ удѣлъ,
Въ умѣ своемъ минувшее пройдетъ, —
Увидитъ онъ, что могъ счастливѣй быть,
Когда-бы не успѣла отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко брегу возвратиться несильна.

27.

Когда гонима бурей роковой
Шипитъ и мчится съ пѣною своей.
Она все помнитъ тотъ заливъ родной,
Гдѣ нѣжилась въ пріютахъ камышей,
И, можетъ быть, она опять придетъ
Въ другой заливъ, но тамъ ужъ не найдетъ
Себѣ покоя: кто въ моряхъ блуждалъ,
Тотъ не заснетъ въ тѣни прибрежныхъ скалъ.

28.

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ.
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ;
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забытъ умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.

29.

Всѣ! Нѣтъ, не всѣ!... Созданье есть одно,
Способное любить — хоть не меня;
До этихъ поръ не вѣритъ мнѣ оно,
Однако, сердце полное огня
Не увлечется мнѣньемъ, и мое
Пророчество припомнитъ умъ ея,
И взоръ, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30.

Кровавая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста,
На дикомъ берегу ревущихъ водъ,
И подъ туманнымъ небомъ; пустота
Кругомъ. Лишь чужестранецъ молодой,
Невольнымъ сожалѣньемъ и молвой,
И любопытствомъ приведенъ сюда,
Сидѣть на камнѣ станетъ иногда,

31.

И скажетъ: отчего не понялъ свѣтъ
Великаго, и какъ онъ не нашелъ
Себѣ друзей, и какъ любви привѣтъ
Къ нему надежду не привелъ?
Онъ былъ ея достоинъ. — И печаль
Его встревожитъ, онъ посмотритъ вдаль:
Увидитъ облака съ лазурью волнъ,
И бѣлый парусъ; и бѣгучій челнъ,

32.

И мой курганъ! — Любимыя мечты
Мои подобны этимъ; сладость есть

Во всемъ, что̀ не сбылось; есть красоты
Въ такихъ картинахъ, — только перенесть
Ихъ на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размѣромъ словъ не стѣснена,
Когда свободна, какъ игра дѣтей,
Какъ арфы звукъ въ молчаніи ночей!

М. Ф. М.....вой. (1830)

—

Любилъ съ начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Гдѣ укрывался весь въ себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожалѣнье.

Счастливцы, мнилъ я, не поймутъ
Того, что̀ самъ не разберу я;
И черныхъ думъ не унесутъ
Ни радость дружескихъ минутъ,
Ни страстный пламень поцалуя.

Мои неясныя мечты
Я выразить хотѣлъ стихами,
Чтобы, прочтя сіи листы,
Меня-бы примирила ты
Съ людьми и съ буйными страстями;

Но взоръ спокойный, чистый твой
Въ меня вперился. Изумленной

Ты покачала головой,
Сказавъ, что боленъ разумъ мой,
Желаньемъ вздорнымъ ослѣпленный.

Я, вѣруя твоимъ словамъ,
Глубоко въ сердце погрузился;
Однако-же нашелъ я тамъ,
Что умъ мой не по пустякамъ
Къ чему-то тайному стремился;

Къ тому, чего даны въ залогъ
Съ толпою звѣздъ ночные своды,
Къ тому, что́ обѣщалъ намъ Богъ,
И что̀ уразумѣть я могъ
Черезъ мышленіе и годы.

Но пылкій, но суровый нравъ
Меня грызетъ отъ колыбели...
И въ жизни зло лишь испытавъ,
Умру я, сердцемъ не познавъ
Печальныхъ думъ, печальной цѣли.

СМЕРТЬ.

Погаснулъ день! И тьма ночная своды
Небесные какъ саваномъ покрыла.
Кой-гдѣ на немъ вертѣлись и мелькали
Свѣтящіяся точки,
И между нихъ земля вертѣлась наша;

На ней, спокойствіемъ объятой тихимъ,
Уснуло все — и я одинъ лишь не спалъ.
Одинъ я не спалъ... Страшнымъ полусвѣтомъ,
Межъ радостью и горестью сердечной,
Мое тѣснилось сердце, — и желалъ я
Веселіе или печаль умножить
Воспоминаньемъ о убитой жизни.
Послѣднее, однако, было легче!...

Вотъ съ запада скелетъ неизмѣримый
По мрачнымъ сводамъ началъ подниматься,
И звѣзды заслонилъ собою...
И цѣлые міры предъ нимъ уничтожались,
И все трещало подъ его ногами,
Ничтожество за ними оставалось!
И вотъ приблизился къ земному шару
Гигантъ всесильный. — Все на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило; — единый,
Единый смертный видѣлъ, что̀ не дай Богъ
Созданію живому видѣть...
И вотъ *онъ* поднялъ костяныя руки —
И въ каждой онъ держалъ по человѣку
Дрожащему — и мнѣ они знакомы были —
И кинулъ взоръ на нихъ я — и заплакалъ!
И странный голосъ вдругъ раздался: «малодушный!
Сынъ праха и забвенія, не ты-ли,
Изнемогая въ мукахъ нестерпимыхъ,
Ко мнѣ взывалъ?... Я здѣсь: я смерть!...
Мое владычество безбрежно!...
Вотъ двое. Ты ихъ знаешь — ты родилъ ихъ...
Одинъ изъ нихъ погибнетъ. Позволяю
Опредѣлить неизбѣжимый жребій...
И ты умрешь, и въ вѣчности погибнешь —
И ихъ нигдѣ, нигдѣ вторично не увидишь —

Знай, какъ исчезаетъ время, такъ и люди —
Его рожденье — только Богъ лишь вѣченъ...
Рѣшись, несчастный!...»
Тутъ невольный трепетъ
По мнѣ мгновенно началъ разливаться,
И зубы, крѣпко застучавъ, мѣшали
Словамъ жестокимъ вырваться изъ груди;
И наконецъ, преодолѣвъ свой ужасъ,
Къ скелету я воскликнулъ: «оба! оба!...
Я вѣрю: нѣтъ свиданья — нѣтъ разлуки!...
Они довольно жили, чтобы вѣчно
Продлилося ихъ наказанье.
Ахъ! и меня возьми — земнаго червя,
И землю раздроби — гнѣздо разврата,
Безумства и печали!...
Все, все беретъ она у насъ обманомъ,
И не даритъ намъ ничего, кромѣ рожденья...
Проклятье этому подарку!...
Мы безъ него тебя-бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бѣдной жизни,
Гдѣ нѣтъ надеждъ — и всюду опасенья.
Да гибнутъ-же друзья мои, да гибнутъ!...
Лишь объ одномъ я буду плакать:
Зачѣмъ они не дѣти!...»

И видѣлъ я, какъ руки костяныя
Моихъ друзей сдавили — ихъ не стало —
Не стало даже призраковъ и тѣней...
Туманомъ облачился образъ смерти,
И такъ пошелъ на сѣверъ. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на Творца роптalъ, страшась молиться!...

Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ.
Мы сгибнемъ — нашъ сотрется слѣдъ,
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ.
Нашъ духъ вселенной вихрь умчитъ
Къ безбрежнымъ, мрачнымъ сторонамъ;
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.

Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ. Станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ!...

Къ нимъ станутъ (какъ всегда могли)
Слетаться ангелы. А мы
Увидимъ этотъ рай земли,
Окованы надъ бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вѣчность съ цѣлію одной:
Вотъ казнь за цѣлые вѣка
Злодѣйствъ, кипѣвшихъ подъ луной.

ВЪ ВОСКРЕСЕНСКѢ.

(НАПИСАНО НА СТѢНАХЪ ЖИЛИЩА НИКОНА.)

—

Оставленная пустынь предо мной
Бѣлѣется вечернею порой,
Послѣдній лучъ на ней еще горитъ;
Но колоколъ, растреснувшій, молчитъ.
Его, бывало, заунывный гласъ
Звалъ братью къ всенощной въ сей мирный часъ.
Зеленый мохъ, растущій надъ окномъ,
Заржавленные ставни и кругомъ
Высокая полынь — все, все безъ словъ,
Намъ говоритъ о таинствахъ гробовъ...
. . . . . *
Таковъ старикъ подъ грузомъ тяжкихъ лѣтъ
Еще хранящій жизни первый цвѣтъ;
Хотя онъ свѣжъ, на немъ печать могилъ,
Тѣхъ юношей, которыхъ пережилъ.

ПРОСТИ.

(ИЗЪ БАЙРОНА.)

—

Прости! Коль могутъ къ небесамъ
Взлетать молитвы за другихъ,

---

* Точки въ подлинникѣ.

Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ.
Мы сгибнемъ — нашъ сотрется слѣдъ,
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ.
Нашъ духъ вселенной вихрь умчитъ
Къ безбрежнымъ, мрачнымъ сторонамъ;
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.

Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ. Станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ!...

Къ нимъ станутъ (какъ всегда могли)
Слетаться ангелы. И мы
Увидимъ этотъ рай земли,
Окованы надъ бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вѣчность съ цѣлію одной:
Вотъ казнь за цѣлые вѣка
Злодѣйствъ, кипѣвшихъ подъ луной.

ВЪ ВОСКРЕСЕНСКѢ.

(ЖИЛИЩЕ НИКОНА.)

—

Оставленная пустынь предо мной
Бѣлѣется вечернею порой,
Послѣдній лучъ на ней еще горитъ;
Но колоколъ, растреснувшій, молчитъ.
Его, бывало, заунывный гласъ
Звалъ братію ко всенощной въ сей мирный часъ.
Зеленый мохъ, растущій надъ окномъ,
Заржавленныя ставни и кругомъ
Высокая полынь — все, все безъ словъ,
Намъ говоритъ о таинствахъ гробовъ
. . . . . !
Таковъ старикъ подъ грузомъ тяжкихъ лѣтъ
Еще хранящій жизни первый цвѣтъ;
Хотя онъ свѣжъ, на немъ печать могилъ,
Тѣнь юношей, которыхъ пережилъ.

ПРОСТИ.

(ИЗЪ БАЙРОНА.)

—

Прости! Коль могутъ къ небесамъ
Взлетать молитвы за другихъ,

Моя молитва будетъ тамъ,
И даже улетитъ за нихъ.
Напрасно плакать и вздыхать:
Кровавыхъ капли слезъ порой
Не могутъ болѣе сказать,
Чѣмъ звукъ прощанья роковой!...

Уста молчатъ, засохъ мой взоръ.
Но подавили грудь и умъ
Непроходимыхъ мукъ соборъ,
Съ толпой неусыпимыхъ думъ.
О страсти не жалѣю вновь;
Лишь знаю я — и могъ снести —
Что тщетно въ насъ жила любовь,—
Лишь чувствую: прости! прости!

ЭПИТАФІЯ.

—

Простосердечный сынъ свободы,
Для чувствъ онъ жизни не щадилъ,
И вѣрныя черты природы
Онъ часто списывать любилъ.

Онъ вѣрилъ темнымъ предсказаньямъ
И талисманамъ, и любви,
И неестественнымъ желаньямъ
Онъ отдалъ въ жертву дни свои.

И въ немъ душа запасъ хранила

Блаженства, муки и страстей...
Онъ умеръ... Здѣсь его могила...
Онъ не былъ созданъ для людей.

Когда-бы могъ весь свѣтъ узнать,
Что жизнь съ надеждою, мечтами —
Не что иное, какъ тетрадь
Съ давно извѣстными стихами!

ПОСВЯЩЕНІЕ.

—

Прими, прими мой грустный трудъ
И, если можешь, плачь надъ нимъ.
Я много плакалъ. Не придутъ
Вновь эти слезы, — вѣчно имъ
Не освѣжать моихъ очей.
Когда катилися они,
Я думалъ, думалъ все о ней,
Жалѣлъ и ждалъ другіе дни!
Ужъ нѣтъ ея, и слезъ ужъ нѣтъ,
И нѣтъ надеждъ. Передо мной
Блеститъ надменный, глупый свѣтъ
Съ своей красивой пустотой!
Ужель я для него писалъ?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящалъ,

Являя сердца полноту?
Цѣнить онъ только злато могъ,
И гордыхъ думъ не постигалъ:
Мой геній сплелъ себѣ вѣнокъ
Въ ущелинахъ кавказскихъ скалъ.
Однимъ высокимъ увлеченъ,
Онъ только жертвуетъ любви;
Принесть тебѣ лишь можетъ онъ
Любимые труды свои.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

—

Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ
Души взволнованной мечты;
Я бѣденъ былъ — ты это зналъ,
И бѣдняка не кинулъ ты.

Ты примирилъ меня съ судьбой,
Съ мятежной властію страстей,
Тобой, единственно тобой,
Я сталъ, чѣмъ былъ съ давнишнихъ дней.

И Муза, по моей мольбѣ,
Сошла опять съ святой горы;
Но вѣрь, принадлежитъ тебѣ
Ея вѣнокъ, ея дары!...

КЪ ***

(Прочитавъ жизнь Байрона, написанную Муромъ.)

—

Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья,
Хотя слова мои печальны — нѣтъ;
Нѣтъ! всѣ мои жестокія мученья —
Одно предчувствіе гораздо большихъ бѣдъ.

Я молодъ; но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я-бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ-же муки.
О, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ!...

Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ ужъ я душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.

Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ — прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ — тамъ нѣтъ души родной.

ТРЕТІЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.

—

По голубому небу пролеталъ
Однажды Демонъ. Съ злобою нѣмой
Онъ въ безпредѣльность грустный взоръ кидалъ

И вспоминанья передъ нимъ толпой
Тѣснились. Это небо, гдѣ Творецъ
Внималъ его хваламъ и, наконецъ,
Проклятьямъ, эти звѣзды... все кругомъ
Прекрасно, въ блескѣ вѣчно-молодомъ;

Какъ было въ тотъ святой, великій часъ,
Когда отъ мрака отдѣлился свѣтъ,
И ангелъ радостный, онъ въ первый разъ
Взглянулъ на будущность. И сколько лѣтъ
И сколько тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло!
И онъ уже не тотъ. Его чело
Померкло... Онъ одинъ... одинъ... одинъ...
Врагъ счастья и порока властелинъ.

Изгнанникъ, для чего тоскуешь ты
О томъ, что̀ невозвратно? Но, пускай!
Не воскресивъ душевной чистоты,
Ты не найдешь потерянный свой рай!
Напрасно обращенъ преступный взоръ
На небеса: ихъ свѣтъ — тебѣ укоръ.
— Будь гордъ, старайся мстить, живи губя. —
Но что́-жъ? и зло не радуетъ тебя?

И часто, очень часто людямъ онъ
Завидовалъ. У нихъ надежда есть
На искупленье, на могильный сонъ.
Всѣ ихъ несчастья легче перенесть
Одной палящей капли адскихъ мукъ.
И вѣчность (это слово, этотъ звукъ,
Который значитъ все) — имъ не страшна.
Нѣтъ, вѣчность для рабовъ не создана!

Такъ мыслилъ Демонъ. Медленно крыломъ,
Спускаяся на землю, разсѣкалъ

Онъ воздухъ. Все цвѣло въ краю земномъ:
Весенній день, краснѣя, догоралъ.
Растенія и волны вѣтеркомъ
Колеблемы, негрѣющимъ лучомъ
Казались зажжены. Туманъ сырой
Ревниво поднимался надъ землей.

И только крестъ пустынный, наконецъ,
Стоящій на горѣ, едва вдали
Блестѣлъ... и гаснетъ! Звѣздный свой вѣнецъ
Надѣла ночь. Въ молчаніи текли
Свѣтила неба въ этотъ мирный часъ,
Но въ ихъ молчаньи есть понятный гласъ:
О будущемъ пророчествуетъ онъ.
Вотъ встала и луна. Повсюду сонъ.

Свѣти, свѣти, прекрасная луна!
Природа любитъ шаръ твой золотой:
Въ его сіяньи нѣжится она,
Одѣтая полупрозрачной мглой.
Но человѣка любишь ты дразнить
Несбыточной мечтой. Какъ не грустить,
Когда на насъ ты льешь свой блѣдный свѣтъ,
Ты — памятникъ всего, чего ужъ нѣтъ!*

Всевышній произнесъ свой приговоръ,
Его ничто не перемѣнитъ;
Межъ нами руку мести онъ простеръ,

---

* См. примѣчаніе 8.

И безпристрастно все оцѣнитъ.
Онъ знаетъ, и ему лишь можно знать,
Какъ нѣжно, пламенно любилъ я,
Какъ безотвѣтно все, что́ только могъ отдать,
Тебѣ на жертву приносилъ я.
Во зло употребила ты права,
Пріобрѣтенныя надъ мною,
И мнѣ, польстивъ любовію сперва,
Ты измѣнила — Богъ съ тобою!
О, нѣтъ! я-бъ не рѣшился проклянуть!...
Все для меня въ тебѣ святое:
Волшебные глаза, и эта грудь,
Гдѣ бьется сердце молодое.
Я помню, сорвалъ я обманомъ разъ
Цвѣтокъ, хранившій ядъ страданья,
Съ невинныхъ устъ твоихъ въ прощальный часъ
Непринужденное лобзанье;
Я зналъ: то не любовь — и перенесъ;
Но отгадать не могъ я тоже,
Что всѣхъ моихъ надеждъ и мукъ, и слезъ,
Веселый мигъ тебѣ дороже!
Будь счастлива несчастіемъ моимъ
И, услыхавъ, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньемъ пустымъ.
Прости! — вотъ все, что́ я желаю...
Чѣмъ заслужилъ я, чтобъ твоихъ очей
Затмился свѣжій блескъ слезами?
Ко смѣху пріучить себя нужнѣй:
Вѣдь жизнь смѣется-же надъ нами!

ОДИННАДЦАТАГО ІЮЛЯ.

Между лиловыхъ облаковъ
Однажды вечеромъ свѣтило
За снѣжной цѣпію холмовъ,
Краснѣя, ярко заходило,
И возлѣ дѣвы молодой,
Послѣднимъ блескомъ озаренной,
Стоялъ я, блѣдный, чуть живой,
И съ головы ея безцѣнной
Моихъ очей я не сводилъ...
Какъ долго это я мгновенье
Въ туманной памяти хранилъ!
Ужель все было сновидѣнье:
И ложе дѣвы, и окно,
И трепетъ милыхъ устъ, и взгляды,
Въ которыхъ мнѣ запрещено
Судьбой искать себѣ отрады? —
Нѣтъ, только счастье ослѣпить
Умѣетъ мысли и желанья,
И сномъ никакъ не можетъ быть
Все, въ чемъ хоть искра есть страданья!

ЖЕЛАНІЕ.

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?

На западъ, на западъ помчался-бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ, въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
Ихъ забвенный покоится прахъ.

На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ,
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ-бы летать надъ мечомъ и щитомъ
И смахнулъ-бы я пыль съ нихъ крыломъ.

И арфы шотландской струну-бы задѣлъ —
И по сводамъ-бы звукъ полетѣлъ;
Внимаемъ однимъ, и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ-бы онъ.

Но тщетны мечты, безполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы.
Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но не здѣшній душой...
О! зачѣмъ я не воронъ степной!...

Средниково. Вечеръ на бельведерѣ.
29 іюля.

СВ. ЕЛЕНА.

—

Почтимъ привѣтомъ островъ одинокій,
Гдѣ часто въ думу погруженъ,

На берегу, о Франціи далекой
Воспоминалъ Наполеонъ!
Сынъ моря, средь морей твоя могила! —
Вотъ мщеніе за муки столькихъ дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великій жизнь окончилъ въ ней.

Изгнанникъ мрачный, жертва вѣроломства
И рока прихоти слѣпой,
Погибъ, какъ жилъ — безъ предковъ и потомства,
Хоть побѣжденный — но герой!
Родился онъ игрой судьбы случайной,
И пролетѣлъ, какъ буря, мимо насъ;
Онъ міру чуждъ былъ. Все въ немъ было тайной —
День возвышенья и паденья часъ!

КЪ ДРУГУ В. Ш.

—

«До лучшихъ дней!» передъ прощаньемъ,
Пожавъ мнѣ руку, ты сказалъ;
И долго эти дни я ждалъ,
Но былъ обманутъ ожиданьемъ!...

Мой милый! не придутъ они,
Въ грядущемъ счастія такъ мало!...
Я помню радостные дни,
Но все, что̀ помню, то пропало.

Былое безполезно намъ —
Таковъ маякъ порой ночною

Надъ бурной бездною морскою,
Манящій къ вѣрнымъ берегамъ,

Когда на лодкѣ одинокой
Несется трепетный пловецъ,
И видитъ берегъ недалекій
И ближе видитъ свой конецъ.

Нѣтъ! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено;
Едва нисходитъ сонъ прекрасный,
Ужъ просыпается оно!

7-го АВГУСТА. ВЪ ДЕРЕВНѢ.

НА ХОЛМѢ, У ЗАБОРА.

—

Блистая, пробѣгаютъ облака
По голубому небу. Холмъ крутой
Осеннимъ солнцемъ озаренъ. Рѣка
Бѣжитъ внизу по камнямъ съ быстротой
И на холмѣ пришелецъ молодой,
Завернутъ въ плащъ, недвижимо сидитъ
Подъ старою березой. Онъ молчитъ;
Но грудь его подъемлется порой,
Но блѣдный ликъ мѣняетъ часто цвѣтъ;
Чего онъ ищетъ здѣсь? Спокойствія? — О, нѣтъ!

Онъ смотритъ вдаль: тутъ лѣсъ пестрѣетъ, тамъ
Поля и степи, тамъ встрѣчаетъ взглядъ

Опять дубраву, или по кустамъ
Разсѣянныя сосны. Міръ, какъ садъ
Цвѣтетъ, надѣвъ могильный свой нарядъ:
Поблекнувшіе листья... жалокъ міръ!
Въ немъ каждый средь толпы забытъ и сиръ,
И люди всѣ къ ничтожеству спѣшатъ.
Но хоть природа презираетъ ихъ,
Любимцы есть у ней, какъ у царей другихъ.

И тотъ, на комъ лежитъ ея печать,
Пускай не ропщетъ на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смѣлъ сказать,
Что у груди своей она змѣю
Согрѣла. — «О, когда-бъ одно «люблю»
Изъ устъ прекрасныхъ могъ подслушать я,
Тогда-бы люди, даже жизнь моя
Въ однообразномъ сѣверномъ краю,
Все-бъ въ новый блескъ одѣлось!» — такъ мечталъ
Безпечный... но просить онъ небо не желалъ!

АТАМАНЪ.

—

1.

Горе тебѣ, городъ Казань!
Бѣжитъ толпа удальцовъ
Сбирать невольную дань
Съ твоихъ баззащитныхъ купцовъ.
Вдоль по Волгѣ широкой,

На лодкѣ плывутъ,
И веслами дружными плещутъ,
И пѣсни поютъ.

2.

Горе тебѣ, русская земля!
Атаманъ между ними сидитъ;
Хоть его лихая семья
Какъ волны шумна — онъ молчитъ;
И краса молодая,
Какъ саванъ блѣдна,
Передъ нимъ стоитъ на колѣняхъ
И молитъ она:

3.

«Горе мнѣ, бѣдной дѣвицѣ!
Чѣмъ виновна я предъ тобой,
Ты повѣрилъ злой клеветницѣ;
Любимъ мною не былъ другой.
Мнѣ жребій неволи
Судьбинушкой данъ,
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаманъ.»

4.

«Горе дѣвицѣ лукавой!
Атаманъ ей, нахмурясь, въ отвѣтъ:
У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нѣтъ;
Отъ глазъ моихъ трудно
Проступокъ укрыть,
Все знаю!... и вновь не могу я,
Дѣвица, любить!...

5.

«Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечныхъ ранъ...
Прости-же!... лекарство то — месть!
На что̀-же я здѣсь атаманъ?
И запла̀чу-ль, какъ плачетъ
Любовникъ другой!...
И смягчишь-ли меня ты, дѣвица,
Своею слезой?»

6,

Горе тебѣ, гроза-атаманъ!
Ты свой произнесъ приговоръ.
Среди пожаровъ ограбленныхъ странъ,
Ты забудешь-ли пламенный взоръ!...
Остался-ль ты хладенъ
И твердъ, какъ въ бою;
Когда бросили въ пѣнныя волны
Красотку твою?

7.

Горе тебѣ, удалой!
Какъ совѣсть совсѣмъ удалить?
Отнынѣ онъ чистой водой
Боится руки умыть.
Умывать онъ ихъ любитъ,
Съ дружиной своей,
Слезами вдовицъ беззащитныхъ
И кровью дѣтей!

ИСПОВѢДЬ.

Я вѣрю, обѣщаю вѣрить,
Хоть самъ того не испыталъ,
Чтобъ могъ монахъ не лицемѣрить
И жить, какъ клятвой обѣщалъ;
Что поцалуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближнихъ малыя ошибки
Они прощаютъ иногда;
Что время лечитъ отъ страданья,
Что міръ для счастья сотворенъ,
Что добродѣтель не названье
И жизнь поболѣе, чѣмъ сонъ!...

Но вѣрѣ теплой опытъ хладный
Противорѣчитъ каждый мигъ,
И умъ, какъ прежде, безотрадный
Желанной цѣли не достигъ;
И сердце полно сожалѣній,
Хранитъ въ себѣ глубокій слѣдъ
Умершихъ, но святыхъ видѣній,
И тѣни чувствъ какихъ ужъ нѣтъ;
Его ничто не испугаетъ,
И то, что́ было-бъ ядъ другимъ,
Его живитъ, его питаетъ
Огнемъ язвительнымъ своимъ.

ЧАША ЖИЗНИ.

—

1.

Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омочивъ края
Своими-же слезами.

2.

Когда-же передъ смертью съ глазъ
Завязка упадаетъ,
И все, что̀ обольщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ,

3.

Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ — мечта,
И что она — не наша!

———

ВОЛЯ.

—

Моя мать — злая кручина,
Отцомъ-же была мнѣ — судьбина,

Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ моей груди
Прижаться;
Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться.
Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена —
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная.
Съ ней нашлись другіе у меня —
Мать, отецъ и семья;
А моя мать — степь широкая,
А мой отецъ — небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья въ лѣсахъ —
Березы да сосны...
Несусь-ли я на конѣ,
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу-ли поздней порой —
Небо свѣтитъ мнѣ луной;
Мои братья въ лѣтній день,
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами;
А вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ — необъятное!

28 СЕНТЯБРЯ.

—

Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый!
Я говорилъ съ тобой!
И мнѣ былое, взятое могилой,
Напомнилъ голосъ твой.

Къ чему?... Другой лобзаетъ эти очи
И руку жметъ твою;
Другому голосъ твой во мракѣ ночи
Твердитъ: люблю, люблю!

Откройся мнѣ: ужели непритворны
Лобзанія твои?
Они правамъ супружества покорны,
Но не правамъ любви.

Онъ для тебя не созданъ; ты родилась
Для пламенныхъ страстей;
Отдавъ ему себя, ты не спросилась
У совѣсти своей!

Онъ чувствовалъ-ли трепетъ потаенный
Въ присутствіи твоемъ?
Умѣлъ-ли презирать онъ міръ презрѣнный,
Чтобъ мыслить объ одномъ?

Встрѣчалъ-ли онъ съ моленьемъ и слезами
Привѣтъ холодный твой?
И лучшими-ль онъ жертвовалъ годами —
Мгновенію съ тобой?

Нѣтъ! я увѣренъ: твоего блаженства
Не можетъ сдѣлать тотъ,
Кто красоты наружной совершенства
Одни въ тебѣ найдетъ.

Такъ!... ты его не любишь!... Тайной властью
Прикована ты вновь
Къ душѣ печальной, незнакомой счастью,
И нѣжной, какъ любовь.

Метель шумитъ и снѣгъ валитъ,
Но сквозь шумъ вѣтра дальній звонъ,
Порой, прорвавшися, гудитъ —
То отголосокъ похоронъ,

То звукъ могилы надъ землей,
Умершимъ — вѣсть, живымъ — укоръ,
Цвѣтокъ поблекшій, гробовой,
Который не плѣняетъ взоръ.

Пугаетъ сердце этотъ звукъ
И возвѣщаетъ онъ для насъ
Конецъ земныхъ недолгихъ мукъ,
Но чаще — новыхъ первый часъ!...

Когда-бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья

Онъ въ нашу душу-бъ не вложилъ,
Онъ не позволилъ-бы стремиться
Къ тому, что̀ не должно свершиться,
Онъ не позволилъ-бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда-бъ намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать?

Но чувство есть у насъ святое —
Надежда, Богъ грядущихъ дней;
Она въ душѣ, гдѣ все земное,
Живетъ наперекоръ страстей;
Она залогъ, что̀ есть понынѣ
На небѣ, иль въ другой пустынѣ,
Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ нѣжный,
И гдѣ тоски ея мятежной
Душа узнать не можетъ вновь.

Я видѣлъ тѣнь блаженства; но вполнѣ,
Свободно отъ людей и отъ земли,
Не суждено имъ насладиться мнѣ.
Быть можетъ, манитъ только издали
Оно надежду; получивъ — какъ знать? —
Быть можетъ, я-бъ его сталъ презирать;
И увидалъ-бы, что ни слезъ, ни мукъ
Не стоитъ счастье, ложное какъ звукъ.

Кто скажетъ мнѣ, что звукъ ея рѣчей
Не отголосокъ рая? Что душа
Не смотритъ изъ живыхъ очей,

Когда на нихъ смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Какъ ангелъ казни, Богомъ создана?
Нѣтъ! чистый ангелъ не виновенъ въ томъ,
Что есть пятно тоски въ умѣ моемъ.

И съ каждымъ годомъ шире то пятно;
И скоро все поглотитъ, и тогда
Узнаю я спокойствіе; оно,
Навѣрно, много причинитъ вреда
Моимъ мечтамъ и пламень чувствъ убьетъ,
За то безъ бурь напрасныхъ приведетъ
Къ уничтоженью; но до этихъ дней
Я воленъ, даже — если рабъ страстей!

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной, и все, что̀ чуждо ей,
То чуждо мнѣ; я родину люблю
И больше многихъ: средь ея полей
Есть мѣсто, гдѣ я горесть началъ знать,
Есть мѣсто, гдѣ я буду отдыхать,
Когда мой прахъ, смѣшавшися съ землей,
На вѣки прежній видъ оставитъ свой.

О, мой отецъ! гдѣ ты? гдѣ мнѣ найти
Твой гордый духъ, бродящій въ небесахъ?
Въ твой міръ ведутъ столь разные пути,
Что избирать мѣшаетъ тайный страхъ.
Есть рай небесный, звѣзды говорятъ;
Но гдѣ-же? вотъ вопросъ — и въ немъ-то ядъ;
Онъ сдѣлалъ то, что въ женскомъ сердцѣ я
Хотѣлъ сыскать отраду бытія.

СТАНСЫ КЪ Д***

—

1.

Я не могу ни произнесть,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
Въ его знакомыхъ звукахъ есть;
Суди-жъ, какъ тяжко это слово
Мнѣ услыхать въ устахъ другаго!

2.

Какое право имъ дано
Шутить святынею моею?
Когда коснуться я не смѣю,
Ужели имъ позволено?
Какъ я, ужель они искали
Свой рай въ тебѣ одной? — едва-ли?

3.

Ни передъ кѣмъ я не склонялъ
Еще послушнаго колѣна:
То гордости была-бъ измѣна;
А ей лишь робкій измѣнялъ.
И не поникну я главою,
Хотя-бъ то было предъ судьбою!

4.

Но если ты передъ людьми
Прикажешь мнѣ унизить душу,
Я клятвы юности нарушу,

Всѣ клятвы, кромѣ клятвъ любви;
Пускай имъ скажутъ, дорогая,
Что это сдѣлалъ для тебя я!

5.

Улыбку я твою видалъ;
Она мнѣ сердце восхищала,
И ей — такъ думалъ я сначала —
Подобной нѣтъ; но я не зналъ,
Что очи, полныя слезами,
Равны красою съ небесами.

6.

Я видѣлъ ихъ, и былъ вполнѣ
Счастливъ, пока слеза катилась:
Въ ней искра божества хранилась;
Она принадлежала мнѣ.
Такъ! все прекрасное, святое
Въ тебѣ — мнѣ больше, чѣмъ родное.

7.

Когда-бъ міры у нашихъ ногъ
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать-бы счастіемъ не могъ:
Ему страшны молвы сужденья,
Оно — цвѣтокъ уединенья.

8.

Ты помнишь вечеръ и луну,
Когда, въ бесѣдкѣ одинокой,
Сидѣлъ я съ думою глубокой,
Взирая на тебя одну...

Какъ мнѣ мила тѣхъ дней безпечность!
За вечеръ тотъ я-бъ не взялъ вѣчность.

9.

Такъ за ничтожный талисманъ,
Отъ гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчугъ, злато
И всѣ богатства чуждыхъ странъ:
Закону строгому послушный,
Онъ ихъ отвергнетъ равнодушно.

КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Мой другъ, не плачь передъ разлукой,
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь:
Ты самъ-же послѣ осмѣёшь
Тоску любови легковѣрной,
Которая закралась въ грудь.
Что́ разъ потеряно, то, вѣрно,
Вернется къ намъ когда-нибудь.
Но невиновенъ рокъ бываетъ,
Что чувство въ насъ неглубоко;
Что наше сердце измѣняетъ
Надеждамъ прежнимъ такъ легко;
Что, получивъ опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаемъ мы ихъ примѣты,
Не прельщены ихъ красотой;

И даже прежнему пристрастью
Не вѣримъ слабою душой,
И даже то относимъ къ счастью,
Что̀ намъ казалося бѣдой.

ДВА ПОСВЯЩЕНІЯ ПОЭМЫ «ДЕМОНЪ».

—

I.

Прими мой даръ, моя Мадона!
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ явилась ты,
Моя любовь мнѣ оборона
Отъ порицаній клеветы.

Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего:
Ты неспособна лицемѣрить,
Ты слишкомъ ангелъ для того!

Скажу-ли? — преданъ самовластью
Страстей печальныхъ и судьбѣ,
Я счастьемъ не обязанъ счастью,
Но всѣмъ обязанъ я — тебѣ.

Какъ демонъ хладный и суровый,
Я въ мірѣ веселился зломъ;
Обманы были мнѣ не новы,
И ядъ былъ на̀-сердцѣ моемъ.

Теперь, какъ мрачный этотъ геній,
Я близъ тебя опять воскресъ

Для непорочныхъ наслажденій,
И для надеждъ, и для небесъ.

II.

Я кончилъ, — и въ груди невольное сомнѣнье:
Займетъ-ли вновь тебя давно знакомый звукъ, —
Стиховъ невѣдомыхъ задумчивое пѣнье, —
Тебя забывчивый, но незабвенный другъ?

Пробудится-ль въ тебѣ о прошломъ сожалѣнье?
Иль, быстро пробѣжавъ докучную тетрадь,
Ты — только мертваго, пустаго одобренья
Наложишь на нее тяжелую печать, —

И не узнаешь здѣсь простаго выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ, —
И примешь за игру, иль сонъ воображенья
Больной души тяжелый бредъ!

РОМАНСЪ КЪ ***

—

Когда я унесу въ чужбину
Подъ небо южной стороны

Мою мятежную кручину,*
Мои обманчивые сны,
И люди съ злобой ядовитой
Осудятъ жизнь мою порой, —
Ты будешь-ли моей защитой
Передъ безчувственной толпой?...
О, будь!... о, вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися въ томъ, чтобъ вовсе радость
Не умерла въ моей груди,
Чтобъ я сказалъ въ землѣ изгнанья:
Есть сердце, лучшихъ дней залогъ,
Гдѣ почтены мои страданья,
Гдѣ міръ ихъ очернить не могъ!...

НА КАРТИНУ РЕМБРАНДТА.

—

Ты понималъ, о, мрачный геній!
Тотъ грустный, безотчетный тонъ,
Порывъ страстей и вдохновеній,
Все то́, чѣмъ удивлялъ Байронъ.
Я вижу, ликъ полуоткрытый
Означенъ рѣзкою чертой...
То́ не бѣглецъ-ли знаменитый
Въ одеждѣ инока святой?
Быть можетъ, тайнымъ преступленьемъ

---

* Мою глубокую кручину.

Высокій умъ его убитъ;
Все темно вкругъ; тоской, сомнѣньемъ
Надменный взглядъ его горитъ.
Быть можетъ, ты писалъ съ природы,
И этотъ ликъ не идеалъ;
Или въ страдальческіе годы
Ты самъ себя изображалъ?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнетъ взоръ,
И этотъ трудъ необычайный
Бездушнымъ будетъ злой укоръ.

ВОЛНЫ И ЛЮДИ.

—

Волны катятся одна за другою
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ;
Люди проходятъ ничтожной толпою
Также одинъ за другимъ.

Волнамъ ихъ неволя и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей;
Люди хотятъ имѣть души... и что-же?
Души въ нихъ — волнъ холоднѣй!

---

* * *

Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей
Не уступаетъ цвѣту ночи;

Какъ день твои блистаютъ очи
При встрѣчѣ радостныхъ очей.

Ты, отъ души смѣясь смѣшному,
Какъ скуку гонишь прочь печаль;
Что̀ бредъ ребяческій другому,
То̀ все тебѣ покинуть жаль.

Волною жизни унесенный
Далеко отъ надеждъ былыхъ,
Какъ путешественникъ забвенный,
Я чуждымъ сталъ между родныхъ.

Предъ мною носятся видѣнья,
Жизнь обманувшія мою,
И не рожденный для забвенья,
Я вновь черты ихъ узнаю.

И время ихъ не измѣнило:
Они все тѣ-же! — я не тотъ;
Зачѣмъ-же гибнетъ все, что̀ мило?
А что̀ жалѣетъ, то̀ живетъ?

СМЕРТЬ.

Закатъ горитъ огнистой полосою;
Любуюсь имъ безмолвно подъ окномъ.

Быть можетъ, завтра онъ заблещетъ надо мною
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ.
Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ,
То мысль объ *ней*... О! далеко она,
И надъ моимъ недвижнымъ, блѣднымъ тѣломъ
Не упадетъ слеза ея одна!
Ни другъ, ни братъ прощальными устами
Не поцалуютъ здѣсь моихъ ланитъ,
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утонетъ въ безднѣ безконечной...
Но ты... О! пожалѣй о мнѣ, краса моя!
Никто не могъ любить, какъ я,
Такъ пламенно и такъ чистосердечно.

19 ноября 1830

Ребенка милаго рожденье
Привѣтствуетъ мой запоздалый стихъ.
Да будетъ съ нимъ благословенье
Всѣхъ ангеловъ небесныхъ и земныхъ!
Да будетъ онъ отца достоинъ,
Какъ мать его, прекрасенъ и любимъ;
Да будетъ духъ его спокоенъ
И въ правдѣ твердъ, какъ божій херувимъ.
Пускай не знаетъ онъ до срока
Ни мукъ любви, ни славы жадныхъ думъ;
Пускай глядитъ онъ безъ упрека
На ложный блескъ и ложный міра шумъ;
Пускай не ищетъ онъ причины
Чужимъ страстямъ и радостямъ своимъ,

И выйдетъ онъ изъ свѣтской тины
Душею бѣлъ и сердцемъ невредимъ!

Привѣтствую тебя, воинственныхъ славянъ
Святая колыбель. Пришлецъ изъ чуждыхъ странъ,
Съ восторгомъ я взиралъ на сумрачныя стѣны,
Черезъ которыя столѣтій перемѣны
Безвредно протекли, гдѣ вольности одной
Служилъ тотъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Который отзвонилъ ея уничтоженье
И столько гордыхъ думъ увлекъ въ свое паденье!

1.

Опять народные витіи,
За дѣло падшее Литвы,
На славу гордую Россіи
Опять, шумя, возстали вы!
Ужъ васъ казнилъ могучимъ словомъ
Поэтъ, возставшій въ блескѣ новомъ
Отъ продолжительнаго сна,
И порицанія покровомъ
Одѣлъ онъ ваши имена.

2.

Что́ это: вызовъ-ли надменный,
На битву бѣшеный призывъ?
Иль голосъ зависти смущенной,

Безсилья злобнаго порывъ?
Да, хитрой зависти ехидна
Васъ пожираетъ; вамъ обидна
Величья нашего заря;
Вамъ солнца божьяго не видно
За солнцемъ русскаго царя!

3.

Давно привыкшіе вѣнцами
И уваженіемъ играть,
Вы мните, грязными руками
Вѣнецъ блестящій запятнать.
Вамъ непонятно, вамъ несродно
Все, что̀ высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щитъ
Любви и гордости народной
Отъ васъ вѣнецъ тотъ сохранитъ!

4.

Безумцы жалкіе! вы правы,
Мы чужды ложнаго стыда:
Такъ, нераздѣльны въ дѣлѣ славы
Народъ и царь его всегда.
Велѣньямъ власти благотворной
Мы повинуемся покорно
И вѣримъ нашему царю,
И будемъ всѣ стоять упорно
За честь его, какъ за свою!

5.

. . . . . .
. . . . . .

6.

Но честь Россіи невредима,
И вамъ, смѣясь, внимаетъ свѣтъ!
Такъ въ дни воинственные Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда тріумфомъ шелъ Фабрицій
И раздавался по столицѣ
Восторга благодарный кликъ,
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ наемный клеветникъ!

Какъ небеса твой взоръ блистаетъ
Эмалью голубой,
Какъ поцалуй звучитъ и таетъ
Твой голосъ молодой.

* *
*

За звукъ одинъ волшебной рѣчи,
За твой единый взглядъ,
Я радъ отдать красавца сѣчи —
Грузинскій мой булатъ...

* *
*

И онъ порою сладко блещетъ,
Заманчиво звучитъ;
При звукѣ томъ душа трепещетъ
И въ сердцѣ кровь кипитъ.

* *
*

Но жизнью бранной и мятежной
Не тѣшусь я съ тѣхъ поръ,
Какъ услыхалъ твой голосъ нѣжный
И встрѣтилъ милый взоръ!

Она поетъ — и звуки таютъ,
Какъ поцалуи на устахъ;
Глядитъ — и небеса играютъ
Въ ея божественныхъ глазахъ;
Идетъ-ли — всѣ ея движенья,
Иль молвитъ слово — всѣ черты
Такъ полны чувства, выраженья,
Такъ полны дивной простоты!

---

* * *

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ, —
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Или поэтъ — или никто!..

1832

МОРЯКЪ.

—

Въ семьѣ безвѣстной я родился
Подъ небомъ сѣверной страны;
И рано, рано пріучился
Смирять усилія волны!
О дѣтствѣ говорить не стану:
Я подаренъ былъ океану,
Какъ лишній въ мірѣ, въ тѣ года
Безпечной смѣлости, когда
Намъ все равно: земля иль море,
Родимый или чуждый домъ;
Когда безъ радости поемъ
И, какъ змѣю, мы топчемъ горе;
Когда мы рады все отдать,
Чтобъ вольнымъ воздухомъ дышать.
Я воленъ былъ въ моей темницѣ,
Въ полуживой тюрьмѣ моей;
Я все имѣлъ, что̀ надо птицѣ,
Гнѣздо на мачтѣ межъ снастей!
Я съ кораблемъ не разставался,
Я, какъ сѣтей, земли боялся;
Не вѣдалъ счету я друзьямъ;
Они всегда тѣснились къ намъ;
Я ихъ угадывалъ движенья,
Я понималъ ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья!
Въ немъ были ласки и укоръ —
И былъ звучнѣй тотъ звукъ чудесный,
Чѣмъ вѣтра вой и шумъ древесный,
И въ морѣ каждая волна

Была душой одарена!...
Безумны были эти лѣта!
Но что-жъ! ужели былъ смѣшнѣй
Я тѣхъ неопытныхъ людей,
Которые, въ пустынѣ свѣта
Блуждая, думаютъ найти
Любовь и душу на пути?...
Всѣ чувства тайной мукой полны —
И всякій плакалъ, кто любилъ:
Любилъ-ли онъ морскія волны!..
Иль сердце женщинамъ дарилъ!...
Покрывшись пѣною рядами,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена;
Такъ точно дѣва молодая
Идетъ, гордясь, между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая!
Но вянутъ дѣвы въ тишинѣ;
А волны, волны все однѣ!...
Я, обожатель ихъ свободы,
Какъ я въ душѣ любилъ всегда
Ихъ безконечные походы —
Богъ вѣсть откуда и куда!
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы,
И бездны безконечный шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ родины и безъ могилы,
Безъ наслажденья и безъ мукъ;
Однообразный этотъ звукъ,
Причудливыя эти силы,
Ихъ буйный ревъ и тишину,

И эту вѣчную войну,
Съ другой стихіей, съ облаками,
Съ дождемъ и вихремъ! сколько разъ
На кораблѣ, въ опасный часъ,
Когда летала смерть надъ нами,
Я, въ ужасѣ, Творца молилъ,
Чтобъ океанъ мой побѣдилъ!...

(*Sic transit gloria mundi*).

ЛИТВИНКА.*

ПОВѢСТЬ.

—

Чей старый теремъ на горѣ крутой
Рисуется съ зубчатою стѣной?
Безсмѣнный царь синѣющихъ полей
Кого хранитъ онъ твердостью своей?
Кто темнымъ сводамъ повѣрять привыкъ
Молитвы шопотъ и веселья кликъ?
Его владѣльца назову я вамъ:
Подъ именемъ Арсенія друзьямъ
И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ,
И не мечталъ объ имени другомъ.
Его права оспоривать не смѣлъ
Еще никто; — онъ больше не хотѣлъ!

---

* См. примѣчаніе 9.

Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
Не посѣщалъ сосѣдей никогда;
Богатый въ мирѣ, сильный на войнѣ,
Когда къ нему являлися онѣ —
Онъ убѣгалъ довѣрчивыхъ бесѣдъ,
Презрѣніемъ дышалъ его привѣтъ;
Онъ даже лаской гостя унижалъ,
Хотя, быть можетъ, самъ того не зналъ.
Не потому-ль, что слишкомъ рано онъ
Повелѣвать толпѣ былъ пріученъ?
На ложѣ наслажденья и въ бою
Провелъ Арсеній молодость свою.
Когда звучалъ ударъ его меча
И красная являлась епанча,
Бѣжалъ татаринъ и бѣжалъ литвинъ;
И часто стоилъ войска онъ одинъ!!
Вся въ ранахъ грудь отважнаго была,
И посреди морщинъ его чела,
Приличнѣйшій нарядъ для всякихъ лѣтъ,
Краснѣлъ рубецъ, литовской сабли слѣдъ
. . . . . .

Свѣтило дня, краснѣя сквозь туманъ,
Садится горделиво за курганъ,
И, отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ,
Вдоль по землѣ скользитъ прощальный лучъ
Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло,
Какъ-будто міра мрачное чело
Его любви достойно! Наконецъ
Оставилъ онъ долину и вѣнецъ
Горы высокой, теремъ озарилъ,
И пламень свой негрѣющій разлилъ
По стекламъ расписнымъ свѣтлицы той,
Гдѣ такъ недавно съ радостью живой,
Облокотясь на столикъ, у окна,

Ждала супруга вѣрная жена;
Гдѣ съ дѣтскою досадой сынъ ея
Чуть поднималъ отцовское копье...
Теперь... гдѣ сынъ и мать? На мѣстѣ ихъ
Сидитъ литвинка, дочь степей чужихъ.
Безмолвная подруга лучшихъ дней —
Разстроенная лютня передъ ней,
И по струнѣ оборванной скользя,
Блеститъ зари послѣдняя струя...
Устала Клара отъ душевныхъ бурь,
И очи, голубыя какъ лазурь,
Она сидитъ, на западъ устремивъ.
Но не зари плѣнялъ ее разливъ:
Тамъ родина! пѣвецъ и воинъ тамъ
Не разъ къ ея склонялися ногамъ!
Тамъ вольны дѣвы! Тамъ никто-бы ей
Не смѣлъ сказать: хочу любви твоей!...
. . . . . .

И опустѣлъ его высокій домъ,
И странниковъ не угощаютъ въ немъ;
И дворъ заросъ зеленою травой,
И пыль покрыла сѣрой пеленой
Святые образа, дубовый столъ
И пестрые ковры! И гладкій полъ
Не скрыпнетъ ужъ подъ легкою ногой
Красавицы лукавой и младой!
Ни острый мечъ въ серебряныхъ ножнахъ,
Ни шлемъ стальной не блещутъ на стѣнахъ.
Они забыты въ полѣ роковомъ,
Гдѣ онъ погибъ! Въ покоѣ лишь одномъ
Все, все, какъ прежде: лютня у окна,
И вкругъ нея обвитая струна;
И двѣ одежды женскія лежатъ

На мягкомъ ложѣ, будто-бы назадъ
Тому лишь день, какъ дѣва странъ чужихъ
Сюда небрежно положила ихъ;
И раздувая пологъ парчевой,
Скользитъ по нимъ прохладный вѣтръ ночной,
Когда сквозь тонкій занавѣсъ окна
Глядитъ луна, — нескромная луна! —
Есть монастырь и тамъ въ недѣлю разъ
За упокой молящихъ слышенъ гласъ,
И съ честью передъ набожной толпой
Арсеній поминается порой.
И блещетъ въ церкви длинный рядъ гробовъ,
Украшенный гербомъ его отцовъ;
Но никогда межъ нихъ не будетъ тотъ,
Съ которымъ славный кончился ихъ родъ...

АУЛЪ-БАСТУНДЖИ.*

(ОТРЫВОКЪ.)

1.

. . . . . Между Машукомъ и Бешту, назадъ
Тому лѣтъ тридцать, былъ аулъ, горами
Закрытъ отъ бурь и вольностью богатъ.
Его ужъ нѣтъ. Кудрявыми кустами

---

* Содержаніе поэмы разсказано въ примѣчаніи 10.

Покрыто поле; дикій виноградъ,
Цѣпляясь, вьется длинными хвостами
Вокругъ камней, покрытыхъ сѣдиной,
Съ вершинъ сосѣднихъ брошенныхъ грозой!

2.

Ни бранный шумъ, ни пѣсня молодой
Черкешенки ужъ тамъ не слышны болѣ,
И въ знойный, лѣтній день табунъ степной
Безъ стражи ходитъ тамъ, одинъ по волѣ;
И безъ оглядки съ пикой за спиной
Донской казакъ въѣзжаетъ въ это поле;
И безопасно въ небесахъ орелъ,
Чертя круги, глядитъ на тихій долъ.

3.

И тамъ, когда вечерняя заря
Блѣднѣющимъ румянцемъ одѣваетъ
Вершины горъ, пустынная змѣя
Изъ-подъ камней, рѣзвяся, выползаетъ;
На ней рябая блещетъ чешуя
Серебрянымъ отливомъ, какъ блистаетъ
Разбитый мечъ, оставленный бойцомъ
Въ густой травѣ, на полѣ роковомъ.

4.

Сгорѣлъ аулъ и слухъ о немъ исчезъ.
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь предъ огнемъ, въ туманный день, черкесъ
Порой о немъ разсказываетъ нынѣ
При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,

Напрасно молвитъ казаку: «скажи,
Не знаешь-ли аула Бастунджи?»

КАЛЛЫ.*

ЧЕРКЕССКАЯ ПОВѢСТЬ.

(ОТРЫВОКЪ.)

—

«Теперь насталъ урочный часъ,
И тайну я тебѣ открою.
Мои совѣты — божій гласъ:
Клянись имъ слѣдовать душою.
Узнай: ты чудомъ сохраненъ
Отъ рукъ убійцъ окровавленныхъ,
Чтобъ неба оправдать законъ
И отомстить за побѣжденныхъ;
И не тебѣ принадлежатъ
Твои часы, твои мгновенья;
Ты на землѣ орудье мщенья,
Палачъ, — а жертва: Акбулатъ.
Отецъ твой, мать твоя и братъ,
Отъ рукъ злодѣя погибая,
Молили небо объ одномъ:
Чтобъ хоть одна рука родная

---

* Убійца.

За нихъ развѣдалась съ врагомъ! —
Старайся быть суровъ и мраченъ,
Забудь о жалости пустой:
На грозный подвигъ ты назначенъ
Закономъ, клятвой и судьбой.
За всѣ минувшія злодѣйства,
Изъ обреченнаго семейства
Ты никого не пощади.
Ударилъ часъ ихъ истребленья!
Возьми-жъ мои благословенья,
Кинжалъ булатный — и поди!»

Такъ говорилъ мулла жестокій,
И кабардинецъ черноокій
Безмолвно, чистя свой кинжалъ,
Уроку мщенія внималъ.
Онъ молодъ сердцемъ и годами,
Но, чуждый страха, онъ готовъ
Обычай дѣдовъ и отцовъ
Исполнить свято надъ врагами;
Онъ поклялся — своей рукой
Ихъ погубить во тьмѣ ночной...*

---

* См. примѣчаніе 11.

ЧЕТВЕРТЫЙ ОЧЕРКЪ ДЕМОНА.*

—

ЧАСТЬ I.

2**.

Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли, безъ пріюта...
Во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья,
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья
И зло наскучило ему.
И, побѣдивъ свое презрѣнье,
Онъ замѣшался межъ людей,
Чтобъ ядомъ пагубныхъ рѣчей
Убить въ нихъ вѣру въ провидѣнье, —
Но до него, какъ и при немъ,
Ужъ вѣры не было ни въ комъ.
И, полонъ скуки непонятной,
Онъ скоро кинулъ міръ развратный

---

* Этотъ очеркъ представляетъ одну изъ послѣднихъ передѣлокъ поэмы. Въ немъ еще сохранились многіе стихи и цѣлыя строфы двухъ первоначальныхъ очерковъ (см. выше, стр. 39 и 49), откинутые впослѣдствіи при окончательной отдѣлкѣ.

** Первая строфа разнится отъ напечатанной во 2 томѣ только тѣмъ, что послѣ 9-го стиха помѣщены еще четыре:

Когда глядѣлъ на славу Бога,
Не отвращаясь отъ него;
Когда забота и тревога
Чуждалися ума его.

И на хребетъ пустынныхъ горъ
Переселился съ этихъ поръ.
Тамъ, надъ жемчужнымъ водопадомъ
Себѣ пещеру отыскалъ,
Въ природу вникъ глубокимъ взглядомъ,
Душою жизнь ея объялъ.
Какъ часто на вершинѣ льдистой,
Одинъ межъ небомъ и землей,
Какъ царь съ развѣнчанной главой,
Подъ кровомъ радуги огнистой,
Сидѣлъ онъ — мрачный и нѣмой,
И бѣлогривыя метели,
Какъ львы, у ногъ его ревѣли.

3.

Уныло жизнь его текла
Въ пустынѣ міра, — и на вѣчность
Онъ приглядѣлся; но была
Мучительна его безпечность.
Путемъ назначеннымъ судьбой
Онъ равнодушно подвигался,
Онъ жегъ печатью роковой
Все то, къ чему ни прикасался.
Смѣясь надъ зломъ и надъ добромъ,
Стыдясь надеждъ, стыдясь боязни,
Онъ съ гордымъ встрѣтилъ-бы челомъ
Прощенья гласъ, какъ слово казни.
Онъ жилъ забытъ и одинокъ —
Грозой оторванный листокъ —
Безъ упованья, презирая
И свѣтъ небесъ и ада тьму,
Не вѣря въ жизни ничему,
И ничего не признавая.

4.

Надъ утомленною землей
Остатки старыхъ поколѣній
Смѣнялись новою толпой
Живыхъ заботливыхъ твореній,
Но тщетны были для дѣтей
Отцовъ и праотцовъ уроки:
У перемѣнчивыхъ людей
Не измѣнялися пороки!
Все также грозныя слова,
Храня старинныя права,
Умы безумцевъ волновали;
Все также мелкія печали
Ничтожныхъ жителей земныхъ
Смѣшнымъ казались подражаньемъ:
Непредназначеннымъ для нихъ,
Инымъ, возвышеннымъ страданьямъ.

5.

Какъ черный саванъ, на землѣ
Лежала ночь... Вились туманы
По гребнямъ горъ; на ихъ челѣ
Гнѣздилися, какъ великаны,
Громады черныхъ облаковъ,
И вѣчно-ропщущее море
Гуляло мирно на просторѣ
Между высокихъ береговъ.

6.

О море, море!... Какъ прекрасны
Въ блестящій день и въ день ненастный
Его и ревъ и тишина!...
Покрыта бѣлыми кудрями,

Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена,
И, какъ царица молодая,
Течетъ одна между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая...
Какъ я люблю съ давнишнихъ поръ
Слѣдить ихъ буйныя движенья
И толковать ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья;
Люблю упорный этотъ бой
Съ суровымъ небомъ и землей,
Люблю безпечность ихъ свободы,
Цѣпей незнавшей никогда,
Ихъ безконечные походы
Богъ-вѣсть откуда и куда,
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы
И безполезный этотъ шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ гроба и безъ колыбели,
Безъ мукъ, безъ счастія, безъ цѣли...*

---

* Остальныя строфы 1-й части (7—20) сходны съ соотвѣтствующими имъ (iii—xvi), напечатанными во 2 томѣ; измѣненія встрѣчаются только въ 13, 16 и 19 (соотвѣтствующихъ ix, xii и xv). Кромѣ того, 10-я, послѣ стиха:

Какъ жизнь, какъ молодость живой,

имѣетъ еще девять стиховъ изъ помѣщенныхъ въ выноскѣ къ vi строфѣ (во 2 томѣ), начиная:

Увлечена летучей пляской.

13.

. . . . . .

Въ немъ чувство вновь заговорило

ЧАСТЬ II.

3*.

Въ прохладѣ, межъ двумя холмами,
Таился монастырь святой;
Чинаръ и тополей рядами

Роднымъ когда-то языкомъ.
Тогда, исполненный досады
На этотъ мигъ живой отрады,
Быть можетъ, посланный Творцомъ,
Какъ-бы страшася искушенья,
Духъ отрицанья и сомнѣнья
Закрылъ глаза свои крыломъ.
То былъ-ли признакъ возрожденья?...

16.

Затихло все... тѣснясь толпой
На трупы всадниковъ порой
Верблюды съ ужасомъ глядѣли,
И глухо въ тишинѣ степной
Ихъ колокольчики звенѣли....

19.

. . . . . .
«Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья
. . . . . «Имъ прошедшаго не жаль. . . . . .
«Дѣти вольности воздушной,
«Безъ желаній, безъ страстей,
«Смотрятъ гордо, равнодушно
«На волненія людей.
«Въ день томительный несчастья...

* Строфы 1, 2, 4, 5, 6 и 7 не имѣютъ варіантовъ съ напечатанными во 2 томѣ.

Онъ окружонъ былъ, — и порой,
У стѣнъ его, прохлады полны,
Однообразно бились волны,
Кругомъ его густыхъ деревъ
Сплелись кудрявыя вершины,
И кое-гдѣ изъ ихъ средины,
Стремясь достать до облаковъ,
Встаетъ, бѣлѣя, остовъ длинный
Зубчатой башни, и надъ ней —
Символъ спасенія забвенный —
Чернѣетъ ржавый крестъ, согбенный
Напоромъ бури и дождей.
Когда-жъ ложилась ночь въ ущельи —
Внутри мелькала въ окнахъ кельи
Лампада схимницы младой...*

8.

Какъ много значитъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка изгнанія и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій
О настоящемъ, о быломъ —
Все разомъ отразилось въ немъ.
Къ чему?... одной минутой рая
Не оживетъ душа пустая!...
Безспльно свѣтлый лучъ зари
На темной тучѣ не гори:
Тебѣ вѣдь съ ней не подружиться,
Ей ждать нельзя, она умчится,
Она громовою стрѣлой
Затмитъ покровъ твой золотой.

---

* Далѣе — какъ напечатано во 2 томѣ, на стр. 25.

9.

И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой открытой для добра,
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ-будто въ первое свиданье,
Спознались съ гордою душой.
Проникнувъ въ келью, духъ смущенный,
Минуя образъ позлащенный,
Какъ-будто видя въ немъ укоръ,
Со страхомъ отвращаетъ взоръ;
Въ углу изъ мрамора Мадона,
Лампада мѣдная предъ ней,
На головѣ ея корона
Изъ розъ душистыхъ и лилей,
У стѣнки дѣвственное ложе
(Луна, смѣясь, въ окно глядитъ),
А у окна... всесильный Боже!...
Что съ нимъ?... онъ млѣетъ... онъ дрожитъ...
По звонкимъ струнамъ ударяя,
Блѣдна, озарена луной,
Въ одеждѣ черной, власяной
Она, монахиня младая,
Сидѣла молча передъ нимъ,
Объята жаромъ вдохновенья,
Мила, какъ первый херувимъ,
Какъ звѣзды, первыя творенья...
Въ большихъ глазахъ ея порой
Невнятно говорило что-то
Невыразимою тоской,

Неизъяснимою заботой...
Полураскрытыя уста
Живые изливали звуки;
Въ нихъ было все: моленья, муки,
Слова надеждъ, слова разлуки,
И дѣтскихъ мыслей простота...
И грудь высоко поднималась,
И обнаженная рука —
Бѣлѣй, чѣмъ утромъ облака —
Къ струнамъ, какъ вѣтеръ, прикасалась...
Духъ отверженія и зла
Стоялъ недвижимъ у порога;
Не смѣлъ онъ приподнять чела,
Страшася въ ней увидѣть Бога!
Но взоръ онъ поднялъ: передъ нимъ
Посланникъ рая — херувимъ,
Хранитель грѣшницы прекрасной,
Стоитъ, съ блистающимъ челомъ,
И отъ врага съ улыбкой ясной
Пріосѣнилъ ее крыломъ.
Они счастливы, святы оба!...
Довольно! Ненависть и злоба
Въ его душѣ взыграли вновь...
Свершилось! онъ опять таковъ,
Какимъ явился межъ рабовъ
Великому Царю вселенной
Въ часы той битвы незабвенной,
Гдѣ на презрѣнное чело
Проклятье вѣчное легло.
И лучъ божественнаго свѣта
Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И вмѣсто мирнаго привѣта
Раздался тягостный укоръ.

11.*

ТАМАРА.

Я поклялась давно, ты знаешь,
Забыть волненіе страстей;
Къ чему-жъ теперь меня смущаешь
Любовью страстною своей?...
О, кто ты? рѣчь твоя опасна!...
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
Чего ты хочешь?...**

ДЕМОНЪ.

. . . . . .

Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность?
Моихъ владѣній безконечность? —
Пустыя, звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!
Не искушать пришелъ я душу;
Ты о спасеньи не молись:
Святыни здѣшней не нарушу;
Меня, Тамара, не страшись,
Не отгоняй меня укоромъ,
Не выжимай изъ груди стонъ;
Несправедливымъ приговоромъ
Я на изгнанье осужденъ.
Не знаю радости минутной,
Живу надъ моремъ и межъ горъ,
Какъ перекатный метеоръ,

---

* 10-я строфа не имѣетъ варіантовъ противъ IX-й (2-го тома).
** Далѣе — какъ во 2 томѣ, на стр. 30 — 31.

Какъ степи вѣтеръ безпріютный;
И слишкомъ гордъ я, чтобъ просить
У Бога вашего прощенья;
Я полюбилъ мои мученья
И не могу ихъ разлюбить.
Но ты — ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лѣнь,
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тѣнь!

ТАМАРА.

Оставь меня...*

ДЕМОНЪ.

. . . . . .

Люблю тебя нездѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты.
Люблю блаженствомъ и страданьемъ,
Надеждою, воспоминаньемъ,
Всей роскошью души моей.
О, не страшись и пожалѣй!
Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ напечатленъ....**

---

* Далѣе — какъ во 2 томѣ, на стр. 31 — 32.

** Далѣе — какъ во 2 томѣ, на стр. 32 — 33 до стиховъ:

Все безутѣшно ненавидѣть,
Все безотрадно презирать!...

ТАМАРА.

Къ чему мнѣ знать твои печали... и пр.

ТАМАРА.

А наказанье? муки ада?..

ДЕМОНЪ.

Такъ что-жъ? Ты будешь тамъ со мной!
Мы станемъ жить, любя, страдая,
И адъ намъ будетъ стоить рая.
Оставь сомнѣнія свои!
И что̀ такое жизнь . . . . . .
Передъ минутою любви?
Моя безпечная подруга,
Ты будешь раздѣлять со мной
Вѣка безсмертнаго досуга
И власть надъ бѣдною землей.
Благословишь ты нашу долю,
Не будешь на нее роптать,
И не захочешь грусть и волю
За рабство тихое отдать. —
Лишь только божіе проклятье
Исполнилось . . . .*

---

* Далѣе — какъ во 2 томѣ, до стиха:

Несокрушимый мавзолей.

Послѣ чего въ рукописи начинается монологъ Тамары:

Кто-бъ ни былъ ты, мой другъ случайный...

и далѣе, какъ напечатано на стр. 36 — 40, съ добавкою четырехъ стиховъ (стр. 39):

И пусть другіе-бъ утѣшались
Ничтожнымъ жребіемъ своимъ
И думой неба не касались —
Міръ лучшій не доступенъ имъ!
Но не тебѣ, моей подругѣ...

12.

— И онъ слегка
Коснулся жаркими устами
Къ ея трепещущимъ устамъ;
Соблазна полными рѣчами,
Тоской, угрозами, слезами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ;
Она противиться не смѣла,
Слабѣла, таяла, горѣла
Отъ неизвѣстнаго огня,
Какъ бѣлый воскъ отъ взоровъ дня.
Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи...*

14.**

За часъ до солнечнаго всхода,
Еще высокій берегъ спалъ,
Вдругъ зашумѣла непогода
И океанъ забушевалъ,
И вмѣстѣ съ бурей и громами,
Какъ умирающаго стонъ,
Раздался глухо надъ волнами
Зловѣщій колокола звонъ.
Не для молитвы призывали
Святыхъ монахинь въ тихій храмъ,
Не двумъ счастливымъ женихамъ
Свѣчи дрожащія пылали:
Въ срединѣ церкви гробъ стоялъ,

* Далѣе — какъ напечатано во 2 томѣ.

** Строфа 13 (соотвѣтствующая XII печатной) варіантовъ не имѣетъ. За ней находится въ рукописи 14-я. Она потомъ уничтожена и замѣнена новымъ описаніемъ похоронъ, какъ въ печатной XIII.

Досками черными обитый,
И въ томъ гробу мертвецъ лежалъ,
Холоднымъ саваномъ обвитый.
Зачѣмъ не слышенъ гласъ родныхъ
И не видать во храмѣ ихъ?
И кто мертвецъ? Едва примѣтный
Остатокъ прежней красоты
Являютъ блѣдныя черты;
Уста раскрыты, безотвѣтны,
И въ сердцѣ пылкой страсти ядъ
Его глаза не поселятъ,
Хотя еще весьма недавно
Владѣлъ онъ пылкою душой,
Неизъяснимой, своенравной,
Въ борьбѣ безумной и неравной
Незнавшей власти надъ собой!
И нѣтъ тебя, младая дѣва!...
Какъ злакъ потопленныхъ полей,
Добыча ревности и гнѣва,
Ты вдругъ увяла въ цвѣтѣ дней.
Напрасно будетъ солнце юга
Играть привѣтно надъ тобой,
Напрасно будетъ дождь и вьюга
Ревѣть надъ плитой гробовой!
Лобзанье юноши живое
Твои уста не разомкнетъ!...
Земля взяла свое земное,
Она назадъ не отдаетъ...

. . . . . .

21.*

. . . . . .

И не напомнитъ ничего

---

* Строфы 15, 16 и 17 соотвѣтствуютъ XIII и XIV (2 тома);

О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его.
И тамъ, гдѣ кости ихъ истлѣли,
На рубежѣ зубчатыхъ льдовъ,
Теперь гуляютъ лишь метели
Да стаи вольныхъ облаковъ.
Заглохла древняя обитель!
Съ тѣхъ поръ промчалось много лѣтъ,
И время — вѣчный разрушитель —
Смывало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ, и храмъ священный,
Добыча бури и дождей,
Сталъ молчаливъ, какъ мавзолей —
Умершихъ памятникъ надменный.
Изъ двери въ дверь, во мглѣ ночей,
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный;
Внутри, на ликахъ расписныхъ
И на окладахъ золотыхъ,
Большой паукъ, отшельникъ новый,
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Не разъ, сбѣжавъ со скалъ крутыхъ,
Сайгакъ иль серна, дочь свободы,

затѣмъ въ рукописи помѣщенъ текстъ (строфа 18-я), отнесенный (во 2 томѣ) въ выноску къ XV, строфѣ съ варіантомъ:

И въ тоже время царь порока
Туда примчался съ быстротой
Новорожденнаго потока.
Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась;
По слѣду крылъ его свѣтилась
Багровой молніи струя...

Строфы 19-я и 20-я соотвѣтствуютъ 15-й (2 тома), а 21-я — заключенію:

На склонѣ каменной горы...

Пріютъ отъ зимней непогоды
Искали въ кельи. И порой
Забытой утвари паденье
Среди развалины глухой
Ихъ приводило въ изумленье.
Но въ наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:
Что̀ можетъ падать — то упало,
Что̀ мретъ — то умерло давно,
Что̀ живо — то безсмертно стало,
И время въ-живѣ удержало
Воспоминаніе одно . . . .*

. . . . . .

---

* Это потомъ замѣнено текстомъ, напечатаннымъ во 2 томѣ, начиная со стиха:

Но церковь на крутой вершинѣ.

1834

ПЕТЕРГОФСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

(ОТРЫВКИ.)

—

Кипитъ веселый Петергофъ;
Толпа по улицамъ пестрѣетъ;
Печальный лагерь юнкеровъ
Примѣтно тихнетъ и пустѣетъ.
Туманъ ложится по холмамъ,
Окрестность сумракомъ одѣта, —
И вотъ къ далекимъ небесамъ,
Какъ долгохвостая комета,
Летитъ сигнальная ракета:
Волшебно озарился садъ,
Затѣйливо, разнообразно.
Толпа валитъ впередъ, назадъ,
Толкается, зѣваетъ праздно.
Узоры радужныхъ огней,
Дворецъ, жемчужные фонтаны,
Жандармы, бѣлые султаны,
Корсеты дамъ, гербы ливрей,
Колеты кирасиръ мучные,
Лядунки, ментики златые,
Купчихъ парчевые платки,
Кинжалы, сабли, алебарды,
Съ гнилыми фруктами лотки,
Старухи, франты, казаки,
Глупцовъ чиновныхъ бакенбарды,
Венгерки мелкихъ штукарей
. . . . . .
Толпы пріѣзжихъ иноземцевъ,

Татаръ, черкесовъ и армянъ,
Французовъ тощихъ, толстыхъ нѣмцевъ,
И долговязыхъ англичанъ —
Въ одну картину все сливалось
Въ аллеяхъ тѣсныхъ и густыхъ,
И сверху ярко освѣщалось
Огнями стклянокъ расписныхъ.

Гурьбу товарищей покинувъ,
У моста Б—въ стоялъ,
И каску на глаза надвинувъ,
Какъ юнкеръ истинный мечталъ....
Не опишу его мундиръ,
Хотя для ясности вамъ въ скобкахъ
Скажу, что былъ онъ кирасиръ.
Стоитъ онъ, пасмурный и пьяный,
Уставъ одинъ бродить вездѣ,
Съ досадой глядя на фонтаны,
Ворчитъ:
«Два года въ школѣ,
Да отъ роду, смѣшно сказать,
Лѣтъ двадцать мнѣ и даже болѣ, —
Сидѣть въ палаткѣ иль гулять!...»
. . . . . .
Умолкъ, поникнувъ головою;
Народъ толпой шумитъ вокругъ;
Вотъ кто-то легкою рукою
Его плеча коснулся вдругъ,
За фалду дернулъ, тронулъ каску.
Кутила вздрогнулъ, изумленъ:
Романа чуднаго развязку
Ужъ предугадываетъ онъ.
Услышавъ вновь прикосновенье,
Онъ обернулся съ быстротой...

Маня улыбкой сладострастной,
За нимъ хорошенькая — глядь:
Вдругъ кинулась бѣжать, бѣжать;
Онъ ловитъ платье — трудъ напрасный!
То по дорожкамъ, по мостамъ,
Быстра какъ мотылекъ воздушный,
Она мелькаетъ здѣсь и тамъ;
То, удаляясь равнодушно,
Грозитъ насмѣшливо перстомъ,
То вдругъ опять бѣжитъ потомъ;
Вотъ углубилася въ аллею,
Все дальше, глубже, — онъ за нею,
Схватясь за кончикъ палаша,
Кричитъ: «постой, моя душа!»
Куда? красавица не слышитъ,
Свернула въ чащу, все бѣжитъ,
Высоко грудь младая дышитъ
И шляпка на спинѣ виситъ.
Вдругъ спотыкнулась, оступилась,
Въ травѣ запуталась ногой...
А нашъ повѣса тутъ какъ тутъ...
. . . . . .

— Скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ?
«Малашей.» — Ну прощай, Малаша...
«Куда-же?» — Развѣ киснуть тутъ?
Болтать не любитъ братья наша,
Притомъ въ лѣсу . . . .

И, пріосанясь, рыцарь нашъ
Насупилъ брови, покосился,
Подъ мышку, молча, взялъ палашъ...
И ночью въ лагерь возвратясь,
Въ палаткѣ дымной, межъ друзьями,

Онъ рекъ, съ сапогъ счищая грязь:
«Блаженъ, кто подъ-вечеръ, въ саду
Красотку добрую находитъ,
Бѣжитъ за ней, интрижку сводитъ...»*

УЛАНША.

(ОТРЫВКИ.)

—

I.

Идетъ нашъ пестрый эскадронъ
Шумящей, пьяною толпою;
Повѣсъ усталыхъ клонитъ сонъ.
Ужъ поздно. Темной синевою
Покрылось небо, день угасъ.
Повѣсы ропщутъ:
«Эдакъ насъ
Прогонятъ черезъ всю Европу!
Ужель Ижорки не видать?...
Ты, братецъ, отдавилъ мнѣ ногу!...
Дай вправо!... тише!...
Вотъ подняли опять тревогу!
Но вотъ Ижорка, слава Богу!
Пора раскланяться съ конемъ...»
Какъ должно, вышелъ на дорогу
Уланъ съ завернутымъ значкомъ;
Онъ по квартирамъ важно, чинно

* См. примѣчаніе 12.

Повелъ начальниковъ съ собой,
Хотя, признаться, запахъ винной
Изобличалъ его порой.
Сказать вамъ имя квартиргера?
То былъ Лафа, буянъ лихой,
Съ чьей молодецкой головой
Ни доппель-кюммель, ни мадера,
Ни даже шумное ай
Ни разу сладить не могли.
. . . . . .

II.

Шумя, какъ бѣсъ, онъ въ избу входитъ,
Шинель сама спадаетъ съ плечъ,
Кругомъ онъ дико взоры водитъ
И мнитъ, что видитъ сотни свѣчъ.
Въ избѣ-жъ всего одна лучина:
Треща, дымясь горитъ она;
Но что за дивная картина
Ея лучомъ озарена?
Сквозь дымъ волшебный, дымъ пріятный
Мелькаютъ лица юнкеровъ....
Пируютъ... Въ ихъ кругу туманномъ
Дубовый столъ и ковшъ на немъ,
И пуншъ въ ушатѣ деревянномъ
Пылаетъ синимъ огонькомъ...
. . . . . .

III.

Идутъ... и разъярясь, какъ звѣри,
Всѣ кинулись они, — и вдругъ
Съ тяжелой и замкнутой двери

Какъ-разъ слетѣлъ желѣзный крюкъ...
Они, въ пылу самозабвенья,
Ни слезъ, ни жаркаго моленья,
Ни тяжкихъ воплей не поймутъ...
Они идутъ! пришли! О, Боже!
Но скоро, скоро страхъ исчезъ...
. . . . . .

IV.

На утро дневнее свѣтило
Взошло сквозь сѣрыхъ облаковъ
И кровли спящія домовъ
Своимъ лучомъ позолотило.
Вдругъ слышенъ крикъ: вставай скорѣй!
Ужъ сборъ пробили барабаны,
И полусонные уланы
Зѣвая сѣли на коней...
. . . . . .

V.

Съ тѣхъ поръ прошло ужъ много дней,
Но справедливое преданье
Навѣки сохранило ей
Уланши грозное прозванье.

МОНГО.

—

Садится солнце за горой,
Туманъ дымится надъ болотомъ,
И вотъ дорогой столбовой

Летятъ, склонившись надъ лукой,
Два всадника лихимъ полетомъ.
Одинъ — высокъ и худощавъ —
Кобылу сѣрую собравъ,
То горячитъ нетерпѣливо,
То сдержитъ вдругъ одной рукой.
Малъ и широкъ въ плечахъ другой...
Храпя, мотаетъ длинной гривой
Подъ нимъ саврасый скакунокъ —
Степей башкирскихъ сынъ счастливый.
Устали всадники. До ногъ
Отъ головы покрыты прахомъ.
Коней пріѣзженныхъ размахомъ
Они любуются порой,
И рѣчь ведутъ между собой:
— Монго, послушай — тутъ направо!
Осталось только три версты!...
— Постой! ужъ эти мнѣ мосты!
Грозятъ и смотрятъ такъ лукаво.
— Впередъ, Маёшка! только насъ
Измучитъ это приключенье,
Вѣдь завтра въ шесть часовъ ученье!
— Нѣтъ, въ семь! я самъ читалъ приказъ!

Но прежде нужно вамъ, читатель,
Героевъ показать портретъ:
Монго — повѣса и корнетъ,
Актрисъ коварныхъ обожатель —
Былъ молодъ сердцемъ и душой,
Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ
И на аршинъ предлинный свой
Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
Породы англійской онъ былъ —
Флегматикъ съ бурыми усами;

Собакъ и портеръ онъ любилъ,
Не занимался онъ чинами;
Ходилъ немытый цѣлый день,
Носилъ фуражку на-бекрень;
Имѣлъ онъ гадкую посадку:
Неловко гнулся напередъ
И не тянулъ ноги онъ въ пятку,
Какъ долженъ каждый патріотъ.
Но если, милый, вы ѣзжали
Смотрѣтъ россійскій нашъ балетъ,
То, вѣрно, въ креслахъ замѣчали
Его внимательный лорнетъ...
Одна изъ дѣвъ ему сначала
Дней девять сряду отвѣчала,
Въ десятый день онъ былъ забытъ —
Съ толпою смѣшанъ волокитъ.
Всѣ жесты, вздохи, объясненья
Не помогали ничего...
И зародился пламень мщенья
Въ душѣ озлобленной его.

Маёшка былъ такихъ-же правилъ:
Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало,
Что̀ не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало

Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его.
Слова онъ вѣсилъ осторожно,
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ;
Порою, трезвый — вралъ безбожно,
И молчаливъ былъ — на пирахъ.
Характеръ вовсе безполезный
И для друзей и для враговъ...
Увы! читатель мой любезный,
Что̀ дѣлать мнѣ — онъ былъ таковъ!

Теперь онъ слѣдуетъ за другомъ
На подвигъ славный, роковой,
Терзаемъ пьяницы недугомъ —
Изгагой мучимъ огневой.
Пріюты нѣги и прохлады,
Вдоль по дорогѣ въ Петергофъ —
Мелькаютъ въ-рядъ, изъ-за ограды,
Разнообразные фасады
И кровли мирныя домовъ,
Въ тѣни таинственныхъ садовъ.
Тамъ есть трактиръ — и онъ отъ вѣка
Зовется *Краснымъ Кабачкомъ*,
И тамъ — для блага человѣка —
Построенъ сумасшедшихъ домъ,
И тамъ пріютъ себѣ смиренный
Танцорка юная нашла.
Краса и честь балетной сцены
На содержаніи была:
N. N., помѣщикъ изъ Казани,
Богатый волжскій старожилъ,
Безъ волокитства, безъ признаній...

— Мой другъ! — ему я говорилъ:

Ты не въ свои садишься сани;
Танцоркой вздумалъ управлять!
Ну, гдѣ тебѣ?...

Но обратимся поскорѣе
Мы къ нашимъ буйнымъ головамъ.*
Они стоятъ въ пустой аллеѣ,
Коней привязываютъ тамъ,
И вотъ тропинкой потаенной
Спѣшатъ, подобно двумъ ворамъ.—
На землю сумракъ ниспадаетъ,
Сквозь вѣтви брезжетъ лунный свѣтъ
И переливами играетъ
На гладкой мѣди эполетъ.
Впередъ отправился Маёшка,
Въ кустахъ проползъ онъ, какъ черкесъ,
И осторожно, точно кошка,
Черезъ заборъ онъ перелѣзъ.
За нимъ Монго нашъ долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-какъ.
Ну, лихо! сдѣлалъ первый шагъ!
Теперь душа моя въ покоѣ —
Судьба окончитъ остальное!

Облокотившись у окна,
Межъ тѣмъ, танцорка молодая
Сидѣла дома и одна.
Ей было скучно, и зѣвая,
Такъ, тихо, думала она:
«Чудна судьба! о томъ ни слова:
На матушкѣ моей чепецъ

---

* *Вар.* Молодцамъ.

Фасона самаго дурнаго,
И мой отецъ — простой кузнецъ;
А я — на шолковомъ диванѣ
Ѣмъ мармеладъ, пью шоколадъ;
На сценѣ — знаю ужъ заранѣ —
Мнѣ будетъ хлопать третій рядъ.
Теперь со мной плохія шутки —
Меня сударыней зовутъ
И за меня три раза въ сутки
Каналью повара дерутъ.
Мой Pierre не слишкомъ интересенъ,
Ревнивъ, упрямъ, что ни толкуй,
Не любитъ смѣху онъ, ни пѣсенъ,
За то богатъ и глупъ!...
Теперь не то, что̀ было въ школѣ:
Ѣмъ за троихъ, порой и болѣ,
И за обѣдомъ пью люнель.
А въ школѣ, Боже! вотъ мученье!
Днемъ танцы, выправка, ученье,
А ночью — жосткая постель.
Встаешь, бывало, утромъ рано,
Бренчитъ ужъ въ залѣ фортепьяно,
Поютъ всѣ врознь, трещитъ въ ушахъ;
А тутъ сама, поднявши ногу,
Стоишь, какъ аистъ, на часахъ.
Флёри хлопочетъ, бьетъ тревогу...
Но вотъ одиннадцатый часъ —
Въ кареты всѣхъ сажаютъ насъ.
Тутъ у подъѣзда офицеры
Стоятъ всѣ въ-рядъ, порою въ два...
Какія милыя манеры
И все отборныя слова!
Иныхъ улыбкой ободряешь,
Другихъ бранишь и отгоняешь.

За то вернулись лишь домой —
. . . . . .
Ни взглядъ не думай бросить лишній,
Ни слова ты сказать не смѣй...»

Но тутъ въ окно она взглянула,
И чуть не брякнулась со стула.
Предъ ней, какъ призракъ роковой,
Съ нагайкой, освѣщенъ луной,
Готовый влѣзть почти въ окошко,
Стоитъ Монго, за нимъ Маёшка.
«Что это значитъ, господа?
«Ворваться къ дѣвушкѣ—безчестно!»
— Намъ, право, это очень лестно!...
«Я васъ прошу: подите прочь!»
— Но гдѣ-же проведемъ мы ночь?
Мы мчались, выбились изъ силы...
«Вы неучи!» — Вы очень милы! —
«Чего хотите вы теперь?
«Ей-богу, я не понимаю!»
— Мы просимъ только чашку чаю!
«Панфишка! отвори имъ дверь!»

Поклонъ отвѣсивши пренизко,
Монго ей бросилъ нѣжный взоръ,
Потомъ садится очень близко
И продолжаетъ разговоръ.
Сначала колкіе намеки,
Воспоминанія, упреки,
Ну, словомъ, весь любовный вздоръ...
И нѣжный вздохъ прилично-томный
Порхнулъ изъ груди молодой...
Вотъ ножку нѣжную порой
Онъ жметъ колѣнкою нескромной,
И говоритъ о томъ, о семъ...
. . . . . .
. . . . . .

Маёшка, другъ великодушный,
Засѣлъ по-одаль на диванъ,
Угрюмъ, безмолвенъ, какъ султанъ.
Чужое счастіе намъ скучно,
Какъ добродѣтельный романъ.
Друзья! ужасное мученье
Быть на пиру . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Быть на парадѣ жалонёромъ
Или на балѣ быть танцоромъ!
Но хуже, хуже во-сто разъ
Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ,
И думать: это не для насъ!

Межъ тѣмъ Монго горитъ и таетъ...
Вдругъ самый пламенный пассажъ
Зловѣщимъ стукомъ прерываетъ
На дворъ влетѣвшій экипажъ:
Девятимѣстная коляска
И въ ней пятнадцать сѣдоковъ...
Увы! печальная развязка—
Неотразимый гнѣвъ боговъ!...
То былъ N. N. съ своею свитой:
Степаномъ, Ѳедоромъ, Никитой,
Тарасомъ, Сидоромъ, Петромъ...
Идутъ, гремятъ, орутъ, содомъ!
Всѣ пьяны, прямо изъ трактира....
Но нѣтъ, постой! умолкни лира!...
Тебѣ-ль, поклонницѣ мундира,
Побѣду фрачныхъ воспѣвать?

Въ истерикѣ младая дѣва!
Какъ защититься ей отъ гнѣва,

Куда гостей своихъ дѣвать?
Подъ столъ, въ комодъ, иль подъ кровать?
Въ комодѣ мѣста нѣтъ и платью...

Осталось средство имъ одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно...
Опасенъ подвигъ дерзновенный
И не сносить имъ головы!
Но въ нихъ проснулся духъ военный:
Вдругъ прыгъ!... и были таковы!...*

Ужъ ночь была, ни зги не видно,
Когда, свершивъ побѣгъ обидный
Для самолюбья и любви,
Повѣсы на коней вскочили,
И думы мрачныя свои
Другъ другу вздохомъ сообщили.
Дѣля печаль своихъ господъ,
Ихъ кони съ рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ходъ,
Они *нерѣдко* спотыкались,
И лѣность ихъ преодолѣть
Ни шпоры не могли, ни плеть.

Когда-же въ комнатѣ дежурной
Они сошлися поутру,
Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.
Тутъ много шутокъ, смѣху было,
И, право, Пушкинъ нашъ не вретъ,

---

* *Вар.* Имъ остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно...
Но въ-мигъ проснулся духъ военный:
Прыгъ, прыгъ!... и были таковы...

Сказавъ, что день бѣды пройдетъ,
А что̀ пройдетъ, то будетъ мило...

—

Такъ повѣсть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами,
А вы не можете-ль, друзья,
Нравоученье сдѣлать сами?...

ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА.

—

Царю Небесный!
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня.
Отъ маршировки
Меня избавь,
Въ парадировки
Меня не ставь.
Пускай въ манежѣ
Алёхинъ* глазъ,
Какъ можно рѣже,
Тамъ видитъ насъ.
Еще моленье
Позволь послать —
Дай, въ воскресенье,
Мнѣ опоздать!

---

* Бывшій въ то время командиръ юнкерскаго эскадрона.

КЪ ПОРТРЕТУ СТАРАГО ГУСАРА.

(Н. И. Б—ву.)

—

Смотрите, какъ летитъ, отвагою пылая...
Порой обманчива бываетъ сѣдина:
Такъ мхомъ покрытая бутылка вѣковая
Хранитъ струю кипучаго вина.

КЪ БУХАРОВУ.

—

Мы ждемъ тебя, спѣши, Бухаровъ,
Брось царкосельскихъ соловьевъ!
Въ кругу товарищей гусаровъ
Обычный кубокъ твой готовъ.

* *
*

Для насъ въ бесѣдѣ голосистой
Твой смѣхъ пріятнѣй соловья.
Какъ милъ и усъ твой серебристый
И трубка плоская твоя!

* *
*

Намъ дорога твоя отвага,
Огнемъ душа твоя полна,
Какъ вновь раскупренная влага
Въ бутылкѣ стараго вина.

* *
*

Столѣтья прошлаго обломокъ,
Межъ насъ остался ты одинъ,
Гусаръ прославленныхъ потомокъ,
Пировъ и битвы гражданинъ.

1836

ДВА ВЕЛИКАНА.

—

Въ шапкѣ золота литаго
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другаго
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.

За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ —
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій — и упалъ...

Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

———

1838

ЭКСПРОМПТЪ

М. И. Ц.

—

Русскій-нѣмецъ бѣлокурый
Ѣдетъ въ дальнюю страну,
Гдѣ косматые гяуры
Вновь затѣяли войну.
Ѣдетъ онъ, томимъ печалью,
На могучій пиръ войны;
Но иной, не бранной *сталью*,
Мысли юноши полны.*

---

* См. примѣчаніе 13.

НЕИЗВѢСТНЫХЪ ГОДОВЪ

КЪ ГРАФИНѢ М. П.

—

Графиня Эмилія
Прекрасна какъ лилія;
Такой станъ и талія,
Конечно, не встрѣтится,
И небо Италіи
Въ глазахъ ея свѣтится;
Но сердце Эмиліи
Подобно Бастиліи.

---

* * *

Посреди небесныхъ тѣлъ
Ликъ луны туманной:
Какъ онъ круглъ и какъ онъ бѣлъ,
Будто блинъ съ сметаной.

Кажду ночь она въ лучахъ
Путь проходитъ млечной:
Видно, тамъ, на небесахъ,
Масляница вѣчно!

---

* * *

Онъ былъ въ краю святомъ,
На хо̀лмахъ Палестины;
Стальной его шеломъ
Изсѣкли сарацины.

Понесъ онъ въ край святой
Цвѣтущія ланиты;
Вернулся онъ домой
Плѣшивый и избитый.

Невѣрныхъ онъ громилъ
Обѣими руками —
Ни женъ ихъ не щадилъ,
Ни малыхъ съ стариками.

Встрѣчаясь съ нимъ, подъ-часъ
Смущалися красотки;
Онъ п . . . . ихъ не разъ,
Перебирая чотки.

Вернулся онъ въ свой домъ
Безъ славы и безъ злата,
Глядитъ — дѣтей содомъ,
Жена его брюхата.

Пришибло старика . . . .*

---

* См. примѣчаніе 14.

II

ИСПАНЦЫ

—

1830

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ТРАГЕДІИ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ:

ИСПАНЦЫ.*

—

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Не отвергай мой слабый даръ,
Хоть здѣсь я выразилъ небрежно
Души непобѣдимый жаръ
И дикой страсти пылъ мятежный.

Нѣтъ! не для свѣта я писалъ —
Онъ чуждъ восторгамъ вдохновенья;
Нѣтъ! не ему я обѣщалъ
Свои любимыя творенья.

Я знаю: все равно ему,
Душѣ-ль, исполненной печали,
Или веселому уму
Живыя струны отвѣчали.

Но ты меня понять могла;
Страдальца ты не осмѣяла;
Ты съ безпокойнаго чела
Морщины раннія сгоняла.

* Содержаніе трагедіи см. въ примѣчаніи 15. Тамъ-же и о драмѣ *Два брата*.

Такъ надъ гробницею стоитъ
Береза юная, склоняя
Съ участьемъ вѣтки на гранитъ,
Когда реветъ гроза ночная!

(ИЗЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.)

СЦЕНА II.*

Комната у жида; богатые ковры вездѣ и сундуки; тутъ стоитъ на столикѣ горящая лампада. Въ глубинѣ сцены двѣ жидовки нижутъ жемчугъ: все богато. Ноёми сидитъ у стола, облокотившись.

НОЕМИ.

Нѣтъ! не могу работой заниматься!
Шитье въ глазахъ сливается, и пальцы

---

* Изъ первой сцены приводимъ отвѣтъ одного испанца бродячему пѣвцу, на вопросъ его — что пѣть:

Ну полно, братъ, садись и начинай играть,
А пѣсни выльются невольно.
Люблю я пѣсни, въ нихъ такъ живо
Являются души младенческіе дни.
О прошломъ говорятъ краснорѣчиво
И слезы на глаза влекутъ они;
Какъ будто въ нихъ мы можемъ слезы возвратить,
Которыя должны мы были проглотить.
Пусть слезы тѣ въ груди окаменѣли,
Но ихъ одинъ разводитъ звукъ,
Напомнивъ дни, когда мы пѣли
Безъ горькой памяти, безъ ожиданья мукъ.

Дрожатъ, какъ будто-бы иголка тяготитъ ихъ!
Молиться я хотѣла — то-же все!
Начну лишь... и слова мѣшаются;
То холодъ пробѣжитъ по тѣлу вдругъ,
То жаръ въ лицо ударитъ мнѣ порой,
И сердцу такъ неловко, такъ неловко!
Въ моемъ воображеньи незнакомецъ,
Который моего отца избавилъ
Отъ гибели. Дай Богъ ему все счастье,
Отнятое у насъ несправедливо.
Какъ будто-бы евреи ужъ не люди!
Нашъ родъ древнѣй испанскаго — и ихъ
Пророкъ рожденъ въ Ерусалимѣ!
Смѣшно! они хотятъ, чтобъ мы
Ихъ приняли законъ; но для чего?
Чтобъ въ гибель повергать другъ друга, какъ они?
Они такъ много превозносятъ кротость,
Любовь къ себѣ подобнымъ, милость,
И говорятъ, что въ этомъ ихъ законъ!
Но этого пока мы не видали.

(*Молчаніе*).

Однакожъ есть и между ними люди!
Вотъ напримѣръ вчерашній незнакомецъ...
Кто-бъ ожидалъ? — какъ жалко, что его
Я не увижу — но отецъ мой
Его такъ живо описалъ, такъ живо!...
Высокій станъ и благородный видъ,
И кудри черныя, какъ смоль, и быстрый взоръ,
И голосъ... но зачѣмъ о немъ я мыслю?...
Что́ пользы?... Ахъ! какой-же я ребенокъ!

(*Молчаніе.*)

Мнѣ скучно! вся душа разстроена,
И для меня суббота поневолѣ

Сегодня!... сердце бьется, бьется,
Какъ птичка, пойманная въ сѣткѣ!
Зачѣмъ нейдетъ отецъ мой? Онъ опять
Злодѣямъ въ руки попадется...
Какъ скучно быть одной весь день;
Все пѣснь одна: низать и распускать свой жемчугъ,
Читать и перечитывать, одѣться
Въ парчу и вновь раздѣться, ѣсть и пить
И спать... Однакожъ эту ночь
Мой сонъ былъ занимателенъ и страшенъ!

(Молчаніе).

Что̀ пользы? (*кличетъ*) Няня! Сара! Сара!
Поди ко мнѣ! Поди сюда! Ну что̀-же!...

САРА (*старуха, идетъ*).

Что́, милая Ноёми; что̀ тебѣ?
Иль жемчугъ распустила? — но вѣдь я
Стара — мои глаза всю бойкость потеряли;
Тебѣ вредитъ неосторожность,
А мнѣ — такъ невозможность! такъ-ли?

НОЕМИ.

Нѣтъ, Сара! жемчугъ я оставила вязать.

САРА.

Что̀! аль не нравится? вотъ я
Въ твои года не тѣмъ была довольна!
А этой молодежи нынѣшней
Все дурно! Что́-жъ меня звала ты?

НОЕМИ.

Такъ!
Мнѣ скучно!... я больна!

САРА.

Больна! ахъ, Боже мой!
Такъ я пошлю скорѣе за врачомъ...
Есть у меня знакомый, преискусный!...

НОЕМИ.

Не надо... я не то чтобы больна!
А... такъ не въ духѣ!... все нейдетъ на ладъ.
Что ни начну... мнѣ хочется, чего —
Опредѣлить сама не въ силахъ я!...
Мнѣ грустно! разскажи мнѣ сказку
Про старину! садись и разскажи!...

САРА.

Дай мнѣ припомнить, милое дитя...
Вотъ видишь! память-то ослабла,
Я столько слышала и испытала,
Что изъ толпы моихъ воспоминаній
Наврядъ одно вполнѣ перескажу!

НОЕМИ.

Я видѣла сегодняшнюю ночь
Ужасный сонъ! ужасный!... растолкуй мнѣ:
Мнѣ снилось, что приходитъ человѣкъ,
Обрызганный весь кровью, говоря,
Что онъ мой братъ... но я не испугалась
И стала омывать потоки крови
И увидала рану противъ сердца,
Глубокую... и онъ сказалъ мнѣ:
«Смотри! я братъ твой...» но клянуся,
Въ тотъ мигъ онъ былъ мнѣ больше брата,
И я заплакала, и стала умолять

Я Бога, чтобы жизнь его продлилъ;
Но этотъ человѣкъ захохоталъ
И вдругъ воскликнулъ: «перестань молиться!
Я братъ твой! нынѣ братьевъ ненавидятъ!...
Оставь меня, прекрасная еврейка:
Я христіянинъ, а не братъ твой;
Я надъ тобой хотѣлъ лишь посмѣяться.»
И онъ спѣшилъ уйти... и я схватила
Его широкій плащъ... но что-жъ? въ рукахъ
Остался погребальный саванъ!... я проснулась...

САРА.

Онъ братомъ называлъ себя твоимъ?

НОЕМИ.

Но это вздоръ! я не имѣла брата
И никогда имѣть не буду!...

САРА.

О, Ноёми!
Не говори!... случиться это можетъ...

НОЕМИ.

Какъ можетъ?... какъ?... Нѣтъ! это невозможно?

САРА.

Послушай! у тебя былъ братъ.
Онъ старше былъ тебя... Судьбою чудной,
Бѣжа отъ инквизиціи, отецъ твой
Съ покойной матерью его оставили
На мѣстѣ томъ, гдѣ ночевали;
Страхъ помѣшалъ имъ вспомнить это...
Быть можетъ, думали они, что я

Его держала на рукахъ... Съ тѣхъ поръ
Его мы почитали всѣ умершимъ.
И для того тебѣ о немъ не говорили.
А можетъ быть онъ живъ, какъ знать!
Вѣдь божья воля неисповѣдима!

НОЕМИ.

Ахъ, Сара! Сара! нѣтъ, онъ умеръ!...
Увялъ онъ, какъ трава пустыни, какъ цвѣтокъ
Полей засохнулъ!... Такъ онъ былъ рожденъ для жизни,
Онъ былъ рожденъ, чтобъ быть мнѣ другомъ.
О, Сара! если умеръ онъ — какъ счастливъ,
И какъ должна я плакать о себѣ!
Гонимый всѣми, всѣми презираемъ,
Нашъ родъ скитался по свѣту; отчизна
Спокойствіе, жилище наше — все не наше.
Но часъ придетъ, когда и мы возстанемъ!...
Такъ говоритъ писанье, такъ я вѣрю.
Зачѣмъ и нѣтъ? что́ сдѣлалъ мой отецъ
Симъ кровожаднымъ христіянамъ? Деньги
Имѣетъ онъ и дочь — вотъ все его богатство.
И еслибъ онъ увѣренъ былъ найти
Отчизну и спокойствіе, то вѣрно-бъ
Свои всѣ деньги отдалъ людямъ,
Которые его понынѣ притѣснили...
Однако есть и добрые межъ ними.

САРА.

Да, да! вотъ тотъ испанецъ молодой,
Который спасъ намедни Моисея!
Родитель твой хотѣлъ вознаградить
Его звенящимъ кошелькомъ, но онъ
Его ногами истопталъ, сказавъ:
«Собака! жизнь твоя того не стоитъ,

Я не наемникъ твой!» Прости ему Всевышній,
Подобныя хулы за то, что спасъ
Онъ одного изъ гибнувшихъ Израиля сыновъ!

НОЕМИ.

Прости ему, Всевышній!...

САРА (*подходитъ къ окну*).

Какая ночь! въ такую точно ночь
Я стала жертвою любви! Іосифъ мой!
О, еслибъ ты меня теперь увидѣлъ, —
Ты испугался-бы; въ то время я цвѣла;
Мои глаза блистали какъ алмазы
И щеки были нѣжны точно пухъ!...
Увы! Ноёми, кто-бъ тогда подумалъ,
Что этотъ лобъ морщины исчертятъ,
Что эти косы посѣдѣютъ! то-то время!...

НОЕМИ.

Что мой отецъ нейдетъ?...

САРА.

Чу! вотъ сова кричитъ... ужасный крикъ!
Я не люблю его!... во мнѣ всѣ жилы
Кровь оставляетъ при подобномъ крикѣ!...
(*Стучатъ въ дверь*).
Ахъ! вѣрно твой отецъ пришелъ!... Ну, поздно!...

ГОЛОСЪ.

Скорѣе отоприте! отоприте!
(*Служанки, сидѣвшія за шитьемъ, бросаются и отпираютъ. Входитъ Моисей, ведетъ Фернандо съ перевязанною рукой, который едва движется*).

МОИСЕЙ.

Ноёми! Сара! помогите, помогите!...
Измученъ я усталостью... и страхомъ.
Онъ истекаетъ кровью... О, проклятье
Злодѣямъ!... Дайте кресло и подушки;
Онъ истекаетъ кровью!...
(Кладетъ на полъ длинную подушку, на которую сажаютъ раненаго и поддерживаютъ его ослабѣвшую голову).
Будь Авраамъ свидѣтель — эта ночь
Ужаснѣй той, когда я сына потерялъ;
Тому я далъ существованье,
А этотъ возвратилъ мнѣ жизнь!...
О, Богъ, Богъ іудеевъ, сохрани
Его, хоть онъ не изъ твоихъ сыновъ!...

ФЕРНАНДО.

Кто здѣсь моихъ убійцъ такъ проклиналъ?
Зачѣмъ? они хотѣли сдѣлать мнѣ добро,
Освободить отъ мукъ — такъ земляки мои
Всегда добро творятъ другъ другу!
О, перестаньте! (*Какъ отъ сна:*) Гдѣ я? Кто со мной?
(*Поднимаетъ голову*).
Благодарю того, кто спасъ меня, — но кто онъ?

МОИСЕЙ.

Ты спасъ его недавно самъ:
Онъ здѣсь съ тобой — еврей, гонимый
Твоимъ народомъ; но ты спасъ меня,
И я тебѣ обязанъ заплатить,
Хоть я въ твоей отчизнѣ презираемъ...
Такъ, дочь моя, вотъ мой спаситель!...

НОЕМИ (*становится на колѣни и цалуетъ руку*).

Еврейка у тебя цалуетъ руку,
Испанецъ! (*Она остается на кольняхъ и держитъ руку*).

ФЕРНАНДО (*Моисею*).

Что̀ сказалъ ты, иновѣрный!
Отчизна, родина — слова пустыя для меня,
Затѣмъ, что я не вѣдаю цѣны ихъ;
Отечество зовется край, гдѣ наши
Родные, домъ нашъ и друзья;
Но у меня подъ небесами
Нѣтъ ни родныхъ, ни дома, ни друзей!...

НОЕМИ.

Когда ты не нашелъ себѣ друзей
Межъ христіанъ, то между насъ найдешь.
Ты добръ, испанецъ, — небо справедливо!...

ФЕРНАНДО.

Я былъ добръ!...

МОИСЕЙ (*стоя надъ нимъ*).

Кровь течетъ изъ раны,
Перевяжите! Какъ онъ поблѣднѣлъ!

ФЕРНАНДО.

У волка есть берлога, и гнѣздо у птицы,
Есть у жида пристанище;
И я имѣлъ одно — могилу!...
Чудовище!... зачѣмъ ты отнялъ у меня
Могилу? Всѣ старанья ваши — зло!

Спасти отъ смерти человѣка для того,
Чтобъ сдѣлать зло! Безумцы!
Прочь!... пусть течетъ свободно кровь моя,
Пусть веселитъ... О, жалко! нѣтъ монаха здѣсь!...
Одни евреи бѣдные — что нужды?
Они все люди-же, а кровь
Пріятна людямъ... Прочь! (*Срываетъ перевязи*).

НОЕМИ.

Отецъ! сорвалъ онъ перевязку! онъ умретъ!
(*Всѣ бросаются опять наложить перевязку*).

САРА.

О, какъ онъ ослабѣлъ, несчастный!
Какая блѣдность покрываетъ щеки:
Какъ жалко!...

ФЕРНАНДО.

Дайте пить мнѣ, я горю:
Языкъ засохъ... скорѣе ради Бога!...
(*Сара уходитъ за питьемъ*).

НОЕМИ.

Испанецъ, успокойся! успокойся!
Ты былъ несчастливъ, это видно,
Хоть молодъ. Я слыхала прежде,
Что если мы страдальцу говоримъ,
Что онъ несчастливъ, то снимаемъ тягость
Съ его души... Ахъ! какъ-бы я желала,
Чтобы ты сталъ здоровъ и веселъ!

ФЕРНАНДО.

И веселъ! (*Стонетъ*)

НОЕМИ.

Я прошу тебя... подумай,
Что я твоя сестра, что тотъ еврей отецъ твой;
Воображеніе тебя утѣшитъ:
Оно дано намъ, людямъ, для того,
Испанецъ!

ФЕРНАНДО.

Дѣвушка! ты дочь его?

НОЕМИ.

Ты отгадалъ, ты спасъ отца мнѣ!
И онъ тебя спасетъ. — Я заклинаю
Тебя твоимъ закономъ, перестань
Тревожиться печальной думой;
Она вредитъ здоровью твоему,
Разгорячаетъ кровь.
(*Сара приноситъ стаканъ*).
На, выпей!

ФЕРНАНДО.

Благодарю! твои слова напитка лучше!
Когда жалѣетъ женщина меня,
Я чувствую двойное облегченье.
Послушай, — что́ я сдѣлалъ этимъ людямъ,
Которые меня убить хотѣли?
Что не разбойники они, то это вѣрно:
Они съ меня не взяли ничего,
И бросили въ крови вблизи дороги...
... О, это все коварство!... я предвижу,
Что это лишь начало... а конецъ!...
Конецъ... (*вздрагиваетъ*) что вздрогнулъ я? что́-бъ ни было,

Я уступлю скорѣй судьбѣ, чѣмъ людямъ;
Оставь меня покуда!

САРА (*встаетъ и отходитъ, но издали все на него смотритъ, потомъ подходитъ къ Моисею*).

Скажи, молю тебя, какъ ты его нашелъ?
Я это все за сонъ принять готова!

МОИСЕЙ.

Пошелъ къ раввину я: онъ былъ мнѣ долженъ,
Онъ задержалъ меня часа съ четыре,
Хоть противъ воли: ночь уже была
Темна, и я, въ сапогъ запрятавъ
Свой кошелекъ, боясь воровъ, пошелъ
Домой. Луна вставала надъ болотомъ
И между горъ густой туманъ дымился.
Иду я недалеко ужъ отсюда
Густымъ лѣскомъ, и слышу шумъ шаговъ...
Всѣ жилки задрожали у меня,
И я невольно бросился за кустъ:
Сижу, дрожу; передо мной была поляна,
И мѣсяцъ ударялъ въ нее лучами.
Шесть человѣкъ стояли на полянѣ,
И слышу: «Этой самою дорогой
«Идти онъ долженъ нынѣ... ужъ не знаю,
«Какъ выдержитъ кинжалы наши онъ. —
«Мнѣ жалко-бы убить его до смерти;
«Онъ малый славный, и къ тому-жъ бѣднякъ!
«Да дѣлать нечего, когда велѣлъ намъ патеръ
«Его отправить въ дальнюю дорогу!»
Едва окончена была такая рѣчь,
Какъ вдругъ я слышу крикъ и звукъ кинжаловъ:

Онъ долго защищался, наконецъ
Упалъ, и всѣ въ минуту разбѣжались,
Какъ будто мертвый былъ страшнѣй живаго!
Когда утихло все, я вышелъ посмотрѣть,
Кто былъ несчастный жертвою злодѣйства,
И что́-жъ? мой благодѣтель, мой спаситель!
Я различилъ черты его при свѣтѣ
Луны... онъ раненъ былъ легко,
Но, странно, не узналъ меня,
И будто по природному влеченью
Всталъ... Я понесъ его... онъ все шепталъ,
Но словъ не понималъ... потоки крови
Бѣжали на меня... Такъ я принесъ
Несчастнаго сюда! Богъ сдѣлалъ это чудо!

САРА.

И точно, это чудо, Моисей!

НОЕМИ (*которая въ то время опять сѣла у ногъ Фернандо*).

Что̀? утихаетъ боль твоя, иль нѣтъ?

ФЕРНАНДО.

Дай руку мнѣ, о нѣжное созданье!
Какъ обо мнѣ она печется...

МОИСЕЙ (*Сарѣ*).

Поди, постель ему ты приготовь;
Я тотчасъ самъ приду туда...

САРА.

Да какъ его зовутъ, кто онъ таковъ? (*Уходитъ*).

МОИСЕЙ (*подходитъ*).

Позволь, одно я у тебя спрошу...
Кто ты и какъ тебя зовутъ?

ФЕРНАНДО.

Когда я жизнь свою подвергнулъ для твоей,
Ты спрашивалъ-ли: какъ меня зовутъ?...
(*Молчаніе*).
Меня зовутъ Фернандо! —
Вотъ все, что́ я могу сказать: другое
Пусть спитъ въ груди моей, какъ прахъ твоихъ отцовъ.
Я ни отца, ни матери не знаю...
Но полно: я прошу, не спрашивай меня
Вторично о такихъ вещахъ —
Ты этимъ ни отца, ни матери не дашь мнѣ.

НОЕМИ.

Я буду для тебя сестрой...

ФЕРНАНДО.

Ты для меня сестрой не будешь.

НОЕМИ.

Зачѣмъ-же отвергать такъ своенравно
Того, кому ты можешь ввѣрить горесть
Души твоей? ужель различье вѣры?
Ужели хочешь ты, чтобъ я
Раскаялася въ томъ, что іудейка?...

ФЕРНАНДО.

. . . . . .
Ты цвѣтъ пустыни, ты дитя свободы;

Безъ правилъ любишь ты, — испанцы только
Безъ правилъ ненавидятъ ближнихъ!
У нихъ и рай и адъ — все на вѣсахъ,
И деньги сей земли владѣютъ счастьемъ неба,
И люди заставляютъ демоновъ краснѣть
Коварствомъ и любовію ко злу!...
У нихъ отецъ торгуетъ дочерьми,
Жена торгуетъ мужемъ и собою.
У нихъ, чтобъ угодить вельможѣ или
Монаху, можно человѣка
Невиннаго предать кровавой пыткѣ,
И сжечь за слово на кострѣ, и подъ окномъ
Оставить съ голоду погибнуть, для того,
Что нѣтъ креста на шеѣ бѣдняка, —
Есть дѣло добродѣтели великой!
О Боже! сохрани меня отъ мысли,
Что ты должна принять ихъ предразсудки;
Но между нихъ одно есть существо,
Но, между демоновъ, одинъ есть ангелъ
Души моей... но замолчу объ этомъ.

НОЕМИ.

Ты горячишься, это увеличитъ
Твое страданье, съ болью ранъ твоихъ.
Не хочешь-ли чего-нибудь?... усни...
Вотъ мой отецъ придетъ: онъ приготовилъ
Постель твою; всю ночь я просижу
Вблизи тебя... чего ни пожелаешь ты,
Мы все достанемъ, только будь спокоенъ...

ФЕРНАНДО (*въ сторону*).

Эмилія далеко отъ меня,
О, еслибъ эта милая еврейка
Была Эмилія, какъ скоро-бы всѣ раны

Закрылися, кромѣ одной;
Но рана эта такъ пріятна сердцу.
Эмплія! Эмплія! быть можетъ,
Умру я здѣсь, далеко отъ тебя,
И ты моей могилы не найдешь;
И отъ послѣдней — отъ тебя я буду
Забытъ!... забытъ!...

МОИСЕЙ.

Уснп! постель уже готова...
Эй, Сара! помоги поднять его.
(Двѣ еврейки, слуга еврей, Сара и Моисей поднимаютъ Фернандо и уводятъ. Ноёми одна остается).

НОЕМИ.

Проникло сожалѣнье въ грудь мою.
Такъ вотъ кого я такъ желала видѣть,
Не вѣдая желанію причины!...
Нѣтъ, нѣтъ! я не спасителя отца
Хотѣла видѣть въ немъ;
Испанецъ молодой, съ осанкой гордой,
Какъ тополь стройный, съ черными глазами,
Съ такими-жъ черными кудрями
Являлся моему воображенью,
И мною овладѣлъ непостижимой силой,
И завладѣлъ дѣвичьимъ сномъ моимъ;
Отецъ мой такъ его подробно описалъ.
(Молчаніе).
О! какъ судьба людьми играетъ!...
Кто-бъ отгадалъ, что этотъ человѣкъ,
Недавно спасшій моего отца,
Сегодня будетъ здѣсь, у насъ, облитый
Своею неповинной кровью,

Измученный, едва не мертвый?
Мнѣ кажется, я чувствую любовь
Къ нему, не сожалѣнье, а любовь.
Какъ это слово звучно въ первый разъ!...
Когда онъ говоритъ, то сердце у меня
Трепещетъ, — точно какъ боится,
Чтобъ сердце юноши не перестало биться:
Когда-жъ произношу его названье,
Хотя-бы въ мысляхъ только я сказала:
Фернандо!... то краснѣю, будто-бы
Самой себя стыжусь или боюсь!...
Чего стыдиться, я не понимаю
Любви? всѣ любятъ, что̀-же тутъ худаго?
. . . . . .
Какъ не любить? ахъ! безъ любви такъ скучно, —
И даже думать не о чемъ; о, Боже!
Храни его, храни обоихъ насъ!
Прости любовь мою! я не могу иначе...
(*Она стоитъ въ задумчивости*).

(ИЗЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ)

—

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

(ВО ВТОРОЙ СЦЕНѢ).

Плачь, Израиль! о, плачь! твой Солимъ опустѣлъ,
На чужбинѣ въ раздольи печально житье;
Но сыны твои взяты не въ пышный предѣлъ:
Въ пустыняхъ разсѣяно племя твое.

О родинѣ можно-ль не помнить своей?
Но когда ужъ нельзя воротиться назадъ,
Не пойте! — досадные звуки цѣпей
Свободы веселую пѣснь заглушатъ!...

Изгнанники пепломъ посыпьте чело,
И молитесь вы ночью при хладной лунѣ,
Чтобъ стенанье израильтянъ тронуть могло
Того, кто явился пророку въ огнѣ!

Тому только можно Сіонъ вамъ отдать,
Привесть васъ на землю ливанскихъ холмовъ,
Кто можетъ утѣшить скорбящую мать,
Когда сынъ ея палъ подъ мечами враговъ.

—

СЦЕНА III.

Комната у жида какъ во второмъ дѣйствіи.

НОЕМИ (*за нею Сара*).

Не утѣшай меня! не утѣшай меня!
Злой духъ меня сгубилъ! онъ предвѣщалъ
Мнѣ радость и любовь — любовь онъ далъ,
А радость онъ похоронилъ на вѣки!
Теперь мы больше не увидимся съ Фернандо,
И я могу открыто плакать,
Закона не боясь. — О! я люблю
Его какъ Бога... онъ одинъ мой богъ.
И небо запретить любить его не можетъ.
Меня не понялъ онъ, другую любитъ,

Другую, слышишь-ли, другую!... я умру!
Не утѣшай меня! не утѣшай меня!
(*Ломаетъ руки*).

САРА.

Съ тобою плакать я хочу,
Когда тебя нельзя утѣшить!...

НОЕМИ.

Плакать!
Тебѣ-ль со мною плакать?... Любила-ль ты,
Какъ я?... любила-ль чужеземца,
Любила-ль христіянина, была-ли
Имъ презрѣна, какъ я? Ахъ, Сара, Сара!
Мое блаженство кончилось надолго!
И вотъ плоды моихъ надеждъ, мечтаній,
Плоды недоспанныхъ ночей и безпокойствъ!...
О, сжалься надо мною небо! —
Скорѣй въ сырую землю, поскорѣй,
Покуда я себя роптаньемъ не лишила
Спокойствія и тамъ...

САРА.

Старайся
Разсѣяться!... въ твои лѣта позабываютъ
И самую жестокую печаль.
Вотъ твой отецъ придетъ! теперь
Съ раввиномъ онъ бесѣдуетъ
О чемъ-то занимательномъ и важномъ.
Онъ новостью тебя займетъ.

НОЕМИ.

Я проклинаю

Всѣ эти новости, одна ужъ
Меня лишила счастья... а другая
Мнѣ не отдастъ его. — Ахъ, Сара!
Все кончено! все кончено!

(*Моисей вбѣгаетъ какъ бѣшеный*).

МОИСЕЙ.

Дочь! дочь! дочь!... онъ нашелся!
Зачѣмъ теперь? зачѣмъ такъ поздно... онъ нашелся!...
Твой братъ... мой сынъ!... сынъ!... я не узналъ...
Жестокій случай... такъ... я не прижалъ
Его къ груди, и не прижму... найденъ,
И въ тотъ-же мигъ потерянъ. О судьба!
Земля и небо! вѣтры! бури! громъ!
Куда вы сына унесли? зачѣмъ отдать,
Чтобы отнять... И христіянинъ!
Возможно-ли? мой сынъ... я чувствовалъ,
Что кровь его — моя... я чувствовалъ,
Что онъ родной мой... О Израиль!
Израиль!... ты скитаться долженъ въ мірѣ,
Тебя преслѣдуютъ стихіи даже...
И Богъ твой отъ тебя отворотился.
Мой сынъ! мой сынъ!...

САРА.

Гдѣ-жъ онъ? зачѣмъ не здѣсь?
Кто-жъ онъ?... и кто сказалъ, что сынъ твой...

МОИСЕЙ.

О горе! горе! горе намъ! онъ здѣсь былъ,
Раввинъ принесъ мнѣ доказательства... я вѣрю,
Что онъ мой сынъ! я спасъ... онъ спасъ меня...

И онъ погибнуть долженъ... Не спастись
Ему вторично отъ руки злодѣевъ...
Ноёми! горе, горе для тебя!
Фернандо — братъ твой!
Испанецъ — братъ твой!
Онъ гибнетъ; онъ родился, чтобъ погибнуть
Для насъ! — онъ христіянинъ!... онъ твой братъ!
(*Ноёми упадаетъ безъ чувствъ на полъ. Сара спѣшитъ къ ней*).
Пускай умретъ и дочь... и я!... У Бога
Моихъ отцовъ нѣтъ жалости... Мой сынъ! мой сынъ!
(*Ломаетъ руки и стоитъ недвиженъ*).

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

—

1831

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.*

РОМАНТИЧЕСКАЯ ДРАМА.

(Москва 1831–20 года)

The Lady of his love was wedwith One
Who did not love her better . . .
. . . . . .
And this the world calls phrendy; but the wise
Have a far duper madness, and the glance
Of melancholy is a fearful gift;
What is it but the telescope of truth?
Which strips the distance of its phantasies,
And bring life near in utter nakedness,
Making the cold reality too real!
Lord Byron. (The Dream.)

—

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ Арбенинныхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ АРБЕНИНЪ (*входитъ*).

Говорятъ, что дѣти въ тягость намъ пока они молоды; но я думаю совсѣмъ противное. За ребенкомъ

---

* Я рѣшился изложить драматически происшествіе истинное, которое долго безпокоило меня и всю жизнь, можетъ быть, занимать не перестанетъ. Почти всѣ дѣйствующія лица написаны мною съ природы; но тѣ, кои могутъ узнать съ кого они взяты, едва-ли откроютъ это міру. Читатель вѣрно пожалѣетъ о

надобно ухаживать, няньчить его, кормить и поить; а двадцатилѣтняго опредѣляй въ службу, да каждую минуту трепещи, чтобъ онъ какою нибудь шалостью не погубилъ на вѣкъ себя и честное имя. Признаться, мое положеніе теперь самое критическое. Владиміръ нейдетъ въ военную службу, во-первыхъ, потому что его характеръ, какъ онъ самъ говоритъ, слишкомъ своеволенъ, а во-вторыхъ, потому что онъ не силенъ въ математикѣ. Куда-же опредѣлить его? Въ статскую? Всѣ лучшія мѣста заняты. Воспитывать — самая трудная вещь. Думаешь: «ну, все теперь кончилось!» Не тутъ-то было — только-что начинается. Я боюсь, чтобы Владиміръ не потерялъ добрую славу въ большомъ свѣтѣ, гдѣ я столькими трудами пріобрѣлъ себѣ значительное мѣсто; тогда я-же буду виноватъ: противъ меня скажутъ, что я не воспитывалъ его сообразно характеру. Какой-же въ его лѣта характеръ? — Самый его характеръ есть безхарактерность. Такъ, я вижу, что недовольно строго держалъ сына моего. Какая польза, что такъ рано развились его чувства и мысли? Однако-же я не отстану отъ своихъ плановъ; велю ему выйти въ отставку года

судьбѣ молодаго человѣка, который подавалъ столь блистательныя надежды, и отъ одной безумной страсти навсегда потерянъ для общества. Пускай люди, бывшіе причиною его погибели, не обвиняютъ меня. Я хотѣлъ, я долженъ былъ оправдать тѣнь несчастнаго!

Лица, изображенныя мною, всѣ взяты съ природы, и я желалъ-бы, чтобъ они себя узнали: тогда вѣрно раскаяніе посѣтитъ ихъ душу. Справедливо-ли описано у меня общество — не знаю; по-крайней-мѣрѣ оно всегда останется для меня собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня. И этому обществу я отдаю себя на судъ.

См. примѣчаніе 16.

черезъ четыре, а тамъ женю на богатой невѣстѣ и поправлю тѣмъ его состояніе, которое, по милости моей любезной супруги, совсѣмъ разстроено. Не могу безъ бѣшенства вспомнить, какъ она меня обманывала! О, невѣрная женщина! ты испытаешь всю тягость моего мщенія; въ бѣдности, съ раскаяніемъ въ душѣ и безъ надежды на будущее, ты умрешь далеко отъ глазъ моихъ; я никогда не рѣшусь тебя увидѣть. Обезчестить такаго мужа, каковъ былъ я! И не дѣлалъ-ли я все, что̀ ей хотѣлось? Я очень радъ что у нея нѣтъ близкихъ родныхъ, которые помоглибы ей... (*молчаніе*). Кажется, кто-то сюда идетъ? Такъ точно. (*Входитъ Владиміръ*). Здравствуй, Владиміръ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ И ВЛАДИМІРЪ.

ВЛАДИМІРЪ. — Батюшка, здравствуйте!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Я очень радъ, что ты пришелъ, Владиміръ! Мы кое о чемъ поговоримъ. Это касается будущей судьбы твоей. Но ты что-то не веселъ, другъ мой... Гдѣ былъ ты?

ВЛАДИМІРЪ. — (*бросая на отца быстрый и мрачный взоръ*). — Гдѣ я былъ, батюшка?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Что̀ значитъ этотъ пасмурный видъ? Такъ-ли встрѣчаютъ ласки отца?

ВЛАДИМІРЪ. — Угадайте, гдѣ я былъ.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — У какаго нибудь тебѣ подобнаго шалуна, гдѣ ты проигралъ свои деньги, или у какой нибудь прекрасной, которая огорчила тебя своимъ отказомъ. Какія другія приключенія могутъ безпокоить тебя? Кажется, я отгадалъ?

ВЛАДИМІРЪ. — Я былъ тамъ, откуда веселье очень далеко; я видѣлъ одну женщину, слабую, больную, которая за давнишній проступокъ оставлена своимъ мужемъ и родными; она не имѣетъ никакаго состоянія; весь міръ смѣется надъ ней и никто о ней не сожалѣетъ. О, батюшка! эта душа заслуживала прощеніе и другую участь! Батюшка! я видѣлъ горькія слезы раскаянія; я молился вмѣстѣ съ нею; я обнималъ ея колѣни, я... я былъ у моей матери! Чего-же вамъ больше?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Ты...

ВЛАДИМІРЪ. — О, еслибъ вы знали, еслибъ видѣли... Отецъ мой! вы не поняли эту нѣжность, божественную душу, или вы несправедливы, несправедливы! Я повторю это предъ цѣлымъ свѣтомъ и такъ громко, что ангелы услышатъ и ужаснутся человѣческой жестокости...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Ты смѣешь... меня обвинять неблагодар....

ВЛАДИМІРЪ. — Ахъ! простите меня! я себя не помню... Посудите сами: какъ могъ я быть хладнокровенъ? Я согласенъ, она васъ оскорбила, непростительно оскорбила; но что она мнѣ сдѣлала? На ея колѣняхъ протекли первые годы моего младенчества; ея имя вмѣстѣ съ вашимъ было первою моею рѣчью; ея ласки облегчали мои первыя болѣзни... и теперь, когда она въ нищетѣ, безъ друзей пріѣхала сюда, могъ-ли я не упасть къ ея ногамъ?... Батюшка! она хочетъ васъ видѣть... Я васъ умоляю объ этомъ... Если вы меня любите, если хотите моего счастія... Одна ея чистая слеза смоетъ черное подозрѣніе и удалитъ предразсудки отъ вашего сердца!...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Нѣтъ! я на нее не

сердитъ, но не хочу больше ее видѣть; не хочу, не долженъ!... Что̀ скажутъ въ свѣтѣ?

ВЛАДИМІРЪ (*кусая губы*). — Что̀ скажутъ въ свѣтѣ?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — И ты очень дурно сдѣлалъ, сынъ мой, что не сказалъ мнѣ, когда поѣхалъ къ ней: я-бы далъ тебѣ порученіе...

ВЛАДИМІРЪ. — Которое-бы убило послѣднюю ея надежду — не такъ-ли?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Да! она еще недовольно наказана... эта сирена, эта негодная женщина...

ВЛАДИМІРЪ. — Она моя мать.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Если опять ее увидишь, то посовѣтуй ей не являться ко мнѣ и не стараться выпросить прощенія, чтобы мнѣ и ей не было еще стыднѣе встрѣтиться, чѣмъ было при разлукѣ нашей.

ВЛАДИМІРЪ. — Отецъ мой! я не сотворенъ для такихъ порученій...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*съ улыбкой*). — Довольно объ этомъ. Кто изъ насъ правъ, кто виноватъ — не тебѣ судить. Черезъ часъ приходи ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ я тебѣ покажу недавно присланныя бумаги, которыя тебѣ хочу препоручить; также дамъ тебѣ прочитать письмо отъ графа, на счетъ опредѣленія тебя въ службу. И еще прошу тебя не говорить мнѣ больше ничего о твоей матери... я прошу, когда могу приказывать. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ВЛАДИМІРЪ (*одинъ*). — Какъ онъ радъ, что имѣетъ право мнѣ приказывать! Боже! никогда не докучалъ я Тебѣ лишними мольбами, — теперь прошу:

прекрати эту распрю! Смѣшны для меня люди: ссорятся изъ пустяковъ и отлагаютъ часъ примиренія, какъ будто это такая вещь, которую всегда успѣютъ сдѣлать!... Нѣтъ! вижу, что должно быть жестокимъ, чтобы жить съ людьми. Они думаютъ, что я созданъ для удовлетворенія ихъ прихотей, что я — средство для достиженія ихъ . . . . цѣлей! Никто меня не понимаетъ, никто не умѣетъ обходиться съ этимъ сердцемъ, которое полно любви и принуждено расточать ее напрасно...

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВЛАДИМІРЪ И БѢЛИНСКІЙ.

БѢЛИНСКІЙ (*быстро входитъ*). — А! здравствуй, Арбенинъ, мой милый, любезный другъ! Что такъ задумчивъ? Для чего тому считать звѣзды, кто можетъ считать звонкую монету? Погляди на меня!... Бьюсь объ закладъ, я отгадалъ о чемъ ты думалъ.

ВЛАДИМІРЪ. — Здравствуй, Бѣлинскій! Дай руку! (*пожимаютъ руки*).

БѢЛИНСКІЙ. — Ты думалъ о томъ, какъ заставить женщину любить или признаться въ томъ, что она притворялась. То и другое очень мудрено; однако я скорѣе возьмусь сдѣлать послѣднее, нежели первое, потому-что...

ВЛАДИМІРЪ. — О чемъ ты болтаешь тутъ?

БѢЛИНСКІЙ. — О чемъ? Онъ поглупѣлъ или оглохъ!... Я говорилъ о царѣ Соломонѣ, который воспѣвалъ умѣренность и совѣтовалъ поститься, а самъ былъ не изъ послѣднихъ скоромниковъ... Ха! ха! ха!.. Ты вѣрно здѣсь ждалъ, что твоя любезная прилетитъ къ тебѣ на крыльяхъ зефира? Нѣтъ, потрудись-ка

самъ слетать... Другъ мой! кто разберетъ женщинъ?... Въ ту минуту, когда ты думаешь...

ВЛАДИМІРЪ (*прерываетъ его*). — Гдѣ ты былъ вчера?

БѢЛИНСКІЙ. — На музыкальномъ вечерѣ, такъ сказать. Дѣти дѣлали отцу сюрпризъ, по случаю его именинъ. Они играли на разныхъ инструментахъ, и для нихъ, и для отца это очень хорошо; несмотря на то, гостямъ, которыхъ находилось тутъ очень много, было очень скучно.

ВЛАДИМІРЪ. — Странный народъ! Такимъ образомъ глупое чванство всегда отравляетъ семейныя удовольствія.

БѢЛИНСКІЙ. — Отецъ былъ въ восхищеніи и къ каждому обращалъ глаза съ разными тѣлодвиженіями, каждый отвѣчалъ ему наклоненіемъ головы и довольною улыбкой, и уловя время, когда бѣдный отецъ оборачивался въ противную сторону, каждый зѣвалъ отъ души... Мнѣ показались жалкими этотъ отецъ и его дѣти...

ВЛАДИМІРЪ. — А мнѣ жалки безстыдные гости. Не могу видѣть равнодушно этого презрѣнія къ счастію ближняго, какаго-бы рода оно ни было; всѣ хотятъ, чтобъ другіе были счастливы по ихъ образу мыслей и такимъ образомъ отравляютъ сердце, не имѣя средствъ излечить его. Я-бы желалъ совершенно удалиться отъ людей, но привычка не позволяетъ мнѣ. Когда я одинъ, то мнѣ кажется, что никто меня не любитъ, никто не заботится обо мнѣ... и это такъ тяжело, такъ тяжело!...

БѢЛИНСКІЙ. — Э! полно, братецъ, говорить вздоръ! Товарищи тебя любятъ... а если есть какія нибудь другія непріятности, то надо умѣть ихъ перено-

сить съ твердостью... Все проходитъ: зло, какъ добро...

ВЛАДИМІРЪ. — Переносить! переносить!... Какъ давно твердятъ это роду человѣческому, хотя знаютъ, что этимъ словамъ почти никто не слѣдуетъ... (*Беретъ Бѣлинскаго за руку*). Было время, когда я былъ счастливъ, но это время слишкомъ давно соединилось съ прошедшимъ, чтобы воспоминаніе о немъ могло меня утѣшить. Вся истинная жизнь моя состоитъ изъ нѣсколькихъ мгновеній, а все прочее время было только приготовленіемъ или слѣдствіемъ этихъ мгновеній... Тебѣ трудно меня понять — я это вижу... Другъ мой, гдѣ найду я то, что̀ принужденъ искать?...

БѢЛИНСКІЙ. — Въ своемъ сердцѣ. У тебя великій источникъ блаженства: умѣй только почерпать изъ него. Ты получилъ скверную привычку разсматривать со всѣхъ сторонъ каждую крошку го̀ря, которую судьба тебѣ посылаетъ. Учись презирать непріятности, наслаждаться настоящимъ, не заботиться о будущемъ и не жалѣть о минувшемъ. Все привычка въ людяхъ; а въ тебѣ еще больше, чѣмъ въ другихъ. Зачѣмъ не отстать, если видишь, что цѣль не можетъ быть достигнута... Нѣтъ: вынь-да-положь!... А кто послѣ терпитъ?

ВЛАДИМІРЪ. — Нѣтъ, не суди такъ обо мнѣ; войди лучше въ мое положеніе. Знаешь-ли, я иногда завидую сиротамъ; иногда мнѣ кажется, что родители мои спорятъ о любви моей, а иногда, что они совсѣмъ не дорожатъ ею. Они знаютъ, что я ихъ люблю сколько можетъ любить сынъ... Нѣтъ! зачѣмъ, когда они другъ на друга косятся, зачѣмъ есть существо, которое хотѣло-бы ихъ соединить, перелить весь пламень юной любви своей въ ихъ предубѣж-

денныя сердца... Другъ мой, Дмитрій! я не долженъ такъ говорить... но ты, вѣдь, знаешь все, все, и тебѣ я могу повѣрить то, что̀ составляетъ несчастіе моей жизни, что̀ скоро доведетъ меня до гроба или сумасшествія!...

БѢЛИНСКІЙ. — Магометъ сказалъ, что онъ опустилъ голову въ воду и вынулъ, и въ это время четырнадцатью годами состарѣлся; такъ и ты въ короткое время ужасно перемѣнился. — Разскажи-ка мнѣ, какъ идутъ твои любовныя похожденія?... Ты хмуришься... Скажи, давно-ли ты ее видѣлъ?

ВЛАДИМІРЪ. — Давно.

БѢЛИНСКІЙ. — А гдѣ живутъ Загорскины?... Ихъ двѣ сестры; отца нѣтъ — такъ-ли?

ВЛАДИМІРЪ. — Такъ.

БѢЛИНСКІЙ. — Познакомь меня съ ними. — У нихъ бываютъ вечера, балы?

ВЛАДИМІРЪ. — Нѣтъ.

БѢЛИНСКІЙ. — А я думалъ... Однако все не мѣшаетъ... Познакомь меня.

ВЛАДИМІРЪ. — Изволь.

БѢЛИНСКІЙ. — Разскажи мнѣ исторію твоей любви.

ВЛАДИМІРЪ. — Она очень обыкновенна: тебя не займетъ.

БѢЛИНСКІЙ. — Знаешь-ли ты кузину Загорскиныхъ, княжну? Вотъ прехорошенькая и прелюбезная дѣвушка.

ВЛАДИМІРЪ. — Быть можетъ. Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ ее, то почувствовалъ какую-то антипатію. Я дурно о ней подумалъ, не слыхавъ отъ нея еще ни одного слова... А ты знаешь — я вѣрю предчувствіямъ.

БѢЛИНСКІЙ. — Суевѣръ!

ВЛАДИМІРЪ. — Намедни я поѣхалъ верхомъ; ло-

шадь не хотѣла идти въ ворота; я ее пришпорилъ; она бросилась и чуть-чуть я не ударился головою объ столбъ. Точно такъ и съ душой: иногда чувствуешь отвращеніе къ кому нибудь, принудишь себя обойтись ласково, захочешь полюбить человѣка, — а смотришь — онъ тебѣ платитъ коварствомъ и неблагодарностью...

БѢЛИНСКІЙ (*смотря на часы*). — Боже мой! а мнѣ давно пора ѣхать. Я къ тебѣ забѣжалъ вѣдь на минуту.

ВЛАДИМІРЪ. — Я это вижу... Куда-жъ ты спѣшишь?

БѢЛИНСКІЙ. — Къ графу Бѣльскому. Скука такая, а надобно ѣхать...

ВЛАДИМІРЪ. — Зачѣмъ-же надобно?

БѢЛИНСКІЙ. — Да такъ.

ВЛАДИМІРЪ. — Важная причина! Ну, прощай!

БѢЛИНСКІЙ. — До свиданія! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ВЛАДИМІРЪ (*одинъ*). — Люблю Бѣлинскаго за его веселый характеръ. (*Ходитъ взадъ и впередъ*). Какъ моя голова разстроена... все въ безпорядкѣ, какъ въ домѣ, гдѣ хозяинъ пьянъ! Поѣду къ ней: увижу Наталью, моего ангела... это меня успокоитъ. Взоръ женщины, какъ лучъ мѣсяца, невольно приводитъ въ грудь мою тишину. (*Садится и вынимаетъ изъ кармана бумаги*). Странно! (*Опять кладетъ ихъ въ карманъ*) каждый разъ, какъ посмотрю на эту бумагу, сомнѣніе мрачное волнуетъ мои чувства. Годъ тому назадъ, я писалъ въ одномъ замѣчаніи о ней... Она и тогда имѣла на меня вліяніе благотворное, а теперь... теперь... когда вспомню... хочется молить-

ся, плакать... И сожалѣю, зачѣмъ я не такъ добръ, зачѣмъ душа моя не такъ чиста, какъ-бы я хотѣлъ?... Можетъ быть, она меня любитъ?... Что̀ пользы?... Такъ вотъ конецъ, котораго я ожидалъ въ прошломъ году! Боже! Боже! для чего такъ тѣснится мое сердце?... Когда я далеко отъ нея, то воображаю, что̀ скажу ей, какъ горячо сожму ея руку, какъ напомню о минувшемъ, о всѣхъ мелочахъ... А только близъ нея — все забыто, я истуканъ! Душа утонетъ въ глазахъ, все пропадетъ — воспоминанія, слезы, надежды, опасенія!... О, какой я ничтожный человѣкъ! Не могу даже сказать ей, что люблю ее, что она мнѣ дороже жизни; не могу ничего путнаго сказать, когда сижу противъ этого чуднаго созданія! (*Пожимаетъ плечами*). Чѣмъ-то кончится моя жизнь? а началась она недурно! Впрочемъ, не все-ли равно, съ какими воспоминаніями я сойду въ могилу... Ха! ха! ха! Какъ-бы я желалъ предаться удовольствіямъ и потопить въ ихъ потокѣ тяжелую ношу самопознанія, которая съ младенчества была моимъ удѣломъ. (*Уходитъ тихо*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Комната въ домѣ Загорскиныхъ.

ГОСТИ. АННА НИКОЛАЕВНА; ДОЧЬ ЕЯ НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА.

АННА НИКОЛАЕВНА (*къ одному гостю*). — Были вы вчера на балѣ у графа? Тамъ, говорятъ, былъ благородный театръ? и еще говорятъ, какъ отдѣланы комнаты — это чудо, по-царски!

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ. — Какъ-же, я былъ тамъ! До

пяти часовъ танцовали, и всего было довольно... всякаго рода людей...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА (*подходя*).—Какіе вы насмѣшники! (*Анна Николаевна уходитъ къ другимъ барышнямъ*). А кто тамъ былъ изъ кавалеровъ?

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ. — Былъ князь Шумовъ, Бѣлинскій, Арбенинъ и другіе; однихъ не знаю, другихъ позабылъ. Знаете вы Бѣлинскаго? премилый малый, прелюбезный — не правда-ли?

АННА НИКОЛАЕВНА. — Да, я слыхала. (*Подходятъ другія барышни*).

ОДНА ИЗЪ БАРЫШЕНЬ. — Скажите пожалуйста, кто этотъ Арбенинъ? Я о немъ много слышала.

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ. — Во-первыхъ, онъ ужасный повѣса, насмѣшникъ, и злой насмѣшникъ, дерзокъ и все, что́ вы хотите; впрочемъ, очень умный человѣкъ! Не думайте, что это я говорю по какой-нибудь личности — нѣтъ, всѣ о немъ судятъ такъ...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА. — Я вамъ ручаюсь, что не всѣ. Я первая не такъ думаю о немъ; я его знаю давно — онъ къ намъ ѣздитъ—и я не замѣтила, чтобъ онъ былъ золъ, по-крайней-мѣрѣ онъ ни о комъ при мнѣ такъ не говорилъ, какъ вы теперь про него...

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ. — О, это совсѣмъ другое; съ вами онъ очень, можетъ быть, любезенъ, но...

ДРУГАЯ ИЗЪ БАРЫШЕНЬ. — Я сама слышала, что Арбенина должно опасаться...

ГОСТЬ ВТОРОЙ (*подходя*). — Мнѣ кажется, наоборотъ...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА (*одной изъ барышень*). — Ma chère, знаешь-ли ты что нибудь глупѣе комплиментовъ?

ГОСТЬ ТРЕТІЙ (*недавно подошедшій*). — А знаете-

ли вы исторію Арбенина, о которомъ сейчасъ говорили?

ТРЕТЬЯ ДАМА. — Я не думаю, чтобъ онъ былъ такое важное лицо, чтобъ можно было заниматься его исторіей. И до кого она касается? Онъ очень счастливъ: это доказываетъ его характеръ; а исторія счастливыхъ людей никогда не бываетъ занимательна.

ГОСТЬ ТРЕТІЙ. — Повѣрьте: веселость въ обществѣ очень часто одна личина; но бываютъ минуты, когда эта самая веселость, въ бореніи съ внутреннею грустью, принимаетъ видъ чего-то дикаго. Если внезапный смѣхъ прерываетъ мрачную задумчивость, то не радость возбуждаетъ его: это переломъ, доказывающій только, что человѣкъ не можетъ скрыть совершенно чувствъ своихъ. Лица, которыя всегда улыбаются — вотъ лица счастливцевъ.

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА. — О! я знаю, что вы всегда заступаетесь за господина Арбенина!

ГОСТЬ ТРЕТІЙ. — Развѣ вы никогда не заступаетесь за людей, которыхъ обвиняютъ напрасно?

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА. — Напротивъ, вотъ недавно я цѣлый часъ спорила съ дядюшкой, который утверждалъ, что Арбенинъ злой человѣкъ; а я знаю, что у него доброе сердце — онъ это доказалъ многимъ.

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ (*обращаясь къ другому*). — Смотрите, какъ она покраснѣла!

ГОСТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ. — C'est une coquette!

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА. — Кто это еще пріѣхалъ? — Ахъ, вообразите! я не узнала издали кузину.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ-ЖЕ И КНЯЖНА СОФЬЯ СЪ ТЕТКОЮ. (*Кузины цалуются*).

КНЯЖНА СОФЬЯ (*тихо Натальѣ Ѳедоровнѣ*). — Я, выходя сейчасъ изъ кареты, видѣла Арбенина: онъ ѣхалъ мимо вашего дома и такъ пристально глядѣлъ въ окна, что еслибъ самъ Г*** мимо его проѣхалъ съ другой стороны, такъ онъ-бы не обернулся. (*Улыбается*). Будетъ онъ нынѣче здѣсь?

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА. — Почему-же мнѣ знать; я не спрашивала, а онъ самъ никогда напередъ не извѣщаетъ о своемъ пріѣздѣ.

КНЯЖНА (*въ сторону*). — Я надѣялась еще разъ его увидѣть. (*Громко*). У меня сегодня что-то голова болитъ!

ГОСТЬ ВТОРОЙ. — Лишь-бы не сердце.

КНЯЖНА (*въ сторону*). — Какъ плоско! (*Громко*) Вы вчера прекрасно играли у графа, особенно во второй пьесѣ; всѣ были восхищены вами (*онъ кланяется*). Только скажите, для чего вы такъ рано уѣхали, тотчасъ послѣ ужина?

ГОСТЬ ВТОРОЙ. — У меня заболѣла голова.

КНЯЖНА (*съ улыбкой*). Что за важность? это не сердце!

АННА НИКОЛАЕВНА (*подходитъ*). — Барышни! господа кавалеры! не угодно-ли кому въ мушку поиграть?

МНОГІЕ. — Съ большимъ удовольствіемъ. (*Всѣ, кромѣ Софьи и Натальи, уходятъ*).

КНЯЖНА. — Кузина! ты, кажется, совсѣмъ не радуешься своей побѣдѣ? Ты какъ будто не догадываешься... ну, къ чему хитрить? Всякій замѣтилъ

что Арбенинъ въ тебя влюбленъ, и ты прежде всѣхъ это замѣтила. Зачѣмъ такъ мало довѣренности ко мнѣ? Ты знаешь, что я съ тобой дружна и всегда все про себя сказываю... или я еще не заслужила...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА. — Душенька, не сердись! (*цалуетъ ее*). Впрочемъ, это неправда... неправда...

КНЯЖНА. — О, я знаю, что онъ тебѣ нравится! но берегись! Ты Арбенина не знаешь хорошо, потому что его никто хорошо знать не можетъ. Этотъ умъ, который такъ колокъ и вмѣстѣ такъ гибокъ; эта душа легкая, пламенная, которая не хочетъ для себя преграды... и со всѣмъ тѣмъ перемѣнчивость склонностей — вотъ что̀ опасно въ твоемъ любезномъ! Онъ самъ не знаетъ чего хочетъ, и по этой-же причинѣ, полюбивъ, разлюбитъ тебя тотчасъ, если представится ему новая цѣль.

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА. — Съ какимъ жаромъ вы говорите, кузина!

КНЯЖНА. — Потому что я тебя люблю и предостерегаю...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА. — Да почему ты такъ знаешь его?

КНЯЖНА. — О! я наслышалась довольно...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА. — Да отъ кого?

КНЯЖНА. — Отъ самого Арбенина. (*Наталья Ѳедоровна отворачивается и уходитъ*). Она ревнива! она любитъ его! А онъ? онъ... какъ часто, когда я ему говорила что нибудь, онъ безъ вниманія сидѣлъ съ неподвижными глазами, какъ будто-бы одна единственная мысль владѣла его существованіемъ. Когда Наташа подходила, я слѣдила за его взорами: внезапный блескъ появлялся на нихъ... О! я несчастная!... Но какъ не любить? онъ такъ уменъ, такъ полонъ благородства! онъ часто разговариваетъ со мною,

но все почти говоритъ о ней. Я знаю, что ему пріятно быть со мною, но знаю также, что это не для меня; и то, что̀ должно-бы служить мнѣ неисчерпаемымъ источникомъ блаженства, превращаетъ одна мысль въ жестокую муку... Онъ не красавецъ, но такъ не похожъ на другихъ людей, что самые недостатки его, какъ рѣдкость, невольно нравятся. О, я безразсудная! ломаю себѣ голову надъ его характеромъ, не умѣя растолковать собственную страсть! не могу позабыть голоса, не могу... (*помолчавъ*) Нѣтъ! они не будутъ счастливы: клянусь этимъ небомъ, клянусь душою моей, все, что̀ имѣетъ ядовитаго женская хитрость, все будетъ употреблено, чтобъ разрушить ихъ благополучіе! Пусть тогда я погибну, но въ утѣшеніе себѣ я скажу: онъ не веселится, когда я плачу; его жизнь не спокойнѣе моей!... Я рѣшилась! Какъ легко мнѣ стало! Я рѣшилась... (*Входитъ Арбенинъ разсѣянно изъ гостинной. Въ глубинѣ театра нѣсколько гостей прохаживались; одни уѣзжали, другіе пріѣзжали и хозяйка провожала ихъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КНЯЖНА И АРБЕНИНЪ.

КНЯЖНА (*увидавъ Арбенина*). — Какъ смѣла я рѣшиться!

ВЛАДИМІРЪ. — А! княжна! какъ я радъ, что вы здѣсь!

КНЯЖНА. — Давно-ли вы пріѣхали?

ВЛАДИМІРЪ. — Сейчасъ. Вхожу въ гостинную: тамъ играютъ въ мушку по пяти копеекъ; я посмотрѣлъ, почти никому слова не сказалъ: мнѣ стало душно. Не

понимаю этой глупой карточной работы: нѣтъ удовольствія, даже разсѣянія; нѣтъ даже надежды обольстительной для многихъ опустошить карманы противника. Несносное полотерство, стремленіе къ ничтожеству, самовыказываніе завладѣло половиной русской молодежи; безъ цѣли таскаются всюду, наводятъ скуку другимъ и себѣ...

КНЯЖНА. — Зачѣмъ-же вы сюда явились?

ВЛАДИМІРЪ (*пожавъ плечами*). — Зачѣмъ!

КНЯЖНА (*язвительно*). — Я догадываюсь...

ВЛАДИМІРЪ. — Такъ, заблужденіе, заблужденіе!... Но скажите, можетъ-ли быть тотъ счастливъ, который своимъ присутствіемъ въ тягость? Я не сотворенъ для свѣта и для людей; у нихъ каждый долженъ жертвовать своими чувствами и умомъ для толпы; но я этого не могу. Я вездѣ одинаковъ, а потому нигдѣ не гожусь: неправда-ли, очень ясное доказательство?

КНЯЖНА. — Вы на себя нападаете.

ВЛАДИМІРЪ. — Да, я самъ себѣ врагъ, потому что продаю свою душу за одинъ взглядъ ласковый, за одно неслишкомъ холодное слово... Мое безумство доходитъ до крайней степени и со мной случится горе не отъ ума, а горе отъ глупости.

КНЯЖНА. — Къ чему это притворство, мрачныя предчувствія? — Я васъ не понимаю. Все проходитъ; и ваши печали, или — я не знаю какъ назвать — ваши химеры исчезнутъ... Пойдемте играть въ мушку. Видѣли вы мою кузину Наташу?

ВЛАДИМІРЪ.—Когда я взошелъ, какой-то адъютантъ, потряхивая эполетами, разсказывалъ ей, какъ прошедшій разъ въ собраніи одинъ кавалеръ уронилъ замаскированную даму и какъ мужъ ея, вступившись за нея, съ дуру обнаружилъ кто она такова. Ваша ку-

зина смѣялась отъ души, это и меня порадовало. Посмотрите, какъ нынче я буду веселъ. (*Уходитъ медленно*).

КНЯЖНА (*глядитъ ему вслѣдъ*). — Желаю вамъ много успѣховъ. Нынче-же начну я приводить въ исполненіе мой планъ и скоро увижу конецъ всему... Боже! Боже! для чего я такъ слабодушна, такъ нетверда! (*Уходитъ*).

—

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(ВЪ МОСКВѢ-ЖЕ).

Комната въ домѣ у Марьи Дмитріевны, убранная бѣдно. У окна сидитъ Аннушка, служанка, старуха, и вяжетъ что-то. Слышенъ шумъ вѣтра и дождя.

ЯВЛЕНІЕ I.

АННУШКА (*одна*). — Вѣтеръ и дождь стучатъ въ наши окна, какъ запоздалые дорожные. Кто имъ скажетъ: вѣтеръ и дождь, подите прочь, мѣшайте спать богатымъ, которыхъ здѣсь такъ много; а мы и безъ васъ едва знаемъ сонъ и спокойствіе. Пріѣхала моя барыня мириться съ муженькомъ; охъ, охъ, охъ! не мирно что-то началось, да не такъ и кончилось! Оставляетъ-же онъ ее почти съ голоду умирать, стало-быть, не любитъ и никогда не любилъ; а если такъ, то и отъ мировой толку не будетъ. Лучше безъ мужа, чѣмъ съ дурнымъ мужемъ. Вѣдь охота-же Марьѣ Дмитріевнѣ любить такого антихриста. Вотъ ужъ охота пуще неволи! За то молодой баринъ вышелъ у насъ хорошъ: такой ласковый! Шесть лѣтъ я его не видала: какъ вы-

росъ, похорошѣлъ съ тѣхъ поръ! Еще помню, когда я его на рукахъ таскала. То-то былъ любопытный: что ни увидитъ, все — зачѣмъ? да что? — а ужъ вспыльчивъ былъ словно порохъ! Бывало, помню (ему еще было два года), бывало, барыня посадитъ его на колѣни и начнетъ играть на фортепьянахъ что нибудь жалкое — глядь, а у дитяти слезы по щекамъ такъ и катятся! Ужъ вѣрно Павелъ Григорьевичъ много наговаривалъ ему противъ матери, да, видишь, не пошло въ прокъ худое слово. Дай Богъ здоровья Владиміру Павловичу! дай Богъ! онъ и меня на старости лѣтъ не позабываетъ: ходь ласковой рѣчью да подаритъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

АННУШКА И МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (*входитъ съ книгой тихо*). — Я чувствую, что больна. Хотѣла читать, но какъ читать одними глазами, не слѣдя мыслью за буквами— тяжкое состояніе! Непонятная воля судьбы! ужасное бореніе самолюбія женщины съ необходимостью! Не имѣя ни родныхъ, ни собственнаго имѣнія, я должна унижаться, чтобъ получить прощеніе отъ виновнаго мужа, и чтобъ вскорѣ, можетъ быть, раскаяваться въ этомъ. Прощеніе? Мнѣ просить прощенія — мнѣ? Боже! ты знаешь дѣла человѣческія, ты читалъ и въ моей и въ его душѣ, и ты видѣлъ, въ которой хранился источникъ всего зла!... Аннушка! ходила-ли ты въ домъ къ Павлу Григорьевичу, чтобъ узнавать, какъ я велѣла? Тебя тамъ любятъ всѣ старые слуги. Ну, что ты узнала о моемъ мужѣ, о моемъ сынѣ?

АННУШКА. — Ходила, матушка, и разспрашивала.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Что-жъ? что говорилъ обо мнѣ Павелъ Григорьевичъ? Не слыхала-ли ты отъ людей?

АННУШКА. — Ничего онъ, сударыня, о васъ не говорилъ. Если-бы не было у васъ сына, то никто не зналъ-бы, что Павелъ Григорьевичъ былъ женатъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Ни слова обо мнѣ! Онъ стыдится произнесть мое имя; онъ презираетъ меня!... Презрѣніе! какъ оно похоже на участіе, какъ эти два чувства близки другъ къ другу! — какъ смерть и жизнь!

АННУШКА. — Однако-же, говорятъ, что Владиміръ Павловичъ васъ очень любитъ, хотя и воспитанъ не на вашихъ глазахъ. Напрасно, видно, батюшка его наговаривалъ ему на васъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Да! мой сынъ меня любитъ: я это видѣла вчера; я чувствовала жаръ его руки, я чувствовала, что онъ все мой, вопреки коварнымъ стараніямъ отца его. Такъ! душа его не перемѣняется; онъ все тотъ-же, каковъ былъ сидящій на моихъ колѣняхъ, въ тѣ вечера, когда я была счастлива, когда слабость, единственная слабость не могла еще возстановить противъ меня небо и людей!... (*Закрываетъ лицо руками*).

АННУШКА. — Эхъ! матушка! плакать о прошедшемъ, когда о теперешнемъ не наплачешься. Павелъ Григорьевичъ бранилъ, да какъ еще бранилъ молодаго барина, кабы вы знали, за то, что онъ былъ съ вами повидаться, да, кажется, и запретилъ ему къ намъ пріѣзжать. Мнѣ сказалъ буфетчикъ; онъ все подслушалъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — О, это невозможно! это слишкомъ жестоко! Сыну не видаться съ матерью, ко-

гда она, больная, слабая, бѣдная, живетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него! О, нѣтъ! невозможно! это противъ природы!... Аннушка! въ самомъ дѣлѣ онъ это сказалъ?

АННУШКА. — Въ самомъ дѣлѣ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — И онъ запретилъ своему сыну видѣть мать — точно?

АННУШКА. — Запретилъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (*помолчавъ*). Аннушка! онъ думаетъ, что Владиміръ не его сынъ, или самъ никогда не зналъ матери... (*Садится у стола и облокачивается*). И я пріѣхала искать примиренія! съ такимъ человѣкомъ!... Нѣтъ, союзъ съ нимъ значитъ разрывъ съ небесами, хотя мой мужъ и орудіе небеснаго гнѣва... но, Творецъ! взялъ-ли-бы ты добродѣтельное существо для орудія казни? Честные-ли люди бываютъ на землѣ палачами?

АННУШКА. — Какъ вы блѣдны, сударыня! Не хотите-ли отдохнуть? (*Смотритъ на стѣнные часы*). Скоро пріѣдетъ докторъ; онъ обѣщалъ быть въ двѣнадцать часовъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — И пріѣдетъ въ послѣдній разъ. Какъ смѣшна я кажусь самой себѣ! думать, что лекарь вылечитъ глубокую рану сердца! (*Молчаніе*). О! для чего я не пользовалась тысячью случаями къ примиренію, когда еще было время; а теперь, когда прошелъ сонъ, я ищу сновидѣній... поздно! поздно! Чувствовать и понимать это напрасно — вотъ что̀ меня убиваетъ! О, раскаяніе! зачѣмъ за маловажный проступокъ ты грызешь мою душу! Какое униженіе! я должна подъ другимъ именемъ пріѣхать въ Москву, чтобъ не заставить сына моего краснѣть передъ міромъ... передъ міромъ? Это правда... собраніе глупцовъ и

злодѣевъ — есть міръ, нынѣшній міръ. Ничего не прощаютъ, какъ будто сами святые!

АННУШКА. — Докторъ пріѣхалъ. (*Тихо*) Я ужъ вынула три рубля.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Милости просимъ. (*Докторъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ДОКТОРЪ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Здравствуйте, Христіанъ Антоновичъ!

ДОКТОРЪ (*подходитъ къ рукѣ*). — Что? каковы?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Благодарю васъ! Мнѣ гораздо лучше.

ДОКТОРЪ (*щупая пульсъ*). — Совсѣмъ напротивъ! совсѣмъ напротивъ! у васъ желчь, дѣйствуя на кровь, производитъ волненіе; у васъ нервы ужасно разстроены. Вотъ, я вѣдь говорилъ: вамъ надобно лечиться долго, постепенно, а вы все хотите вдругъ...

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Но если недостаетъ способовъ?

ДОКТОРЪ. — Эхъ, сударыня! здоровье дороже всего. (*Пишетъ рецептъ.*)

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Откуда вы теперь, Христіанъ Антоновичъ?

ДОКТОРЪ. — Отъ господина Арбенина.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА И АННУШКА. — Отъ Арбенина?

ДОКТОРЪ. — Развѣ вы его знаете?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Нѣтъ! А кто такой Арбенинъ?

ДОКТОРЪ. — Этотъ господинъ Арбенинъ въ разводѣ съ своею женою... то-есть не въ разводѣ, а такъ... она покинула мужа, потому что была невѣрна...

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Невѣрна! *она* его покинула!

ДОКТОРЪ. — Да, да! невѣрна. У нея, говорятъ, была интрига съ какимъ-то французомъ. У этого Арбенина есть сынъ, молодой человѣкъ лѣтъ девятнадцати, или двадцати, шалунъ, повѣса, который заслужилъ въ свѣтѣ очень дурную славу; говорятъ даже, что онъ пьетъ... да, да... Что вы на меня такъ пристально глядите? Всѣ, всѣ жалѣютъ, что у такаго почтеннаго, извѣстнаго въ Москвѣ человѣка, каковъ Арбенинъ, сынъ такой негодяй! Если его принимаютъ въ хорошихъ домахъ, то это только для отца... и еще вообразите, онъ все смѣется надо мной и надъ моей ученостью... онъ! надъ моею ученостью смѣется!...

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (*въ сторону*). — Личность, я отдыхаю!

ДОКТОРЪ. — Ахъ! у васъ лицо въ красныхъ пятнахъ! Я говорилъ, что вы еще не совсѣмъ здоровы.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Это пройдетъ, господинъ докторъ! Благодарю васъ за новость и позвольте съ вами проститься. Вы почти знаете въ какомъ я положеніи: я скоро ѣду изъ Москвы.

ДОКТОРЪ. — Какъ, не возвративши здоровья?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Доктора, я вижу, не могутъ мнѣ его возвратить: болѣзнь моя не по ихъ части...

ДОКТОРЪ. — Какъ! вы не вѣрите благому вліянію медицины?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Извините, я очень вѣрю, но не могу ею пользоваться...

ДОКТОРЪ. — Есть-ли что нибудь невозможное для человѣка съ твердою волею?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Мнѣ должно, моя воля — возвратиться въ деревню, гдѣ у меня тридцать душъ мужиковъ живутъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ графы и князья; тамъ, въ уединеніи, на свѣжемъ воздухѣ, мое здоровье поправится; тамъ хочу я умереть. Ваши посѣщенія мнѣ больше ненужны. Благодарю за все. Позвольте вручить вамъ послѣдній знакъ моей признательности.

ДОКТОРЪ (*беретъ деньги*). — Однако вы еще нездоровы, вамъ-бы надобно...

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (*значительно взглянувъ*). — Прощайте! (*Докторъ уходитъ, раскланявшись съ недовольною миной*). Этотъ человѣкъ готовъ высосать послѣднюю копейку!

АННУШКА. — Вы совсѣмъ разстроены! Ваше лицо перемѣнилось! Ахъ, сударыня, присядьте! ваши руки дрожатъ!

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА — Мой сынъ имѣетъ одну участь со мной!

АННУШКА (*поддерживая ее*). — Видно, ужъ вамъ на-роду написано терпѣть...

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — И умереть.

АННУШКА. — Мы всѣ умремъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Я вижу, что близокъ конецъ мой. Такія предчувствія меня никогда не обманывали. Боже! Боже мой! допусти только, чтобы я примирилась съ мужемъ моимъ прежде смерти. Аннушка! доведи меня въ мою комнату. (*Обѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Комната студента Рябинова. Нѣсколько молодыхъ людей:

СНѢГИНЪ, ЧЕЛЯЕВЪ, РЯБИНОВЪ, ВИШНЕВСКІЙ, ЗАРУЦКІЙ И ПРОЧ. (*курятъ трубки; бутылка шампанскаго на столѣ*).

СНѢГИНЪ. — Что съ нимъ сдѣлалось? отчего онъ вскочилъ и ушелъ, не говоря ни слова?

ЧЕЛЯЕВЪ. — Чѣмъ нибудь обидѣлся.

ЗАРУЦКІЙ. — Не думаю. Вѣдь онъ всегда таковъ: то говоритъ, вретъ, хохочетъ... то вдругъ замолчитъ и сдѣлается подобенъ истукану; и вдругъ вскочитъ, убѣжитъ, какъ будто потолокъ надъ нимъ проваливается...

СНѢГИНЪ. — За здоровье Арбенина sacre-dieu! онъ славный товарищъ!

РЯБИНОВЪ. — Тостъ!

ВИШНЕВСКІЙ. — Челяевъ, ты былъ вчера въ театрѣ?

ЧЕЛЯЕВЪ. — Да.

ВИШНЕВСКІЙ. — Что играли?

ЧЕЛЯЕВЪ. — «Разбойниковъ» Шиллера. Мочаловъ лѣнился ужасно! Жалко, что онъ не всегда въ духѣ; случиться могло-бъ, что я-бы его видѣлъ вчера въ первый и послѣдній разъ; такимъ образомъ онъ теряетъ репутацію.

ВИШНЕВСКІЙ. — И ты вѣрно крѣпко боялся въ театрѣ?

ЧЕЛЯЕВЪ. — Боялся? чего?

ВИШНЕВСКІЙ. — Какъ-же? ты былъ одинъ съ разбойниками!

ВСѢ. — Браво! браво! фора! — тостъ! —

СНѢГИНЪ (*беретъ въ сторону Зарецкаго*). — Правда-ли, что Арбенинъ сочиняетъ?

ЗАРУЦКІЙ. — Да! и довольно хорошо...

СНѢГИНЪ. — То-то! Не можешь-ли мнѣ достать что нибудь?

ЗАРУЦКІЙ. — Изволь... да кстати, у меня есть въ карманѣ нѣсколько мелкихъ пьесъ.

СНѢГИНЪ. — Ради Бога, покажи! пускай они пьютъ и дурачатся, а мы сядемъ здѣсь и ты мнѣ прочтешь...

ЗАРУЦКІЙ (*вынимаетъ изъ кармана листки*). — Вотъ первое. Ты знаешь, онъ влюбленъ безъ ума въ Загорскину. — Слушай.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала; я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я мгновеньями лишь жилъ —
И тѣ мгновенья были мукъ полны:
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями, но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ!
Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ. Но созданія мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ,
О, нѣтъ! все было адъ иль небо въ нихъ.

СНѢГИНЪ. — Ошибается Арбенинъ! Онъ это писалъ въ минуту, когда недоволенъ былъ собою... Другую.

ЗАРУЦКІЙ. — Здѣсь болѣе страсти.

Такъ! для прекраснаго могилы нѣтъ!
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ. И ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь. Моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь,
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое... На что имъ мертвыхъ разлучать?
Къ чему волшебною улыбкой
Будить забвенія мечты?
Я буду веселъ, но — ошибкой;
Причину слишкомъ знаешь ты.
Мы не годимся другъ для друга:
Ты любишь шумный, хладный свѣтъ;
Я сердцемъ сынъ пустынь и юга! —
Ты счастлива, а я, я — нѣтъ!
Какъ небо утра молодое,
Прекрасенъ взоръ небесный твой;
Въ немъ дышетъ чувство всѣмъ родное,
А я на свѣтѣ всѣмъ чужой!
Моя душа боится снова
Святую вспомнить старину;
Ея надежды — бредъ больнова,
Имъ вѣрить — значитъ вѣрить сну.
Мнѣ одинокій путь назначенъ,
Онъ проклятъ строгою судьбой;
Какъ счастье безъ тебя — онъ мраченъ.
Прости!... прости-же, ангелъ мой!...

Онъ чувствовалъ все, что здѣсь сказано; я его люблю за это.

ДРУГІЕ (*шумно*). — За здоровье дураковъ и ... й
СНѢГИНЪ. — Оставь! не слушай ихъ; читай еще.
ЗАРУЦКІЙ. — Погоди (*вынимаетъ еще бумагу*). Вотъ

этотъ отрывокъ тѣмъ замѣчателенъ, что онъ есть картина, снятая съ природы. Арбенинъ описываетъ себя... онъ самъ признался въ томъ.

Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ
На сѣрой, борзой лошади — и мчался
Вдоль берега крутаго Клязьмы. Вечеръ
Погасъ ужъ на багряномъ небосклонѣ,
И мѣсяцъ съ облаками отражался
Въ волнахъ, и въ нихъ онъ былъ прекраснѣй!...
Но юный всадникъ не страшился, видно,
Ни ночи, ни росы холодной... Жарко
Пылали смуглыя его ланиты,
И черный взоръ искалъ чего-то все
Въ туманномъ отдаленьи. Въ безпорядкѣ
Минувшее являлося ему —
Грозящій призракъ, темнымъ предсказаньемъ
Пугающій довѣрчивую душу.
Но вѣрилъ *онъ* одной своей любви,
И для любви своей не зналъ преграды!...

Онъ мчится. Звучный топотъ по полямъ
Разноситъ вѣтеръ. Вотъ идетъ прохожій;
Онъ путника остановилъ, и этотъ
Ему дорогу молча указалъ
И удалился съ видомъ удивленья.
И всадникъ примѣчаетъ огонекъ,
Трепещущій на берегу другомъ;
И проскакавъ тѣнистую дубраву,
Онъ различилъ окно, окно и домъ,
Онъ ищетъ мостъ... но сломанъ старый мостъ,
Рѣка темна, и мутны, шумны воды.

Какъ воротиться, не прижавъ къ устамъ
Плѣнительную руку, не слыхавъ

Волшебный голосъ тотъ, хотя-бъ укоръ
Произнесли ея уста, О, нѣтъ! —
Онъ вздрогнулъ, натянулъ бразды, ударилъ
Коня — и шумныя плеснули воды,
И съ пѣною раздвинулись онѣ.
Плыветъ могучій конь — и ближе, ближе...
И вотъ ужъ онъ на берегу противномъ
И на гору летитъ... И на крыльцо
Взбѣгаетъ юноша, и входитъ
Въ старинные покои... нѣтъ ея!
Онъ проникаетъ въ длинный корридоръ,
Трепещетъ... нѣтъ нигдѣ... *Ея сестра*
Идетъ къ нему встрѣчу. О, когда-бъ
Я могъ изобразить его страданье! —
Какъ мраморъ блѣдный и безгласный, онъ
Стоялъ. Вѣка ужасныхъ мукъ равны
Такой минутѣ. Долго онъ стоялъ!...
Вдругъ стонъ тяжелый вырвался изъ груди,
Какъ будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Онъ вышелъ мрачно, твердо
Прыгнулъ въ сѣдло и поскакалъ стремглавъ,
Какъ будто-бы гналося вслѣдъ за нимъ
Раскаянье... и долго онъ скакалъ,
До самаго разсвѣта, безъ дороги,
Безъ всякихъ опасеній, — наконецъ
Онъ былъ терпѣть не въ силахъ... и заплакалъ!
Есть вредная роса, которой капли
На листьяхъ оставляютъ пятна, — такъ
Отчаянья свинцовая слеза,
Изъ сердца вырвавшись насильно, можетъ
Скатиться, — но очей не освѣжитъ...

Къ чему мнѣ приписать видѣнье это?
Ужели сонъ такъ близокъ можетъ быть

Къ существенности хладной? Нѣтъ!
Не можетъ сонъ оставить слѣдъ въ душѣ,
И какъ ни силится воображенье,
Его орудья пытки, все — ничто
Противъ того, что́ есть и что́ имѣетъ
Вліяніе на сердце и судьбу!...

Мой сонъ перемѣнился невзначай.
Я видѣлъ комнату: въ окно свѣтилъ
Весенній, теплый день; и у окна
Сидѣла дѣва, нѣжная лицомъ,
Съ глазами полными огнемъ и жизнью,
И рядомъ съ ней сидѣлъ, въ молчаньи, мнѣ
Знакомый юноша, и оба, оба
Старалися довольными казаться,
Однако-же на ихъ устахъ улыбка,
Едва родившись, томно умирала.
И юноша спокойнѣй, мнилось, былъ
Затѣмъ, что лучше онъ умѣлъ таить
И побѣждать страданья. Взоры дѣвы
Блуждали по листамъ открытой книги,
Но буквы всѣ сливалися подъ ними...
И сердце сильно билось — безъ причины...
И юноша смотрѣлъ не на нее, —
Хотя она одна была царицей
Его воображенья и причиной
Всѣхъ сладкихъ и высокихъ думъ его, —
На голубое небо онъ смотрѣлъ,
Слѣдилъ сребристыхъ облаковъ отрывки,
И сжатою душой не смѣлъ вздохнуть,
Не смѣлъ пошевелиться, чтобы этимъ
Не прекратить молчанья: такъ боялся
Онъ услыхать отвѣтъ холодный, или
Не получить отвѣта на моленья!...

Безумный! ты не зналъ, что былъ любимъ,
И ты о томъ провѣдалъ лишь тогда,
Какъ потерялъ ея любовь навѣки,
И удалось привлечь другому лестью
Всѣ, всѣ желанья дѣвы легковѣрной!...

СНѢГИНЪ. — Странный человѣкъ Арбенинъ!

ВИШНЕВСКІЙ (*въ другой сторонѣ*). — Когда-то русскіе будутъ русскими?

ЧЕЛЯЕВЪ. — Когда они на сто лѣтъ подвинутся назадъ и будутъ образовываться снова-здорово.

ВИШНЕВСКІЙ. — Прекрасное средство. Если-бы тебѣ твой докторъ всегда такіе рецепты прописывалъ, то, я бьюсь объ закладъ, что ты не сидѣлъ-бы за столомъ, а лежалъ-бы на столѣ!

ЯВЛЕНІЕ V.

Комната Бѣлинскаго.

БѢЛИНСКІЙ (*одинъ*). — Судьба хочетъ непремѣнно, чтобъ я женился! Что-же? Женитьба лекарство очень полезное отъ многихъ болѣзней и отъ карманной чахотки особенно. Теперь я занялъ деньги и почти купилъ деревню; но гдѣ взять еще денегъ? что заплатить запмодавцу?... Женись! женись! кричитъ разсудокъ. Такъ и быть! Но на комъ... Вчера я познакомился съ Загорскими. Наташа мила, очень мила; у нее кой-что есть... Но Владиміръ влюбленъ въ нее? Что-жъ? чья взяла, тотъ и правъ. Я въ такихъ нахожусь опасныхъ обстоятельствахъ, что онъ долженъ будетъ мнѣ простить. Впрочемъ, я не вѣрю, чтобъ онъ ужъ такъ сильно ее любилъ. Онъ странный, непонятный человѣкъ: одинъ день то, другой—

другое! самъ себѣ противорѣчитъ; а какъ заговоритъ и захочетъ тебя увѣрить въ чемъ нибудь, конечно, рѣдкій устоитъ! Иногда, напротивъ, слова не выбьешь: сидитъ и молчитъ, не слышитъ и не видитъ; глаза остановятся, какъ будто въ этотъ мигъ все существованіе его остановилось на одной мысли... (*Молчаніе*). Однако я ему ничего не скажу про свое намѣреніе, прежде чѣмъ все не кончится. Буду пока ѣздить въ домъ, а тамъ увидимъ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

БѢЛИНСКІЙ И ВЛАДИМІРЪ.

ВЛАДИМІРЪ (*входитъ*). — Бѣлинскій! что такъ задумчивъ?

БѢЛИНСКІЙ. — А! здравствуй, Арбенинъ! Это—планы, планы...

ВЛАДИМІРЪ. — И тебя судьба не отучила дѣлать планы?

БѢЛИНСКІЙ. — Нѣтъ! Когда я твердо намѣренъ что нибудь сдѣлать, то это рѣдкость, если мнѣ не удастся. Повѣрь, человѣкъ, который непремѣнно хочетъ чего нибудь, принуждаетъ судьбу сдаться: судьба — женщина!

ВЛАДИМІРЪ. — А я столько разъ былъ обманутъ желаньями и столько разъ раскаявался, достигнувъ цѣли, что теперь не желаю ничего; живу, какъ живется; никого не трогаю, и отъ этого всѣ стараются чѣмъ нибудь возбудить меня, какъ нибудь вымучить изъ меня обидное себѣ слово... и знаешь-ли, это иногда меня веселитъ: я вижу людей, которые изъ жилъ тянутся, чтобы чѣмъ нибудь сдѣлать еще несноснѣе мое существованіе!... Ха! ха! ха! Неужели я

такое важное лицо въ мірѣ, или милость ихъ простирается даже до самыхъ ничтожныхъ?

БѢЛИНСКІЙ. — Другъ мой! ты строишь химеры въ своемъ воображеніи и даешь имъ черный цвѣтъ для бо̀льшаго романтизма.

ВЛАДИМІРЪ. — Нѣтъ, нѣтъ! говорю я тебѣ, я не созданъ для людей. Я имъ кажусь слишкомъ гордъ, они мнѣ — слишкомъ подлы!

БѢЛИНСКІЙ. — Какъ? ты не созданъ для людей? Напротивъ, ты довольно любезенъ въ обществѣ; дамы ищутъ твоего разговора; ты любимъ молодежью, и хотя иногда слишкомъ рѣзкія истины говоришь въ глаза, тебѣ все-таки прощаютъ, потому что ты ихъ умно говоришь и это какъ-то къ тебѣ идетъ.

ВЛАДИМІРЪ *(съ горькой улыбкой)*. — Я вижу, ты хочешь меня утѣшить.

БѢЛИНСКІЙ. — Когда ты былъ у Загорскихъ? Могутъ-ли тамъ тебя утѣшить?

ВЛАДИМІРЪ. — Вчера я ихъ видѣлъ.—Странно: она меня не любитъ и—любитъ. Она со мной иногда такъ добра; такъ много говорятъ глазки, такъ много этотъ румянецъ стыдливости выражаетъ любви; а иногда, особливо на балѣ гдѣ нибудь, она совсѣмъ другая и я больше не вѣрю ни ея любви, ни моему счастью.

БѢЛИНСКІЙ. — Она кокетка...

ВЛАДИМІРЪ. — Не вѣрю! Тутъ есть что нибудь, есть тайна...

БѢЛИНСКІЙ. — Поди ты къ чорту съ тайнами! Просто: когда ей весело, тогда твоя Наташа о тебѣ и не думаетъ, а когда скучно, то она тобой забавляется — вотъ и все.

ВЛАДИМІРЪ. — Ты это сказалъ такимъ нѣжнымъ голосомъ, какъ будто этимъ сдѣлалъ мнѣ великое благодѣяніе.

БѢЛИНСКІЙ (*качая головой*). — Ты не въ духѣ сегодня.

ВЛАДИМІРЪ (*вынимаетъ изорванное письмо*). — Видишь?

БѢЛИНСКІЙ. — Что́ такое?

ВЛАДИМІРЪ. — Это письмо я написалъ къ ней. Прочитай его! Вчера я пріѣзжаю къ ея кузинѣ, княжнѣ Софьѣ, и улучивъ минуту, когда на насъ не обращали вниманія, я умолялъ ее передать письмо Загорскиной. Она согласилась, но съ тѣмъ, чтобы прежде прочитать письмо. Я ей отдалъ. Она ушла въ свою комнату. Я провелъ ужасный часъ. Вдругъ княжна является, говоря, что мое письмо развеселитъ очень ея кузину и заставитъ ее смѣяться. Смѣяться!... Другъ мой! я разорвалъ письмо, схватилъ шляпу и уѣхалъ.

БѢЛИНСКІЙ. — Я подозрѣваю хитрость княжны. Загорскина не стала-бы смѣяться такому письму, потому что я очень отгадываю его содержаніе. Зависть, можетъ быть и болѣе, или просто шутка...

ВЛАДИМІРЪ. — Хитрость, хитрость! Я *ее* видѣлъ, провелъ съ ней почти наединѣ цѣлый вечеръ; я видѣлъ ее въ театрѣ: слезы блистали въ глазахъ ея когда играли «Коварство и любовь»... Неужели она равнодушно будетъ слушать повѣсть моихъ страданій? (*Схватывая за руку Бѣлинскаго*). Что если-бы я могъ прижать Наталью къ этой груди и сказать ей: «ты моя, моя на вѣки!...» Боже! Боже! я не переживу этого! (*Смотритъ въ глаза Бѣлинскому*). Не говори ни слова, не разрушай моихъ дѣтскихъ надеждъ... только теперь не разрушай... а послѣ...

БѢЛИНСКІЙ (*вскакиваетъ*). — Послѣ! (*въ сторону*) Какъ? Ужели онъ отгадываетъ судьбу свою?

ВЛАДИМІРЪ. — О! какъ сердце умѣетъ обманы-

вать! (*Закрывъ лицо руками, ходитъ взадъ и впередъ*).

БѢЛИНСКІЙ (*въ сторону*). — И я, я долженъ буду разрушить этотъ обманъ? Ба! да я, кажется, начинаю подражать ему?... Нѣтъ, это вздоръ! онъ не такъ сильно любитъ, какъ думаетъ; жизнь не романъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ-ЖЕ И СЛУГА (*входитъ*).

СЛУГА. — Дмитрій Васильичъ! какой-то мужикъ проситъ позволенія васъ видѣть. Онъ говоритъ, что слышалъ, будто вы покупаете ихъ деревню, такъ онъ пришелъ...

БѢЛИНСКІЙ. — Вели ему взойти. (*Слуга уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ-ЖЕ И МУЖИКЪ (*входитъ и бросается Бѣлинскому въ ноги*).

БѢЛИНСКІЙ. — Встань! встань! Что тебѣ надобно, другъ мой?

МУЖИКЪ (*на колѣняхъ*). — Мы слышали, что ты, кормилецъ, хочешь купить насъ, такъ я пришелъ... (*кланяется*)... Мы слышали, что ты баринъ добрый...

БѢЛИНСКІЙ. — Да встань, братецъ, а потомъ говори!

МУЖИКЪ (*вставъ*). — Не прогнѣвайся, отецъ родной, коли я...

БѢЛИНСКІЙ. — Да говори-же...

МУЖИКЪ (*кланяясь*). — Я присланъ отъ всего села

къ тебѣ, кормилецъ, кланяться, чтобъ ты сталъ нашимъ защитникомъ... всѣ-бы стали Бога молить о тебѣ! Будь нашимъ спасителемъ!

БѢЛИНСКІЙ. — Что-же? вамъ не хочется съ своей госпожей разставаться, что-ли?

МУЖИКЪ (*кланяясь въ ноги*). — Нѣтъ! купи, купи насъ, родимый!

БѢЛИНСКІЙ (*въ сторону*). — Странное приключеніе! (*Мужику*) А! такъ вы вѣрно недовольны своей помѣщицей?

МУЖИКЪ. — Охъ! тяжко!... за грѣхи наши!... (*Владиміръ начинаетъ вслушиваться*).

БѢЛИНСКІЙ. — Ну! говори смѣлѣй! Жестоко, что-ли, госпожа поступаетъ съ вами?

МУЖИКЪ. — Да такъ, баринъ, что, вѣдь, ей-богу, терпѣнья ужъ нѣтъ... Долго мы переносили, однако пришелъ конецъ... хоть въ воду!...

ВЛАДИМІРЪ (*мрачно*). — Что-же она дѣлаетъ?

МУЖИКЪ. — Да что̀ вздумается ея милости...

БѢЛИНСКІЙ. — Напримѣръ... сѣчетъ часто?

МУЖИКЪ. — Сѣчетъ, батюшка, да какъ еще! при себѣ... больно сѣчетъ, кормилецъ! за всякую малость, а чаще безъ вины... У нея управитель, вишь, въ милости; онъ и творитъ что ему любо. Не сними-ка передъ нимъ шапки, такъ и невѣсть что̀ сдѣлаетъ! за версту увидишь, такъ тотчасъ шапку долой, да такъ и работай на жару, пока не прикажетъ надѣть, а коли сердитъ или позабудетъ, такъ иногда цѣлый день промаетъ...

БѢЛИНСКІЙ. — Какія злоупотребленія!

МУЖИКЪ. — Разъ какъ-то барынѣ донесли, что-дескать, Ѳедька дурно про тебя говорилъ и хочетъ въ городѣ жаловаться... а Ѳедька мужикъ былъ славный..... а управитель былъ на него сердитъ... какъ

повели его на барскій дворъ, дѣти кричали, жена плакала..... «Господинъ управитель! сказалъ Ѳедька, что я тебѣ сдѣлалъ? Вѣдь, ты меня губишь!» — «Вздоръ!» сказалъ управитель.....

БѢЛИНСКІЙ. — Да что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, кто нибудь не пожалуется въ городѣ? На это, вѣдь, есть у насъ судъ. Вашей госпожѣ достанется, а управителя въ Сибирь...

МУЖИКЪ. — Гдѣ намъ, бѣднымъ людямъ! У нихъ, кормилецъ, всѣ судьи подкуплены нашимъ-же оброкомъ... Плохо стало намъ! Посмотришь въ другое село — сердце кровью обливается!... живутъ спокойно да весело; а у насъ такъ и пѣсенъ не слышно стало на посидѣлкахъ..... (*Упадаетъ въ ноги Бѣлинскому*). О! кабы ты помогъ намъ! Купи насъ, купи, отецъ родной! (*Рыдаетъ*).

ВЛАДИМІРЪ (*въ бѣшенствѣ*).—Люди! люди!... И до какой степени злодѣйства доходитъ женщина, твореніе, иногда столь близкое къ ангелу! О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастіе, ваше богатство!.....

МУЖИКЪ. — Купи насъ, родимый!

ВЛАДИМІРЪ. — Дмитрій, есть-ли у тебя деньги? Вотъ все, что́ я имѣю: вексель на пять тысячъ... ты мнѣ отдашь когда нибудь. (*Кладетъ на столъ бумажникъ*).

БѢЛИНСКІЙ. — Если такъ (*считаетъ*), то я купилъ эту деревню. Поди, добрый мужичокъ, скажи своимъ, чтобы они не безпокоились. (*Владиміру*) Какова госпожа? — а?

МУЖИКЪ (*кланяясь въ радости*). — Дай Боже вамъ счастья обоимъ, отцы мои! Дай Богъ вамъ долгую жизнь! Дай Богъ вамъ все, что́ душенькѣ ни пожелается! Прости, батюшка! Благослови тебя Царь небесный! (*Уходитъ*).

ВЛАДИМІРЪ. — О, мое отечество! мое отечество! (*Ходитъ быстро взадъ и впередъ*).

БѢЛИНСКІЙ. — Ахъ! какъ я радъ, что могу купить эту деревню, какъ я радъ! Впервые мнѣ удается облегчать страждущее человѣчество! Такъ, это доброе дѣло!.....

ВЛАДИМІРЪ. — Есть люди болѣе достойные сожалѣнія, чѣмъ этотъ мужикъ. Несчастія проходятъ и радость замѣняетъ ихъ; но тотъ, кто носитъ всю причину своихъ страданій въ своемъ сердцѣ, въ комъ живетъ червь, пожирающій малѣйшія искры удовольствія, тотъ, кто желаетъ и не надѣется, тотъ, кто въ тягость всѣмъ, даже любящимъ его, тотъ... Но для чего говорить о такихъ людяхъ? Имъ не могутъ сострадать, ихъ никто, никто не понимаетъ.

БѢЛИНСКІЙ. — Опять за свое! О, эгоистъ! Какъ можно сравнивать химеры съ истинными несчастіями? Можно-ли сравнивать свободнаго съ рабомъ?

ВЛАДИМІРЪ. — Одинъ рабъ человѣка, другой рабъ судьбы. Первый можетъ ожидать хорошаго господина, или имѣетъ выборъ; второй никогда. Имъ играетъ слѣпой случай, и страсти его и безчувственность другихъ, все соединено къ его гибели.

БѢЛИНСКІЙ. — Развѣ ты не вѣришь въ провидѣніе? Развѣ отвергаешь существованіе Бога, который все знаетъ и всѣмъ управляетъ?

ВЛАДИМІРЪ (*смотритъ на небо*). — Вѣрю-ли я? вѣрю-ли я?...

БѢЛИНСКІЙ. — Твоя голова, я вижу, набита ложными мыслями.

ВЛАДИМІРЪ (*помолчавъ*). — Послушай: не правда-ли, теперь прекрасное время? Пойдемъ на бульваръ.

БѢЛИНСКІЙ — Чудакъ! (*Молчаніе.—Входитъ слуга Марьи Дмитріевны*). Что тебѣ надобно? Кто ты?

ВЛАДИМІРЪ (*испугавшись*). Слуга моей матери!

СЛУГА. — Я присланъ къ вамъ, сударь, отъ Марьи Дмитріевны. Искалъ я васъ съ полчаса въ трехъ домахъ, гдѣ, какъ мнѣ у васъ сказали, вы часто бываете. Насилу нашелъ.

ВЛАДИМІРЪ. — Что сдѣлалось?

СЛУГА. — Да барыня-съ...

ВЛАДИМІРЪ. — Что?

СЛУГА. — Сдѣлалась очень нездорова и проситъ васъ къ себѣ.

ВЛАДИМІРЪ. — Нездорова, говоришь ты? больна?

СЛУГА. — Очень нездорова-съ!

ВЛАДИМІРЪ (*Бѣлинскому*). — Слышишь-ли? понимаешь-ли ту опасность, которая мнѣ грозитъ? Что если въ этотъ самый мигъ... Я твердъ въ своихъ несчастіяхъ — не правда-ли?... (*Молчаніе. — Слугѣ*) Я иду! (*Быстро уходитъ; за нимъ слуга*).

БѢЛИНСКІЙ (*глядя въ слѣдъ*). — Тебя погубитъ эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствія, но неспособенъ имъ наслаждаться, и оно сдѣлалось-бы большою твоею мукою, еслибъ могло поселиться въ груди твоей. Я веселаго характера обыкновенно, однако примѣчаю, что печаль Арбенина прилипчива; послѣ него часа два я не могу справиться! Ха! ха! ха! Испытаю вѣрность женщины! Посмотримъ, устоитъ-ли Загорскина противъ моихъ нападеній? Если она измѣнитъ Арбенину, то это лучшій способъ вылечить его отъ самой глупѣйшей болѣзни. (*Входитъ слуга Бѣлинскаго*). Что тебѣ?

СЛУГА. — Да я ходилъ взять билетъ-съ, какъ вы приказывали, въ театръ. Вотъ онъ-съ.

БѢЛИНСКІЙ. — Хорошо! Въ первомъ ряду? Хорошо! (*Про себя*) Скучно будетъ нынче во французскомъ

театрѣ; играютъ скверно; тѣсно, душно, а нечего дѣлать! весь beau-monde! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Комната у Загорскихъ.

СОФЬЯ И НАТАША.

СОФЬЯ. — Ma chère cousine! я тебѣ совѣтую остерегаться!

НАТАША. — Пожалуйста, безъ наставленій! Я сама знаю, что̀ мнѣ дѣлать. Я никогда не покажу Арбенину большой благосклонности, а пускай онъ будетъ доволенъ малымъ.

СОФЬЯ. — Вѣдь ты его не заставишь на себѣ жениться: онъ совсѣмъ не такой человѣкъ.

НАТАША. — Разумѣется, я сама за него свататься не стану, а если онъ меня любитъ, такъ женится.

СОФЬЯ. — Не правда-ли, какъ интересна его меланхолія, какъ занимательны его печали, какъ милы его глаза, полные слезъ?

НАТАША. — Да, для меня очень занимательны.

СОФЬЯ. — Повѣрь, онъ только дурачится и шалитъ, а именно потому, что увѣренъ, что ты въ него влюблена.

НАТАША. — Ему не отчего быть увѣрену.

СОФЬЯ. — А попробуй показать холодность — тотчасъ отстанетъ.

НАТАША. — Я пробовала и онъ не отсталъ, и онъ только больше съ тѣхъ поръ меня любитъ...

СОФЬЯ. — Ты не умѣешь притворяться, ты...

НАТАША. — Повѣрь, не хуже тебя.

СОФЬЯ. — Арбенинъ точно также прошлаго года куртизанилъ Лидиной Полинѣ, а тутъ и бро-

силъ ее, и смѣется самъ надъ нею — ты помнишь? То-же будетъ и съ тобой.

НАТАША. — Я не Полина.

СОФЬЯ. — Посмотримъ.

НАТАША. — Да что ты такъ на одно наладила?

СОФЬЯ. — Ужъ что я знаю, то знаю. Вчера...

НАТАША. — Что такое? Впрочемъ, и знать не желаю!

СОФЬЯ. — Вчера Арбенинъ былъ у насъ.

НАТАША. — Ну что-жъ?

СОФЬЯ. — Любезничалъ съ Лизой Шумовой, разсказывалъ ей богъ-знаетъ что, и, между прочимъ, просилъ меня отдать тебѣ письмо. Вотъ мужчины! въ одну влюблены, а другой пишутъ письма. Вѣрь имъ послѣ этого!

НАТАША. — И ты согласилась взять письмо?

СОФЬЯ. — Я его прочла и отдала назадъ, сказавъ, что ты будешь очень этому смѣяться. Онъ разорвалъ и уѣхалъ. Какова комедія? И еще, знаешь, мнѣ сказывали, что онъ хвалится, будто ты его любишь, но я не вѣрю.

НАТАША (*въ сторону*). — Онъ дѣлаетъ глупости! Я теперь на него такъ сердита, такъ сердита!... Хвалится — вотъ мило!... Кто-бы подумалъ! это слишкомъ! (*Громко*) Ты знаешь, кузина, у насъ былъ вчера Бѣлинскій? Un jeune homme charmant! прелесть, какъ хорошъ, уменъ и любезенъ! Вотъ ужъ не надуетъ губы! ничего въ немъ нѣтъ мрачнаго и угрюмаго! Какъ воспитанъ! будто всю жизнь провелъ при дворѣ.

СОФЬЯ. — Поздравляю. И ты ему очень понравилась, надѣюсь. (*Въ сторону*) Мои слова дѣйствуютъ! Боже мой, какъ я рада! (*Громко*) Вчера-же Арбенинъ чуть-чуть не поссорился у насъ съ Нелидовымъ. Послѣдній, ты знаешь, un jeune homme de salon, такъ вѣжливъ, степененъ и остороженъ, а Вольдемаръ это-

го не слишкомъ придерживается. Нелидовъ разговорился съ нимъ про свѣтъ и репутацію и нѣсколько разъ повторялъ, что дорожитъ своею доброю славою такимъ тономъ, который давалъ чувствовать Арбенину, что онъ ее потерялъ. Этотъ понялъ и поблѣднѣлъ; послѣ и говоритъ мнѣ: «Нелидовъ хотѣлъ кольнуть мое самолюбіе; онъ достигъ своей цѣли — это правда. Я потерянъ для свѣта, но довольно гордъ, чтобъ слушать равнодушно напоминанія объ этомъ.» Ха-ха-ха! Не правда-ли, это показываетъ твердость характера?

НАТАША. — Конечно! Арбенинъ не совсѣмъ заслуживаетъ дурное мнѣніе свѣта, но онъ о немъ мало заботится; а этотъ Нелидовъ очень глупо сдѣлалъ, если старался его обидѣть. (*Идетъ къ окну*).

СОФЬЯ. — Повѣрь мнѣ: Арбенина также огорчаетъ злословіе, какъ и другихъ; онъ только не хочетъ этого показать. (*Молчаніе*).

НАТАША (*съ живостью*). — Ахъ! сейчасъ проѣхалъ Бѣлинскій.

—

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Кабинетъ Павла Григорьевича Арбенина. Шкафъ съ книгами; столъ съ бумагами и кресло.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ И ПОВѢРЕННЫЙ.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*сидитъ въ креслѣ; передъ нимъ повѣренный, въ сюртукѣ, стоитъ*). — Нѣтъ, братецъ, нѣтъ! скажи твоему господину, что я не намѣренъ ждать. Онъ долженъ — плати. Нечѣмъ—зачѣмъ задолжалъ? Въ Россіи на это есть судъ. Ну, еслибъ я былъ бѣднякъ? развѣ два мѣсяца пождать ничего не значитъ?

ПОВѢРЕННЫЙ. — Хоть двѣ недѣли, сударь. Надняхъ мы ждемъ денегъ съ завода. Неужели ужъ мы обманемъ васъ?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Ни дня ждать не хочу!

ПОВѢРЕННЫЙ. — Да гдѣ-же денегъ взять прикажете? Вѣдь восемь тысячъ на улицѣ не найдешь.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Пускай твой господинъ продастъ хоть тебя самого, а мнѣ онъ заплатитъ въ назначенное время и съ процентами... слышишь?...

ПОВѢРЕННЫЙ. — Да помилуйте-съ!...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Ни слова больше! Ступай, ступай-же! (*Повѣренный уходитъ*). Видишь, какой ловкій, всё-бы ему ждали! Нѣтъ, батюшка, нынче деньги дòроги; хлѣба дешевы, да, къ тому-же, и дурно родятся. Пускай графы, и графскіе сынки, и вельможи проматываютъ имѣнье; нашъ братъ, дворянинъ, отъ этого выигрываетъ; пускай они.... шаркаютъ въ гостиныхъ съ камергерскими ключами, а мы будемъ тише да выше, и наконецъ они оглянутся и увидятъ, хоть поздно, что мы ихъ обогнали. (*Встаетъ съ кресель*). Ухъ! замотали меня эти дѣла, совершенно замотали, а все-таки какъ-то весело. Видѣть предъ собою бумажку, которая содержитъ въ себѣ цѣну..... (*Зѣваетъ*) уфъ! спать хочется!... Гдѣ-то сынъ мой? Мнѣ надо его видѣть. Онъ вѣрно опять задолжалъ, потому что дома обѣдаетъ третій день. Вотъ, прошу покорно имѣть дѣтей!

ЯВЛЕНІЕ II.

ВЛАДИМІРЪ (*быстрыми шагами входитъ въ комнату, блѣдный и разстроенный*) и ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.

ВЛАДИМІРЪ (*входя, громко*). — Батюшка!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Что тебѣ надобно?

ВЛАДИМІРЪ. — Я пришелъ, батюшка, чтобы... У меня есть одна единственная просьба до васъ... не откажите мнѣ... поѣдемте со мною! поѣдемте! заклинаю васъ! Одна минута замедленія — и вы сами будете раскаяваться!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Бѣшеный! куда мнѣ ѣхать съ тобою? Ты съ ума сошелъ!

ВЛАДИМІРЪ. Не мудрено. Еслибъ даже вы увидали, что я видѣлъ, и остались при своемъ умѣ, то я-бы удивился...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Это ни на что не похоже! Ты, Владиміръ, меня выводишь изъ терпѣнія.

ВЛАДИМІРЪ. — Такъ вы не хотите со мною ѣхать? Такъ вы мнѣ не вѣрите? Я думалъ... но теперь принужденъ все сказать. Батюшка! одна умирающая женщина хочетъ васъ видѣть; эта женщина...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Что мнѣ за дѣло до нея?

ВЛАДИМІРЪ. — Батюшка! она моя мать! ваша супруга...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*съ досадой*). — Владиміръ!

ВЛАДИМІРЪ. — Вы вѣрно думаете испугать меня этимъ строгимъ взглядомъ и удушить голосъ природы въ груди моей? Но я не таковъ, какъ вы. Этотъ самый голосъ, приказывающій мнѣ повиноваться вамъ, заставляетъ... да! ненавидѣть васъ!... да! если долѣе будете противиться мольбамъ моей матери!... О! нынѣшній день уничтожилъ во мнѣ всѣ опасенія! Я говорю прямо. Я вашъ сынъ и ея сынъ. Вы счастливы, а она страдаетъ, на постели смерти. Кто правъ, кто виноватъ — не мое дѣло. Я слышалъ, слышалъ ея мольбы, ея рыданія, и послѣдній нищій назвалъ-бы меня подлецомъ, еслибъ я могъ еще любить васъ!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Дерзкій! Я не требую любви твоей; но гдѣ видано, чтобъ сынъ упрекалъ отца такими словами? Прочь съ глазъ моихъ?

ВЛАДИМІРЪ. — Не уничтожайте во мнѣ послѣднюю искру покорности сыновней, чтобъ я не повторилъ эти обвиненія передъ цѣлымъ свѣтомъ.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Безумецъ! знаешь-ли...

ВЛАДИМІРЪ. — Я знаю, вы сами въ душѣ мучимы совѣстью, вы сами не имѣете спокойныхъ минутъ; вы виновны во многомъ...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Замолчи!

ВЛАДИМІРЪ. — Не замолчу! Не просить я пришелъ, но требовать, требовать! Я имѣю на это право!... Нѣтъ! эти слезы врѣзались у меня въ память!... Батюшка! (*бросается на колѣни*) батюшка! пойдемте со мной!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Встань!

ВЛАДИМІРЪ. — Вы пойдете?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*въ сторону*). — Что, если въ самомъ дѣлѣ? Можетъ быть...

ВЛАДИМІРЪ. — Вы не хотите? (*Встаетъ*). Вы противитесь?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*въ сторону*). — Она умираетъ, говоритъ онъ, хочетъ выпросить мое прощеніе!... Это правда! я и самъ... Но ѣхать туда? Если узнаютъ, что скажутъ?

ВЛАДИМІРЪ. — Вамъ нечего бояться: моя мать нынче-же умретъ. Она желаетъ съ вами примириться не для того, чтобы жить вашимъ имѣніемъ, она не хочетъ сойти въ могилу, пока имѣетъ врага на землѣ. Вотъ вся ея просьба, вся ея молитва къ Богу. Вы не хотѣли... Есть на небѣ Судья! Вашъ под-

вигъ прекрасенъ: онъ показываетъ твердость характера. Повѣрьте, люди будутъ васъ за это хвалить. И что за важность, если среди тысячи похвалъ раздастся одинъ обвинительный голосъ? (*Горько улыбается*).

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Оставь меня... (*тихо*) на минуту...

ВЛАДИМІРЪ. — Хорошо! Я пойду... скажу, что вы не можете, заняты... (*Горько*) Она еще разъ въ жизни повѣритъ надеждѣ. (*Идетъ тихо*) О! еслибъ громъ убилъ меня на этомъ порогѣ! Какъ? я приду... одинъ! Я сдѣлаюсь убійцею моей матери! (*Останавливается и смотритъ на отца*). Боже! вотъ человѣкъ!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*про себя*). — Однако для чего мнѣ не ѣхать? что̀ за бѣда? Передъ смертью помириться можно: надъ этимъ никто не станетъ смѣяться... а все-бы лучше!... Да такъ и быть, пойду! Она, я чай, безъ памяти и ужъ не узнаетъ меня... Ну, такъ и быть, отправлюсь, скажу, что прощаю — и дѣлу конецъ! (*Громко*) Владиміръ! послушай... погоди! (*Владиміръ недовѣрчиво приближается*). Я пойду съ тобой... я рѣшился... насъ никто не увидитъ? никто не узнаетъ этого? — а?... но я вѣрю! Пойдемъ... а въ другой разъ будь осторожнѣй. Я прощаю теперь твое бѣшенство: вѣдь у тебя одна мать!

ВЛАДИМІРЪ. — Такъ вы точно хотите идти къ ней? Это невѣроятно! Вы точно хотите примириться съ моей матерью, простить ей все и просить прощенія? точно?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Точно.

ВЛАДИМІРЪ (*бросается къ нему на шею*). — У меня есть отецъ! у меня снова есть отецъ! (*Плачетъ*). Боже, Боже! я опять счастливъ! Какъ легко стало серд-

цу! У меня есть отецъ!... Такъ! вижу, трудно бороться съ природными чувствами... О! какъ я счастливъ!... Видите-ли, батюшка, какъ пріятно сдѣлать, рѣшиться сдѣлать добро! Ваши глаза просіяли, ваше лицо сдѣлалось ангельскимъ лицомъ. (*Обнимаетъ его*). О, мой отецъ! вы будете вознаграждены Богомъ! Пойдемте, пойдемте скорѣй! ее надобно застать при жизни.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*хочетъ идти*). (*Въ сторону*).—Итакъ, я долженъ ее увидѣть... помириться... долженъ! Но почему? да нѣтъ-ли тутъ какой нибудь сѣти? Однако, отчаяніе Владиміра... но развѣ она не можетъ притвориться и увѣрить его, что умираетъ?... развѣ женщинѣ, а особливо моей женѣ, трудно обмануть кого-бы ни было?... О! я предчувствовалъ, я проникъ этотъ замыселъ — и теперь все ясно!... Заманить меня опять... упросить... и если я не соглашусь, то сынъ мой по всему городу станетъ разсказывать про такую жестокость. Она олэ, пожалуй, подобьетъ... Признаюсь, прехитрый планъ! прехитрѣйшій! Чуть-чуть я не попался. Однако не на того напали. Хорошо, что я догадался во-время. Не пойду-же! Пускай-себѣ умираетъ одна, коли могла жить безъ меня!

ВЛАДИМІРЪ (*боязливо*). — Вы медлите?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Да! (*Холодно*) Я медлю... сынъ мой...

ВЛАДИМІРЪ. — Вы... эта перемѣна... вы...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ (*гордо*). — Я остаюсь, я не пойду съ тобой! Скажи своей матери и *бывшей* моей женѣ, что я не попался вторично въ разставленную сѣть; скажи, что я благодарю ее за приглашеніе и желаю веселой дороги. (*Владиміръ вздрагиваетъ и отступаетъ*).

ВЛАДИМІРЪ. — Какъ! (*Съ отчаяніемъ*) Это превзошло мои ожиданія! И съ такой открытой холодностью! съ такой адской улыбкой!... И я вашъ сынъ!... Такъ, я вашъ сынъ, и потому долженъ быть врагомъ всего священнаго, врагомъ вашимъ... изъ благодарности!... О! если-бы я могъ мои чувства, сердце, душу, мое дыханіе превратить въ одно слово, въ одинъ звукъ, то этотъ звукъ былъ-бы проклятіе первому мгновенію моей жизни, громовой ударъ, который потрясъ-бы твою внутренность, мой отецъ, и отучилъ-бы тебя называть меня сыномъ...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Замолчи, сумасшедшій! Страшись моего гнѣва! Погоди: придутъ дни болѣе спокойные, тогда я отомщу тебѣ за подобныя слова, и ты узнаешь меня, узнаешь, какъ опасно оскорблять своего родителя!

ВЛАДИМІРЪ (*закрываетъ лицо руками*). — Я мечталъ найти жалость!...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Вонъ скорѣй изъ моего дома! Не смѣй показываться, пока не умретъ моя *бѣдная* супруга! (*Со смѣхомъ*). Посмотримъ, скоро-ли ты придешь? Посмотримъ, настоящая-ли болѣзнь, ведущая къ могилѣ, или неловкая хитрость надѣлали столько шуму и заставили тебя забыть почтеніе и обязанность... Теперь ступай! Разсуди хорошенько о своемъ поступкѣ, припомни, если можешь, что говорилъ, и тогда, тогда, если осмѣлишься, покажись опять мнѣ на глаза! (*Злобно взглянувъ, уходитъ и запираетъ за собою дверь*).

ВЛАДИМІРЪ (*который стоитъ неподвижно, смотритъ вслѣдъ, и послѣ краткаго молчанія*). — Все кончилось! (*Уходитъ, взявъ шляпу свою со стола. Рѣшительное отчаяніе видно въ его походкѣ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Спальня Марьи Дмитріевны. Постель; столъ съ лекарствами.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (*лежитъ на постели*); АННУШКА (*стоитъ возлѣ нея*).

АННУШКА. — У васъ, сударыня, сильная лихорадка. Не угодно-ли чаю горяченькаго, или бузины? Тотчасъ будетъ готово. Охъ! ты моя родная! Какія руки холодныя! пальцы такіе ледяные! Не послать-ли за лекаремъ? не прикажете-ли, матушка?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Послушай: что̀ давитъ мнѣ грудь?

АННУШКА. — Ничего, сударыня; одѣяло прелегкое. Отчего-бы, кажется, давить?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Аннушка! я сегодня умру!

АННУШКА. — И, Марья Дмитріевна! Богъ дастъ выздоровѣете, Богъ милостивъ; зачѣмъ умирать?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Зачѣмъ?

АННУШКА. — Не всѣ больные умираютъ; иногда и здоровые прежде больныхъ попадаютъ на тотъ свѣтъ. Да не пора-ли лекарство подать?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Я не хочу лекарства... Гдѣ мой сынъ? Да я и позабыла, что сама его услала. Посмотри въ окно: нейдетъ-ли онъ сюда... Поди къ окну... что̀? нейдетъ?... Какъ долго!

АННУШКА. — На улицѣ пусто.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (*про себя*). — Онъ уговоритъ отца—я увѣрена. О! какъ сладко помириться передъ кончиной! Теперь я не боюсь краснѣть. (*Погромче*) Аннушка! что ты высунулась въ окно?

АННУШКА. — Это такъ-съ! ничего-съ!

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Нѣтъ, говори, что̀ такое?

АННУШКА. — Похороны, сударыня. Какого-то господина везутъ хоронить, да какъ пышно! сколько каретъ сзади: вѣрно, богачъ! Какія лошади! покровъ такъ и горитъ!... ужъ нечего сказать.... А дрожекъ-то, дрожекъ-то...

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Аннушка, и мнѣ умереть пора... я чувствую, что послѣдніе дни мои настали. О! поскорѣе, поскорѣе, Царь небесный!

АННУШКА. — Полноте, сударыня! что вамъ за охота? Какъ если, не дай Богъ, вы скончаетесь, что̀ тогда со мною будетъ? Кто позаботится обо мнѣ? Неужто Павелъ Григорьевичъ къ себѣ возьметъ?... Не бывать этому. Лучше я по-міру пойду: добрые люди изъ окошка накормятъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Мой сынъ, Владиміръ, тебя не оставитъ.

АННУШКА. — Да еще перенесетъ-ли онъ вашу смерть? Вишь, онъ какой горячій: ужъ изъ малости въ отчаяньи, а тогда... Боже упаси!

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Скоро-ли онъ придетъ? О, какъ сердце бьется!

АННУШКА (*про себя*). — Господи-Боже мой! отцы святые! спасите насъ грѣшныхъ! не дайте погибнуть мнѣ! Какъ буду я безъ госпожи моей?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Что̀ хуже: ожиданіе или безнадежность?

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ-ЖЕ И ВЛАДИМІРЪ (*тихо входитъ. Онъ мраченъ, молча подходитъ къ постели и останавливается въ ногахъ. Молчаніе*).

АННУШКА. — Владиміръ Павлычъ пришелъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (*быстро*). — Пришелъ! (*Поднимается и опять опускаетъ голову*). Здравствуй, Владиміръ... ты одинъ!... А я думала... ты одинъ!

ВЛАДИМІРЪ. — Да.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Другъ мой! ты звалъ его сюда? сказалъ, что я умираю? Онъ скоро придетъ?

ВЛАДИМІРЪ (*мрачно*). — Какъ вы себя чувствуете?

АННУШКА. — Не поправить-ли подушки, сударыня?

ВЛАДИМІРЪ. — Довольно-ли вы крѣпки, чтобъ говорить и слушать?

АННУШКА. — Барыня безъ васъ все плакала, Владиміръ Павлычъ.

ВЛАДИМІРЪ. — Боже! Боже! ты всесиленъ. Зачѣмъ непремѣнно я долженъ убить мать мою?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Владиміръ! говори скорѣе, не терзай меня понемногу!... Придетъ-ли твой отецъ? (*Онъ молчитъ*). Гдѣ онъ?... я хочу... я должна примириться... Какъ предстать предъ Бога?... Владиміръ, безъ него я не умру спокойно!

ВЛАДИМІРЪ (*тихо*). — Нѣтъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (*не слыхавъ*). — Что́ ты сказалъ... Дай мнѣ руку, Владиміръ.

ВЛАДИМІРЪ (*со слезами бросается на колѣни возлѣ постели и цалуетъ руку ея*). — Я возлѣ васъ... зачѣмъ вамъ другаго?... развѣ вамъ недовольно меня?... кто нибудь любитъ-ли васъ сильнѣе, чѣмъ я?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Встань, встань!

ВЛАДИМІРЪ (*вставъ, отходитъ въ сторону*). — Ужасная пытка! Если все это я вынесу, то буду почитать себя за истукана, который не стóитъ имени человѣка. Если я вынесу, то увѣрюсь, что сынъ всегда похожъ на отца, что его кровь течетъ въ моихъ жилахъ, и что я, какъ онъ, хотѣлъ ея погибели... Такъ! я долженъ былъ силой притащить

его сюда, угрозами, страхомъ исторгнуть у него прощеніе... (*Съ бѣшеной радостью*). Послушайте, матушка! мой отецъ здоровъ, веселъ и не хотѣлъ васъ видѣть!... (*Вдругъ, какъ-бы испугавшись, останавливается*).

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА (*Вздрагиваетъ. Послѣ молчанія*). — Молись... молись за насъ... Не хотѣлъ... о!...

АННУШКА. — Ей дурно! дурно!...

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Нѣтъ... нѣтъ... я соберу послѣднія силы... Владиміръ, ты долженъ узнать все... и судить твоихъ родителей... (*Онъ приближается по знаку*). Подойди!... Я умираю... отдаю душу правосудному Богу и хочу, чтобъ ты, ты мое единственное сокровище, не обвинялъ меня по чужимъ слухамъ... я сама произнесу свой приговоръ. (*Останавливается*). Я виновна: молодость была моей виною!... я имѣла пылкую душу... твой отецъ холодно со мною обходился... я любила прежде другаго... если-бы мой мужъ хотѣлъ — я забыла-бы прежнее. Я нѣсколько лѣтъ боролась съ этою любовью — и одна минута рѣшила мою участь.... Не смотри на меня такъ... о!... упрекай лучше самыми жестокими словами! я твоя злодѣйка!... мой проступокъ заставляетъ тебя презирать отца и обвинять меня... но что прошло, того не перемѣнишь... Долгимъ раскаяніемъ я загладила свой проступокъ. Слушай! онъ былъ тайною, но я не хотѣла, не могла противиться долгу... я мучилась совѣстью и сама открыла все твоему отцу. Съ горькими слезами, униженными моленьями я упала къ ногамъ его... надѣялась, что онъ пожалѣетъ и великодушно проститъ мнѣ... но онъ выгналъ меня изъ дому, и я должна была оставить тебя, ребенка, и молча переносить всѣ насмѣшки свѣта... Онъ жестоко со мною поступилъ!... Я умп-

раю!... Если онъ мнѣ не простилъ еще, то Богъ его накажетъ... Владиміръ! не обвиняй мать свою... Ты молчишь?

ВЛАДИМІРЪ *(въ великомъ движеніи)*. — Вижу! вижу! природа вооружается противъ меня!... я ношу въ себѣ сѣмя зла... я созданъ, чтобы разрушать естественный порядокъ? — Боже! Боже! здѣсь умирающая мать — и на языкѣ моемъ нѣтъ ни одного утѣшительнаго слова... ни одного... *(Марья Дмитріевна стонетъ)*. Неужели мое сердце такъ сухо, что нѣтъ даже ни одной слезы?... Горе, горе тому, кто изсушилъ это сердце!... онъ мнѣ заплатитъ! я принужденъ имъ уморить родную мать... Съ этой минуты прочь сожалѣніе!... день и ночь буду я напѣвать отцу моему страшную пѣсню до тѣхъ поръ, пока у него встанутъ волосы дыбомъ и раскаяніе начнетъ тревожить и грызть душу. *(Обращается къ матери)* Ангелъ! ангелъ! не умирай такъ скоро! еще нѣсколько часовъ...

АННУШКА *(съ примѣтнымъ безпокойствомъ посматриваетъ на госпожу)*. — Владиміръ Павлычъ! *(Онъ услыхалъ и глядитъ на нее пристально. Она трогаетъ за руки Марью Дмитріевну и вдругъ останавливается)*. Прости, Господи, ея душу! *(крестится)*. *(Владиміръ вздрагиваетъ, шатается и едва не упадаетъ; удерживается рукою за спинку стула и такъ остается неподвиженъ нѣсколько минутъ)*.

АННУШКА *(плачетъ)*. — Какъ тихо скончалась-то, родимая моя! Что я буду теперь? *(Плачетъ)*.

ВЛАДИМІРЪ *(приходитъ въ себя, подходитъ къ тѣлу и, взглянувъ, отходитъ)*. — Для такой души, для такой смерти слезы ничего не значатъ... у меня ихъ нѣтъ... нѣтъ!... но я отомщу жестоко, ужасно отомщу!... Пойду, принесу отцу моему вѣсть о ея

кончинѣ и заставлю, принужу его плакать, и когда онъ будетъ плакать — буду смѣяться. *(Убѣгаетъ).*

АННУШКА. — И сынъ родной оставляетъ твое тѣло!... Господи! Господи! возьми поскорѣй и меня отсюда! *(Упадаетъ на тѣло).*

(Сцена перемѣняется).

193

ЯВЛЕНІЕ V.

Комната у Загорскиныхъ.

ГОСТИ: ДВѢ СТАРУХИ; АННА НИКОЛАЕВНА, НАТАША И КНЯЖНА.

АННА НИКОЛАЕВНА *(входя, вводитъ двухъ старухъ; барышни идутъ за ними).* — А я васъ сегодня совсѣмъ не ожидала! Милости просимъ! милости просимъ! Прошу сѣсть! Какъ ваше здоровье, Марья Ивановна? *(Садятся).*

ПЕРВАЯ СТАРУХА. — Эхъ, мать моя! чтò у меня за здоровье! все ревматизмы да флюсъ... только нынѣче развязала щеку. *(Къ другой старухѣ)* Какъ мы съѣхались, Катерина Дмитріевна! Я только-что на дворъ, а вы за мною, какъ будто сговорились вмѣстѣ навѣстить Анну Николаевну.

ВТОРАЯ СТАРУХА *(хозяйкѣ).* — Я слышала, что вы были больны.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Да... благодарю, что навѣстили. Совсѣмъ состарѣлась я... А что, новаго не слыхать-ли чего нибудь?

ВТОРАЯ СТАРУХА. — У меня, знаете, сынъ Егорушка въ Петербургѣ, такъ онъ пишетъ, что турокъ наши въ-пухъ разбили... пашу взяли...

ПЕРВАЯ СТАРУХА. — Дай-то Богъ!... А слышали

вы: Горинкинъ женился — да на комъ! Знавали вы Болотину? — такъ на ея дочери! Славная партія! Вѣдь сколько жениховъ за нею гонялось! Такъ нѣтъ, кому счастье!

АННА НИКОЛАЕВНА. — А я слышала: графъ Свитскій умеръ. Вѣдь жена, дѣти...

ПЕРВАЯ СТАРУХА. — Да, жалко! А что̀ разсказываютъ — слышали вы?

АННА НИКОЛАЕВНА. — Что̀ такое?

ВТОРАЯ СТАРУХА. — Что̀ такое, матушка?

ПЕРВАЯ СТАРУХА. — Говорятъ, что покойникъ, прости Господи, почти все имѣніе свое продалъ и побочнымъ дѣтямъ деньги отдалъ. Есть-же люди! И говорятъ также, будто въ духовной онъ написалъ, чтобы похороны его не стоили болѣе ста рублей.

ВТОРАЯ СТАРУХА. — Нечего сказать! каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку. Всегда былъ чудакъ—покойникъ графъ, — царство ему небесное! Что̀-же, исполнили его завѣщаніе?

ПЕРВАЯ СТАРУХА. — Какъ можно! Пожалуй, онъ-бы написалъ, чтобъ его въ оврагъ кинули! Нѣтъ, матушка, пять тысячъ стали похороны!... въ Донскомъ Монастырѣ, да два архіерея были!

АННА НИКОЛАЕВНА. — Стало быть, очень пышно было.

НАТАША. — Будто не все равно!

ПЕРВАЯ СТАРУХА. — Какъ такъ! развѣ можно графа похоронить какъ нищаго! *(Общее молчаніе)*.

ВТОРАЯ СТАРУХА. — Анна Николаевна! вы меня извините: я, вѣдь, только на минуточку къ вамъ заѣхала; спѣшу къ золовкѣ на крестины. *(Встаетъ)*. Прощайте.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Если такъ, то не смѣю васъ

удерживать. Прощайте *(цалуются)*. До свиданія, матушка! *(Провожаетъ ее. Вторая старуха уходитъ)*.

ПЕРВАЯ СТАРУХА. — Какова? какъ разрядилась наша Мавра Петровна: пунцовыя ленты на чепчикѣ! ну кстати-ли? вѣдь сама насилу ноги таскаетъ!... А который ей годъ, Анна Николаевна, какъ вы думаете?

АННА НИКОЛАЕВНА. — Да лѣтъ пятьдесятъ есть. Она такъ говоритъ...

ПЕРВАЯ СТАРУХА. — Крадетъ съ десятокъ. Я замужъ выходила, ужъ у нея дѣти бѣгали.

НАТАША *(тихо Софьѣ)*. — Я думаю, потому что она замужъ вышла тридцати лѣтъ!

КНЯЖНА. — Охота тебѣ ихъ слушать, Наташа!

НАТАША. — Помилуй, это очень весело.

(Входитъ слуга).

СЛУГА. — Дмитрій Васильичъ Бѣлинскій пріѣхалъ.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Проси въ гостиную. *(Слуга уходитъ. Первой старухѣ)*. Пойдемте въ гостиную, матушка. *(Тихо)*. Я угадываю зачѣмъ онъ пріѣхалъ: мнѣ сказывали. Онъ не богатъ самъ, да дядя при смерти; а у дяди тысяча пятьсотъ душъ.

ПЕРВАЯ СТАРУХА. — Понимаю! *(Въ сторону)* Посмотримъ, что за Бѣлинскій. *(Наташѣ)* О, плутовка! *(Обѣ уходятъ)*.

КНЯЖНА. — Отчего ты такъ покраснѣла?

НАТАША. — Я?

КНЯЖНА. — Ну, ничего не слышитъ и не видитъ! Наташа, твои глаза пылаютъ, ты дрожишь, ты внѣ себя... что̀ такое значитъ?

НАТАША *(хватаетъ за руку княжну)*. — Такъ... это ничего... кто сказалъ, что я дрожу? Ахъ! знаешь-ли... я отгадываю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ... Теперь все рѣшится, все! — Мои руки горятъ — не правда-ли?

КНЯЖНА. — Что̀-же рѣшится?

НАТАША. — Какіе глупые вопросы, кузина! Вчера была у насъ княгиня...

КНЯЖНА. — Я тебя понимаю: ты влюблена въ Бѣлинскаго... Ну, что-жъ? *(Наташа, покраснѣвъ, отворачивается)* это очень натурально!

НАТАША *(съ живостью)*. — Послушай, какъ онъ милъ, какъ онъ любезенъ!

СОФЬЯ. — Бѣдный Арбенинъ!

НАТАША. — А что такое?

КНЯЖНА. — Онъ тебя такъ любитъ!... Бѣлинскій свататься пріѣхалъ; ты навѣрное ему не откажешь — такъ-ли? А я знаю, что Арбенинъ тебя очень-очень любитъ!

НАТАША. — Разлюбитъ по неволѣ. Впрочемъ, онъ очень умѣлъ прежде притворяться съ другими, почему-же не притвориться ему со мной? Правда, онъ мнѣ сначала немного понравился: въ немъ что-то необыкновенное, а за то какой несносный характеръ, какой злой умъ и какое печальное всегда воображеніе!... Боже мой! да такой человѣкъ въ одну недѣлю тоску нагонитъ! Есть многіе, которые не менѣе его чувствуютъ, а веселы!...

КНЯЖНА *(съ иронической улыбкой)*. — Ты хотѣла-бы все смѣяться! Когда-то, давно, былъ у насъ Арбенинъ... въ сумерки онъ сѣлъ за фортепьяно и съ полчаса фантазировалъ. Я заслушалась; вдругъ онъ вскочилъ и подошелъ ко мнѣ со слезами на глазахъ. «Что съ вами?» спросила я. «Припадокъ!» отвѣчалъ онъ съ горькой улыбкой: «музыка напоминаетъ мнѣ Италію! Во всей ледяной Россіи нѣтъ сердца, которое-бы отвѣчало моему! Все, что я люблю, убѣгаетъ меня; прошу сожалѣнія — нѣтъ! Я похожъ на чумнаго! Все, что меня любитъ, то заражается этой болѣзнью несчастія, которую я принужденъ называть

жизнью!» Тутъ Арбенинъ посмотрѣлъ на меня пристально... Ты не слышишь?

НАТАША. — Оставь меня! Что мнѣ за нужда до твоего Арбенина? Дѣлай съ нимъ что хочешь, ангелъ мой! Клянусь тебѣ, мнѣ не до него... Слышишь? вотъ, кажется, кто-то сюда идетъ?... кажется, маменька...

КНЯЖНА *(въ сторону)*. — Небо прекрасно исполняетъ мои желанія; судьба мститъ за меня. Хорошо! онъ почувствуетъ всю тяжесть любви безнадежной, обманутой. Я очернила совѣсть свою не даромъ: это меня радуетъ. Однако, что мнѣ пользы?.... Я отмщу!... за что?.... Онъ не знаетъ, что я его такъ люблю!... Но узнаетъ! я ему скажу, что есть женщины... *(Входитъ Анна Николаевна)*.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Наташа, подойди ко мнѣ. я хочу говорить съ тобой о важномъ дѣлѣ, которое рѣшитъ судьбу твоей жизни. Выйти замужъ — не порогъ перешагнуть. Все будущее твое зависитъ отъ одной минуты. Твое сердце должно бросить жребій; но разсудокъ не долженъ также молчать. Подумай: Бѣлинскій предлагаетъ тебѣ свою руку; согласна ты или нѣтъ? Нравится-ли онъ тебѣ?

НАТАША *(въ смущеніи)*. Я... не знаю...

АННА НИКОЛАЕВНА. — Какъ не знаю? помилуй! Онъ ждетъ въ той комнатѣ; рѣшись поскорѣе... по крайней мѣрѣ, дать-ли ему надежду. Что ты молчишь?... Онъ молодой человѣкъ, хорошо воспитанный, честный; состояніе есть, хоть небольшое, но все-таки есть; а ты знаешь, какъ наше разстроено. Бѣлинскій ждетъ скоро богатое наслѣдство. Подумай: тысяча пятьсотъ душъ! Ты ужъ въ лѣтахъ, скоро стукнетъ восемнадцать лѣтъ... теперь не пойдешь, такъ, можетъ быть, и никогда не удастся; сиди

въ дѣвкахъ! Плохо теперь: жениховъ въ Москвѣ нѣтъ! Молодые, богатые не хотятъ жениться, мотаютъ-себѣ въ волю; а старые? что̀ въ нихъ? глупы или бѣдны! Рѣшись, Наташа! вѣдь онъ тамъ ждетъ! Ну, скажи по совѣсти, вѣдь, онъ тебѣ нравится?

НАТАША. — Нравится.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Такъ ты согласна? Я пойду...

НАТАША (*останавливаетъ ее*). — Maman, подождите! такъ скоро!... Ей-богу я все это вижу во снѣ... Какъ можно въ одну минуту... (*Плачетъ, закрывая лицо*). Я не могу... развѣ непремѣнно сейчасъ?...

АННА НИКОЛАЕВНА (*ласкаетъ ее*). — Успокойся, другъ мой. О чемъ ты плачешь? развѣ ты не сама сказала, что онъ нравится тебѣ? Посмотри, какъ сердце бьется: это нездорово. Ты слишкомъ встревожилась. Я опрометчиво поступила; однако, сама посуди, вѣдь, онъ ждетъ; не надо упускать жениха. Вѣдь, я тебя не отдаю насильно, а только спрашиваю: ты согласна— и я тотчасъ ему скажу; нѣтъ — такъ нѣтъ! бѣда не велика.

НАТАША (*утирая слезы*). — Онъ мнѣ нравится. Только дайте ему надежду, пускай онъ ѣздитъ въ домъ, пускай будетъ женихомъ... только!.. я сама не знаю! такъ скоро мнѣ сказали... я не знаю... мнѣ стыдно плакать о глупостяхъ. Маменька, вы сами съумѣете ему сказать... я впередъ на все согласна.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Ну, и давно-бы такъ! О чемъ же плакать? (*Креститъ ее*) Христосъ съ тобой! въ добрый часъ! (*Шепчетъ молитву и уходитъ*).

НАТАША. — Ахъ!

КНЯЖНА. — Ты поблѣднѣла, кузина! Поздравляю тебя! невѣста!

НАТАША. — Какъ скоро все это сдѣлалось! *(Уходитъ).*

КНЯЖНА. — Правда: это мѣна, двое за двое. Эти счастливы, а я и Владиміръ? что? отчего-же мы несчастливы?... я — онъ меня не любитъ и не будетъ любить! Но я отмстила! Зачѣмъ раскаяваться? Я ничего не сдѣлала; мы не виновны, если судьба нечаянно исполняетъ наши дурныя желанія. Стало-быть, они справедливы.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТРИ ЛАКЕЯ.

ПЕРВЫЙ. — Что, братъ! Я тебѣ говорилъ, только что увидалъ, какъ молодой баринъ взошелъ: быть грозѣ!

ВТОРОЙ. — Да, была гроза! Мнѣ стало жалко молодаго барина: ну, какъ можно такъ строго взыскивать! вѣдь, онъ, братъ, только-что оставилъ тѣло Марьи Дмитріевны... онъ, чай, былъ не въ своемъ умѣ.

ТРЕТІЙ. — Какъ сказалъ ему баринъ?

ВТОРОЙ. — «Проклинаю тебя!» сказалъ онъ ему.

ПЕРВЫЙ. — Нѣтъ, кажется, что-то иначе, только не проклинаю.

ТРЕТІЙ. — Та-ли, другая-ли пѣсня — все пѣсня!

ВТОРОЙ. — Зачѣмъ заперли молодаго барина?

ПЕРВЫЙ. — А куда старый баринъ уѣхалъ?

ТРЕТІЙ. — Владиміръ Павлычъ запертъ въ своей комнатѣ, потому что велѣно; а старый баринъ уѣхалъ въ гости.

ВТОРОЙ. — Для страху только, или въ самомъ дѣлѣ онъ проклялъ Владиміра Павлыча?

ТРЕТІЙ. — Для страху-ли, въ самомъ дѣлѣ-ли, все это страшно.

ПЕРВЫЙ. — Скажи, Сенька, какъ ты одѣвалъ стараго барина, былъ-ли онъ огорченъ или сердитъ?

ТРЕТІЙ. — Нимало. Проклясть сына, ѣхать въ гости — эти двѣ вещи у насъ на одной линіи, почти какъ выпить стаканъ воды и выпить стаканъ вина.

ПЕРВЫЙ. — Эту ночь я видѣлъ во снѣ корову и сказалъ: «быть слезамъ». И въ правду не вытерпѣлъ, чтобъ не заплакать, когда молодой баринъ вышелъ изъ гостиной. А крѣпко онъ поговорилъ батюшкѣ своему... тотъ сначала и не опомнился.

ВТОРОЙ. — Ты видѣлъ, какъ этотъ гость, какъ бишь его... ну, все равно, ты видѣлъ какъ онъ ускользнулъ отъ насъ.

ПЕРВЫЙ. — Кабы этого гостя не было, Павелъ Григорьичъ не проклялъ-бы молодаго барина.

ТРЕТІЙ. — На людяхъ и слово обидно, а не при комъ и пощечину перенесешь.

ПЕРВЫЙ. — Оно все такъ, только жалко, ей-ей жалко!*

—

* Въ рукописи помѣчена сюда еще одна сцена изъ «Menschen und Leidenschaften»: Кабинетъ Владиміра. Но, по мнѣнію г. Шестакова, она совершенно лишняя; въ моей рукописи ея нѣтъ. *С. Д.*

ДѢЙСТВІЕ IV.

Комната у Загорскиныхъ. Дверь отворена въ другую, гдѣ много гостей.

ЯВЛЕНІЕ I.

АННА НИКОЛАЕВНА И СОФЬЯ.

СОФЬЯ. — Тетушка, мы съ Наташей сейчасъ пріѣхали изъ рядовъ и купили все, что̀ надобно. Не знаю, понравится-ли вамъ; по-мнѣ хорошо, только блонды дороги.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Теперь некогда, Сонюшка, я послѣ посмотрю. *(Входитъ гость)*. Ахъ! здравствуйте, Сергѣй Сергѣичъ! Какъ ваше здоровье? Я не ожидала васъ видѣть.

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ. — Я узналъ, что Наталья Ѳедоровна ваша помолвлена и пріѣхалъ поздравить и пожелать ей всякаго счастья.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Покорно васъ благодарю. Дайто-то Богъ! Человѣкъ, кажется, хорошій.

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ. — И я слышалъ: съ прекраснымъ состояніемъ.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Какъ-же-съ! Да вы, я думаю, его знаете?

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ. — Видалъ. Господинъ Бѣлинскій прелестнѣйшій молодой человѣкъ, какъ говорятъ.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Милости просимъ въ гостиную, Сергѣй Сергѣичъ! *(Уходятъ оба)*.

СОФЬЯ. — Все идетъ по-моему, отчего-же я безпокоюсь? Отчего такое внутреннее безпокойство? Развѣ не все идетъ, какъ я хочу? Все! Нѣтъ, глав-

ная цѣль моя еще далеко, и я, можетъ быть, никогда ея не достигну. Какъ это подѣйствуетъ на Владиміра—я желала-бы знать. Ну, если онъ не перенесетъ? если... если я себя назову его убійцею? если я должна буду себя называть такъ? Раскаянье! теперь? Ужели это предчувствіе? Боже! какъ мнѣ душно въ этой толпѣ людей, которые такъ холодно разсуждаютъ о пустякахъ и не замѣчаютъ, что каждая минута отнимаетъ у меня по надеждѣ и каждый мигъ увеличиваетъ мою муку! И всѣ такъ счастливы! всѣ такъ счастливы! О, если-бы мнѣ хоть разъ увидать въ его глазахъ любовь... одинъ разъ...

НАТАША. — (*Входитъ. Весело*). — Ха-ха-ха-ха-ха! Ma cousine, послушай: еслибъ ты была тамъ, то насмѣялась-бы до-сыта... ха-ха-ха! Боже мой!... Ахъ! я удерживалась до тѣхъ поръ, что чуть-чуть не захохотала ему въ глаза.

СОФЬЯ. — Кому?...

НАТАША. — На силу я вырвалась. Сергѣй Сергѣичъ подошелъ меня поздравить, смѣшался, заикнулся, забормоталъ: я ничего не поняла. Онъ самъ, я думаю, не зналъ, что̀ говорилъ — умора! Такъ мы остались другъ противъ друга... ха-ха-ха!

СОФЬЯ. — Какъ ты весела!... Гдѣ Бѣлинскій?

НАТАША. — Его окружили старики и старухи — такъ досадно!

БѢЛИНСКІЙ (*входитъ*). — Слава Богу! я опять съ вами! Меня осадилъ весь очаковскій вѣкъ. Добрые люди, только нестерпимо скучны! Они все толкуютъ о прошедшемъ, а я въ настоящемъ такъ счастливъ!

СОФЬЯ. — Это видно по вашему лицу.

НАТАША. — Ахъ, mon cher ami! оставимъ ее: она въ дурномъ духѣ. Сядемъ, поговоримъ. (*Садятся*).

БѢЛИНСКІЙ (*цалуетъ у нея руку*). — О! я теперь

совершенно счастливъ; мнѣ можно завидовать — клянусь небомъ!

софья (*въ сторону*). — Этотъ человѣкъ думаетъ говорить о счастьѣ, когда отнялъ, укралъ у своего друга, можетъ быть, послѣднее... Что-же мнѣ Владиміръ? Отчего-же я, хотя менѣе виновна, должна одна глотать слезы и чувствовать раскаянье? О еслибъ онъ могъ меня любить, какъ вознаградила-бы я его!

(*Все это время женихъ и невѣста межъ собой неслышно говорятъ*).

(*Гость 2 выходитъ изъ гостиной, кланяется Софьѣ и подходитъ къ ней*).

гость второй. — Здорова-ли, княжна, ваша матушка?

софья. — Нѣтъ, она очень больна.

гость второй. — Вы, вѣрно, знаете Владиміра Арбенина?

софья. — Онъ къ намъ ѣздитъ.

гость второй. — Вы не примѣтили: сумасшедшій онъ?

софья. — Я всегда примѣчала, что онъ очень уменъ. Не могу догадаться къ чему такіе вопросы? Впрочемъ, я давно уже его не видала.

гость второй. — Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ не шучу. Я намедни былъ у отца его. Вдругъ дверь съ шумомъ отворяется и вбѣгаетъ Владиміръ... я испугался и вскочилъ. Лицо его было блѣдно, глаза мутны, волосы въ безпорядкѣ. Я не знаю, на кого онъ былъ похожъ. Отецъ его остолбенѣлъ и ни слова не могъ выговорить. «Убійца!» воскликнулъ Владиміръ. «Ты мнѣ не вѣрилъ, поди-же поцалуй ея мертвую руку!» — и съ вынужденнымъ хохотомъ упалъ безъ чувствъ на землю; слуги вбѣжали; его вынесли; отецъ не говорилъ ни слова и дрожалъ, хотя показывалъ,

или старался показывать, что не былъ встревоженъ... Я поскорѣе взялъ шляпу и ушелъ. Потомъ я узналъ, что Павелъ Григорьевичъ его ужасно бранилъ и даже проклялъ, говорятъ, но я не вѣрю.

СОФЬЯ (*въ сильномъ волненіи*). — Онъ упалъ, его проклялъ отецъ, говорите вы; но ему ничего не сдѣлалось?... Вы не знаете, что̀ значили слова его?— нѣтъ, это не сумасшествіе... что нибудь да ужасное съ нимъ случилось.

ГОСТЬ ВТОРОЙ (*съ улыбкой*). — Я не ожидалъ, чтобъ вы приняли такое сильное участіе.

СОФЬЯ. — Въ самомъ дѣлѣ? (*Съ досадой въ сторону*) Боже, нельзя показать сожалѣнія!

ГОСТЬ ВТОРОЙ. — Я потомъ узналъ, что въ этотъ день умерла мать Арбенина, которая въ разводѣ съ отцомъ его была; но такое бѣшенство, такія угрозы показываютъ совершенное сумасшествіе! это, въ самомъ дѣлѣ, очень жалко; онъ имѣлъ способности, умъ, познанія...

СОФЬЯ. — Я не почитаю это за сумасшествіе; но, по словамъ, которыя вы мнѣ повторили, отецъ его былъ виноватъ въ чемъ нибудь... Онъ не замѣтилъ васъ, и если только въ этомъ состоитъ его сумасшествіе...

ГОСТЬ ВТОРОЙ. — Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! я не хотѣлъ этого сказать; но вы сами судите: этотъ поступокъ не изобличаетъ здраваго разсудка. Мнѣ было очень жаль Арбенина—вотъ для чего я у васъ спросилъ.

СОФЬЯ. — Я очень сожалѣю, что не могу вамъ дать положительнаго отвѣта.

ГОСТЬ ВТОРОЙ. — Вы поѣдете завтра въ концертъ, княжна? Славная музыкантша на арфѣ будетъ играть.

Вы не слыхали? Она изъ Парижа недавно; это очень любопытно. Если угодно, я билетъ...

СОФЬЯ. — Я не любопытна; я не имѣю этого порока.

ГОСТЬ ВТОРОЙ. — Извините! Я желалъ вамъ услужить.

СОФЬЯ. — Вы очень милостивы...

ГОСТЬ *(раскланиваясь)*. — Прошу васъ повѣрить, что если я что нибудь непріятное сказалъ вамъ, то мое намѣреніе было совсѣмъ не таково... (*Уходитъ*).

СОФЬЯ. — Чуть-чуть онъ не сказалъ, что хотѣлъ мнѣ доставить удовольствіе этими новостями! Придти нарочно, простоять четверть часа здѣсь для того, чтобъ сказать зло про одного человѣка и опечалить другаго! Боже мой! что̀ приготовилъ ты мнѣ въ будущемъ? Владиміръ потерялъ мать; онъ долженъ лишиться Наташи. Но первая потеря поможетъ ему легче перенести вторую. Нѣсколько печалей не такъ опасны, какъ одна глубокая; а тамъ... тамъ, я могу еще надѣяться. Я примѣчала нѣсколько разъ, что его глаза пылали, когда онъ со мной говорилъ. Можетъ быть... впрочемъ, у него не каменное сердце...

НАТАША. — Что̀ онъ тебѣ разсказывалъ?

СОФЬЯ. — Про Арбенина.

БѢЛИНСКІЙ. — Что̀ такое? что̀ такое про Арбенина?

СОФЬЯ. — Не бойтесь.

БѢЛИНСКІЙ — Чего-же мнѣ бояться?

СОФЬЯ. — Вы лучше знать должны.

НАТАША. — Развѣ онъ провѣдалъ, что я выхожу замужъ?

СОФЬЯ. — За его друга? — нѣтъ, Владиміръ потерялъ мать и оттого онъ въ отчаяніи. Его при-

няли за сумасшедшаго. Я не знаю, вынесетъ-ли онъ второй ударъ.

БѢЛИНСКІЙ. — О, повѣрьте что онъ кажется гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ есть.

СОФЬЯ. — Разумѣется, вы это должны лучше меня знать: вы были его другомъ.

БѢЛИНСКІЙ. — Я дружбу принесъ въ жертву любви.

СОФЬЯ. — Это очень хорошо... для васъ.

БѢЛИНСКІЙ. — Впрочемъ, не думайте, чтобъ я съ Арбенинымъ очень друженъ былъ. Пріятели не всегда друзья.

СОФЬЯ (*Наташѣ*). — Прошу не прогнѣваться, кузина, а я скажу, что ты его любила. Для жениха ты не должна имѣть тайны; и вѣрно господинъ Бѣлинскій со мной согласенъ?

НАТАША. — Да, это правда, Арбенинъ мнѣ сначала нравился и очень занималъ мое воображеніе; но этотъ сонъ, какъ всѣ печальные сны, прошелъ. Я тебя прошу, Софья, не напоминай мнѣ болѣе о немъ.

СОФЬЯ. — Я не совсѣмъ что-то вѣрю твоему пробужденію.

НАТАША. — Кузина, къ чему это?

БѢЛИНСКІЙ. — Можетъ быть, одинъ сонъ смѣнился другимъ.

СОФЬЯ. — Однако, послушайте, господинъ женихъ, не слишкомъ ей вѣрьте: она носитъ съ давнишнихъ поръ на крестѣ стихи, которые далъ ей Арбенинъ. Пожалуйста скажите-ка ей, чтобъ она показала. А-а! покраснѣла, душа моя!

БѢЛИНСКІЙ. Я могу просить, и то, если она позволитъ...

СОФЬЯ. — Попалась?

БѢЛИНСКІЙ. — Впрочемъ, я въ ней слишкомъ увѣренъ.

СОФЬЯ. — Излишества всегда опасны.

НАТАША. — Чтобъ доказать моей кузинѣ, что я не дорожу ни мало этими бездѣлками (*снимаетъ съ шеи ожерелье, на которомъ крестъ, и бумажку отвязываетъ*), возьмите! Это старинная бумажка была мною совсѣмъ позабыта. Прочти, мой другъ; эти стихи довольно порядочно написаны.

БѢЛИНСКІЙ (*беретъ*). — Это его рука.

СОФЬЯ (*въ сторону*). Безстыдный! онъ также спокоенъ, какъ будто-бы читаетъ театральную афишку: ни одной искры раскаянья въ ледяныхъ глазахъ! Уже-ли искусство? Нѣтъ; я женщина, но никогда не могла-бы дойти до такой степени лицемѣрія. Ахъ! для чего одно пятно очернило мою чистую душу?

НАТАША. — Прочти, мой другъ.

БѢЛИНСКІЙ (*читаетъ*).

Когда одни воспоминанья
О дняхъ безумства и страстей,
На мѣсто славнаго названья
Твой другъ оставитъ у людей,

Когда съ насмѣшкой ядовитой
Осудятъ грусть его порой,
Ты будешь-ли его защитой
Передъ безчувственной толпой?

Онъ жилъ съ людьми, какъ-бы съ чужими,
И справедлива ихъ вражда;
Но хоть виновенъ передъ ними
Тебѣ онъ вѣренъ былъ всегда.

Одной слезой, однимъ отвѣтомъ
Ты можешь смыть ихъ приговоръ;

Вѣрь! не постыденъ передъ свѣтомъ
Тобой оплаканный позоръ!*

Прекрасно! очень мило! (*Отдаетъ*).

НАТАША (*разрываетъ бумагу*). — Теперь спокойны-ли вы, кузина?

СОФЬЯ.—О! я на твой счетъ никогда не безпокоилась.

БѢЛИНСКІЙ (*въ сторону*). — Эта княжна вовсе не по-мнѣ! Къ чему ея упреки? Что ей за дѣло?

(*Дверь отворяется, входитъ Владиміръ; кланяется; всѣ смущены. Онъ хочетъ подойти, но взглянувъ на Бѣлинскаго и Наташу, останавливается и быстро входитъ въ гостиную*).

НАТАША (*только-что Владиміръ взошелъ*). — Ахъ, Арбенинъ!

БѢЛИНСКІЙ (*про себя*). — Вотъ некстати! Чортъ его просилъ! Онъ взбѣсится; онъ не знаетъ еще, вѣрно, что я женюсь, и на комъ... Мнѣ должно убраться, чтобъ не сдѣлаться жертвою перваго пыла. (*Громко*) Мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ Арбенинымъ. Вы его знаете...

НАТАША. — Это правда.

БѢЛИНСКІЙ. — Итакъ, прощайте. (*Уходитъ*).

НАТАША. — Невольный трепетъ пробѣжалъ по моему тѣлу; сердце бьется отчего-то... Отчего этотъ человѣкъ, котораго я уже не люблю, все еще имѣетъ на меня такое вліяніе? Можетъ быть, не совсѣмъ погасла любовь въ моемъ сердцѣ? Можетъ быть, одно воображеніе отвлекло меня отъ него на время? Но, что-бы ни было, я дала Бѣлинскому слово: онъ сдѣлается моимъ мужемъ, а Арбенина надо удалить; это будетъ мнѣ легко (*задумывается*).

* Въ иныхъ спискахъ здѣсь читается стихотвореніе: «Когда я унесу въ чужбину» (см. выше, стр. 150).

СОФЬЯ (*про себя*). — Слава Богу! я думала, что этотъ Бѣлинскій немучимъ совѣстью; теперь я вижу совсѣмъ противное. Онъ боялся встрѣтить взоръ обманутаго имъ человѣка. Такъ! онъ виновнѣе меня... Я примѣтила смущеніе въ его чертахъ. Пускай бѣжитъ! Ему-ли убѣжать отъ неизбѣжнаго наказанія небесъ? (*Удаляется въ глубину театра. Владиміръ, блѣдный, выходитъ изъ гостиной; онъ и Наташа долго стоятъ неподвижно*).

НАТАША. — Что́ скажете новаго?

ВЛАДИМІРЪ. — Говорятъ, вы выходите замужъ.

НАТАША. — Это для меня не ново...

ВЛАДИМІРЪ. — Я вамъ желаю счастья.

НАТАША. — Покорно благодарю.

ВЛАДИМІРЪ. — Такъ это точно, точно правда?

НАТАША. — Что-жъ удивительнаго?

ВЛАДИМІРЪ (*помолчавъ*). — Вы не будете счастливы.

НАТАША. — Почему-же?

ВЛАДИМІРЪ. — Я слышалъ, что свадьбы, которыя бываютъ въ одинъ день съ похоронами, несчастливы.

НАТАША. — Ваши пророчества очень печальны; впрочемъ, всякій день кто нибудь да умираетъ въ мірѣ. И такъ...

ВЛАДИМІРЪ. — Послушайте, скажите мнѣ по чести — это шутка или нѣтъ?

НАТАША. — Нѣтъ.

ВЛАДИМІРЪ. — Подумайте хорошенько... Клянусь Богомъ, я теперь не въ состояніи принимать такія шутки. О, еслибъ вы знали, что́ со мною было! ваше сердце облилось-бы кровью: въ васъ есть жалость... Послушайте, я похоронилъ мать, ангела земнаго, и отвергнутъ отцомъ за то, что любилъ ее. Я пріѣхалъ сюда, чтобъ возлѣ васъ провести хоть одну спокой-

ную минуту... Зачѣмъ изъ шутки лишать меня такой минуты?

НАТАША. — Я не думала шутить; я очень понимаю какъ ваше несчастіе велико; я-бы достойна была презрѣнія, еслибъ могла шутить съ вами теперь. Нѣтъ, вы имѣете право на уваженіе и состраданіе всякаго...

ВЛАДИМІРЪ. — Божественная душа! Какъ! я долженъ лишиться и этого послѣдняго сокровища? (*Ей*) Помните-ли, давно тому назадъ, я привезъ вамъ стихи, въ которыхъ просилъ защитить меня противъ злословья свѣта, и вы обѣщали мнѣ; съ тѣхъ поръ я вамъ вѣрю, какъ Богу; съ тѣхъ поръ я васъ люблю! О, какимъ голосомъ было сказано это «обѣщаю!» и я тогда-же въ душѣ произнесъ клятву вѣчно любить васъ—вѣчно! На языкѣ другаго это слово мало значитъ; но я поклялся любить васъ вѣчно, и ничто не изгладитъ васъ изъ моей памяти! Отвѣчайте мнѣ, скажите мнѣ одно не слишкомъ холодное слово — и я буду... доволенъ. Что́ стоитъ одно слово? оно спасетъ меня отъ отчаянья.

НАТАША (*въ сторону*). — Что́ мнѣ дѣлать? мысли мои разсѣяны. О! зачѣмъ, зачѣмъ нельзя изгладить нѣсколько дней изъ моей жизни, возвратиться къ прежнему? я могла-бы отвѣчать ему: онъ такъ жалокъ! я его не люблю, но его судьба невольно трогаетъ...

ВЛАДИМІРЪ. — Женщина! ты колеблешься? Слушай: еслибъ изсохшая отъ голода собака приползла къ твоимъ ногамъ съ жалобнымъ визгомъ и движеньями, изъявляющими жестокія муки, и у тебя-бы былъ хлѣбъ — ужели ты не отдала-бы ей, прочитавъ голодную смерть во впаломъ взорѣ, хотя-бы этотъ кусокъ хлѣба былъ назначенъ совсѣмъ для другаго употребленія? Такъ я прошу у тебя одного слова любви.

НАТАША (*помолчавъ, важно*). — Я выхожу замужъ

за Бѣлинскаго. (*Софья, которая издали смотрѣла, уходитъ поспѣшно*).

ВЛАДИМІРЪ. — Онъ? онъ?... какъ?... стало-быть, мои подозрѣнія....

НАТАША. — Чего вы испугались?

ВЛАДИМІРЪ. — И я его называлъ другомъ! Адъ и проклятье! Онъ мнѣ заплатитъ за каждую слезу, которую пролилъ я на предательскую грудь.... онъ мнѣ заплатитъ своею кровью! (*Хочетъ идти*).

НАТАША. — Остановитесь! остановитесь! (*Онъ неподвиженъ*). Какое безумство! Такъ вотъ ваша привязанность ко мнѣ! Я люблю Бѣлинскаго, и вы хотите убить его! Опомнитесь! развѣ его смерть поможетъ вамъ?

ВЛАДИМІРЪ — Тебѣ его жаль? ты его любишь? Не вѣрю! нѣтъ, не вѣрю! Тотъ, кто обманулъ друга, недостоинъ уваженія, не можетъ быть хорошимъ супругомъ и отцомъ семейства. Моя рука спасетъ тебя отъ этой ехидны.

НАТАША. — Владиміръ, останьтесь, я умоляю...

ВЛАДИМІРЪ (*посмотрѣвъ на нее со вздохомъ*). — Хорошо! Что́ еще я долженъ сдѣлать?

НАТАША. — Намъ ненадобно больше видѣться. Я прошу, забудьте меня: это насъ обоихъ избавитъ отъ многихъ непріятностей. Мало-ли есть разсѣяній для молодаго человѣка! Вамъ понравится другая, вы женитесь... тогда мы снова будемъ видѣться, сдѣлаемся друзьями, будемъ проводить вмѣстѣ цѣлые дни радости... До тѣхъ поръ, прошу васъ забыть дѣвушку, которая не должна слушать вашихъ жалобъ.

ВЛАДИМІРЪ. — Прекрасные совѣты! (*Съ сухимъ смѣхомъ ходитъ взадъ и впередъ*). Въ какомъ романѣ, у какой героини вы переняли такія мудрыя увѣщанія? Прекрасно! поучительно! Кто-бы могъ ожидать?

НАТАША. — Разсудокъ вашъ то-же говоритъ, что я, только вы его не хотите слушать.

ВЛАДИМІРЪ. — Нѣтъ, я не стану мстить Бѣлинскому!—я ошибался. Я помню, онъ мнѣ часто говорилъ о разсудкѣ: они годятся другъ для друга... и что мнѣ за дѣло? пускай-себѣ живутъ да дѣтей наживаютъ, пускай закладываютъ деревни и покупаютъ другія—вотъ ихъ занятія!... Ахъ! а я за одинъ ея веселый часъ заплатилъ-бы годами блаженства... А на что ей? Какая дѣтская глупость!

НАТАША. — Мои слова непріятны вамъ; но правда никому, говорятъ, не нравится. Я сама вамъ признаюсь, что вы, вашъ характеръ, сдѣлали сначала на меня довольно сильное впечатлѣніе; но теперь обстоятельства перемѣнились, и я должна изгнать васъ изъ моей памяти, не изъ сердца, потому что ужъ люблю другаго. Такъ я подамъ вамъ примѣръ: я васъ забуду...

ВЛАДИМІРЪ. — Ты меня забудешь? — ты? О! не думай! ты погубила меня и совѣсть вѣрнѣе памяти. Нѣтъ! я слишкомъ сильно тебя люблю, слишкомъ безкорыстно, чтобы ты могла забыть того, кто бросилъ-бы вселенную къ ногамъ твоимъ, еслибъ долженъ былъ выбирать вселенную или тебя. Придетъ время и твой мужъ тебѣ наскучитъ, потому что онъ человѣкъ обыкновенный, и тогда, тогда ты пожалѣешь о прежнемъ, и мои слова и наши встрѣчи представятся твоей мысли и тотъ вечеръ...

НАТАША. — Еще разъ говорю вамъ, перестаньте! Вы слишкомъ вольно говорите!

ВЛАДИМІРЪ (*послѣ долгаго молчанія, съ жаромъ*). — Дайте мнѣ поцаловать руку на прощанье, одинъ разъ. Я полагаю, что мы не увидимся больше.

НАТАША. — Это будетъ очень умно. Какая вамъ

радость смущать семейственную тишину? Этотъ мгновенный пылъ пройдетъ, а послѣ, послѣ мы будемъ друзьями.

ВЛАДИМІРЪ. — Вотъ женщина! она подаетъ надежды, чтобъ имѣть удовольствіе лишній разъ ихъ обмануть. (*Наташа на него смотритъ съ досадой*).

НАТАША. — Господинъ Арбенинъ! ваше упрямство нестерпимо, вы несносны.

ВЛАДИМІРЪ. — Отчего вы прежде со мною такъ не говорили?

НАТАША. — Вы несносны... Я сдѣлала все, что могла, больше нежели должно было... Вы можете нашъ разговоръ пересказывать цѣлому городу — повѣрьте, я и свѣтъ обращаютъ на ваши слова очень мало вниманія... Прощайте! желаю вамъ вылечиться отъ вашей смѣшной болѣзни. Вы недостойны, чтобъ я съ вами говорила какъ съ умнымъ человѣкомъ, потому что забываете всѣ приличія. Но я на васъ не похожа. Прощайте! Я довольно слышала. Терпѣнью, какъ и всему, есть конецъ! (*Отходитъ подальше*).

ВЛАДИМІРЪ. — [illegible]... Зачѣмъ мнѣ дано огненное сердце, которое любитъ до крайности и не умѣетъ такъ-же ненавидѣть?..... (*Молчаніе. Въ это время взошелъ Бѣлинскій. Наташа сказала ему что-то на ухо и ушла; онъ издали смотритъ. Владиміръ ломаетъ руки*). Эти нѣжныя губы, этотъ очаровательный голосъ, этотъ милый, божественный взоръ, этотъ тонкій станъ — все это, все это для меня стало ядъ! (*Обтираетъ глаза и лобъ платкомъ*). Вотъ кровавыя слезы! (*Бѣлинскій подходитъ*).

БѢЛИНСКІЙ. — Владиміръ! (*Въ сторону*) Мнѣ должно его умаслить, а то онъ чортъ знаетъ чего надѣлать радъ! Наташа права: онъ только въ первыя минуты бѣшенства опасенъ. (*Громко*) Владиміръ!

ВЛАДИМІРЪ *(не оборачиваясь)*. — Что?

БѢЛИНСКІЙ. — Ты на меня сердишь?

ВЛАДИМІРЪ — Нѣтъ.

БѢЛИНСКІЙ. — О! я вижу, что ты сердишь. Я виновенъ, но не совсѣмъ: развѣ не она сама выбирала?

ВЛАДИМІРЪ *(все не обарачиваясь)*. — Разумѣется.

БѢЛИНСКІЙ. — Ты утѣшишься: время тебя вылечитъ.

ВЛАДИМІРЪ. — Не знаю.

БѢЛИНСКІЙ. — Арбенинъ! я вижу по всему, ты ужасно на меня сердишь. Повѣрь, я тебя знаю очень хорошо, я проникъ всѣ движенья твоего сердца и даже иногда скорѣе объясню твои поступки, чѣмъ свои собственные.

ВЛАДИМІРЪ. — Ты знаешь меня? ты говоришь это? (*Со смѣхомъ*) Если такъ, то Павелъ Васильичъ Бѣлинскій первѣйшій глупецъ, или первѣйшій злодѣй въ свѣтѣ!

БѢЛИНСКІЙ. — Скорѣе первое, чѣмъ послѣднее.

ВЛАДИМІРЪ. — Поздравляю!

БѢЛИНСКІЙ. — Ну, посуди самъ: развѣ я не имѣлъ одинакаго съ тобою права на ея руку? Ты, братецъ, эгоистъ?

ВЛАДИМІРЪ. — О, еслибъ я могъ имъ сдѣлаться!

БѢЛИНСКІЙ. — Повѣрь мнѣ, твоя печаль не что иное, какъ оскорбленное самолюбіе.

ВЛАДИМІРЪ. — Мнѣ?... вѣрить?... тебѣ?...

БѢЛИНСКІЙ. — Развѣ я употребилъ во зло твою довѣренность? развѣ я открылъ какую нибудь изъ твоихъ тайнъ? Загорскина прежде любила тебя, а нынѣ моя очередь. Зачѣмъ ты тогда на ней не женился?

ВЛАДИМІРЪ. — Я совѣтую оставить меня. Не на-

дѣйся на мое хладнокровіе. Я хотѣлъ... готовъ былъ тебѣ отмстить, упиться твоей кровью... кровью! слышишь-ли? и я тебѣ прощаю, но не хочу принимать коварныхъ ласкъ. Ты сдѣлалъ дурно, ты поступилъ не по-братски, но я тебя не обвиняю ни въ чемъ. Оставьже меня! Теперь я свободенъ. Никто, никто, ровно, положительно никто не дорожитъ мною на землѣ — слышишь? Это ты сдѣлалъ. Не пугайся, не раскаявайся. Что за важность? Я лишній! Ты, искусный, умный человѣкъ, увидѣлъ, что дружба меня изнѣжила, что надежда избаловала — и однимъ ударомъ отнялъ все... Бѣлинскій! кажется, у меня теперь ничего ужъ нѣтъ завиднаго?

БѢЛИНСКІЙ. — Ты не прощаешь мнѣ! эта язвительная улыбка, эта холодность...

ВЛАДИМІРЪ. — О, ты слишкомъ хорошо обо мнѣ думалъ: съ нѣкоторыхъ поръ я тебѣ ничѣмъ не обязанъ; мои долги тебѣ заплачены, денежные и другіе...

БѢЛИНСКІЙ. — Итакъ, ты у меня совершенно отнялъ свое сердце... Ужели мы не можемъ снова сойтись?

ВЛАДИМІРЪ. — Начто?

БѢЛИНСКІЙ. — Я заклинаю тебя!

ВЛАДИМІРЪ *(въ сторону)*. — Какая низость! и она можетъ, и я могъ его любить!

БѢЛИНСКІЙ. — Именемъ ея прошу тебя!

ВЛАДИМІРЪ. — Полно! полно! развѣ я тебѣ мѣшаю? развѣ можно у меня еще что нибудь отнять?

БѢЛИНСКІЙ *(сквозь зубы)*. — Непреклонный! *(Ему)* Прости мнѣ. Теперь ничего уже нельзя перемѣнить; но впередъ будь увѣренъ...

ВЛАДИМІРЪ. — Довольно и одного раза.

БѢЛИНСКІЙ. — Одумайся! я могу тебя утѣшить современемъ...

ВЛАДИМІРЪ (*въ сторону*). — Современемъ! современемъ! Нестерпимо, ужасно!

БѢЛИНСКІЙ. — И ты даже не взглянулъ на опытнаго друга, который желаетъ тебѣ добра!

ВЛАДИМІРЪ. — Боже!...

БѢЛИНСКІЙ. — Такъ! я не долженъ тебя оставлять—это моя обязанность, и ты самъ будешь благодаренъ. Преступленіе было-бы не удержать безумца на краю пропасти: отчаянье границъ не знаетъ. (*Беретъ его за руку*). Пойдемъ къ ней! Наташа смягчитъ твою горесть; ея взоръ успокоитъ твою душевную бурю; пойдемъ къ ней! (*Хочетъ его тащить*; *Владиміръ неподвиженъ съ минуту, потомъ вырываетъ буйно руку и бѣжитъ вонъ*). Остановись, Владиміръ! Онъ ушелъ! (*Молчаніе. — Тихо*) Я исполнилъ желаніе моей невѣсты, судьба исполнила мое. Наташа хотѣла, чтобъ я его успокоилъ — и чего-же ей больше? Я поступилъ какъ умѣлъ. Онъ ушелъ... Почему я не могъ дышать свободно въ его присутствіи? вѣдь я правъ, и всѣ въ этомъ согласны Арбенинъ ребенокъ, который, боясь розги, бросается въ рѣку. Его огорчаетъ моя женитьба, и я увѣренъ, что онъ что нибудь съ собою сдѣлаетъ. Какъ-бы предупредить несчастный случай? Признаюсь, я люблю Арбенина и не желалъ-бы, чтобъ бѣшенство теперешнее завладѣло имъ совершенно. Какъ жалко, что столько способностей ума, подавлены безсмысленной страстью! и какъ не умѣть себѣ приказать! (*Княжна Софья входитъ*).

СОФЬЯ. — Гдѣ Арбенинъ?

БѢЛИНСКІЙ. — Ушелъ. Ничего не слышитъ и не видитъ; какъ сумасшедшій бросился въ дверь!

СОФЬЯ. — И вы его не удержали! И онъ все любитъ Наташу?

БѢЛИНСКІЙ. — Больше, чѣмъ когда нибудь.
СОФЬЯ (*упадая въ кресло*). — И такъ все напрасно!
БѢЛИНСКІЙ — Что̀ съ вами? Человѣкъ! Эй! спирту!
СОФЬЯ. — Оставьте меня!

КОНЕЦЪ 4-ГО ДѢЙСТВІЯ.

—

МОНОЛОГЪ.*

Онъ, мой отецъ, меня проклялъ!... И въ ту самую минуту, когда я, лежавшій безъ чувствъ на полу, открывалъ глаза... Я могъ-бы умереть отъ словъ его! Вотъ мщеніе! но я собой доволенъ: я сдѣлалъ должное. Она меня оправдаетъ передъ лицомъ Всевышняго! Однако... буду-ли я здѣсь счастливъ? Какъ! ужели я не могу выбить изъ головы этой ничтожной мысли? Нѣтъ! я требовалъ отъ свѣта больше, чѣмъ онъ мнѣ дать могъ! Я — безумецъ! Но испытаю послѣднее — женскую любовь!... Боже! какъ мало ты мнѣ оставилъ! Послѣдняя нить, привязывающая меня къ жизни, оборвется — и я буду съ тобой! ты сотворилъ мое сердце для себя, ты утолишь его жажду. Да! я скоро умру — и буду забытъ. Гдѣ мои необъятные планы? Ужели мечты, принимаемые мною за предчувствіе, были только приманки злаго духа, который понынѣ преслѣдуетъ меня, показываетъ обольстительный призракъ на другой сторонѣ пропасти, чтобъ я скорѣе въ нее повергнулся? Къ чему служила эта жажда къ великому? гдѣ исполнятся мои замыслы?

* Этотъ «монологъ» Арбенина приписанъ впослѣдствіи рукою Лермонтова и относится, очевидно, къ сценѣ проклятія, неоконченной авторомъ. *С. Д.*

Ахъ! не я исполню! Творческая сила, оживлявшая эту грудь, истощилась, воображенія нѣтъ, существенность подавила все. Люди! Люди!... А развѣ я не человѣкъ? Отчего-же они забавляются всякой малостью, счастливы безъ всякой причины... а я? я ношусь мыслью въ какомъ-то чуждомъ мірѣ, страдаю, молюсь, молюсь... и все напрасно! И мой отецъ меня проклялъ!... Ха-ха-ха Кто другаго смѣлъ-бы ожидать? Но развѣ точно проклятіе отца есть проклятіе божіе? Нѣтъ, мой Создатель! я чувствую, что ты меня примешь и теперь, какъ принялъ-бы прежде. Эта луна, эти звѣзды, это синее небо мнѣ порукой за твое прощеніе! Какъ они глядятъ на меня, какъ они стараются увѣрить меня, что жизнь ничего не значитъ!...

ЭПИЛОГЪ.

(Въ домѣ у графа К. Много гостей. Подаютъ чай).

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. — Слышали вы, графъ, новость: завтра свадьба въ вашемъ приходѣ. Любопытно-ли посмотрѣть?

ГРАФЪ. — Свадьба? А чья, напримѣръ?

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. — Загорскина выходитъ за Бѣлинскаго.

ПЕРВАЯ ДАМА. — Вы знаете жениха? (*Графъ сѣлъ за карты*).

ВТОРОЙ ГОСТЬ. — Знаю-съ.

ПЕРВАЯ ДАМА. — Онъ богатъ?

ВТОРОЙ ГОСТЬ. — Имѣетъ состояніе, но есть, разумѣется, и долги.

ПЕРВАЯ ДАМА. — Хорошъ собой?

ВТОРОЙ ГОСТЬ. — Молодецъ; только много занимается своимъ лицомъ.

ПЕРВАЯ ДАМА. — Стало-быть, онъ занимается хорошимъ.

ВТОРАЯ ДАМА. — А невѣста?

ВТОРОЙ ГОСТЬ. — Недурна, une figure piquante!

ПЕРВАЯ ДАМА (*къ другой*). — Ma chère, я слышала: она кокетка до невозможности.

ВТОРОЙ ГОСТЬ. — Она не одному адамову потомку вскружила голову.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ. — Да, бѣдный Арбенинъ! Вы, вѣрно, знаете, что онъ сошелъ съ ума?

МНОГІЕ. — Какъ, сошелъ съ ума? молодой Арбенинъ? Мы не слыхали.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ. — Какъ-же! отъ любви къ Загорскиной!

ТРЕТЬЯ ДАМА (*въ полголоса насмѣшливо*). — Уменъже былъ вашъ Арбенинъ, если Загорскина могла лишить его разсудка!

ВТОРОЙ ГОСТЬ. — Можетъ быть, она волшебница.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. — Только не бѣлая.

ВТОРАЯ ДАМА. — Кто-жъ вамъ сказалъ, что она смугла?

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ (*смотря на нее*). — Въ сравненіи съ другими.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ. — Мнѣ разсказывали про жалкое состояніе этого Арбенина. Ему все кажется, что его куда-то тащутъ: онъ хватается за все, прицѣпляется ко всему — къ стульямъ, столамъ, какъ будто противится неизвѣстной силѣ; онъ хохочетъ и плачетъ въ одно время; его губы смѣются, а изъ глазъ текутъ

ручьи слезъ; иногда онъ узнаетъ окружающихъ, всѣхъ, кромѣ отца, и—странно! все его ищетъ; иногда начинаетъ укорять его въ какомъ-то убійствѣ. Я-бъ желалъ знать, откуда у помѣшанныхъ берутся подобныя мысли?

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. — Я слышалъ, что онъ былъ величайшій негодяй; однако удивительно, что почти всегда честные отцы имѣютъ дурныхъ сыновей.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ. — Да! Павелъ Григорьичъ человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ (*полунасмѣшливо*). — Онъ хотѣлъ сына своего отдать въ сумасшедшій домъ, но ему отсовѣтовали. И въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, приписали-бы это скупости.

ВТОРАЯ ДАМА. — И Загорскину не мучитъ совѣсть?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ — Про то знаетъ ея духовникъ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. — Неужели нельзя вылечить Арбенина? Можетъ быть, тутъ есть какія нибудь физическія причины. Странно! съ ума сойти отъ любви! И Арбенинъ! онъ, который часто въ обществѣ казался такъ веселъ, такъ беззаботенъ, какъ будто сердце его было мыльный пузырь!...

ТРЕТІЙ ГОСТЬ. — Очень вѣроятно, что эта веселость была только личиною; какъ видѣли изъ его бумагъ и поступковъ, онъ имѣлъ характеръ пылкій, душу безпокойную и какая-то глубокая печаль отъ самаго дѣтства его терзала. Богъ знаетъ, отчего она произошла? Мнѣ сказывали, что умственныя способности Арбенина очень рано стали развиваться. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ остеречься отъ его нападеній, ни равнодушно переносить ихъ; его насмѣшки не дышали веселостью; въ нихъ примѣтна была горькая досада противъ всего человѣчества. Правда, были минуты, когда онъ пре-

давался всей добротѣ своей. У него нашли недавно множество тетрадей, гдѣ отпечаталось все его сердце; тамъ стихи и проза; есть глубокія мысли и огненныя чувства. Я увѣренъ, что еслибъ страсти не разрушили его такъ скоро, то онъ могъ-бы сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей: въ его опытахъ видѣнъ геній...

ВТОРАЯ ДАМА. — По-мнѣ сумасшедшіе очень счастливы: ни о чемъ не заботятся, не думаютъ, не грустятъ, ничего не желаютъ, не боятся...

ТРЕТІЙ ГОСТЬ. — А почему вы это знаете? Они только не могутъ помнить и пересказывать своихъ чувствъ. У нихъ душа не ослабѣваетъ, не лишается никакой природной способности; но органы, которые выражали ощущеніе души, ослабѣваютъ, приходятъ въ разстройство отъ слишкомъ сильнаго напряженія: отъ этого ихъ муки еще ужаснѣе. Въ ихъ головѣ непонятный, тягостный хаосъ. Одна только полусвѣтлая мысль неподвижна; вокругъ нея вертятся всѣ другія въ совершенномъ безпорядкѣ. Это происходитъ отъ мгновеннаго потрясенія всѣхъ нервовъ, всего физическаго состава, которое, вѣрно, нелегко для человѣка. Развѣ блѣдныя щеки, впалые, мутные глаза признаки счастія? Взгляните очень близко на картину—и вы ничего не различите: краски сольются предъ глазами вашими. Такъ и люди, которые слишкомъ близко взглянули на жизнь, ничего болѣе не могутъ въ ней разобрать; и если они еще сохраняютъ въ себѣ что нибудь отъ сей жизни, то это одна смутная память о прошедшемъ: чувство настоящаго и надежда для нихъ не существуютъ. Такое состояніе люди называютъ *сумасшествіемъ* и смѣются надъ его жертвами! (*Между тѣмъ многіе разошлись*).

ВТОРОЙ ГОСТЬ (*другому*). — А я зѣваю!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ. — Къ чему это ораторство? Познанія, что-ли, свои онъ хочетъ показать?

ПЯТЫЙ ГОСТЬ. — (*Онъ молодой человѣкъ. Подходитъ къ третьему*) Сдѣлайте милость, нельзя-ли вамъ дать мнѣ списать что нибудь изъ сочиненій Арбенина?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ. — Очень хорошо, если достану.

(*Входитъ слуга и отдаетъ билетъ графу, который кончилъ играть*).

СЛУГА. — Отъ Павла Григорьича Арбенина. (*Уходитъ*).

МНОГІЕ (*межъ собой*). — Что это значитъ?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ. — Съ черною каймой—приглашеніе на похороны.

ГРАФЪ. — А вотъ увидимъ. (*Надѣваетъ очки и читаетъ*).

«Павелъ Григорьевичъ Арбенинъ, съ душевнымъ «прискорбіемъ извѣщая о кончинѣ сына своего «Владиміра Павловича Арбенина, послѣдовавшей сего «мая восемнадцатаго дня пополудни, покорнѣйше «проситъ пожаловать на выносъ тѣла въ собственный «домъ мая двадцать-перваго дня пополуночи въ «десятомъ часу. Отпѣваніе въ приходской церкви.» и проч.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ (*про себя*). — Каково! похороны въ одинъ день съ свадьбой Загорскиной!

НѢКОТОРЫЕ. — Боже мой! Какая жалость!

ВТОРАЯ ДАМА. — Бѣдный отецъ!

ПЯТЫЙ ГОСТЬ. — Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ могъ-бы еще вылечиться.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ. — Смерть — самое лучшее выздоровленіе.

ТРЕТЬЯ ДАМА (*третьему гостю*). — Не правда-ли, какая жалость?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ (*въ сторону*). — Теперь жалѣютъ! Къ погибшимъ люди справедливы; но что въ этомъ сожалѣніи? Одна слеза дружбы стоитъ всѣхъ восклицаній толпы; а такая слеза едва-ли упадетъ на могилу Арбенина: онъ оставилъ угрызенія совѣсти въ сердцахъ, гдѣ поселить желалъ любовь.

ОДНА СТАРУХА. — Вотъ, чай, пышные будутъ похороны: вѣдь единственный сынъ!...

ТРЕТІЙ ГОСТЬ (*одному изъ гостей*). — Мнѣ кажется, что старухи любятъ смотрѣть на погребенія для того только, чтобы пріучиться къ мысли: «скоро и насъ потащутъ въ тѣсную могилу!»

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. — Забудемъ мертвыхъ; Богъ съ ними!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ. — Если всѣ такъ станутъ думать, то горе великимъ людямъ!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. — Я надѣюсь, вашъ Владиміръ Арбенинъ не великій человѣкъ; онъ былъ *странный человѣкъ* — вотъ и все!

(*Третій гость пожимаетъ плечами и отходитъ прочь. Занавѣсъ опускается*).

АНГЕЛЪ СМЕРТИ

—

1831

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.*

—

ПОСВЯЩАЕТСЯ А. М. В.....Й.

Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный,
Мой трудъ безвѣстный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминаньемъ и — тобой!

Я дни мои влачу тоскуя
И въ сердцѣ образъ твой храня,
И объ одномъ тебя прошу я:
Будь ангелъ смерти для меня.**

Явись мнѣ въ грозный часъ страданья,
И поцалуй пусть будетъ твой
Залогомъ близкаго свиданья
Въ странѣ любви, въ странѣ другой!

———

Златой Востокъ, страна чудесъ,
Страна любви и сладострастья,

---

* См. примѣчаніе 17.

** Варіантъ:

Среди безчувственныхъ тоскуя,
Въ душѣ все прежнее храня,
Лишь объ одномъ тебя прошу я:
Будь ангелъ смерти для меня.

Гдѣ блещетъ роза — дочь небесъ,
Гдѣ все обильно, кромѣ счастья,
Гдѣ чище катится рѣка,
Вольнѣе мчатся облака,
Пышнѣе вечеръ догораетъ,
И міръ всю прелесть сохраняетъ
Тѣхъ дней, когда печатью зла
Душа людей, по волѣ рока,
Не обезславлена была.
Люблю тебя, страна Востока!
Кто зналъ тебя, тотъ забывалъ
Свою отчизну; кто видалъ
Твоихъ красавицъ, не забудетъ
Надменный пламень ихъ очей,
И безъ сомнѣнья вѣрить будетъ
Печальной повѣсти моей.

Есть Ангелъ Смерти; въ грозный часъ
Послѣднихъ мукъ и разставанья
Онъ крѣпко обнимаетъ насъ;
Но холодны его лобзанья
И страшенъ видъ его для глазъ
Безсильной жертвы; и невольно
Онъ заставляетъ трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Послѣдній вздохъ ему отдать.
Но прежде людямъ эти встрѣчи
Казались — сладостный удѣлъ.
Онъ зналъ таинственныя рѣчи,
Онъ взоромъ утѣшать умѣлъ,
И бурныя смирялъ онъ страсти,
И было у него во власти
Больную душу какъ нибудь
На мигъ надеждой обмануть.

Равно во всѣ края вселенной
Являлся Ангелъ молодой;
На все, что́ только прахъ земной,
Глядѣлъ съ презрѣніемъ нетлѣнный;
Его приходъ благословенный
Дышалъ небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Какъ полуночная звѣзда,
Манилъ онъ смертныхъ иногда,
И провожалъ онъ къ дверямъ рая
Толпы освобожденныхъ душъ,
И самъ былъ счастливъ. — Почему-жъ
Теперь томитъ его объятье,
И поцалуй его — проклятье?

Недалеко отъ береговъ
И волнъ ревущихъ океана,
Подъ жаркимъ небомъ Индостана,
Синѣетъ длинный рядъ холмовъ.
Послѣдній холмъ высокъ и страшенъ,
Скалами сѣрыми украшенъ,
И вдался въ море; и на немъ
Орлы да во́роны гнѣздятся,
И рыбаки къ нему боятся
Подъѣхать въ сумракѣ ночномъ.
Прикрыта дикими кустами
На немъ пещера есть одна —
Жилище змѣй — хладна, темна,
Какъ умъ обманутый мечтами,
Какъ жизнь, которой цѣли нѣтъ,
Какъ недосказанный очами
Убійцы хитраго привѣтъ.
Ея лампада — мѣсяцъ полный,
Съ ней говорятъ морскія волны,

И у отверстія стоятъ
Сторожевыя пальмы въ рядъ.

Давнымъ-давно въ ней жилъ изгнанникъ,
Пришелецъ, юный Зораимъ.
Онъ на землѣ былъ только странникъ,
Людьми и небомъ былъ гонимъ.
Онъ могъ быть счастливъ, — но блаженства
Искалъ въ забавахъ онъ пустыхъ,
Искалъ онъ въ людяхъ совершенства,
А самъ — самъ не былъ лучше ихъ;
Искалъ великаго въ ничтожномъ,
Страшась надѣяться, жалѣлъ
О томъ, что́ было счастьемъ ложнымъ,
И, ставъ безъ пользы осторожнымъ,
Повѣрить никому не смѣлъ.
Любилъ онъ ночь, свободу, горы,
И все въ природѣ... и людей...
Но избѣгалъ ихъ. Съ раннихъ дней
Къ презрѣнью пріучилъ онъ взоры,
Но сердца пылкаго не могъ
Заставить также охладиться:
Любовь насильства не боится,
Она — хоть прѐзрѣна — все богъ.
Одно сокровище — святыню
Имѣлъ подъ небесами онъ:
Съ нимъ раемъ почиталъ пустыню...
Но что́-жъ? — всегда-ли вѣренъ сонъ?

На гордыхъ высотахъ Ливана
Растетъ могильный кипарисъ,
И вѣтви плюща обвились
Вокругъ его прямаго стана;
Пусть вихорь мчится и шумитъ
И сломитъ кипарисъ высокій, —

Вкругъ кипариса плющъ обвитъ:
Онъ не погибнетъ одиноко!
Такъ, міру чуждый, Зораимъ
Не вовсе бѣденъ — Ада съ нимъ!
Она рѣзва, какъ лань степная,
Мила, какъ цвѣтъ душистый рая;*
Все страстно въ ней — и грудь, и станъ;
Глаза — два солнца южныхъ странъ.
И дѣвѣ было все забавой,
Покуда не явился ей
Изгнанникъ блѣдный, величавый,
Съ холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье —
Огонь въ очахъ его родить
И въ мертвомъ сердцѣ возбудить
Любви безумное страданье.
И удалось ей. — Зораимъ
Любилъ — съ тѣхъ поръ, какъ былъ любимъ.
Судьбина ихъ соединила,
А разлучитъ — одна могила!...

На синихъ небесахъ луна
Съ звѣздами дальними сіяетъ,
Лучомъ въ пещеру ударяетъ;
И безпокойная волна,
Ночной прохладою полна,
Утесъ, бѣлѣя, обнимаетъ.
Я помню — въ этотъ самый часъ*
Обыкновенно нѣжный гласъ,
Сопровождаемый игрою,
Звучалъ, теряясь за горою:
Онъ изъ пещеры выходилъ.

---

* Мила, какъ пери молодая.

Какой-же демонъ эти звуки
Волшебной властью усыпилъ?...

Почти безъ чувствъ, безъ думъ, безъ силъ,
Лежитъ на ложѣ смертной муки
Младая Ада. Вѣтерокъ
Не освѣжитъ ея ланиты,
И томный взоръ, полузакрытый,
Напрасно смотритъ на востокъ,
И утра ждетъ она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будетъ тамъ,
Гдѣ солнца ужъ ненужно намъ.*

У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораимъ
Стоитъ — колѣнопреклоненный,
Тоской отчаянья томимъ.
Въ рукѣ изгнанника бѣлѣетъ
Дѣвицы хладная рука,
И жизни жаръ ее не грѣетъ.
«Но смерть», онъ мыслитъ, «не близка!
«Рука — не жизнь; болѣзнь простая —
«Все не кончина роковая!»
Такъ иногда надежды свѣтъ
Являетъ то, чего ужъ нѣтъ;
И намъ хотя не остается
Для утѣшенья** ничего,
Она надъ сердцемъ все смѣется,
Не исчезая изъ него.

Въ то время Смерти Ангелъ нѣжный
Летѣлъ чрезъ южный небосклонъ;

---

* Гдѣ дня ненужно вовсе намъ.
** Для заблужденья.

Вдругъ слышитъ ропотъ онъ мятежный,
И плачъ любви... и слабый стонъ...
И, быстрый, какъ полетъ мгновенья,
Къ пещерѣ подлетаетъ онъ.
Тоску послѣдняго мученья
Духъ смерти усладить хотѣлъ,
И на устахъ покорной Ады
Свой поцалуй напечатлѣлъ:
Онъ дать не могъ другой отрады!
Или, быть можетъ, Зорапмъ
Еще замѣченъ не былъ имъ...
Но скоро при огнѣ лампады
Недвижный, мутный встрѣтивъ взоръ,
Онъ въ немъ прочелъ себѣ укоръ;
И Ангелъ Смерти сожалѣнье
Въ душѣ почувствовалъ святой.
Скажу-ли? — даже въ преступленьи
Онъ обвинялъ себя порой.
Онъ отнялъ все у Зорапма:
Одна была лишь имъ любима,
Его любовь была сильнѣй
Всѣхъ думъ и всѣхъ другихъ страстей.
И онъ не плакалъ. — Но понятно
По цвѣту блѣдному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерялъ онъ невозвратно.
И Ангелъ зналъ, — и какъ не знать? —
Что безнадежности печать
Въ спокойномъ холодѣ молчанья,
Что легче плакать, чѣмъ страдать
Безъ всякихъ признаковъ страданья!...*

---

* Мѣсто нѣсколько разъ перечеркнутое въ рукописи; оно и осталось неотдѣланнымъ, какъ и многія другія строфы ниже.

И Ангелъ мыслью поражонъ
Достойною небесъ: желаетъ
Вознаградить страдальца онъ.
Ужель Создатель запрещаетъ
Несчастныхъ утѣшать людей?
И дѣвы трупъ онъ оживляетъ
Душею ангельской своей.
И, чудо! кровь въ груди остылой
Опять волнуется, кипитъ;
И взоръ, волшебной полонъ силой,
Въ тѣни рѣсницъ ея горитъ.
Такъ Ангелъ Смерти съединился
Со всѣмъ, чѣмъ только жизнь мила;
Но умъ границамъ подчинился,
И власть — не та ужъ, какъ была,
И только въ памяти туманной
Хранитъ онъ думы прежнихъ лѣтъ;
Ихъ появленье Адѣ странно,
Какъ ночью метеора свѣтъ,
И ей смѣшна ея безпечность,
И ей грядущее темно...
И чувства, вѣчныя какъ вѣчность,
Соединились всѣ въ одно.
Желаньямъ друга посвятила
Она всѣ радости свои, —
Какъ будто смерть и не гасила
Въ невинномъ сердцѣ жаръ любви!...

Однажды на скалѣ прибрежной,
Внимая плескъ волны морской,
Задумчивъ, рядомъ съ Адой нѣжной,
Сидѣлъ изгнанникъ молодой.
Лучи вечерніе златили
Широкій, синій океанъ,

И видно было сквозь туманъ,
Какъ паруса вдали бродили.
Большіе черные глаза
На друга дѣва устремляла, —
Но въ дикомъ сердцѣ бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой разсѣянные взгляды
На красный западъ онъ кидалъ,
И вдругъ, взявъ тихо руку Ады
И обратившись къ ней, сказалъ:
«Нѣтъ! не могу въ пустынѣ долѣ
Однообразно дни влачить;
Я воленъ — но душа въ неволѣ:
Ей должно цѣпи раздробить...
Что̀ жизнь? — давай мнѣ чашу славы,
Хотя-бы въ ней былъ смертный ядъ,
Я не вздрогну — я выпить радъ:
Не всѣ-ль блаженства — лишь отравы?
Когда нибудь все долженъ я
Оставить ношу бытія...*
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила?
И мнѣ покойну быть? — о, нѣтъ!...
Взгляни: за этими горами
Съ могучимъ войскомъ подъ шатрами
Стоятъ два грозные царя;
И завтра только-что заря
Успѣетъ въ облакахъ проснуться,
Труба войны и звукъ мечей

---

* Когда нибудь — и скоро — я
Оставлю ношу бытія...

Въ пустынѣ нашей раздадутся.
И къ одному изъ тѣхъ царей
Идти, какъ воинъ, я рѣшился;
Но ты не жди, чтобъ возвратился
Я побѣжденнымъ, — нѣтъ, скорѣй
Волна, гонимая волнами
По безконечности морей,
Въ пріютъ родимыхъ камышей
Воротится. Но если съ нами
Побѣда будетъ, я принесть
Клянусь тебѣ жемчугъ и злато,
Себѣ одну оставлю честь...
И буду счастливъ, и тогда-то
Мы заживемъ съ тобой богато...
Я знаю: никогда любовь
Геройскій мечъ не презирала;
Но еслибъ даже ты желала...
Мой другъ, я долженъ видѣть кровь!
Вѣрь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слѣпой.
Какъ? ты блѣднѣешь?... слезы! слезы!
О чемъ-же плакать, ангелъ мой?» —
И ангелъ-дѣва отвѣчаетъ:
«Видалъ-ли ты, какъ отражаетъ
Ручей склонившійся цвѣтокъ? —
Когда вода не шевелится,
Онъ неподвижно въ ней глядится;
Но если свѣжій вѣтерокъ
Волну зеленую встревожитъ,
И всколебается волна, —
Ужели тѣнь цвѣточка можетъ
Не колебаться, какъ она?
Мою судьбу съ твоей судьбою
Соединилъ такъ точно рокъ.

Волна — твой образъ, мой — цвѣтокъ.
Ты грустенъ — я грустна съ тобою.
Какъ знать? — быть можетъ, этотъ часъ
Послѣдній счастливый для насъ!...»

Зачѣмъ въ долинѣ сокровенной
Отъ миртовъ дышетъ ароматъ?
Зачѣмъ?... Властители вселенной,
Природу люди осквернятъ.
Цвѣтокъ измятый обагрится
Ихъ кровью, и стрѣла промчится
На мѣсто птицы въ небесахъ,
И солнце отуманитъ прахъ.
Крикъ побѣдившихъ, стонъ сраженныхъ
Принудятъ мирныхъ соловьевъ
Искать въ предѣлахъ отдаленныхъ
Другихъ долинъ, другихъ кустовъ,
Гдѣ красный день какъ ночь спокоенъ,
Гдѣ ихъ царицу, ихъ любовь,
Не стопчетъ розу мрачный воинъ
И обагритъ не можетъ кровь.

Чу!... топотъ... пыль клубится тучей,*
И вотъ звучитъ труба войны,
И первый свистъ стрѣлы летучей
Раздался съ каждой стороны!
Новорожденное свѣтило
Съ лазурной неба вышины
Кровавымъ блескомъ озарило
Доспѣхи ратные бойцовъ.
Межъ тѣмъ войска еще сходились
Все ближе, ближе, — и сразились;

* Въ долинѣ пыль клубится тучей.

И треску копій и щитовъ,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье — царь въ душахъ людей
И удивленія сильнѣй.

Была ужасна эта встрѣча,
Подобно встрѣчѣ двухъ громовъ
Въ грозу межъ дымныхъ облаковъ.
Съ успѣхомъ равнымъ длилась сѣча,
И все тѣснилось. Кровь рѣкой
Лилась вездѣ, мечи блистали,
Какъ тѣни знамена блуждали
Надъ каждой темною толпой,
И съ крикомъ смерти роковой
На трупы трупы упадали...
Но отступаетъ наконецъ
Одна толпа... и побѣжденный
Ужъ не противится боецъ,
И по травѣ окровавленной
Скользитъ испуганный бѣглецъ.
Одинъ лишь воинъ, окруженный
Враждебнымъ войскомъ, не хотѣлъ
Еще бѣжать. Изъ мертвыхъ тѣлъ
Вокругъ него была ограда...
И тутъ остался онъ одинъ.
Онъ не былъ царь иль царскій сынъ,
Хоть одаренъ былъ силой взгляда
И гордой важностью чела. —
Но вдругъ коварная стрѣла
Пронзила витязя младова,
И шумно навзничъ онъ упалъ,
И кровь струилась... и ни слова
Онъ, упадая, не сказалъ,
Когда побѣдный крикъ раздался,

Какъ погребальный стонъ, надъ нимъ,
И мимо смѣлый врагъ промчался,
Огнемъ пылая боевымъ.

На битву издали взирая
Съ горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской;
Высоко перси подымая,*
Боязнью сердце билось въ ней,
Всечасно слезы набѣгали
На очи, полныя печали...
О, Боже! — для такихъ очей
Кто не пожертвовалъ-бы славой? —
Но Зораиму былъ милѣй
Дѣвичьей ласки — путь кровавый!
Безумецъ! ты цѣны не зналъ
Всему, всему, чѣмъ обладалъ,
Не вѣдалъ ты, что ангелъ нѣжный
Оставилъ рай свой безмятежный,
Чтобъ сердце Ады оживить;
Что многихъ онъ лишилъ отрады
Въ послѣдній мигъ, чтобъ усладить
Твое страданье. — Бѣдной Ады
Мольбы отвергнулъ хладно ты;
Возможно-ль! Ангелъ красоты —
Тебѣ, изгнанникъ, не дороже
Надменной и пустой мечты?...
Она глядитъ и ждетъ... но что-же?
Давно ужъ въ полѣ тишина,
Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными тѣлами

* И грудь высоко подымая.

Долина битвы устлана...
Увы! Гдѣ ангелъ утѣшенья?
Гдѣ вѣстникъ рая молодой? —
Онъ мучимъ страстію земной
И не услышитъ ихъ моленья!...
Ужъ солнце низко... Ада ждетъ...
Все тихо вкругъ... *Онъ* все нейдетъ!...

Она спускается въ долину
И видитъ страшную картину.
Идетъ межъ труповъ чуть дыша;
Какъ у невиннаго предъ казнью,
Надеждой, смѣшанной съ боязнью,
Ея волнуется душа.
Она предчувствовать страшится,
И съ каждымъ шагомъ воротиться
Она желала-бъ; но любовь
Превозмогла въ ней ужасъ вновь;
Блѣдны ланиты дѣвы милой,
На грудь склонилась голова...
— И вотъ недвижна! — Такова
Была-бъ лилéя надъ могилой!...
Гдѣ Зораимъ? — Что̀, если онъ
Убитъ? — Но чей раздался стонъ?
Кто этотъ, раненый стрѣлою,
У ногъ красавицы? Чей гласъ
Такъ сильно душу въ ней потрясъ? —
Онъ мертвыхъ окруженъ грядою,
Но часъ кончины и надъ нимъ...
Кто-жъ онъ? — Свершилось! — Зораимъ.

«Ты здѣсь? теперь? — и ты-ли, Ада?
О! твой приходъ мнѣ не отрада!
Зачѣмъ? — Для ужасовъ войны

Твои глаза не созданы,
Смерть не должна быть ихъ предметомъ;
Тебя излишняя любовь
Вела сюда — что́ пользы въ этомъ?...
Лишь я хотѣлъ увидѣть кровь
И вижу... и приходъ мгновенья,
Когда усну безъ сновидѣнья...
Никто — я самъ тому виной...*
Я гибну! — Первою звѣздой
Намъ возвѣститъ судьба разлуку.
Не бойся крови, дай мнѣ руку:
Я виноватъ передъ тобой.
Прости! Ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родныхъ, ни крова...
И даже... на груди другова
Не будешь счастлива опять:
Кто можетъ дважды счастье знать?...

«Мой другъ! къ чему твои лобзанья
Теперь, столь полныя огня?
Они не оживятъ меня
И увеличатъ лишь страданья,
Напомнивъ, какъ я счастливъ былъ...
О, еслибъ, еслибъ я забылъ,
Что въ мірѣ есть воспоминанья!
Я чувствую къ груди моей
Все ближе, ближе-смертный холодъ...
О, кто-бъ подумалъ! какъ я молодъ!
Какъ много я провелъ-бы дней
Съ тобою, въ тишинѣ глубокой,
Подъ тѣнью пальмъ береговыхъ,

* Я жертва сѣни гробовой.

Когда-бъ сегодня рокъ жестокой
Не обманулъ надеждъ моихъ!...

«Еще въ странѣ моей родимой
Гадатель мудрый, всѣми чтимый,
Мнѣ предсказалъ, что часъ придетъ —
И громкій подвигъ совершу я,
И гласъ молвы произнесетъ
Мое названье, торжествуя,
Но...» Тутъ, какъ арфы дальній звонъ,
Его слова невнятны стали,
Глаза всю яркость потеряли
И ослабѣлъ примѣтно онъ.

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крѣпко обнимала,
Забывъ, что у нея ужъ нѣтъ
Чудесной власти прежнихъ лѣтъ;
Что поцалуй ея безсильный,
Ничтожный, какъ ничтожный звукъ,
Не озаряетъ тьмы могильной,
Не облегчитъ послѣднихъ мукъ.
Межъ тѣмъ на сводѣ отдаленномъ
Одна алмазная звѣзда
Явилась въ блескѣ неизмѣнномъ,
Чиста, прекрасна какъ всегда,
И мнилось: лучъ ея не знаетъ,
Что́ на землѣ онъ озаряетъ:
Такъ онъ игриво нисходилъ
На жертву тлѣнья и могилъ.
И Зораимъ хотѣлъ напрасно*
Послѣднимъ ласкамъ отвѣчать:

---

* И хочетъ юноша напрасно.

Все, все, что́ можетъ онъ сказать —
Уныло, мрачно, но не страстно.
Ужъ пламень слезъ ея не жжетъ
Ланиты хладныя, какъ ледъ,
Ужъ тихо каплетъ кровь изъ раны;
И съ крикомъ, точно духъ ночной,
Надъ ослабѣвшей головой
Летаетъ коршунъ, гость незваный.
И грустно юноша взглянулъ
На отдаленное свѣтило,
Взглянулъ онъ въ очи дѣвы милой,
Привсталъ — и вздрогнулъ — и вздохнулъ —
И умеръ. — Съ синими губами
И съ побѣлѣвшими глазами,
Ликъ, прежде нѣжный, былъ страшнѣй
Всего, что́ страшно для людей.

Чья тѣнь, прозрачной мглой одѣта,
Какъ заблудившійся лучъ свѣта,
Съ земли возносится туда,
Гдѣ блещетъ первая звѣзда?
Вѣнецъ играетъ серебристый
Надъ мирнымъ, радостнымъ челомъ,
И долго видѣнъ слѣдъ огнистый
За нею въ сумракѣ ночномъ...
То Ангелъ Смерти, смертью тлѣнной
Отъ узъ земныхъ освобожденный!...
Онъ тѣло дѣвы бросилъ въ прахъ:
Его отчизна въ небесахъ.
Тамъ все, что́ онъ любилъ земнова,
Онъ встрѣтитъ и полюбитъ снова!...

Все тотъ-же онъ, и власть его
Не измѣнилась ничего;

Прошло печали въ немъ волненье,
Какъ улетаетъ призракъ сна,
И только хладное презрѣнье
Къ землѣ оставила она:
За гибель *друга* въ немъ осталось
Желанье міру мстить всему;
И ненависть къ другимъ, казалось,
Была любовію *къ нему*.
Все тотъ-же онъ — и безконечность,
Какъ мысль, онъ можетъ пролетать,
И можетъ взоромъ измѣрять
Лѣта, вѣка, и даже вѣчность.
Но Ангелъ Смерти молодой
Простился съ прежней добротой;
Людей узналъ онъ: «состраданья
Они не могутъ заслужить;
Не награжденье — наказанье
Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть.
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели — пороки,
И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ...»
Такъ думалъ онъ — зачѣмъ-же нѣтъ?...

Его неизбѣжимой встрѣчи
Боится каждый съ этихъ поръ;
Какъ мечъ — его пронзаетъ взоръ;
Его привѣтственныя рѣчи
Тревожатъ насъ какъ злой укоръ,
И льда хладнѣй его объятье,
И поцалуй его — проклятье!...

ИЗМАИЛЪ-БЕЙ

—

1832

ИЗМАИЛЪ-БЕЙ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

Опять явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей,
И обращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей.
Такъ, посреди чужихъ степей,
Подругъ внимательныхъ не зная,
Прекрасный путникъ, птичка рая,
Сидитъ на деревѣ сухомъ,
Блестя лазоревымъ крыломъ;
Пускай реветъ, бушуетъ вьюга,
Она поетъ лишь объ одномъ —
Она поетъ о солнцѣ юга...

—

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—

I.

Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой!
Твоимъ горамъ я путникъ не чужой;
Онѣ меня въ младенчествѣ носили
И къ небесамъ пустыни пріучили.
И долго мнѣ мечталось съ этихъ поръ
Все небо юга да утесы горъ.

Прекрасенъ ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вѣчные природы,
Когда, какъ дымъ синѣя, облака
Подъ вечеръ къ вамъ летятъ издалека,
Надъ вами вьются, шепчутся какъ тѣни,
Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній
Колеблемыя перья, — и луна
По синимъ сводамъ странствуетъ одна.

II.

Какъ я любилъ, Кавказъ мой величавый,
Твоихъ сыновъ воинственные нравы,
Твоихъ небесъ прозрачную лазурь,
И чудный вой мгновенныхъ, громкихъ бурь,
Когда пещеры и холмы крутые,
Какъ стражи откликаются ночные!
И вдругъ проглянетъ солнце, и потокъ
Озолотится, и степной цвѣтокъ,
Душистую головку поднимая,
Блистаетъ какъ цвѣты небесъ и рая! —
Въ вечерній часъ, дождливыхъ облаковъ
Я наблюдалъ разодранный покровъ;
Лиловыя, съ багряными краями
Одни еще грозятъ, и надъ скалами
Волшебный за́мокъ, чудо древнихъ дней,
Растетъ въ минуту; но еще скорѣй
Его разсѣетъ вѣтра дуновенье.
Такъ прерываетъ рѣзкій звукъ цѣпей
Преступнаго страдальца сновидѣнье,
Когда онъ зритъ холмы своихъ полей...
Межъ тѣмъ бѣлѣй, чѣмъ горы снѣговыя,
Идутъ на западъ облака другія
И, проводивши день, тѣснятся въ рядъ,

Другъ черезъ друга, свѣтлыя глядятъ
Такъ весело, такъ пышно и безпечно,
Какъ будто жить и нравиться имъ вѣчно!...

III.

И дики тѣхъ ущелій племена;
Имъ Богъ — свобода, ихъ законъ — война;
Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ,
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.
Тамъ въ колыбели пѣсни матерей
Пугаютъ русскимъ именемъ дѣтей;
Тамъ поразить врага не преступленье;
Вѣрна тамъ дружба, но вѣрнѣе мщенье.
Тамъ за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмѣрна, какъ любовь.

IV.

Темны преданья ихъ. Старикъ чеченецъ,
Хребтовъ Казбека бѣдный уроженецъ,
Когда меня чрезъ горы провожалъ,
Про старину мнѣ повѣсть разсказалъ.
Хвалилъ людей минувшаго онъ вѣка,
Водилъ меня подъ камень Росламбэка,
Повисшій надъ извилистымъ путемъ,
Какъ будто-бы удержанный Аллою
На воздухѣ въ паденіи своемъ.
Онъ весь обросъ зеленою травою
И, не боясь, что камень упадетъ,
Въ его тѣни, хранимъ отъ непогодъ,
Плѣнительнѣй, чѣмъ голубыя очи
У нѣжныхъ дѣвъ ледяной полуночи,
Склоняясь въ жаръ на длинный стебелекъ,

Растетъ воспоминанія цвѣтокъ!
И подъ столѣтней, мшистою скалою
Сидѣлъ чеченъ однажды предо мною,
Какъ сѣрая скала, сѣдой старикъ,
Задумавшись, главой своей поникъ...
Быть можетъ, онъ о родинѣ молился!
И, странникъ чуждый, я прервать страшился
Его молчанье и молчанье скалъ:
Я ихъ въ тотъ часъ почти не различалъ!

V.

Его разсказъ, то буйный, то печальный,
Я вздумалъ перенесть на сѣверъ дальный:
Пусть будетъ страненъ въ нашемъ онъ краю,
Какъ слышалъ, такъ его передаю.
Я не хочу, незнаемый толпою,
Чтобы какъ тайна онъ погибъ со мною:
Пускай его не внемлютъ, — до конца
Я доскажу! Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца;
Любовь и пѣсни — вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила!...

VI.

Давнымъ-давно, у чистыхъ водъ,
Гдѣ по кремнямъ Подкумокъ мчится,
Гдѣ за Машукомъ* день встаетъ,
А за крутымъ Бешту* садится,
Близъ рубежа чужой земли

---

* Двѣ главныя горы.

Аулы мирные цвѣли;
Гордились дружбою взаимной;
Тамъ каждый путникъ находилъ
Ночлегъ и пиръ гостепріимный:
Черкесъ счастливъ и воленъ былъ.
Красою чудной за горами
Извѣстны были дѣвы ихъ,
И старцы съ бѣлыми власами
Судили распри молодыхъ.
Весельемъ пѣсни ихъ дышали:
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали!

VII.

Не все судьба голубитъ насъ:
Всему свой день, всему свой часъ.
Однажды, — солнце закатилось,
Туманъ бѣлѣлъ ужъ подъ горой,
Но въ эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада тѣснились и шумѣли,
Арбы тяжелыя скрипѣли;
Трепеща жены близъ мужей,
Держали плачущихъ дѣтей.
Отцы ихъ, бурками одѣты,
Садились молча на коней
И заряжали пистолеты,
И на кострѣ высокомъ жгли,
Что̀ взять съ собою не могли.
Когда-же день новорожденный
Завѣтный озарилъ курганъ
И мокрый утренній туманъ
Разсѣялъ вѣтеръ пробужденный,

Онъ обнажилъ подошвы горъ,
Пустой аулъ, пустое поле;
Едва дымящійся костеръ
И свѣжій слѣдъ колесъ — не болѣ.

VIII.

Но что могло заставить ихъ
Покинуть прахъ отцовъ своихъ,
И добровольное изгнанье
Искать среди пустынь чужихъ?
Гнѣвъ Мухаммеда? проклятье?
О, нѣтъ! примчалась какъ-то вѣсть,
Что къ нимъ подходитъ врагъ опасный,
Неумолимый и ужасный;
Что все громамъ его подвластно,
Что силъ его нельзя и счесть. —
Черкесъ удалый въ битвѣ правой
Умѣетъ умереть со славой,
И у жены его младой
Спаситель есть — кинжалъ двойной;
И страхъ насилья и могилы
Не могъ-бы изъ родныхъ степей
Ихъ удалить: позоръ цѣпей
Несли къ нимъ вражескія силы!
Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для героя
Милѣй отчизны и покоя.
«Въ насмѣшку русскимъ и въ укоръ
«Оставимъ мы утесы горъ;
«Пусть на тебя, Бешту суровый,
«Попробуютъ надѣть оковы!»
Такъ думалъ каждый, и Бешту

Теперь ихъ мысли понимаетъ,
На русскихъ робко онъ взираетъ
И облаками одѣваетъ
Вершинъ кудрявыхъ красоту.

IX.

Межъ тѣмъ, летятъ за годомъ годы,
Готовятъ мщеніе народы;
И пятый годъ ужъ настаетъ,
А кровь джяуровъ не течетъ.
Въ необитаемой пустынѣ
Черкесъ бродящій отдохнулъ,
Построенъ новый былъ аулъ
(Его слѣдовъ невидно нынѣ),
Старикъ и воинъ молодой
Кипятъ отвагой и враждой.
Ужъ Росламбэкъ съ береговъ Кубани
Князей союзныхъ поджидалъ;
Лезгинецъ, слыша голосъ брани,
Готовитъ стрѣлы и кинжалъ;
Скопилась месть ихъ роковая
Въ тиши надъ дремлющимъ врагомъ:
Такъ лѣтомъ глыба снѣговая,
Цвѣтами радуги блистая,
Виситъ, прохладу обѣщая,
Надъ беззаботнымъ табуномъ.

X.

Въ тотъ самый годъ осеннимъ днемъ
Между Желѣзной и Змѣиной,*

* Двѣ горы, находящіяся рядомъ съ Бешту.

Гдѣ чуть примѣтный путь лежалъ,
Цвѣтущей, узкою долиной
Тихонько всадникъ проѣзжалъ.
Кругомъ налѣво и направо,
Какъ-бы остатки пирамидъ,
Подъемлясь къ небу величаво,
Гора изъ-за горы глядитъ;
И далѣ царь ихъ пятиглавый
Туманный, сизо-голубой,
Пугаетъ чудной вышиной.

XI.

Еще небесное свѣтило
Росистый лугъ не обсушило:
Со скалъ гранитныхъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ,
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.
Но вотъ остановился онъ,
Какъ новой мыслью поражонъ,
Смущенный взглядъ кругомъ обводитъ —
Чего-то, мнится, не находитъ,
То пуститъ онъ коня стремглавъ,
То остановитъ и, привставъ
На стремена, дрожитъ, пылаетъ, —
Все пусто! Онъ съ коня слѣзаетъ,
Къ землѣ сырой главу склоняетъ,
И слышитъ только шелестъ травъ...
Все одичало, онѣмѣло.
Тоскою грудь его полна...
Скажу-ль? За кровлю сакли бѣлой,
За близкій топотъ табуна
Тогда онъ міръ-бы отдалъ цѣлый.

XII.

Кто-жъ этотъ путникъ? Русскій? — нѣтъ.
На немъ чекмень, простой бешметъ,
Чело подъ шапкою косматой:
Ножны кинжала, пистолетъ
Блестятъ насѣчкой небогатой,
И перетянутъ онъ ремнемъ,
И шапка чуть звенитъ на немъ.
Ружье, мотаясь за плечами,
Бѣлѣетъ въ шерстяномъ чехлѣ.
И какъ-же горца на сѣдлѣ
Не различить мнѣ съ казаками?
Я не ошибся — онъ черкесъ!
Но смуглый цвѣтъ почти исчезъ
Съ его ланитъ; снѣга и вьюга
И холодъ сѣверныхъ небесъ,
Конечно, смыли краску юга,
Но видно все, что онъ черкесъ!
Густыя брови, взглядъ орлиный,
Рѣсницы длинны и черны,
Движенья быстры и вольны;
Отвергнулъ онъ обрядъ чужбины,
Не сбрилъ бородки и усовъ,
И блещетъ бѣлый рядъ зубовъ,
Какъ брызги пѣны у береговъ.
Онъ, сколько могъ, привычекъ, правилъ,
Своей отчизны не оставилъ...
Но горе, горе, если онъ,
Храня людей суровыхъ мнѣнья,
Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
Въ Европѣ душной заражонъ!
Старикъ для чувствъ и наслажденья,
Безъ сѣдины между волосъ,

Зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
Такъ непокойно, такъ игриво,
Онъ сердце мертвое принесъ?

XIII.

Какъ наши юноши, онъ молодъ
И хладенъ блескъ его очей.
Поверхность темную морей
Такъ покрываетъ ранній холодъ
Корой ледяною своей
До первой бури. Чувства, страсти,
Въ очахъ навѣки догорѣвъ,
Таятся, какъ въ пещерѣ левъ,
Глубоко въ сердцѣ, но ихъ власти
Оно никакъ не избѣжитъ.
Пусть будетъ это сердце камень —
Ихъ пробужденный адскій пламень
И камень углемъ раскалитъ!

XIV.

И все прошедшее явилось
Какъ тѣнь умершаго ему!
Все съ этихъ поръ перемѣнилось,
Богъ вѣсть и какъ и почему!
Онъ въ поле выѣзжалъ пустое —
Вдругъ слышитъ выстрѣлъ — что̀ такое?
Какъ будто насмѣхъ, звукъ одинъ,
Жилецъ ущелій и стремнинъ
Трикраты отзывъ повторяетъ.
Кинжалъ свой путникъ вынимаетъ,
И вотъ съ винтовкой безъ штыка
Въ кустахъ онъ видитъ казака;

Предъ нимъ фазанъ окровавленный,
Росою съ листьевъ окропленный,
Блистая радужнымъ хвостомъ,
Лежалъ въ травѣ пробитъ свинцомъ.
И ближе путникъ подъѣзжаетъ
И чистымъ русскимъ языкомъ
«Казакъ! скажи мнѣ», вопрошаетъ,
«Давно-ли пусто здѣсь кругомъ?»
— Съ тѣхъ поръ, какъ русскихъ устрашился
Неустрашимый твой народъ! —
Въ чужихъ горахъ отъ насъ онъ скрылся...
Тому сегодня пятый годъ!

XV.

Казакъ умолкъ. Но что̀ съ тобою,
Черкесъ? Зачѣмъ твоя рука
Подъята съ шашкой роковою?
Прости улыбку казака!
Увы! свершилось наказанье,
Въ крови, безъ чувства, безъ дыханья,
Лежитъ насмѣшливый казакъ.
Черкесъ глядитъ на ликъ холодный,
Въ немъ пробудился духъ природный,
Онъ пощадить не могъ никакъ,
Онъ удержать не могъ удара.
Какъ въ тучахъ зарево пожара,
Какъ лава Этны по полямъ,
Больной румянецъ по щекамъ
Его разлился; и блистали
Какъ лезвее кровавой стали
Глаза его, — и въ этотъ мигъ
Душа и адъ — все было въ нихъ!
И наконецъ съ улыбкой злобной

Черкесъ на сѣверъ кинулъ взглядъ: —
Ничто, ничто смертельный ядъ
Передъ улыбкою подобной!
Волною поднялася грудь;
Хотѣлъ онъ и не могъ вздохнуть;
Холодный потъ съ чела крутова
Катился, но изъ устъ — ни слова!

XVI.

И вдругъ очнулся онъ, вздрогнулъ,
Къ лукѣ припалъ, коня толкнулъ,
Одно мгновенье на курганѣ
Онъ черной птицею мелькнулъ,
И скоро скрылся весь въ туманѣ.
Чрезъ камни конь его несетъ,
Онъ не глядитъ и не боится.
Такъ быстро скачетъ только тотъ,
За кѣмъ раскаяніе мчится!

XVII.

Куда черкесъ направилъ путь?
Гдѣ отдохнетъ младая грудь
И усмирится думъ волненье?
Черкесъ не хочетъ отдохнуть:
Ужели отдыхаетъ мщенье?
Аулъ, гдѣ дѣтство онъ провелъ,
Мечети, кровы мирныхъ селъ —
Все уничтожилъ русскій воинъ.
Нѣтъ, нѣтъ, не будетъ онъ спокоенъ,
Пока изъ бѣлыхъ ихъ костей,
Вѣкамъ грядущимъ въ поученье,
Онъ не воздвигнетъ мавзолей

И такъ отмститъ за униженье
Любезной родины своей.
«Я знаю васъ», онъ шепчетъ, «знаю!
«И вы узнаете меня;
«Давно ужъ васъ я презираю;
«Но вашу кровь пролить желаю
«Я только съ нынѣшняго дня!...»
Онъ бьетъ и дергаетъ коня,
И конь летитъ какъ вѣтеръ степи;
Надулись ноздри, блещетъ взоръ,
И ужъ въ виду зубчаты цѣпи
Кремнистыхъ безконечныхъ горъ,
И Шатъ подъемлется за ними
Съ двумя главами снѣговыми.
И путникъ мнитъ: «Недалеко!
Въ часъ прискачу я къ нимъ легко!»

XVIII.

Предъ нимъ, съ оттѣнкой голубою,
Полувоздушною стѣною
Нагіе тянутся хребты;
Невѣрны, странны какъ мечты,
То разойдутся, то сольются...
Ужъ часъ прошелъ, и двухъ ужъ нѣтъ!
Они надъ путникомъ смѣются,
Они едва мѣняютъ цвѣтъ!
Блѣднѣетъ путникъ отъ досады;
Конь непривычный устаетъ;
Ужъ солнце къ западу идетъ
И больше въ воздухѣ прохлады,
А все пустынныя громады,
Хотя и выше и темнѣй,
Еще загадка для очей.

XIX.

Но вотъ его, подобно тучѣ,
Встрѣчаетъ крайняя гора:
Пестрѣй восточнаго ковра
Холмы кругомъ, все выше, круче.
Покрытый пѣной до ушей,
Здѣсь началъ конь дышать вольнѣй,
И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья
Передъ черкесомъ пронеслись,
Въ груди проснулися желанья,
Во взорахъ слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И думъ неотразимыхъ бремя
Отъ сердца, мнилось, отлегло:
Онъ поднялъ свѣтлое чело,
Смотрѣлъ и внутренно гордился,
Что онъ черкесъ, что здѣсь родился
Межъ скалъ незыблемыхъ одинъ.
Забылъ онъ жизни скоротечность,
Онъ, въ мысляхъ, міра властелинъ,
Присвоить-бы желалъ ихъ вѣчность.
Забылъ онъ все, что̀ испыталъ:
Друзей, враговъ, тоску изгнанья
И, какъ невѣсту въ часъ свиданья,
Душой природу обнималъ!

XX.

Краснѣютъ сизыя вершины,
Лучомъ зари освѣщены;
Давно разсѣлины темны;
Катясь чрезъ узкія долины,
Туманы сонные легли,

И только топотъ лошадиный,
Звуча, теряется вдали.
Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты;
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, тѣшится лѣниво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною:
Такъ сталь кольчуги иль копья
(Когда забыты послѣ бою
Онѣ на полѣ роковомъ),
Въ кустахъ найденная луною,
Блистаетъ въ сумракѣ ночномъ.

XXI.

Ужъ поздно. Путникъ одинокой
Одѣлся буркою широкой;
За дубомъ низкимъ и густымъ
Дорога скрылась; вѣтеръ дуетъ;
Конь спотыкается подъ нимъ,
Храпитъ, какъ будто гибель чуетъ,
И сталъ. Дивится, слѣзъ сѣдокъ
И видитъ пропасть предъ собою,
А тамъ, на днѣ ея, потокъ
Во мракѣ бѣшеной волною
Шумитъ. — (Слыхалъ я этотъ шумъ,
Въ пустынѣ вѣтромъ разнесенный,
И много пробуждалъ онъ думъ
Въ груди, тоской опустошенной).
Въ недоумѣньи надъ скалой

Остался странникъ утомленный;
Вдругъ видитъ онъ: въ дали пустой
Трепещетъ огонекъ, — и снова
Садится на коня лихова.
И черезъ силу скачетъ конь
Туда, гдѣ свѣтится огонь.

XXII.

Не духъ коварства и обмана
Манилъ трепещущимъ огнемъ,
Не очи злобнаго шайтана
Свѣтилися въ ущельи томъ;
Двѣ сакли бѣлыя, простыя,
Таятся мирно за холмомъ;
Чернѣютъ крыши земляныя;
Съ краевъ ряды травы густой
Висятъ зеленой бахромой;
А вѣтеръ осени сырой
Поетъ имъ пѣсни неземныя.
Широкій окружаетъ дворъ
Изъ кольевъ и вѣтвей заборъ,
Уже нагнутый, обветшалый.
Все въ мертвый сонъ погружено —
Одно лишь свѣтится окно...
Заржалъ черкеса конь усталый,
Ударилъ о землю ногой.
И отвѣчалъ ему другой...
Изъ сакли кто-то выбѣгаетъ,
Идетъ. «Великій Мухаммедъ
Къ намъ гостя, вѣрно, посылаетъ.
Кто здѣсь?» — Я странникъ! былъ отвѣтъ, —
И больше спрашивать не хочетъ,
Обычай прадѣдовъ храня,

Хозяинъ скромный. Вкругъ коня
Онъ самъ заботится, хлопочетъ,
Онъ самъ снимаетъ весь приборъ
И самъ ведетъ его на дворъ.

XXIII.

Межъ тѣмъ привѣтно въ саклѣ дымной
Проѣзжій встрѣченъ старикомъ;
Сажая гостя предъ огнемъ,
Онъ руку жметъ гостепріимно.
Блистаетъ по стѣнамъ кругомъ
Богатство горца: ружья, стрѣлы,
Кинжалы съ набожнымъ стихомъ,
Въ углу башлыкъ убійцы бѣлый
И плеть межъ буркой и сѣдломъ.
Они заводятъ рѣчь о волѣ,
О прежнихъ дняхъ, о бранномъ полѣ;
Кипитъ, кипитъ бесѣда ихъ
И носятся въ мечтахъ живыхъ
Они къ грядущему, былому;
Проходитъ непримѣтно часъ —
Они сидятъ, и въ первый разъ,
Внимая странника разсказъ,
Старикъ дивится молодому.

XXIV.

Онъ самъ лезгинецъ; ужъ давно
(Такъ было небомъ суждено)
Не зрѣлъ отечества. Три сына
И дочь младая съ нимъ живутъ.
При нихъ молчитъ еще кручина
И бѣдный милъ ему пріютъ.

Когда горятъ ночныя звѣзды,
Тогда пускаются въ разъѣзды
Его лихіе сыновья:
Живетъ добычей вся семья!
Они повсюду страхъ приносятъ;
Украсть, отнять — имъ все равно;
Чихирь и медъ кинжаломъ просятъ
И пулей платятъ за пшено.
Изъ табуна-ли, изъ станицы
Любого уведутъ коня;
Они боятся только дня,
И ихъ владѣньямъ нѣтъ границы.
Сегодня дома лишь одинъ
Его любимый, старшій сынъ.
Но словъ хозяина не слышитъ
Пришелецъ; онъ почти не дышитъ,
Остановился быстрый взоръ,
Какъ въ мигъ паденья метеоръ:
Предъ нимъ, подъ видомъ дѣвы горъ,
Созданіе земли и рая,
Стояла пери молодая!

XXV.

И кто-бъ, ее увидѣвъ, молвилъ: нѣтъ!
Кто прелести небесъ, иль даже слѣдъ
Небеснаго, разсѣянный лучами
Въ улыбкѣ устъ, движеньи черныхъ глазъ —
Все, что̀ такъ дружно съ первыми мечтами,
Все, что̀ встрѣчаемъ въ жизни только разъ,
Не отличитъ отъ красоты ничтожной,
Отъ красоты земной, нерѣдко ложной?
И кто, кто скажетъ, совѣсть заглуша:
Прелестный ликъ, но хладная душа!

Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
То, что́ сперва почелъ-бы онъ душою
Освобожденныхъ отъ земныхъ цѣпей,
Слетѣвшихъ въ міръ, чтобъ утѣшать людей!
Пусть, подойдя, лезгинку онъ узнаетъ:
Въ ея чертахъ земная жизнь играетъ,
Восточная видна въ ланитахъ кровь;
Но только удалится образъ милый —
Онъ станетъ сомнѣваться въ томъ, что́ было,
И заблужденью онъ повѣритъ вновь!

XXVI.

Нѣжна, какъ пери молодая,
Созданіе земли и рая,
Мила — какъ намъ въ краю чужомъ,
Межъ звуковъ языка чужова,
Знакомый звукъ, родныхъ два слова;
Такъ утѣшительно мила,
Какъ древле узнику была,
На сумрачномъ окнѣ темницы,
Простая пѣсня вольной птицы,
Стояла Зара у огня.
Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко;
Въ ея нарядѣ простота,
Но также вкусъ. Ея головка
Платкомъ прилежно обвита;
Изъ-подъ него до груди нѣжной
Двѣ косы темныя небрежно
Бѣгутъ, — ужъ вѣрно часъ она
Ихъ расплетала, заплетала!
Она понравиться желала, —
Какъ въ этомъ женщина видна!

XXVII.

Рукой дрожащей, торопливой,
Она поставила стыдливо
Смиренный ужинъ предъ отцомъ
И улыбнулась, и потомъ
Уйдти хотѣла, и не знала
Идти-ли? — Грудь ея, порой,
Покровъ примѣтно поднимала;
Она послушать-бы желала,
Что́ скажетъ путникъ молодой.
Но онъ молчитъ, блуждаютъ взоры:
Ихъ привлекаетъ лезвее
Кинжала, ратные уборы;
Но взглядъ послѣдній на нее
Былъ устремлёнъ... смутилась дѣва,
Но, не боясь отцова гнѣва,
Она осталась, и опять
Рѣшилась путнику внимать.
И что-то умъ его тревожитъ:
Своихъ неконченныхъ рѣчей
Онъ оторвать отъ устъ не можетъ,
Смѣется, но большихъ очей
Давно не обращаетъ къ ней;
Смѣется, шутитъ онъ; но хладный,
Печальный смѣхъ нейдетъ къ нему.
Замолкнетъ онъ — ей вновь досадно,
Сама не знаетъ почему.
Черкесъ ловилъ сначала жадно
Движенье глазъ ея живыхъ;
И наконецъ остановились
Глаза, которые рѣзвились.
Отвѣта ждутъ, къ нему склонились,
А онъ забылъ, забылъ о нихъ!...

Довольно! этого удара
Вторично дѣва не снесетъ;
Ему мѣшаетъ, видно, Зара?
Она уйдетъ, она уйдетъ!...

XXVIII.

Кто много странствовалъ по свѣту,
Кто наблюдать его привыкъ,
Кто затвердилъ страстей примѣту,
Кому извѣстенъ ихъ языкъ;
Кто рано брошенъ былъ судьбою
Межъ образованныхъ людей,
И какъ они, съ своей рукою
Не отдавалъ души своей, —
Тотъ пылкой женщины пристрастье
Не почитаетъ ужъ за счастье;
Тотъ съ сердцемъ дикимъ и простымъ
И съ чувствомъ нѣкогда святымъ
Шутить боится. Онъ улыбкой
Слезу старается встрѣчать,
Улыбкѣ хладно отвѣчать;
Коль обласкаетъ — такъ ошибкой!
Притворствомъ вѣчнымъ утомленъ,
Ужъ и себѣ не вѣритъ онъ;
Душѣ высокой недовольно
Остатковъ юности своей, —
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нѣтъ пищи въ ней.
Такіе люди въ жизни свѣтской
Почти всегда причина зла:
Какой-то робостію дѣтской
Ихъ отзываются дѣла.
И обольстить они не смѣютъ,

И вовсе кинуть не умѣютъ!
И часто думаютъ они,
Что ихъ излечитъ край далекій,
Пустыня, видъ горы высокой,
Иль тѣнь долины одинокой,
Гдѣ юности промчались дни.
Но ожиданье ихъ напрасно:
Душѣ все внѣшнее подвластно!

XXIX.

Ужъ милой Зары въ саклѣ нѣтъ.
Черкесъ глядитъ ей долго въ слѣдъ
И мыслитъ: «Нѣжное созданье!
Едва изъ дѣтскихъ вышла лѣтъ,
А есть ужъ слезы и желанья!
Безсильный, свѣтлый лучъ зари,
На темной тучѣ не гори:
На ней твой блескъ лишь помрачится,
Ей ждать нельзя, она умчится!

XXX.

«Еще не знаешь ты, кто я.
Утѣшься! нѣтъ, не мирной долѣ,
Но битвамъ, родинѣ и волѣ
Обречена судьба моя.
Я-бъ могъ нѣжнѣйшею любовью
Тебя любить, но надъ тобой
Хранитель, вѣрно, неземной:
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою-ли руку жать?
Тебя-ли грѣть моимъ объятьямъ?
Тебя-ли станутъ цаловать

Уста, привыкшія къ проклятьямъ?»
. . . . . *

XXXI.

Пора! яснѣетъ ужъ востокъ;
Черкесъ проснулся, въ путь готовый.
На пепелищѣ огонекъ
Еще синѣлъ. Старикъ суровый
Его раздулъ, пшено сварилъ,
Сказалъ, гдѣ лучшая дорога,
И самъ до ветхаго порога
Радушно гостя проводилъ.
И странникъ медленно выходитъ
Печалью тайной угнетенъ:
О юной дѣвѣ мыслитъ онъ...
И кто-жъ коня ему подводитъ?

XXXII.

Уныло Зара передъ нимъ
Коня походнаго держала
И тихимъ голосомъ своимъ,
Поднявъ глаза къ нему, сказала:
«Твой конь готовъ! моей рукой
«Надѣта бранная уздечка,
«И серебристой чешуей
«Блеститъ кубанская насѣчка,
«И бурку черную ремнемъ
«Я привязала за сѣдломъ.
«Мнѣ это дѣло вѣдь не ново.
«Любезный странникъ, все готово!
«Твой конь прекрасенъ; не страшна
«Ему утесовъ крутизна;

* Точки въ подлинникѣ.

«Хоть выросъ онъ въ краю далекомъ,
«Въ немъ дикость гордая видна,
«И лоснится его спина,
«Какъ камень, сглаженный потокомъ,
«Какъ уголь взоръ его блеститъ,
«Лишь наклонись — онъ полетитъ;
«Его я гладила, ласкала,
«Чтобы тебя онъ, путникъ, спасъ
«Отъ вражьей шашки и кинжала
«Въ степи глухой, въ недобрый часъ!

XXXIII.

«Но погоди въ стальное стремя
«Ступать поспѣшною ногой:
«Послушай, странникъ молодой,
«Какъ знать? быть можетъ, будетъ время
«И ты на милой сторонѣ
«Случайно вспомнишь обо мнѣ;
«И если чаша пированья
«Кипитъ, блеститъ въ рукѣ твоей,
«То не ласкай воспоминанья,
«Гони отъ сердца поскорѣй;
«Но если эта мысль родится,
«Но если образъ мой приснится
«Тебѣ въ страдальческую ночь, —
«Услышь, услышь мое моленье:
«Не презирай то сновидѣнье,
«Не отгоняй тѣ мысли прочь!

XXXIV.

«Пріютъ нашъ малъ, за то спокоенъ;
«Его не тронетъ русскій воинъ,
«И что̀ имъ взять? — пять-шесть коней,

«Да наши грубыя одежды?...
«Повѣрь ты скромности моей,
«Откройся мнѣ, куда надежды
«Тебя коварныя влекутъ?
«Чего искать? — останься тутъ,
«Останься съ нами, добрый странникъ!
«Я вижу ясно: ты изгнанникъ,
«Ты отъ земли своей отвыкъ,
«Ты позабылъ ея языкъ.
«Зачѣмъ спѣшишь къ родному краю,
«И что̀ тамъ ждетъ тебя? — не знаю.
«Пусть мой отецъ твердитъ порой,
«Что безъ малѣйшей укоризны
«Должны мы жертвовать собой
«Для непризнательной отчизны, —
«По-мнѣ отчизна только тамъ,
«Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!

XXXV.

«Еще туманъ бѣлѣетъ въ полѣ,
«Опасенъ ранній хладъ вершинъ...
«Хоть день одинъ, хоть часъ одинъ, —
«Послушай, — часъ одинъ, не болѣ,
«Пробудь, жестокій, близъ меня!
«Я покормлю еще коня,
«Моя рука его отвяжетъ,
«Онъ отдохнетъ, напьется, ляжетъ;
«А ты у сакли здѣсь, въ тѣни,
«Главу мнѣ на руку склони:
«Твоихъ рѣчей услышать звуки
«Еще желала-бъ я хоть разъ;
«Не удержу вѣдь счастья часъ,
«Не прогоню вѣдь часъ разлуки?...»

И Зара съ трепетомъ въ отвѣтъ
Ждала напрасно два-три слова;
Скрывать печали силы нѣтъ,
Слеза съ рѣсницъ упасть готова...
Увы! молчаніе храня,
Садится путникъ на коня;
Ужъ ѣхать онъ приготовлялся,
Но обернулся — испугался,
И, состраданьемъ увлеченъ,
Хотѣлъ ее утѣшить онъ.

XXXVI.

— Не обвиняй меня такъ строго!
Скажи, чего ты хочешь — слезъ?
Я ихъ имѣлъ когда-то много:
Ихъ міръ изъ зависти унесъ!
Но не рѣшусь судьбы мятежной
Я раздѣлять съ душою нѣжной;
Свободный, рабъ иль властелинъ,
Пускай погибну я одинъ.
Все, что́ меня хоть мало любитъ
За мною вслѣдъ увлечено;
Мое дыханье радость губитъ,
Щадить — мнѣ власти не дано!
И не простаго человѣка
(Хотя въ одеждѣ я простой) —
Утѣшься, Зара, предъ собой
Ты видишь брата Росламбэка!
Я въ жертву счастье долженъ принести...
О, не жалѣй о томъ! — Прости! прости! —

XXXVII.

Сказалъ, махнулъ рукой, и звукъ подковъ
Раздался, въ отдаленьи умирая.

Едва дыша, безъ слезъ, безъ думъ, безъ словъ,
Она стоитъ, безчувственно внимая,
Какъ будто этотъ дальній звукъ подковъ
Всю будущность ея унесъ съ собою.
О, Зара! Зара! краткою мечтою
Ты дорожила; — гдѣ-жъ твоя мечта?
Какъ очи полны, какъ душа пуста!
Одно мгновенье тяжелѣй другова,
Все, что́ прошло, ты оживляешь снова!..
По цѣлымъ днямъ она глядитъ туда,
Гдѣ скрылася любви ея звѣзда,
Вездѣ, вездѣ она его находитъ:
Въ вечернихъ тучахъ милый образъ бродитъ;
Услышавъ ночью топотъ, съ ложа сна
Вскочивъ, дрожитъ, и ждетъ его она —
И постепенно вѣтромъ разносимый
Все ближе, ближе топотъ — и все мимо!...
Такъ метеоръ порой летитъ на насъ,
И ждешь — и близокъ онъ — и вдругъ погасъ!...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—

I.

Шумитъ Аргуна мутною волной;
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣпей зимы и хлада не боится:
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы, съ дѣтской простотой,
Она, рѣзвясь, играетъ и катится!
Порою, какъ согнутое стекло,
Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло,
По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая,
Теряется во мракѣ, и надъ ней
Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая
Пугливыхъ, сизыхъ, вольныхъ голубей...
Зеленымъ можжевельникомъ покрыты,
Надъ мрачной бездной гробовыя плиты
Висятъ и ждутъ, когда замолкнетъ вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.
Напрасно ждутъ онѣ! — волна не дремлетъ,
Пусть темнота кругомъ ее объемлетъ,
Прорветъ Аргуна землю гдѣ нибудь
И снова полетитъ въ далекій путь!

II.

На берегу ея кипучихъ водъ
Недавно изгнанный народъ

Аулъ построилъ свой, — и ждалъ мгновенья,
Когда свершить придуманное мщенье;
Черкесъ готовилъ дерзостный набѣгъ,
Союзники сбирались потаенно,
И умный князь, лукавый Росламбэкъ,
Склонялся передъ русскими смиренно,
И между тѣмъ съ отважною толпой
Станицы разорялъ во тьмѣ ночной;
И, возвратясь въ аулъ, на пиръ кровавый
Онъ плѣнниковъ дрожащихъ приводилъ
И увѣрялъ ихъ въ дружбѣ, и шутилъ,
И головы рубилъ имъ для забавы.

III.

Легко народомъ править, если онъ
Одною общей страстью увлеченъ;
Не должно только слишкомъ завлекаться,
Предъ нимъ гордиться, или съ нимъ равняться;
Не должно мыслей открывать своихъ,
Иль спрашивать у подданныхъ совѣта
И забывать, что лучше горъ златыхъ
Иному ласка и слова привѣта! —
Старайся первымъ быть вездѣ, всегда;
Не забывайся, будь въ пирахъ умѣренъ,
Не трогай суевѣрій никогда
И самъ съ толпой умѣй быть суевѣренъ;
Страшись сначала много успѣвать,
Страшись народъ къ побѣдамъ пріучать,
Чтобъ въ слабости своей онъ признавался,
Чтобъ каждый мигъ въ спасителѣ нуждался,
Чтобъ онъ тебя не сравнивалъ ни съ кѣмъ
И почиталъ нуждою принужденья;
Умѣй отважно пользоваться всѣмъ,

И не проси никакъ вознагражденья! —
Народъ ребенокъ: — онъ не хочетъ дать,
Не покушайся вырвать, — но украдь!

IV.

У Росламбэка братъ когда-то былъ;
О немъ жалѣютъ шайки удалыя,
Отцомъ въ Россію посланъ Измаилъ,
И ихъ надежду отняла Россія.
Четырнадцати лѣтъ оставилъ онъ
Края, гдѣ былъ воспитанъ и рожденъ,
Чтобъ знать законы и права чужія!
Не подъ персидскимъ шелковымъ ковромъ
Родился Измаилъ, не пѣснью нѣжной
Онъ усыпленъ былъ въ сумракѣ ночномъ.
Его баюкалъ бури вой мятежной.
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза.
Въ пещерѣ темной, гдѣ, гонимый братомъ,
Убійцею коварнымъ, Бей-Булатомъ,
Его отецъ таился много лѣтъ,
Изгнанникъ новый, онъ увидѣлъ свѣтъ!

V.

Какъ лишній межъ людьми, своимъ рожденьемъ
Онъ душу не обрадовалъ ни чью,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ — преступленьемъ.
Онъ материнской ласки не видалъ.
Не у груди, — подъ буркою согрѣтый,
Одинъ провелъ младенческія лѣты;
И вѣтеръ колыбель его качалъ,

И мѣсяцъ полуночи съ нимъ игралъ.
Онъ выросъ межъ землей и небесами,
Не зная принужденья и заботъ;
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ лазурный сводъ,
И лишь орлы, да скалы величавы
Съ нимъ раздѣляли юныя забавы.
Онъ для великихъ созданъ былъ страстей,
Онъ обладалъ пылающей душою,
И бури юга отразились въ ней
Со всей своей ужасной красотою...
Но къ русскимъ посланъ онъ своимъ отцомъ,
И съ той поры извѣстья нѣтъ о немъ...

VI.

Горой отъ солнца заслоненный,
Пріютъ изгнанниковъ смиренный,
Между кизиловыхъ деревъ
Аулъ разсыпанъ надъ рѣкою;
Стоитъ отдѣльно каждый кровъ
Въ тѣни, подъ дымной пеленою.
Здѣсь, въ лѣтній день, въ полдневный жаръ,
Когда съ камней восходитъ паръ,
Толпа дѣтей въ травѣ играетъ,
Черкесъ усталый отдыхаетъ;
Межъ тѣмъ сидитъ его жена
Съ работой въ саклѣ одиноко,
И пѣсню грустную она
Поетъ о родинѣ далекой;
И облака родныхъ небесъ
Въ мечтаньяхъ видитъ ужъ черкесъ:
Тамъ лугъ душистѣй, день свѣтлѣе,
Роса перловая свѣжѣе;

Тамъ разноцвѣтною дугой,
Развеселясь, нерѣдко дивы
На тучахъ строятъ мостъ красивый,
Чтобъ отъ одной скалы къ другой
Пройти воздушною тропой;
Тамъ въ первый разъ, еще несмѣлый,
На лукъ накладывалъ онъ стрѣлы!...

VII.

Дни мчатся. Начался байранъ.
Вездѣ веселье, ликованья;
Мулла оставилъ алкоранъ,
И не слыхать его призванья;
Мечеть кругомъ освѣщена;
Всю ночь надъ хладными скалами
Огни краснѣютъ за огнями,
Какъ надъ земными облаками
Земныя звѣзды; — но луна,
Когда на землю взоръ наводитъ,
Себѣ соперницъ не находитъ
И, одинокая, она
По небесамъ въ сіяньи бродитъ.

VIII.

Ужъ скачка кончена давно;
Стрѣльба затихнула; темно.
Вокругъ огня, пѣвцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики сѣдые въ рядъ
Съ нѣмымъ вниманіемъ стоятъ.

На сѣромъ камнѣ, безоруженъ,
Сидитъ невѣдомый пришлецъ.
Нарядъ войны ему ненуженъ,
Онъ гордъ и бѣденъ — онъ пѣвецъ!
Дитя степей, любимецъ неба,
Безъ злата онъ, но не безъ хлѣба.
Вотъ начинаетъ: три струны
Ужъ забренчали подъ рукою,
И живо, съ дикой простотою
Запѣлъ онъ пѣсню старины:

IX.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

—

«Много дѣвъ у насъ въ горахъ;
«Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ;
«Съ ними жить завидна доля, —
«Но еще милѣе воля!
«Не женися, молодецъ,
«Слушайся меня:
«На тѣ деньги, молодецъ,
«Ты купи коня.

*

«Кто жениться захотѣлъ,
«Тотъ худой избралъ удѣлъ:
«Съ русскимъ въ бой онъ не поскачетъ.

«Отчего? — жена заплачетъ!
«Не женися, молодецъ,
«Слушайся меня:
«На тѣ деньги, молодецъ,
«Ты купи коня.

*

«Не измѣнитъ добрый конь:
«Съ нимъ — и въ воду и въ огонь;
«Онъ, какъ вихрь въ степи широкой,
«Съ нимъ — все близко, что̀ далеко!
«Не женися, молодецъ,
«Слушайся меня:
«На тѣ деньги, молодецъ,
«Ты купи коня.»

X.

Откуда шумъ? кто эти двое?
Толпа въ молчаньи раздалась.
Нахмуря бровь, подходитъ князь
И рядомъ съ нимъ лицо чужое.
Три узденя за ними вслѣдъ.
«Великъ Алла и Мухаммедъ!»
Воскликнулъ князь. «Сама могила
«Покорна имъ! Въ странѣ чужой
«Мой братъ хранимъ былъ ихъ рукой:
«Вы узнаете-ль Измаила?...
. . . . . .
«Между врагами онъ возросъ,
«Но не призналъ онъ ихъ святыни,
«И въ наши синія пустыни
«Одну лишь ненависть принесъ!»

XI.

И по долинѣ восклицанья
Восторга дикаго гремятъ;
Благословляя часъ свиданья,
Вкругъ Измаила старъ и младъ
Тѣснятся, шепчутъ. Поднимая
На плечи маленькихъ ребятъ,
Ихъ жены смуглыя, зѣвая,
На князя новаго глядятъ.
Гдѣ-жъ Росламбэкъ, кумиръ народа?
Гдѣ тотъ, кѣмъ славится свобода? —
Одинъ, забытъ, передъ огнемъ,
Поодаль, съ пасмурнымъ челомъ,
Стоялъ онъ, жертва злой досады.
Давно-ли привлекалъ онъ самъ
Всѣ помышленія, всѣ взгляды?
Давно-ли по его слѣдамъ
Вся эта чернь, шумя, бѣжала?
Давно-ль, дивясь его дѣламъ,
Ихъ мать ребенку повторяла? —
И что́-же вышло? — Измаилъ,
Враговъ отечества служитель,
Всю эту славу погубилъ
Своимъ пріѣздомъ, — и, властитель,
Вчерашній гордый полубогъ,
Вниманья черни безтолковой
Къ себѣ привлечь уже не могъ!
Ей все плѣнительно, что̀ ново!
«Простынетъ!» мыслитъ Росламбэкъ.
Но если злобный человѣкъ
Узналъ ужъ зависть, то не можетъ
Совсѣмъ забыть ее никакъ:

Ея насмѣшливый призракъ
И днемъ и ночью духъ тревожитъ.

XII.

Война!... знакомый людямъ звукъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ отъ братнихъ рукъ
Предъ алтаремъ погибъ невинно...
Гремя, черезъ Кавказъ пустынный
Промчался кликъ: война! война!
И пробудились племена;
На смерть идутъ они охотно.
Умолкъ аулъ, гдѣ беззаботно
Недавно слушали пѣвца;
Оружья звонъ, движенье стана —
Вотъ нынѣ пѣсни молодца,
Вотъ удовольствія байрана!...
«Смотри, какъ всякій биться радъ
«За дѣло чести и свободы!...
«Такъ точно было въ наши годы,
«Когда насъ велъ Ахматъ-Булатъ!»
Съ улыбкой гордою шептали
Между собою старики,
Когда дорогой наблюдали
Отважныхъ юношей полки.
Пора! кипятъ они досадой,
Что русскихъ нѣтъ: имъ крови надо!

XIII.

Зима проходитъ; облака
Свѣтлѣй летятъ по дальнимъ сводамъ,
Въ рѣкѣ глядятся мимоходомъ;
Но съ гордымъ бѣшенствомъ рѣка,

Крутясь, какъ змѣй, не отвѣчаетъ
Улыбкѣ неба своего.
И бѣлыхъ путниковъ его,
Межъ тѣмъ, упорно обгоняетъ.
И ровны, прямы, какъ стѣна,
По берегамъ темнѣютъ горы;
Ихъ крутизна, ихъ вышина
Плѣняютъ умъ, пугаютъ взоры;
Къ вершинамъ ихъ прицѣплена
Нагими красными корнями,
Кой-гдѣ кудрявая сосна
Стоитъ печальна и одна.
И часто мрачными мечтами
Тревожитъ сердце: такъ, порой,
Властитель, полубогъ земной,
На пышномъ тронѣ, окруженный,
Льстецовъ толпою униженной,
Груститъ о томъ, что одному
На свѣтѣ равныхъ нѣтъ ему!

XIV.

Завоевателю преграда
Положена въ долинѣ той;
Изъ камней и деревъ громада
Аргуну давитъ подъ собой.
Къ аулу нѣтъ пути инова;
И мыслятъ горцы: «Врагъ лихой!
«Тебѣ могила ужъ готова!»
Но прямо врагъ идетъ на нихъ
И блескъ орудій громовыхъ
Далеко сквозь туманъ играетъ.
— И Росламбэкъ совѣтъ сзываетъ;
Онъ говоритъ: «Въ тиши ночной

«Мы нападемъ на ихъ отряды;
«Какъ упадаютъ водопады
«Въ долину сонную весной...
«Погибнутъ молча наши гости
«И ихъ разбросанныя кости,
«Добыча врановъ и волковъ,
«Сгніютъ, лишенныя гробовъ.
«Межъ тѣмъ съ боязнію лукавой
«Начнемъ о мирѣ договоръ,
«И въ тайнѣ местію кровавой
«Омоемъ долгій нашъ позоръ.»

XV.

Согласны всѣ на подвигъ ратный,
Но не согласенъ Измаилъ.
Взмахнулъ онъ шашкою булатной
И шумно съ мѣста онъ вскочилъ;
Окинулъ въ мигъ летучимъ взглядомъ
Онъ узденей, сидѣвшихъ рядомъ,
И, опустивши свой булатъ,
Такъ отвѣчаетъ брату братъ:
«Я не разбойникъ потаенный;
«Я видѣть, видѣть кровь люблю;
«Хочу, чтобъ мною пораженный
«Зналъ руку грозную мою!
«Какъ ты, я русскихъ ненавижу,
«И даже болѣе чѣмъ ты;
«Но подъ покровомъ темноты
«Я чести князя не унижу!
«Иную месть родной странѣ,
«Иную славу надо мнѣ!...»
И поединка ожидали
Межъ братьевъ молча узденп;

Не смѣли тронуться они.
Онъ вышелъ — всѣ еще молчали...

XVI.

Ужасна ты, гора Шайтанъ,
Пустыни старый великанъ;
Тебя злой духъ, гласитъ преданье,
Построилъ дерзостной рукой,
Чтобъ хоть на мигъ свое изгнанье
Забыть межъ небомъ и землей.
Здѣсь три столѣтья очарованъ,
Онъ тяжкой цѣпью былъ прикованъ,
Когда надменный съ новыхъ скалъ
Стрѣлой пророку угрожалъ.
Какъ буркой, ельникомъ покрыта,
Сосѣднихъ горъ она чернѣй.
Тропинка желтая прорыта
Слезой отчаянья по ней;
Она ни мохомъ, ни кустами
Не заростаетъ никогда;
Пестрѣя чудными слѣдами,
Она ведетъ богъ-вѣсть куда!
Олень съ вѣтвистыми рогами,
Между высокими цвѣтами,
Одѣтый хмѣлемъ и плющомъ,
Лежитъ, полуобъятый сномъ;
И вдругъ знакомый лай онъ слышитъ
И чуетъ близкаго врага:
Поднявши медленно рога,
Минуту свѣжестью подышетъ,
Росу съ могучихъ плечъ стряхнетъ,
И вдругъ однимъ прыжкомъ махнетъ
Черезъ утесъ, — и вотъ онъ мчится,

Терновъ колючихъ не боится
И хмѣль коварный грудью рветъ, —
Но, вольный путь пересѣкая,
Предъ нимъ тропинка роковая...
Никѣмъ незримая рука
Царя лѣсовъ остановляетъ,
И онъ, какъ гибель ни близка,
Свой прежній путь не продолжаетъ...

XVII.

Кто-жъ подъ ужасною горой
Зажегъ огонь сторожевой?
Треща, краснѣя и сверкая,
Кусты вокругъ онъ озарилъ.
На камень голову склоняя,
Лежитъ поодаль Измаилъ.
Его приверженцы хотѣли
Идти за нимъ — но не посмѣли.

XVIII.

Вотъ что́ ему родной готовилъ край!
Сбылись мечты: увидѣлъ онъ свой рай,
Гдѣ міръ такъ юнъ, природа такъ богата;
Но люди, люди — что̀ природа имъ? —
Едва успѣлъ обнять изгнанникъ брата,
Ужъ клевета и зависть — все надъ нимъ!
Друзей улыбка, нѣжное свиданье,
За что́-бъ другой Творца благодарилъ,
Все то ему дается въ наказанье...
Но для терпѣнья-ль созданъ Измаилъ?
Бываютъ люди: чувства — имъ страданья,
Причуда злой судьбы — ихъ бытіе;

Чтобъ самовластье показать свое,
Она порой кидаетъ ихъ межъ нами.
Такъ, древле, въ море кинулъ царь алмазъ;
Но горный камень въ свой урочный часъ
Ему обратно отданъ былъ волнами! —
И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ;
Они его пугаютъ жизнью новой,
Они блеснутъ — и сгладится ихъ слѣдъ,
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.
Толпа дивится часто ихъ уму,
Но часто обвиняетъ, потому,
Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри ихъ ни носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ;
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

XIX.

«Безсмысленный! зачѣмъ отвергулъ ты
Слова любви, моленья красоты?
Зачѣмъ, когда такъ долго съ ней сражался,
Своей судьбы ты дѣтски испугался?
Все прежнее, незнаемый молвой,
Ты-бъ могъ забыть близъ Зары молодой,
Забыть людей близъ ангела въ пустынѣ,
Ты-бъ могъ любить, но не хотѣлъ, — и нынѣ
Картины счастья живо предъ тобой
Проходятъ укоряющей толпой.
Ты жмешь ей руку; грудь и плечи
Цалуешь въ упоеньи; ласки, рѣчи,
Исполненныя счастья и любви,
Ты чувствуешь, ты слышишь; образъ милый,
Волшебный взоръ — все предъ тобой, какъ было
Еще недавно; всѣ мечты твои

Такъ вѣроятны, что душа боится,
Не вѣря имъ, вторично ошибиться!...
А чѣмъ ты это счастье замѣнилъ?»
Передъ огнемъ такъ думалъ Измаилъ.
Вдругъ выстрѣлъ, два, и много: онъ вскочилъ,
И слушаетъ... но все утихло снова.
И говоритъ онъ: «это сонъ больнаго!»

XX.

Души волненьемъ утомленъ,
Опять на землю князь ложится.
Трещитъ огонь и дымъ клубится...
И что-же? призракъ видитъ онъ:
Передъ огнемъ стоитъ спокоенъ,
На саблю опершись рукой,
Въ фуражкѣ бѣлой, русскій воинъ,
Печальный, блѣдный и худой.
Спросить хотѣлось Измаилу:
Зачѣмъ оставилъ онъ могилу?
И свѣтъ дрожащаго огня,
Упавъ на смуглыя ланиты,
Черкесу придалъ видъ сердитый.
— Чего ты хочешь отъ меня?
«Гостепріимства и защиты?»
Пришлецъ безстрашно отвѣчалъ:
«Свой путь въ горахъ я потерялъ,
«Черкесы вслѣдъ за мной спѣшили
«И казаковъ моихъ убили,
«И вѣрный конь подъ мною палъ.
«Спасти, убить врага ночнаго
«Равно ты можешь. Не боюсь
«Я смерти: грудь моя готова.
«Твоей я чести предаюсь!»

— Ты правъ: на честь мою надѣйся!
Вотъ мой огонь: садись и грѣйся.

XXI.

Тиха, прозрачна ночь была,
Свѣтила на небѣ блистали,
Луна за облакомъ спала,
Но люди ей не подражали.
Передъ огнемъ враги сидятъ,
Хранятъ молчанье и не спятъ.
Черты пришельца возбуждали
У князя новыя мечты:
Онѣ ему напоминали
Давно знакомыя черты.
То не игра воображенья!
Онъ долженъ разрѣшить сомнѣнья...
И такъ пришельцу говорилъ
Нетерпѣливый Измаилъ:
— Ты молодъ, вижу я. За славой
Привыкнулъ гнаться; ты забылъ,
Что славы нѣтъ въ войнѣ кровавой
Съ необразованной толпой!
За что̀ завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бѣдны мы, и волю,
И степь свою не отдадимъ
За злато роскоши нарядной!
За то, что мы боготворимъ,
Что̀ презираете вы хладно!
Не бойся, говори смѣлѣй:
Зачѣмъ ты насъ возненавидѣлъ,
Какою грубостью своей
Простой народъ тебя обидѣлъ?

XXII.

«Ты ошибаешься, черкесъ!»
Съ улыбкой русскій отвѣчаетъ.
«Повѣрь: меня, какъ васъ, плѣняетъ
«И водопадъ, и темный лѣсъ;
«Съ восторгомъ ваши льды я вижу,
«Встрѣчаю пышную зарю,
«И ваше племя я люблю;
«Но одного я ненавижу:
«Черкесъ онъ родомъ, не душой,
«Ни въ чемъ, ни въ чемъ не схожъ съ тобой, —
«Себѣ, иль князю Измаилу
«Клялся я здѣсь найти могилу...
«Къ чему опять ты мрачный взоръ
«Мохнатой шапкой закрываешь?
«Твое молчанье мнѣ укоръ;
«Но выслушай, ты все узнаешь,
«И самъ досадой запылаешь...

XXIII.

«Ты знаешь, вѣрно, что служилъ
«Въ россійскомъ войскѣ Измаилъ;
«Но, недовольный между нами,
«Родными бредилъ онъ полями,
«И все черкесъ въ немъ видѣнъ былъ.
«Въ пирахъ и битвахъ отличался
«Онъ передъ всѣми! томный взглядъ
«Восточной нѣгой отзывался:
«Для нашихъ женщинъ въ немъ былъ ядъ!
«Воспламенивъ воображенье,
«Повелѣвалъ онъ безъ труда,

«И за проступокъ наслажденье
«Не почиталъ онъ никогда;
«Не знаю, было то презрѣнье
«Къ законамъ стороны чужой,
«Или испорченныя чувства...
«Любовью женщинъ, ихъ тоской
«Онъ веселился какъ игрой;
«Но избѣжать его искусства
«Не удалося ни одной.

XXIV.

«Черкесъ! видалъ я здѣсь прекрасныхъ
«Свободы нѣжныхъ дочерей;
«Но не сравню ихъ взоровъ страстныхъ
«Съ привѣтомъ сѣверныхъ очей.
«Ты не любилъ! Ни словъ опасныхъ,
«Ни устъ волшебныхъ не знавалъ;
«Кудрями дѣвы золотыми
«Ты въ упоеньи не игралъ;
«Ты клятвамъ страсти не внималъ
«И не былъ ты обманутъ ими...
«Но я любилъ! судьба меня
«Блестящей радугой манила,
«Невольно къ безднѣ подводила...
«И ждалъ я счастливаго дня!
«Своей невѣстой дорогою
«Я смѣлъ ужъ ангела назвать,
«Невиннымъ ласкамъ отвѣчать
«И съ райской дѣвой забывать,
«Что рая нѣтъ ужъ подъ луною.
«И вдругъ ударилъ страшный часъ —
«Причина долголѣтней муки;
«Призывъ войны, отчизны гласъ,

«Раздался вѣстникомъ разлуки.
«Какъ дымъ разсѣялись мечты...
«Тотъ день я буду помнить вѣчно...
«Черкесъ! черкесъ! ни съ кѣмъ, конечно,
«Ни съ кѣмъ не разставался ты?...

XXV.

«Въ то время Измаилъ случайно
«Невѣсту увидалъ мою,
«И страстью запылалъ онъ тайно.
«Межъ тѣмъ, какъ въ дальнемъ я краю
«Искалъ въ бояхъ конца, иль славы, —
«Сластолюбивый и лукавый,
«Онъ сердце дѣвы молодой
«Опуталъ сѣтью роковой.
«Какъ онъ умѣлъ слезой притворной
«Къ себѣ довѣренность вселять,
«Насмѣшкой скромность побѣждать,
«И, побѣждая, видъ покорный
«Хранить — иль весь огонь страстей
«Мгновенно открывать предъ ней!...
«Онъ очертилъ волшебнымъ кругомъ
«Ея желанья; вѣдалъ онъ,
«Что быть не могъ ея супругомъ,
«Что раздѣлялъ ихъ нашъ законъ, —
«И обольщенная упала
«На грудь убійцы своего!
«Кромѣ любви, она не знала,
«Она не знала ничего...

XXVI.

«Но скоро скуку пресыщенья
«Постигъ виновный Измаилъ.

«Таиться не было терпѣнья.
«Когда погасъ минутный пылъ,
«Оставилъ жертву обольститель
«И удалился въ край родной,
«Забывъ, что есть на небѣ мститель,
«А на землѣ еще другой!
«Моя рука его отыщетъ
«Въ толпѣ, въ лѣсахъ, въ степи пустой,
«И казни грозный мечъ просвищетъ
«Надъ непреклонной головой.
«Пусть ликъ одежда измѣняетъ:
«Не взоръ — душа врага узнаетъ!...

XXVII.

«Черкесъ! ты понялъ, вижу я,
«Какъ справедлива месть моя.
«Ужъ на устахъ твоихъ проклятья!
«Ты, внемля, вздрагивалъ не разъ!...
«О, еслибъ могъ пересказать я,
«Изобразить ужасный часъ,
«Когда прелестное созданье
«Я въ униженьи увидалъ
«И безотчетное страданье
«Въ глазахъ увядшихъ прочиталъ!...
«Она разсудокъ потеряла:
«Рядилась, пѣла и плясала,
«Иль, сидя молча у окна,
«По цѣлымъ днямъ, какъ-бы не зная,
«Что измѣнилъ онъ ей, вздыхая,
«Ждала измѣнника она.
«Вся жизнь погибшей дѣвы милой
«Остановилась на быломъ;
«Ея безумье даже было

«Любовь къ нему и мысль о немъ...
«Какой душѣ не зналъ онъ цѣну!...»
И долго русскій говорилъ
Про месть, про счастье, про измѣну, —
Его не слушалъ Измаилъ.
Лишь знаетъ онъ, да Богъ единый,
Что̀ подъ спокойною личиной
Тогда происходило въ немъ.
Стѣснивъ дыханье, вверхъ лицомъ
(Хоть сердце гордое и взгляды
Не ждали отъ небесъ отрады),
Лежалъ онъ на землѣ сырой,
Какъ ты, земля, и мрачный и нѣмой.

XXVIII.

Видали-ль вы, какъ хищные и злые
Къ оставленному трупу, въ тихій долъ,
Слетаются наслѣдники земные,
Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?
Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣка печали стоютъ тѣхъ минутъ...
Лишь дунетъ вихрь — и сломится лилея;
Таковъ съ душой кто слабою рожденъ:
Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ;
Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,
Ихъ обращаетъ въ пытку Прометея!
Не сгладитъ время ихъ глубокій слѣдъ;
Все въ мірѣ есть — забвенья только нѣтъ!...

XXIX.

Свѣтаетъ. Горы снѣговыя
На небосклонѣ голубомъ

Зубцы подъемлютъ золотые;
Слилися съ утреннимъ лучомъ
Края волнистаго тумана.
И на верху горы Шайтана
Огонь, стыдясь передъ зарей,
Блѣднѣетъ. Тихо приподнялся,
Какъ передъ смертію больной,
Угрюмый князь съ земли сырой.
Казалось, вспомнить онъ старался
Разсказъ ужасный, и желалъ
Себя увѣрить онъ, что спалъ;
Желалъ-бы счесть онъ все мечтою,
И по челу провелъ рукою:
Но грусть — жестокій властелинъ!
Съ чела не сгладилъ онъ морщинъ.

XXX.

Онъ всталъ, онъ хочетъ непремѣнно
Пришельцу быть проводникомъ;
Не зная думать что̀ о немъ,
Согласенъ юноша смущенный.
Идутъ они глухимъ путемъ;
Но ихъ тревожитъ все: то птица
Изъ-подъ ноги у нихъ вспорхнетъ,
То краснобокая лисица
Въ кусты цвѣтущіе нырнетъ.
Они все ниже, ниже сходятъ.
И рукъ отъ сабель не отводятъ.
Черезъ опасный переходъ
Спѣшатъ, нагнувшись, безъ оглядки;
И вновь на холмъ крутой взошли, —
И цѣпью русскія палатки,
Какъ на ночлегѣ журавли,

Бѣлѣютъ смутно ужъ вдали.
Тогда черкесъ остановился,
За руку русскаго схватилъ, —
И кто-бы, кто не удивился? —
По-русски съ нимъ заговорилъ.

XXXI.

«Прощай! ты можешь безопасно
«Теперь идти въ шатры свои.
«Но, если вѣришь мнѣ, напрасно
«Ты хочешь потопить въ крови
«Свою печаль! Страшись, быть можетъ,
«Раскаянье прибавишь къ ней.
«Болѣзни этой не поможетъ
«Ни кровь врага, ни рѣчь друзей!
«Напрасно здѣсь, въ краю далекомъ,
«Ты губишь прелесть юныхъ дней.
«Нѣтъ! не достать враждѣ твоей
«Главы постигнутой ужъ рокомъ!
«Онъ палачамъ судей земныхъ
«Не уступаетъ жертвъ своихъ!
«Твоя-бъ рука не устрашила
«Того, кто борется съ судьбой:
«Ты худо знаешь Измаила;
«Смотри-жъ: онъ здѣсь, передъ тобой!»
И съ видомъ гордаго презрѣнья
Отвѣта князь не ожидалъ;
Онъ скрылся межъ уступовъ скалъ. —
И долго русскій, безъ движенья,
Одинъ, какъ вкопанный стоялъ.

XXXII.

Межъ тѣмъ, передъ горой Шайтаномъ,
Расположась военнымъ станомъ,

Толпа черкесовъ удалыхъ
Сидѣла вкругъ огней своихъ.
Они любили Измаила:
Съ нимъ вмѣстѣ слава, иль могила,
Имъ все равно, лишь только-бъ съ нимъ!
Но не могла-бъ судьба однимъ
И нѣжнымъ чувствомъ межъ собою
Сковать людей съ умомъ простымъ
И съ безпокойною душою:
Ихъ всѣхъ обидѣлъ Росламбэкъ!
(Таковъ повсюду человѣкъ).

XXXIII.

Сидятъ наѣздники безпечно,
Курятъ турецкій свой табакъ,
И князя ждутъ они. «Конечно,
«Когда исчезнетъ ночи мракъ,
«Онъ къ намъ сойдетъ, и взоръ орлиный
«Смиритъ враждебныя дружины,
«И вздрогнутъ передъ нимъ они,
«Какъ Росламбэкъ и уздени!»
Такъ, пѣсню воли напѣвая,
Шептала шайка удалая.

XXXIV.

Безмолвно, грустно, въ сторонѣ,
Поднявъ глаза свои къ лунѣ,
Подругѣ думъ любви мятежной,
Прекрасный юноша стоялъ, —
Цвѣтокъ для смерти слишкомъ нѣжный!
Онъ также Измаила ждалъ,
Но не безпечно. Трепетъ тайный

Порывамъ сердца измѣнялъ,
И вздохъ тяжелый, не случайный,
Не разъ изъ груди вылеталъ;
И онъ явился къ Измаилу,
Чтобъ раздѣлить съ нимъ — хоть могилу;
Увы! такая-ли рука
Въ куски изрубитъ казака?
Такой-ли взоръ, стыдливый, скромный,
Глядитъ на міръ, чтобъ видѣть кровь?
Зачѣмъ онъ здѣсь, и ночью темной,
Лицомъ прелестный, какъ любовь,
Одинъ въ кругу черкесовъ праздныхъ,
Жестокихъ, буйныхъ, безобразныхъ?
Хотя страшился онъ сказать,
Не трудно-бъ было отгадать,
Когда-бъ... Но сердце, чѣмъ моложе,
Тѣмъ боязливѣе, тѣмъ строже
Хранитъ причину отъ людей
Своихъ надеждъ, своихъ страстей.
И тайна юнаго Селима,
Чуждаясь устъ, ланитъ, очей,
Отъ любопытныхъ, какъ отъ змѣй,
Въ груди сокрылась невредима.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

—

I.

Какія степи, горы и моря
Оружію славянъ сопротивлялись?
И гдѣ велѣнью русскаго царя
Измѣна и вражда не покорялись?
Смирись черкесъ! и западъ и востокъ,
Быть можетъ, скоро твой раздѣлятъ рокъ.
Настанетъ часъ, и скажешь самъ надменно:
Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!
Настанетъ часъ — и новый, грозный Римъ
Украситъ сѣверъ Августомъ другимъ!

II.

Горятъ аулы: нѣтъ у нихъ защиты,
Врагомъ сыны отечества разбиты.
И зарево, какъ вѣчный метеоръ,
Играя въ облакахъ, пугаетъ взоръ.
Какъ хищный звѣрь, въ смиренную обитель
Врывается штыками побѣдитель;
Онъ убиваетъ старцевъ и дѣтей; —
Невинныхъ дѣвъ и юныхъ матерей
Ласкаетъ онъ кровавою рукою; —
Но жены горъ не съ женскою душою!
За поцалуемъ вслѣдъ звучитъ кинжалъ —

Отпрянулъ русскій, захрипѣлъ и палъ!
«Отмсти, товарищъ!» и въ одно мгновенье
(Достойное за смерть убійцы мщенье)
Простая сакля, веселя ихъ взоръ,
Горитъ, — черкесской вольности костеръ!...

III.

Въ аулѣ дальнемъ Росламбэкъ угрюмый
Сокрылся вновь, не ужасомъ объятъ,
Но у него коварныя есть думы, —
Имъ помѣшать теперь не можетъ братъ.
Гдѣ-жъ Измаилъ? — Безвѣстными горами
Блуждаетъ онъ, дерется съ казаками
И, заманивъ толпы ихъ за собой,
Пустыню усыпаетъ ихъ костями,
И манитъ новыхъ по дорогѣ той.
За нимъ устали русскіе гоняться,
На крѣпости природныя взбираться;
Но отдохнуть черкесы не даютъ,
То скроются, то снова нападутъ;
Они — какъ тѣнь, какъ дымное видѣнье,
И далеко и близко въ то-жъ мгновенье.

IV.

Но въ буряхъ битвъ не думалъ Измаилъ
Сыскать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну, за друзей онъ мстилъ,
И не плѣнялся именемъ героя;
Онъ вѣдалъ цѣну почестей и словъ,
Изобрѣтенныхъ только для глупцовъ!
Недолгій жаръ погасъ; душой усталый,
Его-бы не желалъ онъ воскресить.

И не родной аулъ, — родныя скалы
Рѣшился онъ отъ русскихъ защитить.

V.

Садится день, одѣтый мглою,
Какъ за прозрачной пеленою...
Ни вѣтра на землѣ, ни тучъ
На блѣдномъ сводѣ. Чуть примѣтно
Орла на вышинѣ безцвѣтной;
Межъ скалъ блуждая, жолтый лучъ
Въ пещеру дикую прокрался,
И гладкій черепъ озарилъ,
И самъ на жителѣ могилъ
Передъ кончиной разыгрался,
И по разбросанцымъ костямъ,
Травой поросшимъ, здѣсь и тамъ,
Скользнулъ огнистой полосою,
Дивясь ихъ вѣчному покою.
Но прежде встрѣтилъ онъ двоихъ
Недвижныхъ также, — но живыхъ!...
И, какъ нѣмыя жертвы гроба,
Они безпечны были оба.

VI.

Одинъ... такъ точно — Измаилъ.
Безвѣстной думой угнетаемъ,
Онъ солнце тусклое слѣдилъ,
Какъ мы нерѣдко провожаемъ
Гостей докучливыхъ; на немъ
Черкесскій панцырь и шеломъ,
И пятна крови омрачали
Мѣстами блескъ военной стали.

Младую голову Селимъ
Вождю склоняетъ на колѣни;
Онъ всюду слѣдуетъ за нимъ,
Хранительной подобно тѣни:
Никто ни ропота, ни пени
Не слышалъ на его устахъ...
Боится онъ, или устанетъ,
На Измаила только взглянетъ —
И веселъ трудъ ему и страхъ!

VII.

Онъ спитъ, и длинныя рѣсницы
Закрыли очи подъ собой;
Въ ланитахъ кровь, какъ у дѣвицы,
Играетъ розовой струей,
И на кольчугѣ боевой
Ему не жостко. Съ сожалѣньемъ
На эти нѣжныя черты
Взираетъ витязь, и мечты
Его исполнены мученьемъ.
Такъ свѣтлой каплею роса,
Оставя край свой, небеса,
На листъ увядшій упадаетъ;
Блистая райскимъ жемчугомъ,
Она покоится на немъ
И, беззаботная, не знаетъ,
Что скоро листъ увядшій тотъ
Пожнетъ коса, иль конь сомнетъ.

VIII.

Съ полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Онъ спитъ; но мирная душа
Взволнована; полусловами

Онъ съ кѣмъ-то говоритъ во снѣ.
Услышалъ князь и удивился;
Къ устамъ Селима въ тишинѣ
Прилежнымъ ухомъ наклонился.
Быть можетъ, черезъ этотъ сонъ
Его судьбу узнаетъ онъ.
«Ты могъ забыть? — любви ненужно,
«Одной лишь нѣжности наружной...
«Оставь-же!» сонный говорилъ.
— Кого оставить? — князь спросилъ.
Селимъ умолкъ, но на мгновенье;
Онъ продолжалъ: «Къ чему сомнѣнье?
«На всемъ лежитъ его презрѣнье...
«Увы! что̀ значитъ передъ нимъ
«Простая дѣва, иль Селимъ?
«Такъ будетъ вѣчно между нами...
«Зачѣмъ безцѣнными устами
«Онъ это имя освятилъ?»
— Не я-ль? подумалъ Измаилъ;
И, погодя, онъ слышитъ снова:
«Ужасно, Боже! для дѣтей
«Проклятіе отца роднаго,
«Когда на склонѣ позднихъ дней
«Оставленъ ими... но страшнѣй
«Его слеза!...» Еще два слова
Селимъ сказалъ, и слабый стонъ
Вдругъ поднялъ грудь, какъ стонъ прощанья,
И улетѣлъ. — Изъ состраданья,
Князь прерываетъ тяжкій сонъ.

IX.

И, вздрогнувъ, юноша проснулся,
Взглянулъ вокругъ, и улыбнулся,

Когда онъ ясно увидалъ,
Что на колѣняхъ друга спалъ.
Но, покраснѣвши, сновидѣнье
Пересказать стыдился онъ,
Какъ будто-бы лукавый сонъ
Имѣлъ съ судьбой его сношенье.
Не отвѣчая на вопросъ
(Примѣта явная печали),
Щипалъ онъ листья дикихъ розъ
И наконецъ двѣ капли слезъ
Въ очахъ склоненныхъ заблистали;
И, съ быстротой отворотясь,
Онъ слезы осушилъ рукою...
Все примѣчалъ, все видѣлъ князь;
Но не смутился онъ душою
И приписалъ онъ простотѣ,
Затѣямъ дѣтскимъ слезы тѣ.
Конечно, самъ давно не зналъ онъ
Печалей сладостныхъ любви,
И самъ давно не предавалъ онъ
Слезамъ страданія свои.

X.

Не знаю... но въ другихъ онъ чувства
Судить отвыкъ ужъ по своимъ.
Не разъ, личиною искусства,
Слезой и сердцемъ ледянымъ,
Когда обмановъ самъ чуждался,
Обманутъ былъ онъ — и боялся
Онъ вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!
И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь — измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ радость и печаль — все призракъ ложный;

Гдѣ память о добрѣ и злѣ — все ядъ;
Гдѣ льститъ намъ зло, но болѣе тревожитъ;
Гдѣ сердце утѣшать добро не можетъ,
И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
Раскаянье одно приносятъ намъ...

XI.

Селимъ встаетъ, на гору всходитъ..
Сребристый стелется ковыль
Вокругъ пещеры; сумракъ бродитъ
Вдали... Вотъ топотъ; вотъ и пыль,
Желтѣя, поднялась въ лощинѣ,
И крикъ черкесовъ по зарѣ
Гудитъ, теряяся въ пустынѣ...
Селимъ все слышалъ на горѣ;
Стремглавъ въ пещеру онъ вбѣгаетъ:
«Они! они!» онъ восклицаетъ,
И князя нѣжною рукой
Влечетъ онъ быстро за собой.
Вотъ первый всадникъ показался;
Онъ, мнилось, изъ земли рождался,
Когда въѣзжалъ на холмъ крутой;
За нимъ другой, еще другой, —
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Тамъ, еслибъ два коня столкнулись,
Назадъ-бы оба не вернулись,
И не могли-бъ впередъ идти.

XII.

Толпа джигитовъ* удалая,
Передъ горой остановясь,

* Наѣздники.

Съ коней измученныхъ слѣзая,
Шумитъ. Но къ нимъ подходитъ князь —
И все утихло; уваженье
Въ ихъ выразительныхъ чертахъ;
Но уваженіе — не страхъ,
Не власть его основа — мнѣнье;
«Какія вѣсти!» — Русскій станъ
Пришелъ къ Оссаевскому Полю,
Имъ льститъ и бѣдность нашихъ странъ!
Ихъ много! «Кто не любитъ волю?»
Молчатъ. «Такъ дайте-жъ отдохнуть
«Своимъ конямъ. Съ зарею въ путь.
«Въ бою мы рады лечь костями;
«Чего-же лучшаго намъ ждать? —
«Но въ цвѣтѣ жизни умирать...
«Селимъ, ты не поѣдешь съ нами!...»

XIII.

Блѣднѣетъ юноша, и взоръ
Понятно выразилъ укоръ.
«Нѣтъ!» говоритъ онъ: «я повсюду
«Въ изгнаньѣ, въ битвѣ — спутникъ твой;
«Нѣтъ! клятвы я не позабуду —
«Угаснуть или жить съ тобой!
«Не робокъ я подъ свистомъ пули —
«Ты видѣлъ это, Измаилъ!
«Меня враги не ужаснули,
«Когда ты, князь, со мною былъ!
«И съ твоего чела не я-ли
«Смывалъ такъ часто пыль и кровь?
«Когда друзья твои бѣжали,
«Чьи рѣчи, ласки прогоняли
«Суровый мракъ твоей печали?

«Мои слова! моя любовь!
«Возьми, возьми меня съ собою!
«Ты знаешь, я владѣть стрѣлою
«Могу... И что̀ мнѣ смерть? — О, нѣтъ!
«Красой и счастьемъ юныхъ лѣтъ
«Моя душа не дорожила;
«Все, все оставлю, жизнь и свѣтъ, —
«Но не оставлю Измаила!»

XIV.

Взглянулъ на небо молча князь,
И наконецъ, отворотясь,
Онъ протянулъ Селиму руку;
И крѣпко тотъ ее пожалъ
За то, что смерть, а не разлуку
Печальный знакъ сей обѣщалъ!
И долго витязь такъ стоялъ;
И подъ нависшими бровями
Блеснуло что-то; и слезами
Я могъ-бы этотъ блескъ назвать,
Когда-бъ не скрылся онъ опять.

XV.

По косогору ходятъ кони;
Колчаны, ружья, сѣдла, брони
Въ пещеру на ночь снесены;
Огни у входа зажжены.
На князѣ яркая кольчуга
Блеститъ краснѣя; погружонъ
Въ мечтанье горестное онъ;
И отъ страстей, какъ отъ недуга,
Бѣжитъ спокойствіе и сонъ.
И говоритъ Селимъ: «Навѣрно,

«Тебя терзаетъ духъ пещерный!
«Дай, пѣсню я тебѣ спою;
«Нерѣдко дѣва молодая
«Ее поетъ въ моемъ краю,
«На битву друга отпуская;
«Она печальна; но другой
«Я не слыхалъ въ странѣ родной.
«Ее пѣвала мать родная
«Надъ колыбелію моей.
«Ты, слушая, забудешь муки,
«И на глаза навѣютъ звуки
«Всѣ сновидѣнья дѣтскихъ дней!»
Селимъ запѣлъ и ночь кругомъ внимаетъ,
И пѣсню ей пустыня повторяетъ:

ПѢСНЯ СЕЛИМА.

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигидъ
И дѣва ему говоритъ:

«Мой милый! смѣлѣе
«Ввѣряйся ты року,
«Молися Востоку,
«Будь вѣренъ пророку,
«Любви будь вѣрнѣе!

«Всегда награжденъ,
«Кто любитъ до гроба;
«Ни зависть, ни злоба
«Ему не законъ;

«Пускай его смерть и погубитъ:
«Одинъ не погибнетъ, кто любитъ!

«Любви измѣнившій —
«Измѣной кровавой,
«Врага не сразивши —
«Погибнетъ безъ славы;
«Дожди его ранъ не обмоютъ
«И звѣри костей не зароютъ!»

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ!...

—

«Прочь эту пѣсню!» какъ безумный
Воскликнулъ князь: «зачѣмъ упрекъ?...
«Тебя-ль послушаетъ пророкъ?...
«Тамъ, облитъ кровью, въ битвѣ шумной,
«Твои слова я заглушу,
«И разорву ея оковы,
«И память въ сердцѣ удушу...
«Вставайте! Какъ? вы не готовы?...
«Прочь пѣсни! крови мнѣ! пора!...
«Друзья, коней!... Вы не слыхали?
«Удары, топотъ, визгъ ядра,
«И крикъ, и трескъ разбитой стали.
«Я слышалъ... О, не пой, не пой!
«Тронь сердце, какъ дрожитъ! И что-же?
«Ты недовольна? Боже, Боже!...
«Зачѣмъ казнить ея рукой?...»
Такъ рѣчь его оторвалася

Отъ блѣдныхъ устъ и пронеслася
Невнятно, какъ далекій громъ.
Неровнымъ, трепетнымъ огнемъ
До половины освѣщенный,
Ужасенъ, съ шашкой обнаженной,
Стоялъ недвижимъ Измаилъ,
Какъ призракъ злой, отъ сна могилъ
Волшебнымъ словомъ пробужденный.
Онъ взоръ всей силой устремилъ
Въ пустую степь, грозилъ рукою,
Чему-то страшному грозилъ:
Иначе, какъ-бы Измаилъ
Смутиться твердой могъ душою? —
И понялъ наконецъ Селимъ,
Что витязь говорилъ не съ нимъ...
Неосторожный! онъ коснулся
Душевныхъ струнъ — и звукъ проснулся,
Расторгнувъ хладную тюрьму...
И самъ искусству своему
Селимъ невольно ужаснулся...

XVI.

Толпа садится на коней.
При свѣтѣ гаснущихъ огней
Мелькаютъ сумрачныя лица.
Такъ опоздавшая станица
Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
Вдругъ поднимается съ полей...
Смѣхъ, крики, ропотъ, стукъ и ржанье —
Все дышетъ буйствомъ и войной!
Во всемъ приличія незнанье,
Отвага дерзости слѣпой!

XVII.

Свѣтлѣетъ небо полосами;
Заря межъ синими рядами
Ревнивыхъ тучъ ужъ занялась.
Вдоль по лощинѣ ѣдетъ князь,
За нимъ черкесы цѣпью длинной.
Признаться, конь по сѣдоку:
Бѣжитъ и, будто вѣтръ пустынный,
Скользящій шумно по песку,
Крутится, вьется на скалу.
Онъ былъ какъ снѣгъ: во мракѣ ночи
Его замѣтить могутъ очи.
Съ колчаномъ звонкимъ за спиной,
Отягощенъ своимъ нарядомъ,
Селимъ проворный ѣдетъ рядомъ,
На кобылицѣ вороной.
Такъ бѣлый облакъ въ полдень знойный,
Плыветъ отважно и спокойно, —
И вдругъ, по тверди голубой
Отрывокъ тучи громовой,
Грозы дыханіемъ гонимой,
Такъ черный лоскутъ мчится мимо;
Но какъ ни бейся, въ вышинѣ
Онъ съ тѣмъ не станетъ наравнѣ!

XVIII.

Ужъ близко роковое поле.
Кому-то пасть рѣшитъ судьба?...
Вдругъ имъ послышалась стрѣльба,
И каждый мигъ все болѣ, болѣ, —
И пушекъ голосъ громовой

Раздался скоро за горой.
И вспыхнулъ князь, махнулъ рукою:
«Впередъ!» воскликнулъ онъ: «за мною!»
Сказалъ — и бросилъ повода.
Нѣтъ, такъ прекрасенъ никогда
Онъ не казался! Повелитель,
Герой по взорамъ и рѣчамъ,
Летѣлъ къ опаснымъ онъ врагамъ,
Летѣлъ, какъ ангелъ-истребитель:
И въ этотъ мигъ, скажи, Селимъ,
Кто-бъ не послѣдовалъ за нимъ?

XIX.

Межъ тѣмъ, съ безпечною отвагой,
Отрядъ могучихъ казаковъ
Гнался за малою ватагой
Неустрашимыхъ удальцовъ.
Всю эту ночь они блуждали
Вкругъ непріязненныхъ шатровъ,
Ихъ часовые увидали, —
И пушка грянула по нимъ.
И витязи спѣшатъ на встрѣчу.
Едва съ отчаяньемъ нѣмымъ
Они поддерживали сѣчу,
Стыдясь и въ бѣгствѣ показать,
Что смерть ихъ можетъ испугать.
Ихъ кругъ тѣснѣй ужъ становился:
Одинъ подъ саблею свалился,
Другой, пробитый въ грудь свинцомъ,
Былъ въ поле унесенъ конемъ,
И, мертвый, на сѣдлѣ все бился...
Оружье брось, — надежды нѣтъ.
Черкесъ, читай свои молитвы!

Въ крови твой шелковый бешметъ,
Тебѣ другой не видѣть битвы...
Вдругъ пыль и крикъ! — онъ имъ знакомъ:
То крикъ родной, не безполезный!
Глядятъ — и видятъ надъ холмомъ
Стоитъ ихъ князь въ бронѣ желѣзной.

XX.

Не долго Измаилъ стоялъ:
Вздохнуть коню онъ только далъ,
Взглянулъ и ринулся, и смялъ
Враговъ, и путь за нимъ кровавый
Межъ ихъ рядами видѣнъ сталъ,
Вездѣ, налѣво и направо,
Чертя по воздуху круги,
Удары шашки упадаютъ:
Не видятъ блескъ ея враги,
И беззащитно умираютъ!
Какъ юный левъ, разгорячась,
Въ средину ихъ врубился князь:
Кругомъ свистятъ и рѣютъ пули;
Но что-жъ? его хранитъ пророкъ!
Шеломъ удары не согнули,
И худо мѣтится стрѣлокъ.
За нимъ, погибель разсыпая,
Вломилась шайка удалая,
И чрезъ минуту шумный бой
Разсыпался въ долинѣ той...

XXI.

Далеко отъ сраженья, межъ кустовъ,
Питомецъ смѣлый трамскихъ табуновъ,

Разсѣдланный, хладѣя постепенно,
Лежалъ издохшій конь, и передъ нимъ,
Участіемъ исполненный живымъ,
Стоялъ черкесъ. Соратника лишенный,
Крестомъ сжавъ руки, и кидая взглядъ
Зависливый туда, на поле боя,
Онъ проклинать судьбу свою былъ радъ.
Его печаль — была печаль героя!
И весь въ поту, усталостью томимъ,
Къ нему въ испугѣ подбѣжалъ Селимъ
(Онъ лукъ не напрягалъ еще, и стрѣлы
Всѣ до одной въ колчанѣ были цѣлы).

XXII.

— Бѣда! сказалъ онъ: князя не видать!
Куда онъ скрылся? — «Если хочешь знать,
«Взгляни туда, гдѣ бранный дымъ краснѣе,
«Гдѣ гуще пыль и смерти крикъ сильнѣе,
«Гдѣ кровью облитъ мертвый и живой,
«Гдѣ въ бѣгствѣ нѣтъ надежды никакой.
«Онъ тамъ... Смотри: летитъ какъ съ неба пламя.
«Его шишакъ и конь — вотъ наше знамя!
«Онъ тамъ: какъ духъ, разитъ и невредимъ
«И все бѣжитъ, иль падаетъ предъ нимъ!»
Такъ отвѣчалъ Селиму сынъ природы,
А лесть была чужда степей свободы!

XXIII.

Кто этотъ русскій, съ саблею въ рукѣ,
Въ фуражкѣ бѣлой? Страха онъ не знаетъ!
Онъ между всѣхъ отличенъ вдалекѣ,

И казаковъ примѣромъ ободряетъ;
Онъ ищетъ Измаила и нашелъ,
И вынулъ пистолетъ свой, и навелъ,
И выстрѣлилъ... напрасно; обманулся
Его свинецъ! — но выстрѣлъ роковой
Услышалъ князь, и мигомъ обернулся,
И задрожалъ: «Ты вновь передо мной!...
«Свидѣтель Богъ: не я тому виной!...»
Воскликнулъ онъ, и шашка зазвенѣла,
И, отдѣлясь отъ трепетнаго тѣла,
Какъ зрѣлый плодъ отъ вѣтки молодой,
Скатилась голова, и конь ретивый
Всталъ на дыбы, заржалъ, мотая гривой;
И скоро обезглавленный сѣдокъ
Свалился на растоптанный песокъ.
Недолго это сердце увядало,
И миръ ему! въ единый мигъ оно
Любить и ненавидѣть перестало:
Не всѣмъ такое счастье суждено!

XXIV.

Все жарче бой, главы валятся
Подъ взмахомъ княжеской руки:
Спасая дни свои, тѣснятся,
Бѣгутъ въ разстройствѣ казаки!
Какъ злые духи, горцы мчатся
Съ побѣднымъ воемъ имъ во слѣдъ,
И никому пощады нѣтъ!
Но что-жъ? побѣда измѣнила!
Раздался вдругъ нежданный громъ,
Все въ дымѣ скрылося густомъ,
И предъ глазами Измаила

На землю съ бѣшеныхъ коней
Кровавой грудою костей
Свалился рядъ его друзей...
Какъ градъ посыпалась картеча.
Пальбу услышавъ издалеча,
Направя синіе штыки,
Спѣшатъ ширванскіе полки...
На встрѣчу гибельному строю,
Одинъ, съ отчаянной душою,
Хотѣлъ пуститься Измаилъ;
Но за поводъ коня схватилъ
Черкесъ, и въ горы за собою —
Какъ ни противился сѣдокъ —
Коня могучаго увлекъ.
И ни малѣйшаго смятенья
Среди всеобщаго движенья
Не упустилъ младой Селимъ:
Онъ бѣгство князя примѣчаетъ,
Ударъ судьбы благословляетъ
И быстро слѣдуетъ за нимъ.
Не стыдъ, но горькая досада
Героя медленно грызетъ.
Жизнь побѣжденнымъ не награда!
Онъ на друзей не кинулъ взгляда
И, мнится, ихъ не узнаетъ.

XXV.

Чѣмъ рѣже насъ балуетъ счастье,
Тѣмъ слаще предаваться намъ
Предположеньямъ и мечтамъ.
Родится-ль тайное пристрастье
Къ другому міру, хоть и тамъ

Судьбы примѣтно самовластье,
Мы все свободнѣе даримъ
Ему надежды и желанья;
И украшаемъ, какъ хотимъ,
Свои воздушныя созданья.
Когда забота и печаль
Покой душевный возмущаютъ,
Мы забываемъ свѣтъ, и въ даль
Душа и мысли улетаютъ,
И ловятъ сны, въ которыхъ нѣтъ
Слѣдовъ и тѣни прежнихъ лѣтъ.
Но умъ, сомнѣньемъ охлажденный,
И спорить съ рокомъ пріученный,
Не усладить, не позабыть
Свои страданія желаетъ;
И если иногда мечтаетъ,
То онъ мечтаетъ — побѣдить!
И, зная собственную силу,
Пока не сброситъ прахъ въ могилу,
Онъ не оставитъ гордыхъ думъ...
Такой непобѣдимый умъ
Природой данъ былъ Измаилу!

XXVI.

Онъ раненъ; кровь его течетъ,
А онъ не чувствуетъ, не слышитъ;
Въ опасный путь его несетъ
Ретивый конь, храпитъ и пышетъ.
Одинъ Селимъ не отстаетъ:
За гриву ухватясь руками,
Едва сидитъ онъ на сѣдлѣ;
Боязни блѣдность на челѣ;

Онъ очи, полныя слезами,
Порой кидаетъ на того,
Кто все на свѣтѣ для него,
Кому надежду жизни милой
Готовъ онъ въ жертву принести,
И чье послѣднее «прости»
Его-бы съ жизнью разлучило!
Будь передъ міромъ онъ злодѣй —
Что̀ для любви слова людей?
Что́ ей небесъ опредѣленье?
Нѣтъ, охладить любовь гоненье
Еще ни разу не могло:
Она сама свое добро и зло!

XXVII.

Умолкъ докучный крикъ погони;
Дымясь и въ пѣнѣ скачутъ кони;
Между приваломъ и горой,
Кремнистой, тѣсною тропой,
Они дорогу знаютъ сами
И презираютъ сѣдока,
И безполезная рука
Ужъ не владѣетъ поводами.
Направо темные кусты
Висятъ, за шапки задѣвая,
И, съ неприступной высоты,
На новыхъ путниковъ взирая,
Чернѣетъ серна молодая...
Налѣво — пропасть; по краямъ
Рядъ красныхъ камней, здѣсь и тамъ
Всегда обрушиться готовый.
Никѣмъ невидимый потокъ,

Внизу свирѣпъ и одинокъ,
Какъ тигръ Америки суровый,
Бѣжитъ гремучею волной;
То блещетъ бахромой перловой,
То изумрудною каймой;
Какъ двѣ семьи — враждебный геній
Два гребня раздѣляетъ онъ.
Вдали на синій небосклонъ
Нагихъ, безплодныхъ горъ ступени
Ведутъ желаніе и взглядъ,
Сквозь облака, которыхъ тѣни
По нимъ мелькаютъ и спѣшатъ:
Смѣняя въ зависти другъ друга,
Они бѣгутъ впередъ, назадъ,
И мнится, что подъ солнцемъ юга
Въ нихъ страсти южныя кипятъ!

XXVIII.

Ужъ полдень. Измаилъ слабѣетъ...
Пылаетъ солнце высоко,
Но есть надежда: дымъ синѣетъ,
Родной аулъ недалеко...
Тамъ, гдѣ кустарникомъ прикрыты,
Встаютъ красивые граниты
Какимъ-то пасмурнымъ вѣнцомъ,
Есть поворотъ и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ.
Оттуда кровы земляные,
Мечеть, бѣлѣющій заборъ,
Аргуны воды голубыя,
Какъ подъ ногами, встрѣтитъ взоръ...
Достигнутъ поворотъ желанный;
Вотъ и вѣнецъ горы туманной,

Вотъ слышенъ рѣчки ревъ глухой;
И бѣлый конь сильнѣй рванулся...
Но вдругъ переднею ногой
Онъ оступился, спотыкнулся,
И на скаку, между камней,
Упалъ всей тяжестью своей.

XXIX.

И всадникъ, кровью истекая,
Лежалъ безъ чувства на землѣ;
Въ устахъ недвижность гробовая
И блѣдность муки на челѣ;
Казалось, часъ его кончины
Ждалъ знакъ условный въ небесахъ,
Чтобы слетѣть, и въ мигъ единый
Изъ человѣка сдѣлать — прахъ.
Ужель степная лишь могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила? —
Нѣтъ! нѣтъ! вѣдь здѣсь еще Селимъ...
Склонясь въ отчаяньи надъ нимъ,
Какъ въ бурю ива молодая
Надъ падшимъ гнется алтаремъ —
Снималъ онъ панцырь и шеломъ;
Но сердце къ сердцу прижимая,
Не слышитъ жизни ни въ одномъ!
И если-бъ страшное мгновенье
Всѣ силы не убило въ немъ,
Судиться сталъ-бы онъ съ Творцомъ
И проклиналъ-бы Провидѣнье!...

XXX.

Встаетъ, глядитъ кругомъ Селимъ:
Все неподвижно передъ нимъ!
Зоветъ — и тучка дождевая
Летитъ на зовъ его одна,
По вѣтру крылья простирая,
Какъ смерть темна и холодна.
Вотъ наконецъ сырымъ покровомъ
Одѣла путниковъ она, —
И юноша въ испугѣ новомъ!
Прижавшись къ другу съ быстротой:
«О, пощади его... постой!»
Воскликнулъ онъ: «я вижу ясно,
«Что ты пришла меня лишить
«Того, кого люблю такъ страстно,
«Кого слабѣй нельзя любить!
«Ступай, ищи другихъ по свѣту!
«Всѣ жертвы бога твоего!...
«Ужель меня несчастнѣй нѣту,
«И нѣтъ виновнѣе его?»

XXXI.

Межъ тѣмъ, подобно дымной тѣни,
Хотя не понялъ онъ моленій,
Угрюмый облакъ пролетѣлъ.
Когда-жъ Селимъ взглянуть посмѣлъ —
Онъ былъ далеко. Освѣженный
Его прохладою мгновенной,
Очнулся блѣдный Измаилъ,
Взглянулъ, потомъ глаза открылъ.
Онъ слабъ: другую ищетъ руку
Его дрожащая рука;

И, каждому внимая звуку,
Онъ пьетъ дыханье вѣтерка,
И все, что́ близко, отдаленно,
Предъ нимъ яснѣетъ постепенно...
Гдѣ-жъ другъ послѣдній? гдѣ Селимъ?
Глядитъ... и что̀-же передъ нимъ?
Глядитъ... уста оледенѣли,
И мысли зрѣньемъ овладѣли...
Не могъ-бы описать подобный мигъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ!

XXXII.

Селимъ... и кто теперь не отгадаетъ? —
На немъ мохнатой шапки больше нѣтъ:
Раскрылась грудь, на шелковый бешметъ
Волна кудрей, чернѣя, ниспадаетъ —
Въ печали женщинъ лучшій ихъ уборъ.
Молитва стихла на устахъ... а взоръ...
О, небо, небо! есть-ли въ кущахъ рая
Глаза, гдѣ слезы, робость и печаль
Оставить — страшно, уничтожить — жаль!
Скажи мнѣ: есть-ли Зара молодая
Межъ дѣвъ твоихъ? и плачетъ-ли она,
И любитъ-ли? Но понялъ я молчанье!
Не встрѣтить мнѣ подобное созданье:
На небѣ неумѣстно подражанье,
А Зара на землѣ была одна.

XXXIII.

Узналъ, узналъ онъ образъ позабытый
Среди душевныхъ бурь и бурь войны;
Поцаловалъ онъ нѣжныя ланиты —

И краски жизни имъ возвращены.
Она чело на грудь ему склонила, —
Смущаютъ Зару ласки Измаила.
Но сердцу какъ ума не соблазнить?
И какъ любви стыда не побѣдить?
Ихъ рѣчи — пламень; вѣчная пустыня
Восторгомъ и блаженствомъ ихъ полна.
Любовь для неба и земли святыня
И только для людей порокъ она!
Во всей природѣ дышетъ сладострастье,
И только люди покупаютъ счастье!

Прошло два года, все кипитъ война;
Безплоднаго Кавказа племена
Питаются разбоемъ и обманомъ;
И въ знойный день, и подъ ночнымъ туманомъ
Отважность ихъ для русскаго страшна.
Казалося, двухъ братьевъ помирила
Слѣпая месть и къ родинѣ любовь.
Вездѣ, гдѣ врагъ бѣжитъ и льется кровь,
Видна рука и шашка Измаила.
Но отчего ни Зара, ни Селимъ,
Теперь уже не слѣдуютъ за нимъ?
Куда лезгинка нѣжная сокрылась?
Какой ударъ ту грудь оледенилъ,
Гдѣ для любви такое сердце билось,
Какимъ владѣть онъ недостоинъ былъ?
Измѣна-ли причина ихъ разлуки?

Жива-ль она, иль спитъ послѣднимъ сномъ?
Родныя-ль въ гробъ ее сложили руки?
Послѣднее «прости» съ слезами муки
Сказали-ль ей на языкѣ родномъ?
И если смерть щадитъ ее понынѣ —
Между какихъ людей, въ какой пустынѣ:
Кто-бъ Измаила смѣлъ спросить о томъ?

Однажды, въ часъ, когда лучи заката
По облакамъ кидали искры злата,
Задумчивъ на курганѣ Измаилъ
Сидѣлъ. Еще ребенкомъ онъ любилъ
Природы дикой пышныя картины,
Разливъ зари и льдистыя вершины,
Блестящія на небѣ голубомъ;
Не измѣнилось только это въ немъ.
Четыре горца близъ него стояли
И мысли по лицу узнать желали;
Но кто проникнетъ въ глубину морей
И въ сердце, гдѣ тоска, но нѣтъ страстей?
О чемъ-бы онъ ни думалъ — западъ дальній
Не привлекалъ мечты его печальной;
Другія вспоминанья и другой,
Другой предметъ владѣлъ его душой...
Но что за выстрѣлъ?... Дымъ взвился бѣлѣя,
Вѣрна рука, и вѣренъ глазъ злодѣя!
Съ свинцомъ въ груди, простертый на землѣ
Съ печатью смерти на крутомъ челѣ,
Друзьями окруженъ, любимецъ брани
Лежалъ, навѣки нѣмъ для ихъ призваній.
Послѣдній лучъ зари еще игралъ
На пасмурныхъ чертахъ и придавалъ
Его лицу румянецъ, и казалось,
Что въ немъ отъ жизни что-то оставалось;

Что мысль, которой угнетенъ былъ умъ,
Послѣдняя его тяжелыхъ думъ,
Когда душа отторгнулась отъ тѣла
Его лица оставить не успѣла!
Небесный судъ да будетъ надъ тобой,
Жестокій братъ, завистникъ вѣроломный!
Ты самъ намѣтилъ выстрѣлъ роковой:
Ты не нашелъ въ горахъ руки наемной!...
Гремучій ключъ катился невдали,
Къ его струямъ черкесы принесли
Кровавый трупъ. Разстегнутъ ихъ рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою,
И грудь обмыть они уже хотятъ...
Но почему ихъ омрачился взглядъ?
Чего они такъ явно ужаснулись?
Зачѣмъ, вскочивъ, такъ хладно отвернулись?
Зачѣмъ? какой-то локонъ золотой
(Конечно талисманъ земли чужой),
Подъ грубою одеждою измятой,
И бѣлый крестъ на лентѣ полосатой,
Блистали на груди у мертвеца!...
— «И кто-бы отгадалъ! — джяуръ проклятый!
Нѣтъ, ты не стоишь лучшаго конца;
Нѣтъ, мусульманинъ вѣрный — Измаилу,
Отступнику, не выроетъ могилу!...
Того, кто презиралъ людей и рокъ,
Кто смертію игралъ такъ своенравно,
Лишь ты низвергнуть смѣлъ, святой пророкъ!
Пусть, не оплаканъ, онъ сгніетъ безславно,
Пусть кончитъ жизнь, какъ началъ, одинокъ!...»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ

—

1833

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

—

Великъ, богатъ аулъ Джематъ.
Онъ никому не платитъ дани,
Его стѣна — ручной булатъ,
Его мечеть — на полѣ брани.
Его свободные сыны
Въ огняхъ войны закалены;
Дѣла ихъ громки по Кавказу,
Въ народахъ дальнихъ и чужихъ,
И сердца русскаго ни разу
Не миновала пуля ихъ.

По небу знойный день катится,
Отъ скалъ горящихъ паръ струится,
Орелъ, недвижимъ на крылахъ,
Едва чернѣетъ въ облакахъ;
Ущелья въ сонъ погружены,
Въ аулѣ нѣтъ лишь тишины.
Аулъ встревоженный пустѣетъ,
И подъ горой, гдѣ вѣтеръ вѣетъ,
Гдѣ изъ утеса бьетъ потокъ,
Стоитъ внимательный кружокъ.
О чемъ ведетъ переговоры
Совѣтъ джематскихъ удальцовъ?
Хотятъ-ли вновь пуститься въ горы
На ловлю чуждыхъ табуновъ?
Не ждутъ-ли русскаго отряда,

До крови лакомыхъ гостей?
Нѣтъ, — только жалость и досада
Видна во взорахъ узденей.
Покрытъ одеждами чужими,
Сидитъ на камнѣ между ними
Лезгинецъ дряхлый и сѣдой;
И льется рѣчь его потокомъ,
И вкругъ себя блестящимъ окомъ
Печально водитъ онъ порой.
Разсказу стараго лезгина
Внимали всѣ. Онъ говорилъ:
«Три нѣжныхъ дочери, три сына
«Мнѣ Богъ на старость подарилъ;
«Но бури злыя разразились,
«И вѣтви древа обвалились.
«И я стою теперь одинъ,
«Какъ голый пень среди долинъ.
«Увы, я старъ! Мои сѣдины
«Бѣлѣе снѣга той вершины,
«Но и подъ снѣгомъ иногда
«Бѣжитъ кипучая вода!...
«Сюда, наѣздники Джемата!
«Откройте удаль мнѣ свою!
«Кто знаетъ князя Бей-Булата?
«Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?
«Въ плѣну сестры ея увяли,
«Въ бою неровномъ братья пали:
«Въ чужбинѣ двое, а меньшой
«Пронзенъ штыкомъ передо мной.
«Онъ улыбался умирая!
«Онъ, вѣрно, зрѣлъ, какъ дѣва рая
«Къ нему слетѣла предъ концомъ,
«Махая радужнымъ вѣнцомъ...
«И вотъ пошелъ я жить въ пустыню

«Съ послѣдней дочерью своей.
«Ее хранилъ я какъ святыню;
«Все, что имѣлъ я, было въ ней:
«Я взялъ съ собою лишь ее,
«Да неизмѣнное ружье.
«Въ пещерѣ съ ней я поселился,
«Родимой хижины лишенъ;
«Къ бѣдѣ я скоро пріучился;
«Давно былъ къ волѣ пріученъ.
«Но часъ ударилъ неизбѣжный, —
«И улетѣлъ птенецъ мой нѣжный!...
«Однажды ночь была глухая,
«Я спалъ... Безмолвно надо мной,
«Зеленой вѣткою махая,
«Сидѣлъ мой ангелъ молодой.
«Вдругъ просыпаюсь!... слышу: шопотъ, —
«И слабый крикъ, — и конскій топотъ...
«Бѣгу и вижу — подъ горой
«Несется всадникъ съ быстротой,
«Схвативъ ее въ свои объятья.
«Я съ нимъ послалъ свои проклятья.
«О! для чего второй гонецъ
«Настичь не могъ ихъ — мой свинецъ!
«Съ кровавымъ мщеньемъ, вотъ здѣсь скрытымъ,
«Безъ силъ отмстить за свой позоръ,
«Влачусь я по горамъ съ тѣхъ поръ,
«Какъ змѣй, раздавленный копытомъ.
«И нѣтъ покоя для меня
«Съ того мучительнаго дня...
«Сюда, наѣздники Джемата!
«Откройте удаль мнѣ свою!
«Кто знаетъ князя Бей-Булата?
«Кто привезетъ мнѣ дочь мою?»

— «Я!» молвилъ витязь черноокій,
Схвативши за кинжалъ широкій,
И въ изумленіи нѣмомъ
Толпа раздвинулась кругомъ.

— «Я знаю князя. Я рѣшился!...
Двѣ ночи здѣсь ты жди меня;
Хаджи безстрашный не садился
Ни разу даромъ на коня.
Но если я не буду къ сроку,
Тогда обѣтъ мой позабудь,
И о душѣ моей пророку
Ты помолись, пускаясь въ путь.»

Взошла заря. Изъ-за тумановъ,
На небосклонѣ голубомъ
Главы гранитныхъ великановъ
Встаютъ, увѣнчанныя льдомъ.
Въ ущельѣ облако проснулось,
Какъ парусъ розовый надулось
И понеслось по вышинѣ.
Все дышетъ утромъ. За оврагомъ,
По косогору ѣдетъ шагомъ
Черкесъ на борзомъ скакунѣ.
Еще лѣнивое свѣтило
Росы холмовъ не осушило.
Со скалъ высокихъ, надъ путемъ,
Склонился дикій виноградникъ;
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ;
Небрежно бросивъ повода,
Красивой плеткой онъ махаетъ,
И пѣсню дѣдовъ иногда,
Склонясь на гриву, запѣваетъ;

И дальній отзывъ за горой
Уныло вторитъ пѣсни той.

Есть поворотъ — и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ,
Тамъ, гдѣ красивые граниты
Зубчатымъ сходятся вѣнцомъ.
Оттуда онъ, какъ подъ ногами,
Смиренный различитъ аулъ,
И пыль, поднятую стадами,
И пробужденья первый гулъ;
И на краю крутаго ската
Отмѣтитъ саклю Бей-Булата,
И, какъ орелъ, съ вершины горъ
Вперитъ на крышу свѣтлый взоръ...
Въ тѣни прохладной, у порога,
Лезгинка юная сидитъ.
Предъ нею тянется дорога,
Но грустно въ даль она глядитъ.
Кого ты ждешь, звѣзда Востока,
Съ заботой нѣжною такой?
Не другъ-ли будетъ издалека?
Не братъ-ли съ битвы роковой?
Отъ зноя утомясь дневнаго,
Твоя головка ужъ готова
На грудь высокую упасть.
Рука скользнула вдоль колѣна,
И нѣги сладостная власть
Плечо исторгнула изъ плѣна;
Отяготѣлъ твой ясный взоръ,
Покрывшись влагою жемчужной;
Въ твоихъ щекахъ, какъ метеоръ,
Играетъ пламя крови южной;
Уста волшебныя твои

Зовутъ лобзаніе любви.
Нѣмымъ восторжена желаньемъ,
Обнять ты ищешь что нибудь,
И перси слабымъ трепетаньемъ
Хотятъ покровы оттолкнуть.
О! гдѣ ты, сердца другъ безцѣнный!...
Но вотъ и топотъ отдаленный,
И пыль знакомая взвилась, —
И дѣва шепчетъ: «это князь!»

Легко надежда утѣшаетъ,
Легко обманываетъ глазъ;
Ужъ близко путникъ подъѣзжаетъ...
Увы! она его не знаетъ,
И видитъ только въ первый разъ.
То странникъ, въ полѣ запоздалый,
Гостепріимный ищетъ кровъ;
Дымится конь его усталый,
И онъ спрыгнуть уже готовъ...
Спрыгни-же, всадникъ!... Что-же онъ
Какъ будто крова испугался?
Онъ смотритъ... Краткій, грустный стонъ
Отъ губъ сомкнутыхъ оторвался,
Какъ листъ отъ вѣтки молодой,
Измятый лѣтнею грозой.

«Что медлишь, путникъ, у порога?
«Слѣзай съ походнаго коня.
«Случайный гость — подарокъ Бога.
«Кумысъ и медъ есть у меня.
«Ты, вижу, бѣденъ; я богата.
«Почти-же кровлю Бей-Булата!
«Когда опять поѣдешь въ путь,
«Въ молитвѣ насъ не позабудь!

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Аллахъ спаси тебя, Лейла!
Ты гостя лаской подарила;
И отъ отца тебѣ поклонъ
За то привезъ съ собою онъ.

ЛЕЙЛА.

Какъ! мой отецъ? Меня понынѣ
Въ разлукѣ долгой не забылъ?
Гдѣ онъ живетъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Гдѣ прежде жилъ —
То въ чуждой саклѣ, то въ пустынѣ.

ЛЕЙЛА.

Скажи: онъ веселъ? онъ счастливъ?
Скорѣй отвѣтствуй мнѣ...

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Онъ живъ,
Хотя порой дождямъ и стужѣ
Открыта голова его...
Но ты?....

ЛЕЙЛА.

Я счастлива.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ (*тихо*).

Тѣмъ хуже!

ЛЕИЛА.

А? что ты молвилъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Ничего!

Сидитъ пришелецъ за столомъ.
Чихирь съ серебрянымъ пшеномъ
Предъ нимъ не тронуты доселѣ
Стоятъ. Онъ страненъ, въ самомъ дѣлѣ!
Какъ на челѣ его крутомъ
Блуждаютъ, движутся морщины!
Рукою лѣтъ или кручины
Проведены онѣ по немъ?

Развеселить его желая,
Лейла бубенъ свой беретъ;
Въ него перстами ударяя,
Лезгинку пляшетъ и поетъ.
Ея глаза какъ звѣзды блещутъ,
И груди полныя трепещутъ.
Восторгомъ дѣтскимъ, но живымъ,
Душа невинная объята.
Она кружится передъ нимъ,
Какъ мотылекъ въ лучахъ заката, —
И вдругъ звенящій бубенъ свой
Подъемлетъ бѣлыми руками,
Вертитъ его надъ головой,
И тихо черными очами
Поводитъ, — и, безъ словъ, уста
Хотятъ сказать улыбкой милой:
«Развеселись, мой гость унылый!
«Судьба и горе — все мечта!»

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Довольно! Перестань, Лейла!
На мигъ веселье позабудь:
Скажи: ужель когда нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? Отвѣчай!

ЛЕЙЛА.

Нѣтъ! Что̀ мнѣ хладная могила?
Я на землѣ нашла свой рай.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Еще вопросъ: ты не грустила
О дальней родинѣ своей,
О свѣтломъ небѣ Дагестана?

ЛЕЙЛА

Къ чему? Мнѣ лучше, веселѣй
Среди нагорнаго тумана.
Вездѣ прекрасенъ божій свѣтъ.
Отечества для сердца нѣтъ!
Оно насилья не боится:
Какъ птичка вырвется, умчится...
Повѣрь мнѣ, — счастье только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Любовь!... Но знаешь-ли, какое
Блаженство на землѣ второе
Тому, кто все похоронилъ,
Чему онъ вѣрилъ, что̀ любилъ?

Блаженство то вѣрнѣй любови,
Но только хочетъ слезъ да крови...
Въ немъ утѣшенье для людей,
Когда умретъ другое счастье;
Въ немъ преступленій сладострастье,
Въ немъ адъ и рай души моей.
Оно при насъ всегда, безсмѣнно;
То мучитъ, то ласкаетъ насъ...
Нѣтъ, за единый мщенья часъ,
Клянусь, я не взялъ-бы вселенной!

ЛЕИЛА.

Ты блѣденъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Выслушай. Давно
Тому назадъ, имѣлъ я брата;
И онъ — такъ было суждено —
Погибъ отъ пули Бей-Булата,
Погибъ безъ славы, не въ бою,
Какъ звѣрь лѣсной — врага не зная;
Но месть и ненависть свою
Онъ завѣщалъ мнѣ, умирая.
И я убійцу отыскалъ;
И занесенъ былъ мой кинжалъ...
Но я подумалъ: «Это-ль мщенье?
Что́ смерть! Ужель одно мгновенье
Заплатитъ мнѣ за столько лѣтъ
Печали, грусти, мукъ?... О, нѣтъ!
Онъ что нибудь да въ мірѣ любитъ:
Найду любви его предметъ,
И мой ударъ его погубитъ!»
Свершилось наконецъ. Пора!

Твой часъ пробилъ еще вчера.
Смотри, ужъ блещетъ лучъ заката!...
Пора! я слышу голосъ брата...
Когда сегодня въ первый разъ
Я увидалъ твой образъ нѣжный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа какъ адомъ вся зажглась.
Но это чувство улетѣло...
Валлахъ! исполню клятву смѣло!

Какъ зимній снѣгъ въ горахъ, блѣдна,
Предъ нимъ повергнулась она
На ослабѣвшія колѣни;
Мольбы, рыданья, слезы, пени
Передъ жестокимъ излились.
«Охъ, ты ужасенъ съ этимъ взглядомъ!
«Нѣтъ, не смотри такъ! Отвернись!
«По мнѣ текутъ холоднымъ ядомъ
«Слова твои... О, Боже мой!
«Ужель ты шутишь надо мной?
«Отвѣтствуй! Ничего не значатъ
«Невинныхъ слезы предъ тобой?
«О, сжалься!... Говори — какъ плачутъ
«Въ твоей родимой сторонѣ?...
«Погибнуть рано, рано мнѣ!...
«Оставь мнѣ жизнь! оставь мнѣ младость!
«Ты зналъ-ли, что̀ такое радость?
«Бывалъ-ли ты во цвѣтѣ лѣтъ
«Любимъ, какъ я! О, вѣрно, нѣтъ!»

Хаджи, въ молчаньи роковомъ,
Стоялъ съ нахмуреннымъ челомъ.

«Въ твоихъ глазахъ ни сожалѣнья,
«Ни слезъ, жестокій, не видать...

«Ахъ!... Боже!... Ай!... дай подождать!..
«Хоть часъ одинъ... одно мгновенье!.. »

Блеснула шашка. Разъ, — и два...
И покатилась голова...
И окровавленной рукою
Съ земли онъ приподнялъ ее,
И острой шашки лезвеё
Обтеръ волнистою косою.
Потомъ, бездушное чело
Одѣвши буркою косматой,
Онъ вышелъ и прыгнулъ въ сѣдло.
Послушный конь его, объятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальныя удила,
Ни словъ, ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы какъ стрѣла.

Заря блѣднѣетъ; поздно, поздно, —
Сырая ночь недалека.
Съ вершинъ Кавказа тихо, грозно
Ползутъ, какъ змѣи, облака:
Игру безсвязную заводятъ,
Въ провалы душные заходятъ,
Задѣвъ колючіе кусты,
Бросаютъ жемчугъ на листы.
Ручей катится, — мутный, сѣрый,
Въ немъ пѣна бьетъ изъ-подъ травы,
И блещетъ сквозь туманъ пещеры,
Какъ очи мертвой головы.
Скорѣе, путникъ одинокій!
Закройся буркою широкой,

Ременный поводъ натяни,
Ременной плеткою махни.
Тебѣ во слѣдъ еще не мчится
Ни горный духъ, ни дикій звѣрь,
Но, если можешь ты молиться,
То не мѣшало-бы — теперь.

«Скачи, мой конь! Пугливымъ окомъ
«Зачѣмъ глядишь передъ собой?
«Тò камень, сглаженный потокомъ...
«Тò змѣй блистаетъ чешуей...
«Твоею гривой, въ полѣ брани,
«Стиралъ я кровь съ могучей длани;
«Въ степи глухой, въ недобрый часъ,
«Уже не разъ меня ты спасъ.
«Мы отдохнемъ въ краю родномъ;
«Твою уздечку еще болѣ
«Обвѣшу русскимъ серебромъ;
«И будешь ты въ зеленомъ полѣ...
«Давно-ль, давно-ль ты измѣнился,
«Скажи, товарищъ дорогой,
«Что рано пѣною покрылся?
«Что тяжко дышешь подо мной?
«Вотъ мѣсяцъ выйдетъ изъ тумана,
«Верхи деревъ осеребритъ,
«И намъ откроется поляна,
«Гдѣ нашъ аулъ во мракѣ спитъ;
«Заблещутъ, издали мелькая,
«Огни джематскихъ пастуховъ,
«И различимъ мы, подъѣзжая,
«Глухое ржанье табуновъ; —
«И кони вкругъ тебя столпятся...
«Но стоитъ мнѣ лишь приподняться —
«Они въ испугѣ захрапятъ

«И всѣ шарахнутся назадъ:
«Они почуютъ издалека,
«Что мы съ тобою дѣти рока!...»

Долины ночь еще объемлетъ,
Аулъ Джематъ спокойно дремлетъ;
Одинъ старикъ лишь въ немъ не спитъ.
Одинъ, какъ памятникъ могильный,
Недвижимъ, близъ дороги пыльной,
На сѣромъ камнѣ онъ сидитъ.
Его глаза на путь далекій
Устремлены съ тоской глубокой.

«Кто этотъ всадникъ? Бережливо
«Съѣзжаетъ онъ съ горы крутой;
«Его товарищъ долгогривый
«Поникъ усталой головой.
«Въ рукѣ, подъ буркою дорожной,
«Онъ что́-то держитъ осторожно,
«И бережетъ, какъ свѣтъ очей.»
И думаетъ старикъ согбенный:
«Подарокъ, вѣрно, драгоцѣнный
«Отъ милой дочери моей!»

Ужъ всадникъ близокъ: подъ горою
Коня онъ вдругъ остановилъ;
Потомъ дрожащею рукою
Онъ бурку темную открылъ;
Открылъ, — и даръ его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видитъ, — Боже правый!
Своей Леилы голову!...
И онъ, въ безумномъ восхищеньи,
Къ своимъ устамъ ее прижалъ;

Какъ будто ей передавалъ
Свое послѣднее мученье.
Всю жизнь свою въ единый стонъ,
Въ одно лобзанье вылилъ онъ.
Довольно люди и печали
Въ немъ сердце бѣдное терзали!
Какъ нить, истлѣвшая давно,
Разорвалося вдругъ оно,
И неподвижныя морщины
Покрылись блѣдностью кончины.
Душа такъ быстро отлетѣла,
Что мысль, которой до конца
Онъ жилъ, черты его лица
Совсѣмъ оставить не успѣла.

Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился:
Взглянулъ на шашку, на коня,
И быстро въ горы удалился.

Промчался годъ. Въ глухой тѣснинѣ
Два трупа смрадные, въ пыли,
Блуждая, путники нашли,
И схоронили на вершинѣ.
Облиты кровью были оба,
И ярко начертала злоба
Проклятіе на ихъ челѣ.
Обнявшись крѣпко, на землѣ
Они лежали, костенѣя, —
Два друга съ виду, — два злодѣя!
Быть можетъ, то одна мечта, —
Но бѣднымъ странникамъ казалось,
Что ихъ лицо порой мѣнялось,

Что все грозили ихъ уста.
Одежда ихъ была богата,
Башлыкъ ихъ шапки покрывалъ:
Въ одномъ узнали Бей-Булата,
Никто другаго не узналъ.

МАСКАРАДЪ

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

—

1834

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

АРБЕНИНЪ, ЕВГЕНІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.
НИНА, жена его.
КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ.
БАРОНЕССА ШТРАЛЬ.
КАЗАРИНЪ, АѲАНАСІЙ ПАВЛОВИЧЪ.
ШПРИХЪ, АДАМЪ ПЕТРОВИЧЪ.
МАСКА.
ЧИНОВНИКЪ.
ИГРОКИ.
ГОСТИ.
СЛУЖИТЕЛИ И СЛУЖАНКИ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

—

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ИГРОКИ, КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ, КАЗАРИНЪ И ШПРИХЪ. (*За столомъ мечутъ банкъ и понтируютъ. Кругомъ стоятъ*).

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ.

Иванъ Ильичъ, позвольте мнѣ поставить.

БАНКОМЕТЪ.

Извольте.

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ.

Сто рублей.

БАНКОМЕТЪ.

Идетъ.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ.

Ну, добрый путь.

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ.

Вамъ надо счастіе поправить,
А семпелями плохо...

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОНТЕРЪ.

Надо гнуть.

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ.

Пусти.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ.

На все?... Нѣтъ, жжется!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОНТЕРЪ.

Послушай, милый другъ: кто нынѣче не гнется,
Ни до чего тотъ не добьется.

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ *(тихо первому)*.

Смотри во всѣ глаза.

КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ.

Ва-банкъ!

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ.

Эй, князь!
Гнѣвъ только портитъ кровь, — играйте не сердясь.

КНЯЗЬ.

На этотъ разъ оставьте хоть совѣты.

БАНКОМЕТЪ.

Убита.

КНЯЗЬ.

Чортъ возьми!

БАНКОМЕТЪ.

Позвольте получить.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ *(насмѣшливо)*.

Я вижу, вы въ пылу готовы все спустить!
Что̀ сто́ятъ ваши эполеты?

КНЯЗЬ.

Я съ честью ихъ досталъ, и вамъ ихъ не купить.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ *(сквозь зубы, уходя)*.

Скромнѣй-бы надо быть
Съ такимъ несчастіемъ и въ ваши лѣта.

(Князь, выпивъ стаканъ лимонада, садится къ сторонѣ и задумывается).

ШПРИХЪ *(подходитъ съ участіемъ)*.

Не нужно-ль денегъ, князь?... Я тотчасъ помогу.
Проценты вздорные... а ждать сто лѣтъ могу.

(Князь холодно кланяется и отворачивается. Шприхъ съ неудовольствіемъ уходитъ).

—

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АРБЕНИНЪ и прочіе *(Арбенинъ входитъ, кланяется, подходя къ столу, потомъ дѣлаетъ нѣкоторые знаки и отходитъ съ Казаринымъ)*.

АРБЕНИНЪ.

Ну, что? ужъ ты не мечешь — а? Казаринъ.

КАЗАРИНЪ.

Смотрю, братъ, на другихъ.
А ты, любезнѣйшій, женатъ, богатъ, сталъ баринъ
И позабылъ товарищей своихъ!

АРБЕНИНЪ.

Да, я давно ужъ не былъ съ вами.

КАЗАРИНЪ.

Дѣлами занятъ все?

АРБЕНИНЪ.

Любовью... не дѣлами.

КАЗАРИНЪ.

Съ женой по бàламъ?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ.

КАЗАРИНЪ.

Играешь?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ... утихъ!
Но здѣсь есть новые. Кто это франтикъ?

КАЗАРИНЪ.

Шприхъ.
Адамъ Петровичъ!... Я васъ познакомлю разомъ.
(*Шприхъ подходитъ и кланяется*).
Вотъ здѣсь пріятель мой, рекомендую вамъ, —
Арбенинъ.

ШПРИХЪ.

Я васъ знаю.

АРБЕНИНЪ.

Помнится, что намъ
Встрѣчаться не случалось.

ШПРИХЪ.

По разсказамъ, —
И столько я о васъ слыхалъ того-сего,
Что познакомиться давнымъ-давно желаю.

АРБЕНИНЪ.

Про васъ я не слыхалъ, къ несчастью, ничего;
Но многое отъ васъ, конечно, я узнаю.
(Раскланиваются опять. Шприхъ, скорчивъ кислую мину, уходитъ).
Онъ мнѣ не нравится. Видалъ я много рожъ,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза — стеклярусъ точно,
Взглянуть — не человѣкъ, а съ чортомъ не похожъ.

КАЗАРИНЪ.

Эхъ, братецъ мой, что̀ видъ наружный?
Пусть будетъ хоть самъ чортъ... да человѣкъ онъ нужный.
Лишь адресуйся — одолжитъ.
Какой онъ націи — сказать не знаю смѣло:
На всѣхъ языкахъ говоритъ, —
Вѣрнѣй всего, что жидъ.
Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло,
Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣлый вѣкъ;
Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ — безбожникъ,
Съ святошей—езуитъ, межъ нами—злой картежникъ,
А съ честными людьми — пречестный человѣкъ.
Короче, ты его полюбишь — я увѣренъ.

АРБЕНИНЪ.

Портретъ хорошъ, — оригиналъ-то скверенъ!
Ну, а вонъ тотъ высокій и въ усахъ,
И нарумяненный въ добавокъ?
Конечно, житель модныхъ лавокъ,
Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ краяхъ!
Конечно, онъ герой не въ дѣлѣ
И мастерски стрѣляетъ въ цѣль?

КАЗАРИНЪ.

Почти... Онъ изъ полка былъ выгнанъ за дуэль,
Или за то, что не былъ на дуэли:
Боялся быть убійцей, да и мать
Къ тому-жъ строга; потомъ лѣтъ черезъ пять
Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужъ въ самомъ дѣлѣ.

АРБЕНИНЪ.

А этотъ маленькій каковъ?
Растрепанный, съ улыбкой откровенной,
Съ крестомъ и табакеркою?

КАЗАРИНЪ.

Трущовъ.
О! малый онъ неоцѣненный:
Семь лѣтъ онъ въ Грузіи служилъ,
Иль посланъ былъ съ какимъ-то генераломъ,
Изъ-за угла кого-то тамъ хватилъ.
Пять лѣтъ сидѣлъ онъ подъ началомъ
И крестъ на шею получилъ.

АРБЕНИНЪ.

Да вы разборчивы на новыя знакомства!

ИГРОКИ *(кричатъ)*.

Казаринъ! Аѳанасій Павловичъ! сюда!

КАЗАРИНЪ.

Иду! *(Съ притворнымъ участіемъ)*
Примѣръ ужасный вѣроломства!
Ха-ха-ха-ха!

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ.

Скорѣй!

КАЗАРИНЪ.

Какая тамъ бѣда?

(*Живой разговоръ между игроками, потомъ они успокоиваются. Арбенинъ замѣчаетъ князя Звѣздича и подходитъ*).

АРБЕНИНЪ.

Князь, какъ вы здѣсь? ужель не въ первый разъ?

КНЯЗЬ (*недовольно*).

Я то-же самое хотѣлъ спросить у васъ.

АРБЕНИНЪ.

Я вашъ отвѣтъ предупрежду, пожалуй:
Я здѣсь давно знакомъ, и часто здѣсь, бывало,
Смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ,
Какъ колесо вертѣлось счастья:
Одинъ былъ вознесенъ, другой раздавленъ имъ!
Я не завидовалъ, но и не зналъ участья.
Видалъ я много юношей, надеждъ
И чувства полныхъ, счастливыхъ невѣждъ
Въ наукѣ жизни, пламенныхъ душою,
Которыхъ прежде цѣль была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною.
И вотъ мнѣ суждено увидѣть это вновь!

КНЯЗЬ (*съ чувствомъ беретъ его за руку*).

Я проигрался!

АРБЕНИНЪ.

Вижу. Что-жъ? топиться?

КНЯЗЬ.

О, я въ отчаяньи!

АРБЕНИНЪ.

Два средства только есть:
Дать клятву за игру вовѣки не садиться,
Или опять сейчасъ-же сѣсть.
Но, чтобы здѣсь выигрывать рѣшиться,
Вамъ надо кинуть все: родныхъ, друзей и честь;
Вамъ надо испытать, ощупать безпристрастно
Свои способности и душу, по частямъ
Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицахъ чуть знакомыхъ вамъ
Всѣ побужденья, мысли; — годы
Употребить на упражненье рукъ;
Все презирать: законъ людей, законъ природы;
День думать, ночь играть, отъ мукъ не знать свободы
И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ!
Не трепетать, когда близъ васъ искусствомъ равный;
Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ
И не краснѣть, когда вамъ скажутъ явно:
«Подлецъ!»
(Молчаніе. Князь его слушалъ и былъ въ волненіи).

КНЯЗЬ.

Не знаю, какъ мнѣ быть, что̀ дѣлать?

АРБЕНИНЪ.

Что̀ хотите.

КНЯЗЬ.

Быть можетъ, счастіе...

АРБЕНИНЪ.

О, счастія здѣсь нѣтъ!

КНЯЗЬ.

Я все вѣдь проигралъ... Ахъ, дайте мнѣ совѣтъ!

АРБЕНИНЪ.

Совѣтовъ не даю.

КНЯЗЬ.

Ну, сяду...

АРБЕНИНЪ (*вдругъ беретъ его за руку*).

Погодите!
Я сяду вмѣсто васъ. Вы молоды, — я былъ
Неопытенъ когда-то и моложе.
Какъ вы, заносчивъ, опрометчивъ тоже.
И еслибъ... (*останавливается*) кто нибудь меня остановилъ...
То... (*смотритъ на него пристально*).
(*Перемѣнивъ тонъ*). Дайте мнѣ на счастье руку смѣло,
А остальное ужъ не ваше дѣло!
(*Подходитъ къ столу; ему даютъ мѣсто*).
Не откажите инвалиду:
Хочу я испытать, что̀ скажетъ мнѣ судьба,
И дастъ-ли нынѣшнимъ поклонникамъ въ обиду
Она стариннаго раба?

КАЗАРИНЪ.

Не вытерпѣлъ... зажглося ретивое!
(*Тихо*). Ну, не ударь-же въ грязь лицомъ

И докажи имъ, что̀ такое
Возиться съ прежнимъ игрокомъ.

ИГРОКИ.

Извольте, вамъ и книги въ руки: вы хозяинъ,
Мы гости.

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ *(на ухо второму)*.

Берегись — имѣй теперь глаза!...
Не по-нутру мнѣ этотъ Ванька Каинъ
И притузитъ онъ моего туза.
(Игра начинается. Всѣ толпятся вокругъ стола; иногда разные возгласы. Впродолженіе слѣдующаго разговора многіе мрачно отходятъ отъ стола).
(Шприхъ отводитъ на авансцену Казарина).

ШПРИХЪ *(лукаво)*.

Столпились въ кучку всѣ; кажись, нашла гроза.

КАЗАРИНЪ.

Задастъ онъ имъ на мѣсяцъ страху!

ШПРИХЪ.

Видно,
Что мастеръ.

КАЗАРИНЪ.

Былъ.

ШПРИХЪ.

Былъ? А теперь...

КАЗАРИНЪ.

Теперь?...
Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный;

Глядитъ ягнёночкомъ, — а право, тотъ-же звѣрь...
Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить? Дуракъ, кто говоритъ:
Пусть ангеломъ и притворится,
Да чортъ-то все въ душѣ сидитъ.
И ты, мой другъ *(ударивъ по плечу)*, хоть передъ нимъ ребенокъ,
А и въ тебѣ сидитъ чертёнокъ.
(Два игрока въ живомъ разговорѣ подходятъ).

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Я говорилъ тебѣ.

ВТОРОЙ ИГРОКЪ.

Что̀ дѣлать, братъ!
Нашла коса на камень, видно.
Я-ль не хитрилъ — нѣтъ, всѣхъ какъ на подрядъ!
Подумать стыдно...

КАЗАРИНЪ *(подходитъ)*.

Что̀, господа, иль не подъ-силу — а?

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Арбенинъ вашъ мастакъ.

КАЗАРИНЪ.

И! что вы, господа!
(Волненіе у стола между игроками).

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ.

Да этакъ онъ загнетъ, пожалуй, тысячъ на сто.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОНТЕРЪ (*въ сторону*).

Обрѣжется...

ПЯТЫЙ ПОНТЕРЪ.

Посмотримъ.

АРБЕНИНЪ (*встаетъ*).

Баста!

(*Беретъ золото и отходитъ; другіе остаются у стола. Казаринъ и Шприхъ также у стола. Арбенинъ молча беретъ за руку князя и отдаетъ ему деньги. Арбенинъ блѣденъ*).

КНЯЗЬ.

Ахъ, никогда мнѣ это не забыть!...
Вы жизнь мою спасли...

АРБЕНИНЪ.

И деньги ваши тоже.
(*Горько*). А право, трудно разрѣшить,
Которое изъ этихъ двухъ дороже.

КНЯЗЬ.

Большую жертву вы мнѣ сдѣлали.

АРБЕНИНЪ.

Ничуть.
Я радъ былъ случаю, чтобъ кровь привесть въ волненье,
Тревогою опять наполнить умъ и грудь.
Я сѣлъ играть — какъ вы пошли-бы на сраженье.

КНЯЗЬ.

Но проиграться вы могли?

АРБЕНИНЪ.

Я? нѣтъ!.. Тѣ дни блаженные прошли!
Я вижу все насквозь, всѣ тонкости ихъ знаю,
И вотъ зачѣмъ я нынче не играю.

КНЯЗЬ.

Вы избѣгаете признательность мою...

АРБЕНИНЪ.

По чести вамъ сказать, ее я не терплю.
Ни въ чемъ и никому я не былъ въ жизнь обязанъ;
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, чтобъ былъ къ нему привязанъ,
А просто — видѣлъ пользу въ томъ.

КНЯЗЬ.

Я вамъ не вѣрю.

АРБЕНИНЪ.

Кто велитъ вамъ вѣрить?
Я къ этому привыкъ съ давнишнихъ поръ.
И если-бы не лѣнь, то сталъ-бы лицемѣрить...
Но кончимъ этотъ разговоръ.
(*Помолчавъ*). Разсѣяться-бъ и вамъ и мнѣ не худо.
Вѣдь нынче праздники и, вѣрно, маскарадъ
У Энгельгардта.

КНЯЗЬ.

Да.

АРБЕНИНЪ.

Поѣдемте.

КНЯЗЬ.

Я радъ.

АРБЕНИНЪ (*въ сторону*).

Въ толпѣ я отдохну.

КНЯЗЬ.

Тамъ женщины есть—чудо!...
И даже тамъ бываютъ, говорятъ...

АРБЕНИНЪ.

Пусть говорятъ, — а намъ какое дѣло?
Подъ маской всѣ чины равны;
У маски ни души, ни званья нѣтъ, — есть тѣло,
И если маскою черты утаены,
То маску съ чувствъ снимаютъ смѣло.
(*Уходятъ*).

Выходъ третій.

ТѢ-ЖЕ, *кромѣ Арбенина и князя Звѣздича.*

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Забастовалъ онъ кстати. Съ нимъ бѣда!...

ВТОРОЙ ИГРОКЪ.

Хотя-бъ опомниться онъ далъ по крайней мѣрѣ.

СЛУГА (*входитъ*).

Готово ужинать.

ХОЗЯИНЪ.

Пойдемте, господа!
Шампанское утѣшитъ васъ въ потерѣ.
(*Уходятъ*).

ШПРИХЪ (*одинъ*).

Съ Арбенинымъ сойтиться я хочу...
И даромъ ужинать желаю.
(*Приставивъ палецъ ко лбу*).
Отужинаю здѣсь... кой-что̀ еще узнаю.
И въ маскарадъ за ними полечу.
(*Уходитъ и разсуждаетъ самъ съ собою*).

МАСКАРАДЪ.

—

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МАСКИ, АРБЕНИНЪ, ПОТОМЪ КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ. (*Толпа проходитъ взадъ и впередъ по сцент. Налѣво канапе*).

АРБЕНИНЪ (*входитъ*).

Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестрѣетъ и жужжитъ толпа передо мной,
Но сердце холодно и спитъ воображенье:
Они всѣ чужды мнѣ, и я имъ всѣмъ чужой!
(*Князь подходитъ, зѣвая*).
Вотъ нынѣшнее поколѣнье,
И то-ль я былъ въ его лѣта, какъ погляжу?
Что, князь? не набрели еще на приключенье?

КНЯЗЬ.

Какъ быть, а цѣлый часъ хожу!

АРБЕНИНЪ.

А! вы желаете, чтобъ счастье васъ ловило.
Затѣя новая... пустить-бы надо въ свѣтъ.

КНЯЗЬ.

Все маски глупыя...

АРБЕНИНЪ.

Да маски глупой нѣтъ:
Молчитъ — таинственна, заговоритъ — такъ мило.
Вы можете придать ея словамъ
Улыбку, взоръ, какіе вамъ угодно...
Вотъ, напримѣръ, взгляните тамъ —
Какъ выступаетъ благородно
Высокая турчанка... какъ полна!
Какъ дышетъ грудь ея и страстно и свободно!
Вы знаете-ли кто она?
Быть можетъ, гордая графиня иль княжна:
Діана въ обществѣ, Венера въ маскарадѣ;
И также можетъ быть, что эта-же краса
Къ вамъ завтра вечеромъ прійдетъ на полчаса.
Въ обоихъ случаяхъ, вы, право, не въ накладѣ.
(*Уходитъ*).

—

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

КНЯЗЬ И ЖЕНСКАЯ МАСКА. (*Одно домино подходитъ и останавливается. Князь стоитъ въ задумчивости*).

КНЯЗЬ.

Все такъ! разсказывать легко, —
Однакоже я все еще зѣваю...
Но вотъ идетъ одна... дай, Господи!
(*Одна маска отдѣляется и, ударивъ его по плечу*)

МАСКА.

Я знаю
Тебя!

КНЯЗЬ.

И видно, очень коротко.

МАСКА.

О чемъ ты размышлялъ — и это мнѣ извѣстно.

КНЯЗЬ.

А въ этомъ случаѣ ты счастливѣй меня.
(*Заглядываетъ подъ маску*).
Но если не ошибся я,
То ротикъ у нея прелестный.

МАСКА.

Я нравлюся тебѣ — тѣмъ хуже.

КНЯЗЬ.

Для кого?

МАСКА.

Для одного изъ насъ.

КНЯЗЬ.

Не вижу отчего?...
Ты предсказаніемъ меня не испугаешь,
И я хоть очень не хитеръ,
Но узнаю, кто ты...

МАСКА.

Такъ, стало быть, ты знаешь,
Чѣмъ кончится нашъ разговоръ?...

КНЯЗЬ.

Поговоримъ и разойдемся.

МАСКА.

Право?

КНЯЗЬ.

Налѣво ты, а я направо...

МАСКА.

Но ежели я здѣсь нарочно съ цѣлью той,
Чтобъ видѣться и говорить съ тобой;
Но если я скажу, что черезъ часъ ты будешь
Мнѣ клясться, что вовѣкъ меня не позабудешь;
Что будешь радъ отдать мнѣ жизнь свою въ тотъ мигъ;
Когда я улечу, какъ призракъ безъ названья,
Чтобъ услыхать изъ устъ моихъ
Одно лишь слово: до свиданья!...

КНЯЗЬ.

Ты маска умная, а тратишь много словъ.
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таковъ?

МАСКА.

Ты?—безхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человѣкъ;
Въ тебѣ одномъ весь отразился вѣкъ,
Вѣкъ нынѣшній, блестящій, но ничтожный.
Наполнить хочешь жизнь, а бѣгаешь страстей.
Все хочешь ты имѣть, а жертвовать не знаешь;
Людей безъ гордости и сердца презираешь,
А самъ игрушка тѣхъ людей.
О! знаю я тебя...

КНЯЗЬ.

Мнѣ это очень лестно.

МАСКА.

Ты сдѣлалъ много зла...

КНЯЗЬ.

Невольно, можетъ быть.

МАСКА.

Кто знаетъ? Только мнѣ извѣстно,
Что женщинѣ тебя не надобно любить.

КНЯЗЬ.

Я не ищу любви.

МАСКА.

Искать ты не умѣешь.

КНЯЗЬ.

Скорѣй — усталъ искать.

МАСКА.

Но если предъ тобой
Она появится и скажетъ вдругъ: ты мой!
Ужель безчувственнымъ остаться ты посмѣешь?

КНЯЗЬ.

Но кто-жъ она?... конечно, идеалъ!

МАСКА.

Нѣтъ, женщина... а дальше — что̀ за дѣло?

КНЯЗЬ.

Но покажи ее, пусть явится мнѣ смѣло.

МАСКА.

Ты хочешь многаго, — обдумай, что̀ сказалъ.
(Нѣкоторое молчаніе).
Она не требуетъ ни вздоховъ, ни признанья,
Ни слезъ, ни просьбъ, ни пламенныхъ рѣчей...
. . . . . .

Но клятву дай оставить всѣ старанья
Развѣдать, кто она... и обо всемъ
Молчать...

КНЯЗЬ.

Клянусь землей и небесами,
И честію моей...

МАСКА.

Смотри-жъ! Теперь пойдемъ.
И помни, шутокъ нѣтъ межъ нами...
(Уходятъ подъ руки).

—

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

АРБЕНИНЪ И ДВѢ МАСКИ. *(Арбенинъ тащитъ за руку мужскую маску).*

АРБЕНИНЪ.

Вы мнѣ вещей наговорили
Такихъ, сударь, которыхъ честь
Не позволяетъ перенесть...
Вы знаете-ль, кто я?

МАСКА.

Я знаю, кто вы были.

АРБЕНИНЪ.

Снимите маску — и сейчасъ!
Вы поступаете безчестно.

МАСКА.

Къ чему? Мое лицо вамъ такъ-же неизвѣстно,
Какъ маска; и я самъ васъ вижу въ первый разъ.

АРБЕНИНЪ.

Не вѣрю. Что-то слишкомъ вы меня боитесь.
Сердиться стыдно мнѣ. Вы трусъ; подите прочь!

МАСКА.

Прощайте-же, но берегитесь:
Несчастье съ вами будетъ въ эту ночь.
(Исчезаетъ въ толпѣ).

АРБЕНИНЪ.

Постой!... пропалъ!... Кто-жъ онъ? Вотъ далъ мнѣ
Богъ заботу!
Трусливый врагъ какой нибудь,
А имъ вѣдь у меня нѣтъ счету.
Ха-ха-ха-ха! Прощай, пріятель, добрый путь.

—

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ШПРИХЪ И АРБЕНИНЪ. *(Шприхъ является).*

(На канапе сидятъ двѣ женскія маски; кто-то подходитъ и интригуетъ, беретъ за руку... одна вырывается и уходитъ; браслетъ спадаетъ съ руки).

ШПРИХЪ.

Кого вы такъ безжалостно тащили,
Евгеній Александрычъ?

АРБЕНИНЪ.

Такъ, шутилъ
Съ пріятелемъ.

ШПРИХЪ.

Конечно, пошутили
Вы не на шутку съ нимъ: онъ шелъ и васъ бранилъ.

АРБЕНИНЪ.

Кому?

ШПРИХЪ.

Какой-то маскѣ.

АРБЕНИНЪ.

Слухъ завидный
У васъ.

ШПРИХЪ.

Я слышу все и обо всемъ молчу
И не въ свои дѣла не суюсь...

АРБЕНИНЪ.

Это видно.
Такъ, стало-быть, не знаете... ну, какъ не стыдно!
Объ этомъ...

ШПРИХЪ.

О чемъ это-съ?

АРБЕНИНЪ.

Да нѣтъ, я такъ, шучу...

ШПРИХЪ.

Скажите ..

АРБЕНИНЪ.

Говорятъ, у васъ жена красотка...

ШПРИХЪ.

Ну-съ, что-жъ?

АРБЕНИНЪ *(перемѣнивъ тонъ)*.

А ѣздитъ къ вамъ тотъ смуглый и въ усахъ?
(Насвистываетъ пѣсню и уходитъ).

ШПРИХЪ *(одинъ)*.

Чтобъ у тебя засохла глотка!...
Смѣешься надо мной... такъ будешь самъ въ рогахъ.
(Теряется въ толпѣ).

—

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ПЕРВАЯ МАСКА *(одна)*.
(Первая маска входитъ быстро, въ волненіи, и падаетъ на канапе).

Ахъ!... я едва дышу... онъ все бѣжалъ за мною.
Что если-бы онъ сорвалъ маску... нѣтъ,
Онъ не узналъ меня... да и какой судьбою
Подозрѣвать, что женщина, которой свѣтъ
Дивится съ завистью, въ пылу самозабвенья,
Къ нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкія мгновенья,
Не требуя любви, но только сожалѣнья,
И дерзко скажетъ: я твоя!..
Онъ этой тайны вѣчно не узнаетъ...
Пускай... я не хочу... но онъ желаетъ
На память у меня какой нибудь предметъ,
Кольцо... что дѣлать!... рискъ ужасный!
(Видитъ на землѣ браслетъ и поднимаетъ)
Вотъ счастье! Боже мой! потерянный браслетъ

Съ эмалью, золотой... отдамъ ему. Прекрасно!...
Пусть ищетъ съ нимъ меня.

—

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

ПЕРВАЯ МАСКА И КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ. (*Князь съ лорнетомъ торопливо продирается*).

КНЯЗЬ.

Такъ точно... вотъ она!
Межъ тысячи другихъ теперь ее узнаю.
(*Садится на канапе и беретъ ее за руку*).
О, ты не убѣжишь...

МАСКА.

Я васъ не убѣгаю.
Чего хотите вы?

КНЯЗЬ.

Васъ видѣть.

МАСКА.

Мысль смѣшна!
Я передъ вами...

КНЯЗЬ.

Это шутка злая!
Но цѣль твоя шутить, а цѣль моя — другая...
И если мнѣ небесныя черты
Сейчасъ-же не откроешь ты,
То я сорву коварную личину;
Я силою...

МАСКА.

Поймите-же мужчину!...
Вы недовольны, мало вамъ того,
Что я люблю васъ... нѣтъ, вамъ хочется всего,
Вамъ надо честь мою на поруганье,
Чтобъ, встрѣтившись со мной на балѣ, на гуляньѣ,
Могли-бы вы со смѣхомъ разсказать
Друзьямъ смѣшное приключенье
И, разрѣшая ихъ сомнѣнье,
Примолвить: вотъ она! и пальцемъ указать.

КНЯЗЬ.

Я вспомню голосъ твой.

МАСКА.

Пожалуй — вотъ ужъ чудо!
Сто женщинъ говорятъ всѣ голосомъ такимъ;
Васъ пристыдятъ — лишь адресуйтесь къ нимъ,
И это было-бы нехудо!

КНЯЗЬ.

Но счастіе мое неполно.

МАСКА.

А какъ знать!
Вы, можетъ быть, должны судьбу благословлять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть можетъ, я стара, дурна... какую мину
Вы сдѣлали-бы мнѣ!

КНЯЗЬ.

Ты хочешь испугать.
Но, зная прелестей твоихъ лишь половину,
Какъ остальныхъ не отгадать?

МАСКА (*хочетъ идти*).

Прощай навѣки!

КНЯЗЬ.

О, еще мгновенье!
Ты ничего на память не оставишь? Нѣтъ
Въ тебѣ къ безумцу сожалѣнья?

МАСКА (*отойдя два шага*).

Вы правы: жаль мнѣ васъ — возьмите мой браслетъ.
(*Бросаетъ браслетъ на полъ; пока онъ его поднимаетъ, она скрывается въ толпѣ*).

—

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

КНЯЗЬ, ПОТОМЪ АРБЕНИНЪ.

КНЯЗЬ (*ищетъ ее глазами напрасно*).

Я въ дуракахъ!... есть отчего разсудка
Лишиться... (*Увидя Арбенина*) А!

АРБЕНИНЪ (*идетъ задумчивъ*).

Кто этотъ злой пророкъ?...
Онъ долженъ знать меня... и врядъ-ли это шутка.

КНЯЗЬ (*подходя*).

Мнѣ въ пользу послужилъ вашъ давишній урокъ.

АРБЕНИНЪ.

Душевно радуюсь.

КНЯЗЬ.

Но счастье налетѣло
Само собой.

АРБЕНИНЪ.

Да, счастье — вѣчно такъ.

КНЯЗЬ.

Лишь только я схватилъ и думалъ: кончилъ дѣло,
Какъ вдругъ (*дуетъ на ладонь*)... Теперь себя могу
увѣрить смѣло,
Что если все не сонъ, такъ я большой дуракъ.

АРБЕНИНЪ.

Не знаю ничего, и потому не спорю.

КНЯЗЬ.

Да вы все шутите. Помочь нельзя-ли горю?
Я все вамъ разскажу... (*нѣсколько словъ на ухо*).
Какъ я былъ удивленъ!
Плутовка вырвалась — и вотъ (*показываетъ браслетъ*).
Какъ будто сонъ!...
Конецъ прежалобный...

АРБЕНИНЪ (*улыбаясь*).

А начали нехудо...
Но покажите-ка. Браслетъ довольно милъ,
И гдѣ-то я видалъ такой-же... погодите...
Да нѣтъ, не можетъ быть... забылъ...

КНЯЗЬ.

Гдѣ отыскать ее?...

АРБЕНИНЪ.

Любую подцѣпите;
Здѣсь много ихъ — искать недалеко!

КНЯЗЬ.

Но если не она?

АРБЕНИНЪ.

А можетъ быть, легко.
Но, что-же за бѣда? Вообразите...

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, я ее сыщу на днѣ морскомъ; браслетъ
Поможетъ мнѣ.

АРБЕНИНЪ.

Ну, сдѣлаемъ два тура.
Но ежели она не вовсе дура,
То здѣсь ея давно простылъ и слѣдъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

АРБЕНИНЪ (*входитъ*); СЛУГА.

АРБЕНИНЪ.

Ну, вотъ и вечеръ конченъ — какъ я радъ!
Пора хотя на мигъ забыться.
Весь этотъ пестрый сбродъ — весь этотъ маскарадъ
Еще въ умѣ моемъ кружится,
И что́-же я тамъ дѣлалъ, не смѣшно-ль?...
Давалъ любовнику совѣты,
Догадки повѣрялъ, сличалъ браслеты,
И за другихъ мечталъ, какъ дѣлаютъ поэты.
Ей-богу, мнѣ такая роль
Ужъ не подъ лѣты!
(*Слугѣ*) Что̀, барыня пріѣхала домой?

СЛУГА.

Нѣтъ-съ.

АРБЕНИНЪ.

А когда-же будетъ?

СЛУГА.

Обѣщалась
Въ двѣнадцатомъ часу.

АРБЕНИНЪ.

Теперь ужъ часъ второй, —
Не ночевать-же тамъ она осталась!

СЛУГА.

Не знаю-съ.

АРБЕНИНЪ.

Будто-бы? Иди, свѣчу
Поставь на столъ. Какъ будетъ нужно, я вскричу.
(*Слуга уходитъ; онъ садится въ кресло*).

—

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ

АРБЕНИНЪ (*одинъ*).

Богъ справедливъ! и я теперь едва-ли
Не осужденъ нести печали
За всѣ грѣхи минувшихъ дней.
Бывало, такъ меня чужія жены ждали,
Теперь я жду жены своей...
Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ;
Любимъ былъ часто пламенно и страстно,

И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку,
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку.
И тяжко стало мнѣ, и скучно жить!
И кто-то подалъ мнѣ тогда совѣтъ лукавый:
Жениться... чтобъ имѣть святое право
Ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить.
И я нашелъ жену — покорное созданье.
Она была прекрасна и нѣжна;
Какъ агнецъ божій на закланье,
Мной къ алтарю она приведена...
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся:
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ... и увидалъ, что я ее люблю,
И стыдно молвить — ужаснулся!...
Опять мечты, опять любовь
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ.
Изломанный челнокъ, я снова брошенъ въ море,
Вернусь-ли къ пристани я вновь!...

(*Задумывается*).

—

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

АРБЕНИНЪ И НИНА. (*Нина входитъ на цыпочкахъ и цалуетъ его въ лобъ сзади*).

АРБЕНИНЪ.

Ахъ, здравствуй, Нина... наконецъ!
Давно пора.

НИНА.

Неужели такъ поздно?

АРБЕНИНЪ.

Я жду тебя ужъ цѣлый часъ.

НИНА.

Серьёзно?

Ахъ, какъ ты милъ!

АРБЕНИНЪ.

А думаетъ — глупецъ!
Онъ ждетъ-себѣ, а я...

НИНА.

Ахъ, мой Творецъ!...
Да ты всегда не въ духѣ, смотришь грозно,
И на тебя ничѣмъ не угодишь.
Скучаешь ты со мною розно,
А встрѣтимся — ворчишь.
Скажи мнѣ просто: «Нина,
Кинь свѣтъ, я буду жить съ тобой
И для тебя. Зачѣмъ другой мужчина,
Какой нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франтъ, затянутый въ корсетѣ,
Съ утра до вечера тебя встрѣчаетъ въ свѣтѣ,
А я лишь часъ какой нибудь на дню
Могу сказать тебѣ два слова!» —
Скажи мнѣ это, — я готова:
Въ деревнѣ молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу.
Скажи лишь просто мнѣ, какъ другу... Но къ чему
Меня воображеніе умчало!...
Положимъ, ты меня и любишь, но такъ мало,
Что даже не ревнуешь ни къ кому!

АРБЕНИНЪ (*улыбаясь*).

Какъ быть! Я жить привыкъ безпечно,
И ревновать смѣшно...

НИНА.

Конечно.

АРБЕНИНЪ.

Ты сердишься?

НИНА.

Нѣтъ, я благодарю.

АРБЕНИНЪ.

Ты опечалилась.

НИНА.

Я только говорю,
Что ты меня не любишь.

АРБЕНИНЪ.

Нина!

НИНА.

Что вы?

АРБЕНИНЪ.

Послушай. Насъ одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, можетъ быть:
Не мнѣ и не тебѣ судить.
(*Привлекаетъ къ себѣ на колѣни и цалуетъ*).
Ты молода лѣтами и душою,
Въ огромной книгѣ жизни ты прочла
Одинъ заглавный листъ и предъ тобою
Открыто море счастія и зла.
Иди любой дорогой,

Надѣйся и мечтай — вдали надежды много,
А въ прошломъ жизнь твоя бѣла!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мнѣ и любишь — вѣрю я,
Но безотчетно, чувствами играя,
И рѣзвясь, какъ дитя.
Но я люблю иначе: я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все хотѣлъ, потомъ все презиралъ я;
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...
Такъ годы многіе прошли.
О дняхъ, отравленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ
Я мыслю на груди твоей!
Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, несчастный;
Но скоро черствая кора
Съ моей души слетѣла — міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно;
И я воскресъ для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то духъ враждебный
Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
Стираетъ съ памяти моей
Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшебный.
Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ думъ,
Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ.
Боюся осквернить тебя прикосновеньемъ,
Боюсь, чтобы тебя не испугалъ ни стонъ,

Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ.
Тогда ты говоришь: меня не любитъ онъ!
(*Она ласково смотритъ на него и проводитъ рукой по волосамъ*).

НИНА.

Ты странный человѣкъ! Когда краснорѣчиво
Ты про любовь свою разсказываешь мнѣ,
И голова твоя въ огнѣ,
И мысль твоя въ глазахъ сіяетъ живо,
Тогда всему я вѣрю безъ труда;
Но часто...

АРБЕНИНЪ.

Часто?...

НИНА.

Нѣтъ, но — иногда...

АРБЕНИНЪ.

Я сердцемъ слишкомъ старъ, ты слишкомъ молода;
Но чувствовать могли-бъ мы ровно.
И, помнится, въ твои года
Всему я вѣрилъ безусловно.

НИНА.

Опять ты недоволенъ... Боже мой!

АРБЕНИНЪ.

О, нѣтъ! я счастливъ, счастливъ... Я жестокій,
Безумный клеветникъ, далеко,
Далеко отъ толпы завистливой и злой,
Я счастливъ . . . . . я съ тобой!
Оставимъ прежнее! забвенье
Тяжелой, черной старинѣ!

Я вижу, что Творецъ тебя, въ вознагражденье,
Съ своихъ небесъ послалъ ко мнѣ.
(*Цалуетъ ея руки и вдругъ на одной не видя браслета, останавливается и блѣднѣетъ*).

НИНА.

Ты поблѣднѣлъ, дрожишь... о, Боже!

АРБЕНИНЪ (*вскакиваетъ*).

Я? ничего! Гдѣ твой другой браслетъ?

НИНА.

Потерянъ.

АРБЕНИНЪ.

А! потерянъ!

НИНА.

Что-же?
Бѣды великой въ этомъ нѣтъ:
Онъ двадцати пяти рублей, конечно, не дороже.

АРБЕНИНЪ (*про себя*).

Потерянъ... Отчего я этимъ такъ смущенъ?
Какое странное мнѣ шепчетъ подозрѣнье?
Ужель то было только сонъ,
А это — пробужденье?

НИНА.

Тебя понять я, право, не могу.

АРБЕНИНЪ (*пронзительно на нее смотритъ, сложивъ руки*).

Браслетъ потерянъ?...

НИНА (*обидясь*).

Нѣтъ, я лгу!

АРБЕНИНЪ (*про себя*).

Но сходство, сходство!

НИНА.

Вѣрно, уронила
Въ каретѣ я его, — велите обыскать.
Конечно-бъ я его не смѣла взять,
Когда-бъ вообразила...

—

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ И СЛУГА.

АРБЕНИНЪ (*звонитъ; слуга входитъ*).

(*Слугѣ*) Карету обыщи ты вдоль и поперегъ:
Потерянъ тамъ браслетъ... Избави Богъ
Тебѣ вернуться безъ него! (*Ей*) О чести,
О счастіи моемъ тутъ рѣчь идетъ.
(*Слуга уходитъ*).
(*Послѣ паузы ей*) Но если онъ и тамъ браслета не найдетъ?

НИНА

Такъ, стало быть, въ другомъ онъ мѣстѣ.

АРБЕНИНЪ.

Въ другомъ? и гдѣ — ты знаешь?

НИНА.

Въ первый разъ
Такъ скупы вы и такъ суровы;

И чтобъ скорѣй утѣшить васъ,
Я завтра-жъ закажу такой-же точно, новый.
(*Слуга входитъ*).

АРБЕНИНЪ.

Ну, что?... скорѣе отвѣчай...

СЛУГА.

Я перешарилъ всю карету-съ...

АРБЕНИНЪ.

И не нашелъ тамъ?

СЛУГА.

Нѣту-съ.

АРБЕНИНЪ.

Я это зналъ... Ступай!
(*Значительный взглядъ на нее*).

СЛУГА.

Конечно, въ маскарадѣ онъ потерянъ.

АРБЕНИНЪ.

А! въ маскарадѣ!... такъ вы были тамъ?

—

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ СЛУГИ.

АРБЕНИНЪ (*слугѣ*).

Иди. (*Ей*) Что стоило-бы вамъ
Сказать объ этомъ прежде? Я увѣренъ,
Что мнѣ тогда имѣть позволили-бы честь

Васъ проводить туда и васъ домой отвезть.
Я-бъ вамъ не помѣшалъ ни строгимъ наблюденьемъ,
Ни пошлой нѣжностью своей...
Съ кѣмъ были вы?

НИНА.

Спросите у людей:
Они вамъ скажутъ все, и даже съ прибавленьемъ.
Они по пунктамъ объяснятъ:
Кто былъ тамъ, съ кѣмъ я говорила,
Кому браслетъ на память подарила.
И вы узнаете все лучше во сто кратъ,
Чѣмъ еслибъ съѣздили вы сами въ маскарадъ.
(*Смѣется*) Смѣшно, смѣшно, ей-богу!
Не стыдно-ли, не грѣхъ
Изъ пустяковъ поднять тревогу?

АРБЕНИНЪ.

Дай Богъ, чтобъ это былъ твой не послѣдній смѣхъ!

НИНА.

О, если ваши продолжатся бредни,
То это, вѣрно, не послѣдній.

АРБЕНИНЪ.

Кто знаетъ, можетъ быть...
Послушай, Нина!... я смѣшонъ, конечно,
Тѣмъ, что люблю тебя такъ сильно, безконечно,
Какъ только можетъ человѣкъ любить.
И что́ за диво? у другихъ на свѣтѣ
Надеждъ и цѣлей милліонъ,
У одного богатство есть въ предметѣ,
Другой въ науки погруженъ,

Тотъ добивается чиновъ, крестовъ, иль славы,
Тотъ любитъ общество, забавы,
Тотъ странствуетъ, тому игра волнуетъ кровь...
Я странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и трудился,
Постигъ друзей, коварную любовь,
Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился.
Богатъ и безъ гроша былъ скукою томимъ.
Вездѣ я видѣлъ зло, и, гордый, передъ нимъ
Нигдѣ не преклонился.
Все, что̀ осталось мнѣ отъ жизни — это ты:
Созданье слабое, но ангелъ красоты!
Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье...
Я человѣкъ: пока они мои,
Безъ нихъ нѣтъ у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманутъ... если я
Обманутъ... если на груди моей змѣя
Такъ много дней была согрѣта, — если точно
Я правду отгадалъ... и, лаской усыпленъ,
Съ другимъ осмѣянъ былъ заочно, —
Послушай, Нина... я рожденъ
Съ душой кипучею, какъ лава:
Покуда не растопится, тверда
Она какъ камень... но плоха забава
Съ ея потокомъ встрѣтиться! Тогда,
Тогда не ожидай прощенья —
Закона я на месть свою не призову,
Но самъ, безъ слезъ и сожалѣнья,
Двѣ наши жизни разорву!

(*Хочетъ взять ее за руку, она отскакиваетъ въ сторону*).

НИНА.

Не подходи... О, какъ ты страшенъ!

АРБЕНИНЪ.

Неужели?...
Я страшенъ? Нѣтъ, ты шутишь, я смѣшонъ!
Да, смѣйтесь, смѣйтесь-же... Зачѣмъ, достигнувъ цѣли,
Блѣднѣть и трепетать? Скорѣе! гдѣ-же онъ,
Любовникъ пламенный, игрушка маскарада? —
Пускай потѣшится, придетъ.
Вы дали мнѣ вкусить почти всѣ муки ада —
И этой лишь недостаетъ.

НИНА.

Такъ вотъ какое подозрѣнье!
И этому всему виной одинъ браслетъ!
Повѣрьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмѣетъ весь свѣтъ!

АРБЕНИНЪ.

Да! смѣйтесь надо мной вы, всѣ глупцы земные,
Безпечные, но жалкіе мужья,
Которыхъ нѣкогда обманывалъ и я,
Которые межъ тѣмъ живете какъ святые
Въ раю... увы!... Но ты, мой рай,
Небесный и земной, прощай!...
Прощай! я знаю все! (*Ей*) Прочь отъ меня, гіена!
И думалъ я, глупецъ, что, тронута, съ тоской,
Съ раскаяньемъ во всемъ передо мной
Она откроется, упавши на колѣна?
Да! я-бъ смягчился, еслибъ увидалъ
Одну слезу... одну... Нѣтъ, смѣхъ былъ мнѣ отвѣтомъ!

НИНА.

Не знаю, кто меня оклеветалъ,
Но я прощаю вамъ, я не виновна въ этомъ.

Жалѣю, хоть помочь вамъ не могу,
И чтобъ утѣшить васъ, конечно, не солгу.

АРБЕНИНЪ.

О, замолчи, прошу тебя... довольно!...

НИНА.

Но слушай... я невинна... пусть
Меня накажетъ Богъ, — послушай...

АРБЕНИНЪ.

Наизустъ
Я знаю все, что́ скажешь ты.

НИНА.

Мнѣ больно
Твои упреки слушать... Я люблю
Тебя, Евгеній.

АРБЕНИНЪ.

Ну, по чести,
Признанье въ пору...

НИНА.

Выслушай, молю!
О, Боже! Но чего-жъ ты хочешь?

АРБЕНИНЪ.

Мести!

НИНА.

Кому-жъ ты хочешь мстить?

АРБЕНИНЪ.

О, часъ придетъ,
И, право, мнѣ вы надивитесь!

НИНА.

Не мнѣ-ль?... что-жъ медлишь ты?

АРБЕНИНЪ.

Геройство къ вамъ нейдетъ.

НИНА (*съ презрѣньемъ*).

Кому-жъ?

АРБЕНИНЪ.

Вы за кого боитесь?

НИНА.

Ужели много ждетъ меня такихъ минутъ?
О, перестань! ты ревностью своею
Меня убьешь... Я не умѣю
Просить, и ты неумолимъ... Но я и тутъ·
Тебѣ прощаю.

АРБЕНИНЪ.

Лишній трудъ.

НИНА.

Однако есть и Богъ... Онъ не проститъ.

АРБЕНИНЪ.

Жалѣю!

(*Она въ слезахъ уходитъ*).

(*Одинъ*) Вотъ женщина!... О, знаю я давно
Васъ всѣхъ, всѣ ваши ласки и упреки!
Но жалкое познанье мнѣ дано,
И дорого плачу̀ я за уроки!...
И то сказать, за что̀ меня любить?
За то-ль, что у меня и видъ и голосъ грозный?
(*Подходитъ къ двери жены и слушаетъ*).
Что̀ дѣлаетъ она? Смѣется, можетъ быть!...
Нѣтъ, плачетъ. (*Уходя*) Жаль, что поздно...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

(*Баронесса сидитъ на креслѣ, въ усталости, и бросаетъ книгу*).

БАРОНЕССА.

Подумаешь: зачѣмъ живемъ мы? для того-ли,
Чтобъ вѣчно угождать на чуждый нравъ
И рабствовать всегда? Жоржъ Зандъ почти-что правъ.
Что нынѣ женщина? Созданіе безъ воли,
Игрушка для страстей, иль прихотей другихъ!
Имѣя свѣтъ судьей и, безъ защиты въ свѣтѣ,
Она должна таить весь пламень чувствъ своихъ,
Иль удушить ихъ въ полномъ цвѣтѣ.
Что женщина? Ее отъ юности самой
Въ продажу выгодамъ, какъ жертву, убираютъ.
Винятъ въ любви къ себѣ одной,
Любить другихъ не позволяютъ.
Въ груди ея порой бушуетъ страсть:
Боязнь, разсудокъ, мысли гонитъ;
И если какъ нибудь, забывши свѣта власть,
Она покровъ съ нея уронитъ,
Предастся чувствамъ всей душой —
Тогда прости и счастье и покой!

Свѣтъ тутъ: онъ тайны знать не хочетъ; онъ по виду,
По платью встрѣтитъ честность и порокъ, —
Но не снесетъ приличіямъ обиду,
И въ наказаніяхъ жестокъ!... (*Хочетъ читать*).
Нѣтъ, не могу читать... Меня смутило
Все это размышленье; я боюсь
Его какъ недруга... и, вспомнивъ то, что̀ было,
Сама себѣ еще дивлюсь. (*Входитъ Нина*).

—

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

НИНА.

Каталась я въ саняхъ, и мнѣ пришла идея
Къ тебѣ заѣхать, mon amour.

БАРОНЕССА.

C'est une idée charmante, vous en avez toujours.
(*Садятся*) Ты что-то прежняго блѣднѣе
Сегодня, несмотря на вѣтеръ и морозъ,
И красные глаза — конечно, не отъ слезъ?

НИНА.

Я дурно ночь спала, и нынче нездорова.

БАРОНЕССА.

Твой докторъ нехорошъ — возьми другаго.

—

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ (*входитъ*).

БАРОНЕССА (*холодно*).

Ахъ, князь!

КНЯЗЬ.

Я былъ вчера у васъ
Съ извѣстіемъ, что нашъ пикникъ разстроенъ.

БАРОНЕССА.

Прошу садиться, князь.

КНЯЗЬ.

Я спорилъ лишь сейчасъ,
Что огорчитесь вы,—но видъ вашъ такъ спокоенъ...

БАРОНЕССА.

Мнѣ, право, жаль.

КНЯЗЬ.

А я—такъ очень радъ.
Пикниковъ двадцать я отдамъ за маскарадъ.

НИНА.

Вчера вы были въ маскарадѣ?

КНЯЗЬ.

Былъ.

БАРОНЕССА.

А въ какомъ нарядѣ?

НИНА.

Тамъ было много?...

КНЯЗЬ.

Да; и тамъ
Подъ маской я узналъ иныхъ изъ нашихъ дамъ.
Конечно, вы охотницы рядиться. (*Смѣется*).

БАРОНЕССА (*горячо*).

Я объявить вамъ, князь, должна,

Что эта клевета нимало не смѣшна.
Какъ женщинѣ порядочной рѣшиться
Отправиться туда, гдѣ всякій сбродъ,
Гдѣ всякій вѣтренникъ обидитъ, осмѣётъ;
Рискнуть быть узнанной... Вамъ надобно стыдиться,
Отречься отъ подобныхъ словъ.

КНЯЗЬ.

Отречься не могу; стыдиться-же — готовъ.
(*Входитъ чиновникъ*).

—

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ И ЧИНОВНИКЪ.

БАРОНЕССА.

Откуда вы?

ЧИНОВНИКЪ.

Сейчасъ лишь изъ правленья,
О дѣлѣ вашемъ я пришелъ поговорить.

БАРОНЕССА.

Его рѣшили?

ЧИНОВНИКЪ.

Нѣтъ, но скоро... Можетъ быть,
Я помѣшалъ...

БАРОНЕССА.

Ничуть (*Отходитъ къ окну и говоритъ*).

КНЯЗЬ (*въ сторону*).

Вотъ время объясненья! (*Нинѣ*)
Я въ магазинѣ нынче видѣлъ васъ.

НИНА.

Въ какомъ-же?

КНЯЗЬ.

Въ англійскомъ.

НИНА.

Давно-ль?

КНЯЗЬ.

Сейчасъ.

НИНА.

Мнѣ удивительно, что васъ я не узнала.

КНЯЗЬ.

Вы были заняты.

НИНА (*скоро*).

Браслетъ я прибирала. (*Вынимаетъ изъ ридикюля*).
Вотъ къ этому...

КНЯЗЬ.

Премиленькій браслетъ!
Но гдѣ-жъ другой?

НИНА.

Потерянъ!

КНЯЗЬ.

Въ самомъ дѣлѣ?...

НИНА.

Что-жъ страннаго?

КНЯЗЬ.

И не секретъ —
Когда?

НИНА.

Третьёводня, вчера, на той недѣлѣ.
Зачѣмъ вамъ знать, когда?

КНЯЗЬ.

Я мысль свою имѣлъ,
Довольно странную, быть можетъ... (*Въ сторону*).
Смущается она — вопросъ ее тревожитъ.
Охъ, эти скромницы! (*Ей*) Я предложить хотѣлъ
Свои услуги вамъ... онъ можетъ отыскаться...

НИНА.

Пожалуйста... Но гдѣ?

КНЯЗЬ.

А гдѣ-жъ потерянъ онъ?

НИНА.

Не помню.

КНЯЗЬ.

Какъ нибудь на балѣ?

НИНА.

Можетъ статься.

КНЯЗЬ.

Или кому нибудь на память подаренъ?

НИНА.

Откуда вывели такое заключенье?
И подарю его кому-жъ?...
Не мужу-ли?

КНЯЗЬ.

Но будто въ свѣтѣ только мужъ?

Пріятельницъ у васъ толпа — въ томъ нѣтъ сомнѣнья.
Ну пусть потерянъ онъ, — а тотъ,
Который вамъ его найдетъ,
Получитъ-ли отъ васъ какое награжденье?

НИНА (*улыбаясь*).

Смотря...

КНЯЗЬ.

Но если онъ
Васъ любитъ, если въ васъ потерянный свой сонъ
Онъ отыскалъ — и за улыбку вашу, слово,
Не пожалѣетъ ничего земнаго?
Но если сами вы когда нибудь
Ему рѣшились намекнуть
О будущемъ блаженствѣ, — если сами,
Не узнаны, подъ маскою, его
Ласкали вы любви словами...
О... но поймите-же!

НИНА.

Изъ этого всего
Я то лишь поняла, что слишкомъ вы забылись...
И нынѣче въ первый и послѣдній разъ
Не говорить со мной прошу покорно васъ.

КНЯЗЬ.

О, Боже! Я мечталъ... Ужель вы разсердились?
(*Про себя*) Ты отвертѣлася! добро... но будетъ часъ,
И я своей достигну цѣли.

(*Нина отходитъ къ баронессѣ*).

(*Чиновникъ раскланивается и уходитъ*).

НИНА.

Adieu ma chère — до завтра: мнѣ пора.

БАРОНЕССА.

Да подожди, mon ange, съ тобой мы не успѣли
Сказать двухъ словъ (*цалуются*).

НИНА (*уходя*).

Я завтра жду тебя съ утра. (*Уходитъ*).

БАРОНЕССА.

Мнѣ день покажется длиннѣй недѣли.

—

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ НИНЫ И ЧИНОВНИКА.

КНЯЗЬ (*въ сторону*).

Я отомщу тебѣ! Вотъ скромница нашлась!
Пожалуй, я дуракъ — пожалуй, отречется,
Но я узналъ браслетъ.

БАРОНЕССА.

Задумался, князь?

КНЯЗЬ.

Да многое раздумать мнѣ придется.

БАРОНЕССА.

Какъ кажется, вашъ разговоръ
Былъ оживленъ — о чѣмъ былъ споръ?

КНЯЗЬ.

Я утверждалъ, что встрѣтилъ въ маскарадѣ...

БАРОНЕССА.

Кого?

КНЯЗЬ.

Ее.

БАРОНЕССА.

Какъ, Нину?

КНЯЗЬ.

Да.
Я доказалъ ей.

БАРОНЕССА.

Безъ стыда,
Я вижу, вы въ глаза людей злословить рады.

КНЯЗЬ.

Изъ странности рѣшаюсь иногда.

БАРОНЕССА.

Такъ пощадите хоть заочно!
Къ тому-же доказательствъ нѣтъ.

КНЯЗЬ.

Нѣтъ? только мнѣ вчера былъ данъ браслетъ,
И у нея такой-же точно.

БАРОНЕССА.

Вотъ доказательство... логическій отвѣтъ!
Такіе-же есть въ каждомъ магазинѣ.

КНЯЗЬ.

Я нынѣ всѣ изъѣздилъ ихъ,
И тутъ увѣрился, что только два такихъ.
(*Послѣ молчанія*).

БАРОНЕССА.

Я завтра-жъ дамъ совѣтъ полезный Нинѣ:
Не довѣряться болтунамъ.

КНЯЗЬ.

А мнѣ совѣтъ какой?

БАРОНЕССА.

А вамъ?
Смѣлѣе продолжать съ успѣхомъ начатое
И дорожить побольше честью дамъ.

КНЯЗЬ.

За два совѣта вамъ я благодаренъ вдвое.
(*Уходитъ*).

—

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

БАРОНЕССА.

Какъ честью женщины такъ вѣтрено шутить!
Откройся я ему — со мной-бы было тоже!
Итакъ прощайте, князь! не мнѣ васъ выводить
Изъ заблужденія; о, нѣтъ, избави Боже!
Одно лишь странно мнѣ, какъ я найти могла
Ея браслетъ. Такъ! Нина тамъ была —
И вотъ разгадка всей шарады...
Не знаю, отчего, но я его люблю, —
Быть можетъ, такъ, отъ скуки, отъ досады,
Отъ ревности... томлюся и горю,
И нѣту мнѣ ни въ чемъ отрады!
Мнѣ будто слышится и смѣхъ толпы пустой
И шопотъ злобныхъ сожалѣній!
Нѣтъ, я себя спасу... хотя-бъ на счетъ другой,
Отъ этого стыда, — хотя-бъ цѣной мученій

Пришлося выкупить проступокъ новый мой...
(*Задумывается*).
Какая цѣпь ужасныхъ предпріятій!

—

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

БАРОНЕССА И ШПРИХЪ.

ШПРИХЪ (*Входитъ, раскланивается*).

БАРОНЕССА.

Ахъ, Шприхъ! ты вѣчно кстати.

ШПРИХЪ.

Помилуйте; я былъ-бы очень радъ,
Когда-бы могъ вамъ быть полезенъ.
Покойный вашъ супругъ...

БАРОНЕССА.

Всегда-ль ты такъ любезенъ?

ШПРИХЪ.

Блаженной памяти, баронъ...

БАРОНЕССА.

Тому назадъ
Лѣтъ пять, я помню.

ШПРИХЪ.

Занялъ тысячъ...

БАРОНЕССА.

Знаю!

Но я тебѣ проценты за пять лѣтъ
Отдамъ сегодня-же.

ШПРИХЪ.

Мнѣ-съ нуждѣ въ деньгахъ нѣтъ.
Помилуйте-съ, я такъ, случайно вспоминаю.

БАРОНЕССА.

Скажи, что̀ новаго?

ШПРИХЪ.

У графа одного
Наслушался — сейчасъ лишь вышелъ —
Исторій въ свѣтѣ тьма.

БАРОНЕССА.

А ничего
Про князя Звѣздича съ Арбениной не слышалъ?

ШПРИХЪ (*въ недоумѣніи*).

Нѣтъ... слышалъ... какъ-же... нѣтъ...
Объ этомъ говорилъ и замолчалъ ужъ свѣтъ...
(*Въ сторону*). А что̀, бишь, я не помню, вотъ ужасно!...

БАРОНЕССА.

О, если это такъ ужъ гласно,
То нечего и говорить!

ШПРИХЪ.

Но я-бъ желалъ узнать, какъ вы объ этомъ
Изволите судить?

БАРОНЕССА.

Они осуждены ужъ свѣтомъ.
А впрочемъ, я-бъ могла ихъ подарить совѣтомъ —
Сказала-бы ему, что женщины цѣнятъ
Настойчивость въ мужчинѣ,

Хотятъ, чтобъ онъ сквозь тысячу преградъ
Къ своей стремился героинѣ.
А ей-бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности поболѣ...
Прощайте, мосьё Шприхъ, обѣдать ждетъ меня
Сестра; а то-бъ осталась съ вами долѣ.
(Уходя, въ сторону).
Теперь я спасена — полезный мнѣ урокъ!

—

ВЫХОДЪ ВОСЬМОЙ.

ШПРИХЪ *(одинъ)*.

Не безпокойтеся: я понялъ вашъ намекъ
И не дождуся повторенья.
Какая быстрота ума, соображенья!
Тутъ есть интрига... да, вмѣшаюсь въ эту связь —
Мнѣ благодаренъ будетъ князь.
Я попаду къ нему въ агенты...
Потомъ сюда съ рапортомъ прилечу,
И ужъ, авось, тогда хоть получу
Я пятплѣтніе проценты.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Кабинетъ Арбенина.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

АРБЕНИНЪ *одинъ; потомъ* ЛАКЕЙ.

АРБЕНИНЪ.

Все ясно ревности — а доказательствъ нѣтъ!
Боюсь ошибки, а терпѣть нѣтъ силы,
Оставить такъ, забыть минутный бредъ...
Такая жизнь страшнѣй могилы!
Есть люди, я видалъ, съ душой остылой,
Они блаженствуютъ и мирно спятъ въ грозу —
То жизнь завидная!

ЛАКЕЙ *(входитъ)*.

Ждетъ человѣкъ внизу.
Принесъ онъ барынѣ записку отъ княгини.

АРБЕНИНЪ.

Да отъ какой?

СЛУГА.

Не разобралъ-съ.

АРБЕНИНЪ.

Записка? къ Нинѣ?...
(Идетъ; слуга остается).

—

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АѲАНАСІЙ ПАВЛОВИЧЪ КАЗАРИНЪ И СЛУГА.

СЛУГА.

Сейчасъ лишь баринъ вышелъ-съ; подождите
Немного-съ.

КАЗАРИНЪ.

Хорошо.

СЛУГА.

Я тотчасъ доложу-съ. *(Уходитъ).*

КАЗАРИНЪ.

Ждать я готовъ хоть годъ, когда хотите,
Мосьё Арбенинъ, и дождусь.
Дѣла мои преплохи, такъ-что грустно!
Товарищъ нуженъ мнѣ искусный.
Недурно, если онъ, къ тому-жъ,
Великодушенъ часто, кстати
Имѣетъ тысячи три душъ
И покровительство у знати.
Арбенина втянуть опять-бы надо мнѣ
Въ игру; онъ будетъ вѣренъ старинѣ:
Пріятеля онъ поддержать съумѣетъ
И предъ дѣтьми не оробѣетъ.
А эта молодёжь
Мнѣ просто — ножъ!
Толкуй имъ, какъ угодно,
Не знаютъ ни завесть, ни въ пору перестать,
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно.

Взгляните-ка, изъ стариковъ
Какъ многіе игрой достигли до чиновъ,
Изъ грязи
Вошли со знатью въ связи;
А все вѣдь отчего? — умѣли сохранять
Приличіе во всемъ, блюсти свои законы,
Держались правилъ, — глядь:
При нихъ и честь и милліоны!...

—

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

КАЗАРИНЪ И ШПРИХЪ. *(Входитъ Шприхъ).*

ШПРИХЪ.

Ахъ, Аѳанасій Павловичъ! вотъ чудо!
Ахъ, какъ я радъ! не думалъ встрѣтить васъ.

КАЗАРИНЪ.

Я также. Ты съ визитомъ?

ШПРИХЪ.

Да-съ.
А вы?

КАЗАРИНЪ.

Я также!

ШПРИХЪ.

Право? А не худо,
Что мы сошлись; о дѣлѣ объ одномъ
Поговорить мнѣ нужно-бъ съ вами.

КАЗАРИНЪ.

Бывало, ты все занятъ былъ дѣлами,
А дѣломъ въ первый разъ.

ШПРИХЪ.

Вот mot вамъ ни по чемъ,
А, право, нужное...

КАЗАРИНЪ.

Мнѣ также очень нужно
Съ тобой поговорить.

ШПРИХЪ.

Итакъ, мы сладимъ дружно.

КАЗАРИНЪ.

Не знаю... говори!

ШПРИХЪ.

Позвольте лишь спросить:
Вы слышали-ль, что вашъ пріятель
Арбенинъ... *(дѣлаетъ пальцами изображеніе роговъ)*

КАЗАРИНЪ.

Что?... не можетъ быть!
Ты точно знаешь?...

ШПРИХЪ.

Мой Создатель!
Я самъ улаживалъ — тому лишь пять минутъ;
Кому-же знать?

КАЗАРИНЪ.

Бѣсъ вѣчно тутъ-какъ-тутъ.

ШПРИХЪ.

Вотъ видите: жена его намедни,
Не помню я, на балѣ, у обѣдни.
Иль въ маскарадѣ встрѣтилась съ однимъ
Князькомъ; ему она довольно показалась
И очень скоро князь сталъ счастливъ и любимъ.
Но вдругъ красотка передъ нимъ
Отъ прежняго чуть-чуть не отклепалась.
Взбѣсился князь и полетѣлъ вездѣ
Разсказывать — того смотри, что быть бѣдѣ.
Меня просили сладить это дѣло...
Я принялся — и разомъ все поспѣло.
Князь обѣщалъ молчать, записку навалялъ,
Покорный вашъ слуга слегка ее поправилъ
И къ мѣсту тотъ-же часъ доставилъ.

КАЗАРИНЪ.

Смотри, чтобъ мужъ тебѣ ушей не оборвалъ.

ШПРИХЪ.

Въ такихъ-ли я дѣлахъ бывалъ,
А обходилось безъ дуэли...

КАЗАРИНЪ.

И даже не былъ битъ?

ШПРИХЪ.

У васъ все шутка, смѣхъ...
А я всегда скажу, что жизнію безъ цѣли
Не должно рисковать.

КАЗАРИНЪ.

И въ самомъ дѣлѣ!
Такую жизнь, безцѣнную для всѣхъ,
Безъ пользы подвергать — великій грѣхъ.

ШПРИХЪ.

Но это въ сторону; вѣдь я о важномъ съ вами
Хотѣлъ поговорить.

КАЗАРИНЪ.

Что-жъ это?

ШПРИХЪ.

Анекдотъ!
А дѣло вотъ въ чемъ...

КАЗАРИНЪ.

Пропадай съ дѣлами!
Арбенинъ, кажется, идетъ.

ШПРИХЪ.

Нѣтъ никого. Мнѣ привезли недавно
Отъ графа Врути пять борзыхъ собакъ.

КАЗАРИНЪ.

Твой анекдотъ, ей-богу, презабавный.

ШПРИХЪ.

Вашъ братъ охотникъ; вотъ купить-бы славно!

КАЗАРИНЪ.

Итакъ, Арбенинъ — какъ дуракъ...

ШПРИХЪ.

Послушайте...

КАЗАРИНЪ.

Попалъ въ-просакъ,
Обманутъ и осмѣянъ явно.
Женитесь послѣ этого!

ШПРИХЪ.

Вашъ братъ
Находкѣ этой былъ-бы радъ.

КАЗАРИНЪ.

Въ женитьбѣ вѣрность, счастіе — все враки!
Эй, не женися, Шприхъ!

ШПРИХЪ.

Да я давно женатъ...
Послушайте, одна особенно — вотъ кладъ.

КАЗАРИНЪ.

Жена?

ШПРИХЪ.

Собака.

КАЗАРИНЪ.

Вотъ дались собаки!
Послушай, мой любезный другъ,
Не знаю, какъ жену — что богъ-дастъ — неизвѣстно,
А ты собакъ не скоро сбудешь съ рукъ.
(*Арбенинъ входитъ съ письмомъ. Они стояли нальво у бюро, и онъ ихъ не видалъ*).
Задумчивъ, и съ письмомъ; узнать-бы интересно...

—

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ И АРБЕНИНЪ.

АРБЕНИНЪ (*не замѣчая ихъ*).

О, благодарность! И давно-ли я
Спасъ честь его и будущность, не зная
Почти кто онъ таковъ, — и что-же... О, змѣя!
Неслыханная низость!... Онъ, играя,
Какъ воръ вторгается въ мой домъ,
Покрылъ меня позоромъ и стыдомъ!...

И я глазамъ не вѣрилъ, забывая
Весь горькій опытъ многихъ дней,
Я, какъ дитя, незнающій людей,
Не смѣлъ подозрѣвать такого преступленья.
Я думалъ: вся вина ея... не знаетъ онъ,
Кто эта женщина... какъ странный сонъ,
Забудетъ онъ свое ночное приключенье.
Онъ не забылъ — онъ сталъ искать и отыскалъ,
И тутъ — не могъ остановиться...
Вотъ благодарность!... Много я видалъ
На свѣтѣ, а пришлось еще дивиться.
(*Перечитываетъ письмо*).
«Я васъ нашелъ! Но не хотѣли вы
«Признаться...» Скромность кстати чрезвычайно!—
«Вы правы... что̀ страшнѣй молвы?
«Подслушать насъ могли-бъ случайно.
«Такъ, не презрѣніе, но страхъ
«Прочелъ я въ вашихъ пламенныхъ глазахъ.
«Вы тайны любите — и это будетъ тайной!
«Но я скорѣй умру, чѣмъ откажусь отъ васъ.»

ШПРИХЪ.

Письмо! такъ, такъ, оно... Пропало все какъ разъ!

АРБЕНИНЪ.

Ого! искусный соблазнитель, право!
Мнѣ хочется послать ему отвѣтъ кровавый.
(*Казарину*). А! ты былъ здѣсь?

КАЗАРИНЪ.

Я жду ужъ цѣлый часъ.

ШПРИХЪ (*въ сторону*).

Отправлюсь къ баронессѣ: пусть хлопочетъ

И разсыпается, какъ хочетъ.
(*Приближается къ двери*).

—

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ, *кромѣ* ШПРИХА. (*Шприхъ уходитъ незамѣченъ*).

КАЗАРИНЪ.

Мы съ Шприхомъ... гдѣ-же Шприхъ?
Пропалъ! (*Въ сторону*).
Письмо? такъ вотъ что̀! понимаю! (*Ему*).
Ты въ размышленьи...

АРБЕНИНЪ.

Да, я размышляю.

КАЗАРИНЪ.

О бренности надеждъ и благъ земныхъ?

АРБЕНИНЪ.

Почти... О благодарности.

КАЗАРИНЪ.

Есть мнѣнья
Различныя на этотъ счетъ.
Но что̀-бъ ни думалъ этотъ или тотъ,
А все предметъ достоинъ размышленья.

АРБЕНИНЪ.

Твое-же мнѣніе?

КАЗАРИНЪ.

Я думаю, мой другъ,
Что благодарность — вещь, которая тѣмъ болѣ
Зависитъ отъ цѣны услугъ,
Что не всегда добро бываетъ въ нашей волѣ.

Вотъ, напримѣръ, вчера, опять
Мнѣ Слукинъ проигралъ почти-что тысячъ пять,
И я, ей-богу, очень благодаренъ;
Да вотъ какъ: пью-ли, ѣмъ, иль сплю,
Все думаю о немъ.

АРБЕНИНЪ.

Ты шутишь все, Казаринъ.

КАЗАРИНЪ.

Послушай. Я тебя люблю
И буду говорить серьезно.
Но, сдѣлай милость, братъ, оставь ты видъ свой грозный,
И я открою предъ тобой
Всѣ таинства премудрости земной.
Мое ты хочешь слышать мнѣнье
О благодарности... извольте: возьми терпѣнье.
Что̀ ни толкуй Вольтеръ, или Декартъ,
Міръ для меня — колода картъ,
Жизнь — банкъ; рокъ мечетъ, я играю.
И правила игры я къ людямъ примѣняю.
И вотъ теперь примѣръ
Для поясненья этихъ правилъ:
Пусть разомъ тысячу я на туза поставилъ,
Такъ, по предчувствію, — я въ картахъ суевѣръ —
Положимъ, что случайно, безъ обману
Онъ выигралъ — я очень радъ;
Но все никакъ туза благодарить не стану
И молча загребу свой кладъ,
И буду гнуть, да гнуть, покуда не устану;
А тамъ, итоги свелъ
И карту смятую — подъ столъ!
Теперь... Но ты не слушаешь, мой милый?

АРБЕНИНЪ (*въ размышленіи*).

Повсюду зло, вездѣ обманъ!
И я намедни... я, какъ истуканъ,
Безмолвно слушалъ, какъ все это было!

КАЗАРИНЪ (*въ сторону*).

Задумался. (*Ему*). Теперь мы перейдемъ
Къ другому казусу и дѣло разберемъ,
Но постепенно, чтобъ не сбиться.
Положимъ, напримѣръ, въ игру или развратъ
Ты-бъ захотѣлъ опять пуститься.
И тутъ пріятель твой случится
И скажетъ: «эй! остерегися, братъ!.. »
И прочіе премудрые совѣты,
Которые не стоютъ ничего.
И ты случайно, такъ, послушаешь его.
Ему поклонъ и многи лѣты.
И если онъ тебя отъ пьянства удержалъ,
То напои его сейчасъ, безъ замедленья,
И въ карты обыграй въ обмѣнъ за наставленье.
А отъ игры онъ спасъ — такъ ты ступай на балъ,
Влюбись въ его жену... иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтобъ съ мужемъ расплатиться:
Въ обоихъ случаяхъ ты будешь правъ, дружокъ,
И только-что отдашь урокомъ за урокъ.

АРБЕНИНЪ.

Ты славный моралистъ! (*Въ сторону*).
Такъ это всѣмъ извѣстно...
А! князь! за вашъ урокъ я заплачу вамъ честно.

КАЗАРИНЪ (*не обращая вниманія*).

Послѣдній пунктъ осталось объяснить:
Ты любишь женщину, ты жертвуешь ей честью,

Богатствомъ, дружбою и жизнью, можетъ быть;
Ты окружилъ ее забавами и лестью,
Но ей за что́ тебя благодарить?
Ты это сдѣлалъ все изъ страсти
И самолюбія, отчасти;
Чтобъ ею обладать, пожертвовалъ ты все,
А не для счастія ея.
Да! пораздумай-ка объ этомъ хладнокровно,
И скажешь самъ, что въ мірѣ все условно.

АРБЕНИНЪ (*разстроенно*).

Да, да, ты правъ: что̀ женщинѣ въ любви?
Побѣды новыя ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли —
Смѣшонъ ей видъ и голосъ твой плачевный.
Ты правъ: глупецъ, кто въ женщинѣ одной
Мечталъ найти свой рай земной.

КАЗАРИНЪ.

Ты разсуждаешь очень здраво,
Хотя женатъ и счастливъ.

АРБЕНИНЪ.

Право?

КАЗАРИНЪ.

А развѣ нѣтъ?

АРБЕНИНЪ.

О, счастливъ... да...

КАЗАРИНЪ.

Я очень радъ.
Однакожъ все мнѣ жаль, что ты женатъ!

АРБЕНИНЪ.

А что-же?

КАЗАРИНЪ.

Такъ... я вспоминаю
Про прежнее... когда съ тобой
Кутили мы, въ чью голову — не знаю,
Хоть оба мы — ребята съ головой!...
Вотъ было время! Утромъ отдыхъ, нѣга,
Воспоминанія пріятнаго ночлега...
Потомъ обѣдъ, вино — Рауля честь —
Въ граненыхъ кубкахъ пѣнится и блещетъ;
Бесѣда шумная; острот не перечесть;
Потомъ въ театръ — душа трепещетъ
При мысли, какъ съ тобой вдвоемъ изъ-за кулисъ
Выманивали мы танцовщицъ и актрисъ...
Не правда-ли, что древле
Все было лучше и дешевле?
Вотъ пьеса кончилась, и мы летимъ стрѣлой
Къ пріятелю... вошли... игра ужъ въ самой силѣ;
На картахъ золото насыпано горой:
Тотъ весь горитъ; другой
Блѣднѣе чѣмъ мертвецъ въ могилѣ.
Садимся мы — и загорѣлся бой!...
Тутъ, тутъ сквозь душу переходитъ
Страстей и ощущеній тьма,
И часто мысль гигантская заводитъ
Пружину пылкаго ума...
И если побѣдишь противника умѣньемъ,
Судьбу заставишь пасть къ ногамъ твоимъ съ смиреньемъ,
Тогда и самъ Наполеонъ
Тебѣ покажется и жалокъ и смѣшонъ.

(*Арбенинъ отворачивается*).

АРБЕНИНЪ.

О! кто мнѣ возвратитъ васъ, буйныя надежды,
Васъ, нестерпимые, но пламенные дни?
За васъ отдамъ я счастіе невѣжды,
Безпечность и покой — не для меня они...
Мнѣ-ль быть супругомъ и отцомъ семейства?
Мнѣ-ль, мнѣ-ль, который испыталъ
Всѣ сладости порока и злодѣйства,
И передъ ихъ лицомъ ни разу не дрожалъ?
Прочь, добродѣтель! я тебя не знаю,
Я былъ обманутъ и тобой,
И краткій нашъ союзъ отнынѣ разрываю —
Прощай — прощай...
(*Падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо*).

КАЗАРИНЪ.

Теперь онъ мой!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната у князя. Дверь въ другую растворена; онъ въ другой спитъ на диванѣ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ИВАНЪ, *потомъ* АРБЕНИНЪ.

(*Слуга смотритъ на часы*).

ИВАНЪ.

Седьмой ужъ часъ почти въ исходѣ,

А въ восемь приказалъ себя онъ разбудить.
Онъ спитъ по-русски, не по модѣ,
И я успѣю въ лавочку сходить.
Дверь на замокъ запру: оно вѣрнѣе.
Да.. чу... по лѣстницѣ идутъ.
Скажу, что дома нѣтъ — и съ рукъ долой скорѣе.
(*Арбенинъ входитъ*).

АРБЕНИНЪ.

Князь дома?

СЛУГА.

Дома нѣтъ-съ.

АРБЕНИНЪ.

Не правда.

СЛУГА.

Пять минутъ
Тому назадъ, уѣхалъ.

АРБЕНИНЪ (*прислушивается*).

Лжешь! онъ тутъ.
(*Показываетъ на кабинетъ*).
И вѣрно, сладко спитъ: прислушайся какъ дышетъ...
(*Въ сторону*). Но скоро перестанетъ.

СЛУГА (*въ сторону*).

Онъ все слышитъ... (*Ему*).
Себя будить мнѣ князь не приказалъ.

АРБЕНИНЪ.

Онъ любитъ спать, — тѣмъ лучше: приведется
И вѣчно спать. (*Слугѣ*). Я, кажется, сказалъ,
Что буду ждать, покуда онъ проснется.
(*Слуга уходитъ*).

—

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АРБЕНИНЪ *(одинъ)*.

Удобный мигъ насталъ, — теперь иль никогда!
Теперь я все свершу безъ страха и труда;
Я докажу, что въ нашемъ поколѣньѣ
Есть хоть одна душа, въ которой оскорбленье,
Запавъ, приноситъ плодъ... О! я не ихъ слуга:
Мнѣ поздно передъ ними гнуться...
Когда-бъ, крича, предъ нихъ я вызвалъ-бы врага,
Они-бъ смѣялися... теперь не засмѣются!
О, нѣтъ, я не таковъ! Позора цѣлый часъ
На головѣ своей не потерплю я даромъ.
(Растворяетъ дверь).
Онъ спитъ!... Что видитъ онъ во снѣ въ послѣдній разъ?
(Страшно улыбаясь).
Я думаю, что онъ умретъ ударомъ —
Онъ свѣсилъ голову... я крови помогу...
И все на счетъ благой природы!
(Входитъ въ комнату).
(Минуты двѣ — онъ выходитъ бльденъ).
Не могу!
(Молчаніе).
Да, это свыше силъ и воли...
Я измѣнилъ себѣ, я задрожалъ
Впервые во всю жизнь. Давно-ли
Я трусъ?... трусъ?... Кто это сказалъ?...
Я самъ, и это правда... Стыдно, стыдно!
Бѣги, краснѣй, презрѣнный человѣкъ!
Тебя, какъ и другихъ, къ землѣ прижалъ нашъ вѣкъ.
Ты предъ собой лишь хвастался, какъ видно...
О, жалко... право жалко... изнемогъ
И ты подъ гнетомъ просвѣщенья!

Любить ты не умѣлъ, а мщенья
Хотѣлъ, пришелъ и... и не могъ! (*Молчаніе*).
(*Садится*).
Я слишкомъ залетѣлъ высоко,
Вѣрнѣй избрать я долженъ путь...
И замыселъ иной глубоко
Запалъ въ мою измученную грудь.
Такъ! такъ! онъ будетъ жить; убійство ужъ не въ модѣ:
Убійцъ на площадяхъ казнятъ.
Такъ! въ образованномъ родился я народѣ:
Языкъ и золото — вотъ нашъ кинжалъ и ядъ!
(*Беретъ чернила и пишетъ записку; беретъ шляпу*).

—

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

АРБЕНИНЪ И БАРОНЕССА.

(*Арбенинъ идетъ въ двери и сталкивается съ дамой въ вуалѣ*).

ДАМА (*въ вуалѣ*).

Ахъ! все погибло!..

АРБЕНИНЪ.

Это что?

ДАМА (*вырываясь*).

Пустите!

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, это не притворный крикъ
Продажной добродѣтели!
(*Ей строго*). Молчите!

Ни слова, — или сей-же мигъ...
Какое подозрѣнье!.. отверните
Вашъ вуаль, пока мы здѣсь одни.

ДАМА.

Я не туда зашла, ошиблась.

АРБЕНИНЪ.

Да, немного
Ошиблись, кажется и мнѣ,
Но временемъ, не мѣстомъ.

ДАМА.

Ради Бога,
Пустите! Я не знаю васъ.

АРБЕНИНЪ.

Смущенье странно... вы должны открыться.
Онъ спитъ теперь и можетъ встать сейчасъ!
Все знаю я... но убѣдиться
Хочу...

ДАМА.

Все знаете?...
(*Онъ откидываетъ вуаль и отступаетъ въ удивленіи; потомъ приходитъ въ себя*).

АРБЕНИНЪ.

Благодарю, Творецъ,
Что ты позволилъ мнѣ хоть нынче ошибиться!

БАРОНЕССА.

О! что я сдѣлала? Теперь всему конецъ!

АРБЕНИНЪ.

Отчаянье теперь некстати.

Невесело, согласенъ, въ часъ такой,
Намѣсто пламенныхъ объятій
Съ холодной встрѣтиться рукой...
И то минутный страхъ, — а нѣтъ бѣды большой.
Я скроменъ, радъ молчать. Благодарите Бога,
Что это я, а не другой;
Не то, была-бы въ городѣ тревога.

БАРОНЕССА.

Ахъ! онъ проснулся, говоритъ.

АРБЕНИНЪ.

Въ бреду...
Но успокойтесь, я сейчасъ уйду,
Лишь объясните мнѣ, какою властью
Вотъ этотъ купидонъ васъ вдругъ околдовалъ?
Зачѣмъ, когда онъ самъ безчувственъ, какъ металлъ,
Всѣ женщины къ нему пылаютъ страстью?
Зачѣмъ не онъ у вашихъ ногъ съ тоской,
Съ моленьемъ, клятвами, слезами?
А вы, вы здѣсь, — вы, женщина съ душой,
Забывши стыдъ, пришли ему предаться сами?
Зачѣмъ другая женщина, ничѣмъ
Не хуже васъ, ему отдать готова
Все: счастье, жизнь, любовь... за взглядъ одинъ, за слово?
Зачѣмъ... О, я глупецъ! (*Въ бѣшенствѣ*). Зачѣмъ, зачѣмъ?

БАРОНЕССА (*рѣшительно*).

Я поняла о чемъ вы говорите... Знаю,
Что вы пришли...

АРБЕНИНЪ.

Какъ! кто-жъ вамъ разсказалъ?...
(*Опомнившись*). А что вы знаете?...

БАРОНЕССА.

О, я васъ умоляю,
Простите мнѣ...

АРБЕНИНЪ.

Я васъ не обвинялъ;
Напротивъ, радуюсь пріятельскому счастью.

БАРОНЕССА.

Ослѣплена была я страстью;
Во всемъ виновна я; но, слушайте...

АРБЕНИНЪ.

Къ чему?
Мнѣ, право, все равно... я врагъ морали строгой.

БАРОНЕССА.

Но если-бы не я, то не бывать письму.
Ни...

АРБЕНИНЪ.

А! ужъ это слишкомъ много!...
Письмо!.. какое?.. а! такъ это вы тогда,
Вы ихъ свели... учили ихъ?.. Давно-ли
Взялись вы за такія роли?
Что васъ понудило?... Сюда
Приводите вы вашихъ жертвъ невинныхъ,
Иль молодежь приходитъ къ вамъ?
Да, — признаюсь!... вы кладъ въ гостиныхъ,
И я ужъ не дивлюсь разврату нашихъ дамъ!...

БАРОНЕССА.

О, Боже мой!...

АРБЕНИНЪ.

Я говорю безъ лести...
А сколько платятъ вамъ всѣ эти господа?

БАРОНЕССА (*упадаетъ въ кресла*).

Но вы безчеловѣчны!...

АРБЕНИНЪ.

Да,
Ошибся, виноватъ, вы служите изъ чести!
(*Хочетъ идти*).

БАРОНЕССА.

О! я лишусь ума... Постойте, онъ идетъ,
Не слушаетъ... О! я умру...

АРБЕНИНЪ.

Что-жъ, продолжайте.
Васъ это къ славѣ поведетъ...
Теперь меня не бойтесь, и прощайте...
Но, боже-сохрани, намъ встрѣтиться впередъ!...
Вы взяли у меня все, все на свѣтѣ.
Я стану васъ преслѣдовать всегда.
Вездѣ — на улицѣ, въ уединеньи, въ свѣтѣ:
И если мы столкнемся... то бѣда!
Я-бъ васъ убилъ... но смерть была-бъ награда,
Которую сберечь я долженъ для другой.
Вы видите, я добръ: въ замѣнъ терзаній ада,
Вамъ оставляю рай земной. (*Уходитъ*).

—

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

БАРОНЕССА (*одна*).

БАРОНЕССА (*въ слѣдъ ему*).

Послушайте, клянусь... то былъ обманъ... она

Невинна... и браслетъ... все я... все я одна...
Ушелъ, не слышитъ! Что́ мнѣ дѣлать? Всюду
Отчаянье... нѣтъ нужды! я хочу
Его спасти, во что́-бы то ни стало, — буду
Просить и унижаться; обличу
Себя въ обманѣ, преступленьи!
Онъ всталъ... идетъ... рѣшуся... О, мученье!

—

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

БАРОНЕССА И КНЯЗЬ.

КНЯЗЬ (*въ другой комнатѣ*).

Иванъ! Кто тамъ?.. Я слышалъ голоса!..
Какой народъ! нельзя уснуть и полчаса. (*Входитъ*).
Ба! это что̀ за посѣщенье?
Красавица! я очень радъ. (*Узнаетъ и отскакиваетъ*).
Ахъ, баронесса! нѣтъ, невѣроятно...

БАРОНЕССА.

Что отскочили вы назадъ? (*Слабымъ голосомъ*).
Вы удивляетесь?

КНЯЗЬ (*въ смущеніи*).

Конечно, мнѣ пріятно...
Но счастія такого я не ждалъ.

БАРОНЕССА.

И было-бъ странно, еслибъ ожидали.

КНЯЗЬ.

О чемъ я думалъ? О, когда-бъ я зналъ...

БАРОНЕССА.

Вы все-бы знать могли, и ничего не знали.

КНЯЗЬ.

Свою вину загладить я готовъ;
Съ покорностью приму какое наказанье
Хотите... и теперь не нахожу я словъ...
(*Беретъ ее за руку*).
Но ваши руки — ледъ! въ лицѣ у васъ страданье!
Ужель сомнительны для васъ слова мои?

БАРОНЕССА.

Вы ошибаетесь! Не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Рѣшилась я пріѣхать къ вамъ,
Забывъ и стыдъ и страхъ — все, свойственное намъ.
Нѣтъ, то обязанность святая.
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь ужъ ждетъ меня иная.
Но я была причиной зла,
И, свѣтъ на вѣки покидая,
Теперь все прежнее загладить я пришла.
Я перенесть свой стыдъ готова;
Я не спасла себя — спасу другаго.

КНЯЗЬ.

Что̀ это значитъ?

БАРОНЕССА.

Не мѣшайте мнѣ:
Мнѣ много стоило усилій,
Чтобъ говорить рѣшиться. Вы одни,
Не вѣдая того, причиной были
Моихъ страданій. Несмотря на то,
Я васъ должна спасти... зачѣмъ, за что̀ —

Не знаю... Вы не заслужили
Всѣхъ этихъ жертвъ: вы не могли любить...
Понять меня... и даже, можетъ быть,
Я-бъ этого и не желала...
Но слушайте. Сегодня я узнала,
Какъ — это все равно... что вы
Къ женѣ Арбенина вчера неосторожно
Писали... По словамъ молвы,
Она васъ любитъ — это ложно, ложно!
Не вѣрьте — ради неба... Эта мысль одна
Насъ всѣхъ погубитъ — всѣхъ! *Она*
Не знаетъ ничего... но мужъ читалъ... ужасенъ
Въ любви и ненависти онъ!
Онъ былъ ужъ здѣсь... онъ васъ убьетъ... онъ
пріученъ
Къ злодѣйству... Вы такъ молоды...

КНЯЗЬ.

Вашъ страхъ напрасенъ!
Арбенинъ въ свѣтѣ жилъ, — и слишкомъ онъ уменъ,
Чтобы рѣшиться на огласку
И сдѣлать наконецъ, безъ цѣли и нужды,
Въ пустой комедіи кровавую развязку.
А разсердился онъ, — и въ этомъ нѣтъ бѣды:
Возьмутъ Лепажа пистолеты,
Отмѣрятъ тридцать два шага —
И, право, эти эполеты
Я заслужилъ не бѣгствомъ отъ врага.

БАРОНЕССА.

Но если ваша жизнь кому нибудь дороже,
Чѣмъ вамъ... и связь у ней есть съ жизнію другой...
Но если васъ убьютъ? — убьютъ!.. о, Боже!
И я всему виной...

КНЯЗЬ.

Вы?

БАРОНЕССА.

Пощадите!

КНЯЗЬ (*подумавъ*).

Я обязанъ драться:
Я виноватъ предъ нимъ — его я тронулъ честь,
Хотя не зналъ того; но оправдаться
Нѣтъ средства.

БАРОНЕССА.

Средство есть.

КНЯЗЬ.

Солгать — не это-ли? Другое мнѣ найдите.
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчасъ-же пойду.

БАРОНЕССА.

Минуту... Не ходите,
И слушайте меня. (*Беретъ его за руку*).
Вы всѣ обмануты!... Та маска...
(*Облокачивается на столъ, упадая*). Это я!...

КНЯЗЬ.

Какъ? вы? о, Провидѣнье! (*Молчаніе*).
Но Шприхъ?... Онъ говорилъ... онъ виноватъ во всемъ...

БАРОНЕССА (*опомнясь, подходя*).

Минутное то было заблужденье,
Безумство страшное — теперь я каюсь въ немъ!
Оно прошло — забудьте обо всемъ.
Отдайте ей браслетъ, — онъ былъ найденъ случайно
Какой-то чудною судьбой;
И обѣщайте мнѣ, что это тайной

Останется... Мнѣ Богъ судьей!
Васъ Онъ проститъ... меня простить не въ вашей волѣ!
Я удаляюсь... думаю, что болѣ
Мы не увидимся.
(*Подойдя къ двери, видитъ, что онъ хочетъ броситься за ней*).
Не слѣдуйте за мной. (*Уходитъ*).

—

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

КНЯЗЬ (*одинъ*).

КНЯЗЬ (*послѣ долгаго размышленія*).

Я, право, думать что̀ не знаю,
И только могъ понять изъ этого всего,
Что случай счастливый, какъ школьникъ, пропускаю,
Не сдѣлавъ ничего.
(*Подходитъ къ столу*).
Ну вотъ еще записка; отъ кого?
Арбенинъ?.. прочитаю!..

«Любезный князь! Пріѣзжай сегодня къ N. вече-
«ромъ: тамъ будетъ много, и мы весело проведемъ
«время. Я не хотѣлъ разбудить тебя, а то ты-бы
«дремалъ цѣлый вечеръ. — Прощай! Жду непремѣнно;
«твой искренній

«ЕВГЕНІЙ АРБЕНИНЪ.»

Ну, право, глазъ особый нуженъ,
Чтобъ въ этомъ увидать картель.
Гдѣ слыхано, чтобъ звать на ужинъ
Предъ тѣмъ, чтобъ вызвать на дуэль?

—

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната у N.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

КАЗАРИНЪ, ХОЗЯИНЪ И АРБЕНИНЪ, *садятся играть.*

КАЗАРИНЪ.

Такъ въ самомъ дѣлѣ ты причуды всѣ оставилъ,
Которыми гордится свѣтъ,
И въ прежній путь шаги свои направилъ?...
Мысль превосходная!.. Ты долженъ быть поэтъ
И, сверхъ того, по всѣмъ примѣтамъ, геній.
Тѣснитъ тебя домашній кругъ.
Дай руку, милый другъ.
Ты нашъ?

АРБЕНИНЪ.

Я вашъ! Былаго нѣтъ и тѣни.

КАЗАРИНЪ.

Пріятно видѣть, ей-же-ей,
Какъ люди умные на вещи смотрятъ нынѣ.
Приличія для нихъ ужаснѣе цѣпей...
Не правда-ль, что со мной ты будешь въ половинѣ?

ХОЗЯИНЪ.

А князя надо пощипать слегка!

КАЗАРИНЪ.

Да... да. (*Въ сторону*). Забавна будетъ стычка!

ХОЗЯИНЪ.

Посмотримъ. — Транспортъ!.. (*Слышенъ шумъ*).

АРБЕНИНЪ.

Это онъ.

КАЗАРИНЪ.

Рука
Твоя дрожитъ?...

АРБЕНИНЪ.

О, ничего, — отвычка!
(*Князь входитъ*).

—

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ПРЕЖНІЕ И КНЯЗЬ.

ХОЗЯИНЪ.

Ахъ, князь! я очень радъ. Прошу-ка, безъ чиновъ,
Снимите саблю и садитесь.
У насъ ужасный бой.

КНЯЗЬ.

О! я смотрѣть готовъ.

АРБЕНИНЪ.

А все играть съ тѣхъ поръ боитесь?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, съ вами, право, не боюсь. (*Въ сторону*).
По свѣтскимъ правиламъ, я мужу угождаю,
А за женою волочусь...

Лишь выиграть-бы тамъ, а здѣсь пусть проиграю.
(*Садится*).

АРБЕНИНЪ.

Я нынче былъ у васъ.

КНЯЗЬ.

Записку я читалъ,
И, видите, послушенъ.

АРБЕНИНЪ.

На порогѣ
Мнѣ кто-то встрѣтился, въ смущеньи и тревогѣ.

КНЯЗЬ.

И вы узнали?

АРБЕНИНЪ (*смѣясь*).

Кажется, узналъ.
Князь, обольститель вы опасный!
Все понялъ я, все отгадалъ...

КНЯЗЬ (*въ сторону*).

Онъ ничего не понялъ — это ясно.
(*Отходитъ и кладетъ саблю*).

АРБЕНИНЪ.

Я не хотѣлъ-бы, чтобъ жена моя
Вамъ приглянулась.

КНЯЗЬ (*разсѣянно*).

Почему-же?

АРБЕНИНЪ.

Такъ! добродѣтелью, которой ищутъ въ мужѣ
Любовники, — не обладаю я. (*Въ сторону*).

Онъ не смущается ничѣмъ... О! я разрушу
Твой сладкій миръ, глупецъ, и яду подолью...
И еслибы ты могъ на карту бросить душу,
То я противъ твоей поставилъ-бы свою.
(*Играютъ. Арбенинъ мечетъ*).

КАЗАРИНЪ.

Я ставлю пятьдесятъ рублей.

КНЯЗЬ.

Я тоже.

АРБЕНИНЪ.

Я разскажу вамъ анекдотъ,
Который слышалъ я, какъ былъ моложе;
Онъ нынче у меня изъ головы нейдетъ.
Вотъ видите: одинъ какой-то баринъ,
Женатый человѣкъ... твоя взяла, Казаринъ, —
Женатый человѣкъ, на вѣрность положась
Своей жены, дремалъ въ забвеньи сладкомъ, —
Вмимательны вы что-то слишкомъ, князь,
И проиграетесь порядкомъ. —
Мужъ добрый былъ любимъ. Шелъ мирно день за днемъ
И, къ довершенью благъ, безпечному супругу
Былъ данъ пріятель... важную услугу
Ему онъ оказалъ когда-то, и притомъ
Нашелъ, казалось, честь и совѣсть въ немъ.
И что-жъ? мнѣ неизвѣстно,
Какой судьбой, — но мужъ узналъ,
Что благородный другъ должникъ ужъ слишкомъ честный,
Женѣ его свои услуги предлагалъ.

КНЯЗЬ.

Что̀-жъ сдѣлалъ мужъ?

АРБЕНИНЪ (*будто не слыхавъ вопроса*).

Князь, вы игру забыли:
Вы гнете не глядя. (*Взглянувъ на него пристально*).
А любопытно вамъ
Узнать, что̀ сдѣлалъ мужъ?.. Придрался къ пустякамъ
И далъ пощечину... Вы ка̀къ-бы поступили,
Князь?

КНЯЗЬ.

Я-бы сдѣлалъ то-же. Ну, а тамъ
Стрѣлялись?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ.

КАЗАРИНЪ.

Рубились?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ.

КАЗАРИНЪ.

Такъ помирились?

АРБЕНИНЪ (*горько улыбаясь*).

О, нѣтъ!

КНЯЗЬ.

Такъ что̀-же сдѣлалъ онъ?

АРБЕНИНЪ.

Остался отомщенъ, —
И обольстителя съ пощечиной оставилъ.

КНЯЗЬ (*смѣется*).

Да это вовсе противъ правилъ.

АРБЕНИНЪ.

Въ какомъ указѣ есть
Законъ, иль правило, на ненависть и месть?
(*Играютъ. — Молчаніе*).
Взяла... взяла!
(*Вставая*).
Постойте! карту эту
Вы подмѣнили.

КНЯЗЬ.

Я? Послушайте...

АРБЕНИНЪ.

Конецъ
Игрѣ... Приличій тутъ ужъ нѣту,
Вы (*задыхаясь*) шулеръ и подлецъ!

КНЯЗЬ.

Я? я?

АРБЕНИНЪ.

Подлецъ, и я васъ здѣсь отмѣчу,
Чтобъ каждый почиталъ обидой съ вами встрѣчу.
(*Бросаетъ ему карты въ лицо. Князь такъ пораженъ, что не знаетъ что̀ дѣлать*).
(*Понизивъ голосъ*). Теперь мы квиты.

КАЗАРИНЪ.

Что̀ съ тобой?
(*Хозяину*). Онъ помѣшался въ самомъ лучшемъ мѣстѣ:
Тотъ горячился ужъ, спустилъ-бы тысячъ двѣсти.

КНЯЗЬ (*опомнясь, вставая*).

Сейчасъ, за мной, за мной!
Кровь, ваша кровь лишь смоетъ оскорбленье!

АРБЕНИНЪ.

Стрѣляться? съ вами? мнѣ? вы въ заблужденьѣ!

КНЯЗЬ.

Вы трусъ! (*Хочетъ броситься на него*).

АРБЕНИНЪ (*громко*).

Пускай! Но подступать
Вамъ не совѣтую — ни даже здѣсь остаться!
Я трусъ — да вамъ не испугать
И труса.

КНЯЗЬ.

О, я васъ заставлю драться!
Я разскажу вездѣ, поступокъ вашъ каковъ,
Что вы — не я подлецъ...

АРБЕНИНЪ.

На это я готовъ.

КНЯЗЬ (*подходя ближе*).

Я разскажу, что съ вашею женою...
О, берегитесь!... вспомните браслетъ...

АРБЕНИНЪ.

За это вы наказаны ужъ мною...

КНЯЗЬ.

О, бѣшенство... да гдѣ я? цѣлый свѣтъ
Противъ меня... Я васъ убью!...

АРБЕНИНЪ.

И въ этомъ
Вы властны, даже я васъ подарю совѣтомъ
Скорѣй меня убить... а то, пожалуй, въ васъ
Остынетъ храбрость черезъ часъ.

КНЯЗЬ.

О! гдѣ ты, честь моя?... Отдайте это слово,
Отдайте мнѣ его — и я у вашихъ ногъ...
Да въ васъ нѣтъ ничего святаго,
Вы человѣкъ, иль демонъ?

АРБЕНИНЪ.

Я? — игрокъ.

КНЯЗЬ *(упадая и закрывая лицо)*.

Честь, честь моя!...

АРБЕНИНЪ.

Да, честь не возвратится.
Преграда рушена между добромъ и зломъ,
И отъ тебя весь свѣтъ съ презрѣньемъ отвратится;
Отнынѣ ты пойдешь отверженца путемъ,
Кровавыхъ слезъ познаешь сладость,
И счастье ближнихъ будетъ въ тягость
Твоей душѣ; и мыслить объ одномъ
Ты будешь день и ночь; и постепенно чувства
Любви, прекраснаго погаснутъ и умрутъ,
И счастья не отдастъ тебѣ ничье искусство!
Всѣ шумные друзья какъ листья отпадутъ
Отъ сгнившей вѣтви и, краснѣя,
Закрывъ лицо, въ толпѣ ты будешь проходить, —
И будетъ больше стыдъ тебя томить,
Чѣмъ преступленіе злодѣя!
Теперь прощай... *(уходя)* желаю долго жить.

(Уходитъ).

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

—

БАЛЪ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ХОЗЯЙКА.

Я баронессу жду; не знаю,
Пріѣдетъ-ли. Мнѣ, право, было-бъ жаль
За васъ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Я васъ не понимаю.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Вы ждете баронессу Штраль?
Она уѣхала.

МНОГІЕ.

Куда? зачѣмъ? давно-ли?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Въ деревню, нынѣче утромъ.

ДАМА.

Боже мой!
Какимъ-же случаемъ! Ужель изъ доброй воли?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Фантазія! романы!.. хоть рукой
Махни! (*Расходятся*; *другая группа мужчинъ*).

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Вы знаете: князь Звѣздичъ проигрался.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.

Напротивъ, выигралъ — да видно, не путемъ,
И получилъ пощечину.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Стрѣлялся?

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.

Нѣтъ, не хотѣлъ.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Какимъ-же подлецомъ
Онъ показалъ себя!...

ПЯТЫЙ ГОСТЬ.

Отнынѣ незнакомъ
Я больше съ нимъ.

ШЕСТОЙ ГОСТЬ.

И я! Какой поступокъ скверный!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.

Онъ будетъ здѣсь?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Нѣтъ, не рѣшится, вѣрно.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.

Вотъ онъ! (*Князь подходитъ; ему едва кланяются*).
(*Всѣ отходятъ, кромѣ пятаго и шестаго гостя. Потомъ и они отходятъ. Нина садится на диванъ*).

КНЯЗЬ (*въ сторону*).

Теперь мы съ ней отъ всѣхъ удалены,
Не будетъ случая другаго. (*Ей*).
Я долженъ вамъ сказать два слова,
И выслушать вы ихъ должны.

НИНА.

Должна?

КНЯЗЬ.

Для вашего-же счастья!

НИНА.

Какое странное участье!

КНЯЗЬ.

Да, странно, потому что вы виной
Моей погибели... Но мнѣ васъ жаль: я вижу,
Что пораженъ я тою-же рукой,
Которая убьетъ васъ; не унижу
Себя ничтожной местью никогда;
Но слушайте и будьте осторожны:
Вашъ мужъ злодѣй, бездушный и безбожный,
И я предчувствую, что вамъ грозитъ бѣда.
Прощайте-же на вѣкъ; злодѣй не обнаруженъ
И наказать его теперь я не могу;
Но день придетъ, — я подожду...
Возьмите вашъ браслетъ: онъ больше мнѣ не нуженъ.

(*Арбенинъ смотритъ на нихъ издали*).

НИНА.

Князь! вы сошли съ ума, — на васъ
Теперь сердится было-бъ стыдно.

КНЯЗЬ.

Прощайте навсегда! прошу въ послѣдній разъ...

НИНА.

Куда-жъ вы ѣдете, далеко очень, видно?
Конечно, не въ луну?

КНЯЗЬ (*уходя*).

Нѣтъ, ближе: на Кавказъ.

ХОЗЯЙКА.

Почти всѣ съѣхались, и здѣсь намъ будетъ тѣсно.
Прошу васъ въ залу, господа!
Mesdames! пожалуйте туда.
(*Уходятъ*).

—

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АРБЕНИНЪ (*одинъ про себя*).

Я сомнѣвался — я? А это всѣмъ извѣстно;
Намеки колкіе со всѣхъ сторонъ
Преслѣдуютъ меня... Я жалокъ имъ, смѣшонъ!
И гдѣ плоды моихъ усилій?
И гдѣ та власть, съ которою, порой,
Казнилъ толпу я словомъ, остротой?...
— Двѣ женщины ее убили!
Одна изъ нихъ... О, я ее люблю,
Люблю — и такъ неистово обманутъ!...
Нѣтъ, людямъ я ее не уступлю...
И насъ судить они не станутъ;
Я самъ свершу свой страшный судъ...

Я казнь ей отыщу — моя-жъ пусть будетъ тутъ.
(*Показываетъ на сердце*).
Она умретъ; жить вмѣстѣ съ нею долѣ
Я не могу... Жить розно? (*Какъ-бы испугавшись себя*). Рѣшено:
Она умретъ — я прежней твердой волѣ
Не измѣню. Ей, видно, суждено
Во цвѣтѣ лѣтъ погибнуть, быть любимой
Такимъ, какъ я, злодѣемъ, и любить
Другаго!... это ясно... какъ-же можно жить
Ей послѣ этого!... Ты, Богъ незримый,
Но Богъ всевидящій! возьми ее, возьми,
Какъ свой залогъ Тебѣ ее вручаю,
Прости ее, благослови;
Но я — не Богъ, и не прощаю...
(*Слышны звуки музыки*).
(*Ходитъ по комнатѣ; вдругъ останавливается*).
Тому назадъ лѣтъ десять, я вступилъ
Еще на поприще разврата;
Разъ въ ночь одну, я все до капли проигралъ, —
Тогда я зналъ ужъ цѣну злата,
Но цѣну жизни я не зналъ.
Я былъ въ отчаяньѣ — ушелъ и яду
Купилъ, и возвратился вновь
Къ игорному столу; въ груди кипѣла кровь.
Въ одной рукѣ держалъ я лимонаду
Стаканъ, въ другой четверку пикъ:
Послѣдній рубль въ карманѣ дожидался
Съ завѣтнымъ порошкомъ, — рискъ, право, былъ великъ;
Но счастье вынесло — и въ часъ я отыгрался!
Съ тѣхъ поръ хранилъ я этотъ порошокъ.
Среди волненій жизни трудной,
Какъ талисманъ таинственный и чудный,

Хранилъ на черный день, — и день тотъ недалекъ.
(*Уходитъ быстро*).

—

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ХОЗЯЙКА, НИНА, НѢСКОЛЬКО ДАМЪ И КАВАЛЕРОВЪ.
(*Во время послѣднихъ строкъ входятъ*).

ХОЗЯЙКА.

Не худо-бы немного отдохнуть.

ДАМА (*другой*).

Такъ жарко здѣсь, что я растаю.

ПЕТКОВЪ.

Настасья Павловна споетъ намъ что нибудь.

НИНА.

Романсовъ новыхъ, право, я не знаю,
А старые наскучили самой.

ДАМА.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, спой-же, Нина, спой!

ХОЗЯЙКА.

Ты такъ мила, что, вѣрно, не заставишь
Себя просить напрасно цѣлый часъ.

НИНА (*садясь за піано*).

Но слушать со вниманьемъ — мой приказъ, —
Хоть этимъ наказаньемъ васъ,
Авось, исправишь! (*Поетъ*).

«Когда печаль слезой невольной
«Промчится по глазамъ твоимъ,
«Мнѣ видѣть и понять не больно,
«Что ты несчастлива съ другимъ.

«Незримый червь незримо гложетъ
«Жизнь беззащитную твою,
«И что-жъ? я радъ, что онъ не можетъ,
«Тебя любить, какъ я люблю.

«Но если счастіе случайно
«Блеснетъ въ лучахъ твоихъ очей,
«Тогда я мучусь горько, тайно,
«И цѣлый адъ въ груди моей.»

—

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ И АРБЕНИНЪ.

(*Въ концѣ 3-го куплета онъ входитъ и облокачивается на фортепьяно. Она, увидавъ его, останавливается*).

АРБЕНИНЪ.

Что-жъ, продолжайте.

НИНА.

Я конецъ совсѣмъ
Забыла.

АРБЕНИНЪ.

Если вамъ угодно,
То я напомню.

НИНА (*съ смущеніи*).

Нѣтъ, зачѣмъ?
(*Въ сторону хозяйкѣ*). Мнѣ нездоровится. (*Встаетъ*).

ГОСТЬ (*другому*).

Во всякой пѣснѣ модной
Всегда слова такія есть,
Которыхъ женщина не можетъ произнесть.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Къ тому-же, слишкомъ прямъ и нашъ языкъ природный,
И къ женскимъ прихотямъ доселѣ не привыкъ.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Вы правы: какъ дикарь, свободѣ лишь послушный,
Не гнется гордый нашъ языкъ;
За то ужъ мы какъ гнемся добродушно!

(*Подаютъ мороженое. Гости расходятся къ другому концу залы и, по одному, уходятъ, въ другія комнаты, такъ что наконецъ Арбенинъ и Нина остаются вдвоемъ. Неизвѣстный показывается въ глубинѣ театра*).

НИНА (*хозяйкѣ*).

Тамъ жарко; отдохнуть я сяду въ сторонѣ.
(*Мужу*). Мой ангелъ, принеси мороженаго мнѣ.
(*Арбенинъ вздрагиваетъ и идетъ за мороженымъ; возвращается и всыпаетъ ядъ*).

АРБЕНИНЪ (*въ сторону*).

Смерть! помоги.

НИНА (*ему*).

Мнѣ что-то грустно, скучно;
Конечно, ждетъ меня бѣда.

АРБЕНИНЪ (*въ сторону*).

Предчувствіямъ я вѣрю иногда.
(*Подавая*). Возьми; отъ скуки вотъ лекарство.

НИНА.

Да! это прохладитъ. (*Ѣстъ*).

АРБЕНИНЪ.

О, какъ не прохладить!

НИНА.

Здѣсь нынче скучно.

АРБЕНИНЪ.

Какъ-же быть?
Чтобъ не скучать съ людьми, то надо пріучить
Себя смотрѣть на глупость и коварство —
Вотъ все, на чемъ вертится свѣтъ!

НИНА.

Ты правъ! ужасно!...

АРБЕНИНЪ.

Да, ужасно!...

НИНА.

Душъ непорочныхъ нѣту.

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ.
Я думалъ, что нашелъ одну, и то напрасно!

НИНА.

Что̀ говоришь ты?

АРБЕНИНЪ.

Я сказалъ.
Что въ свѣтѣ лишь одну такую отыскалъ я,
Тебя.

НИНА.

Ты блѣденъ.

АРБЕНИНЪ.

Много танцовалъ.

НИНА.

Опомнись, mon ami! ты съ мѣста не вставалъ.

АРБЕНИНЪ.

Такъ, вѣрно, потому, что мало танцовалъ я...

НИНА (*отдаетъ пустое блюдечко*).

Возьми, поставь на столъ.

АРБЕНИНЪ (*беретъ*).

Все, все?
Ни капли не оставить мнѣ?... Жестоко!
(*Въ размышленіи*).
Шагъ сдѣланъ роковой, назадъ идти далеко,
Но пусть никто не гибнетъ за нее.
(*Бросаетъ блюдечко объ землю и разбиваетъ*).

НИНА.

Какъ ты неловокъ!

АРБЕНИНЪ.

Ничего: я боленъ —
Поѣдемъ поскорѣй домой.

НИНА.

Поѣдемъ. Но скажи мнѣ, милый мой:
Ты нынче пасмуренъ; ты мною недоволенъ?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, нынче я доволенъ былъ тобой.
(*Уходятъ*).

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*оставшись одинъ*).

Я чуть не сжалился, — и было тутъ мгновенье,
Когда хотѣлъ я броситься впередъ...
(*Задумывается*).
Нѣтъ, пусть свершается судьбы опредѣленье,
А дѣйствовать потомъ настанетъ мой чередъ.
(*Уходитъ*).

—

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Спальня Арбенина.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Входятъ НИНА, *за ней* СЛУЖАНКА.

СЛУЖАНКА.

Сударыня, вы что-то блѣдны стали!

НИНА (*снимая серьги*).

Я нездорова.

СЛУЖАНКА.

Вы устали.

НИНА (*въ сторону*).

Мой мужъ меня пугаетъ, отчего—
Не знаю. Онъ молчитъ и страненъ взглядъ его.
(*Служанкѣ*). Мнѣ что-то дурно: вѣрно отъ корсета.
Скажи, къ лицу была сегодня я одѣта?
(*Идетъ къ зеркалу*).
Ты права, я блѣдна, какъ смерть блѣдна;

Но въ Петербургѣ кто не блѣденъ, право?
Одна лишь старая княжна,
И то румяны! Свѣтъ лукавый!
(Снимаетъ букли и завертываетъ косу).
Брось гдѣ нибудь, и дай мнѣ шаль.
(Садится въ кресло).
Какъ новый вальсъ хорошъ! Въ какомъ-то упоеньи
Кружилась я быстрѣй, и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало въ даль,
И сердце сжалося: не то, чтобы печаль,
Не то, чтобъ радость... Саша, дай мнѣ книжку.
Какъ этотъ князь мнѣ надоѣлъ опять —
А право, жаль безумнаго мальчишку!
Что говорилъ онъ тутъ... злодѣй, и наказать...
Кавказъ... бѣда... вотъ бредъ!

СЛУЖАНКА (*показывая на наряды*).

Прикажете убрать?

НИНА.

Оставь. (*Погружается въ задумчивость*).
(*Арбенинъ показывается въ дверяхъ*).

СЛУЖАНКА.

Прикажете идти?

АРБЕНИНЪ (*служанкѣ тихо*).

Ступай.
(*Служанка не уходитъ*). Иди-же!

(*Уходитъ. Онъ запираетъ дверь*).

—

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АРБЕНИНЪ И НИНА.

АРБЕНИНЪ.

Она тебѣ ужъ больше не нужна?

НИНА.

Ты здѣсь?

АРБЕНИНЪ.

Я здѣсь.

НИНА.

Я, кажется, больна,
И голова въ огнѣ. Поди сюда поближе.
Дай руку — чувствуешь, какъ вся горитъ она?
Зачѣмъ я тамъ мороженое ѣла:
Я, вѣрно, простудилася тогда —
Не правда-ли?

АРБЕНИНЪ (*разсѣянно*).

Мороженое? да!...

НИНА.

Мой милый, я съ тобой поговорить хотѣла.
Ты измѣнился съ нѣкоторыхъ поръ,
Ужъ прежнихъ ласкъ я отъ тебя не вижу,
Отрывистъ голосъ твой и холоденъ твой взоръ.
И все за маскарадъ. О! я ихъ ненавижу;
Я заклялася въ нихъ не ѣздить никогда...

АРБЕНИНЪ (*въ сторону*).

Не мудрено! теперь безъ нихъ ужъ можно..

НИНА.

Что́ значитъ поступить хоть разъ неосторожно!

АРБЕНИНЪ.

Неосторожно! О!...

НИНА.

И въ этомъ вся бѣда.

АРБЕНИНЪ.

Обдумать все заранѣ надо было.

НИНА.

О, еслибы я нравъ заранѣ знала твой,
То, вѣрно-бъ, не была твоей женой.
Терзать тебя, страдать самой —
Какъ это весело и мило!

АРБЕНИНЪ.

И то! къ чему тебѣ моя любовь?

НИНА.

Какая тутъ любовь? на что́ мнѣ жизнь такая?

АРБЕНИНЪ (*садится возлѣ нея*).

Ты права! Что́ такое жизнь? Жизнь — вещь пустая.
Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,
Все въ мірѣ намъ и радость и отрада.
Пройдутъ года желаній и страстей —
И все вокругъ темнѣй, темнѣй!
Что́ жизнь? — давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое — рожденье; гдѣ второе —
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть — послѣднее, а цѣлое — обманъ!

НИНА (*показывая на грудь*).

Здѣсь что-то жжетъ.

АРБЕНИНЪ (*продолжая*).

Пройдетъ! пустое!
Молчи и слушай. Я сказалъ,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго-ль?... Жизнь какъ балъ:
Кружишься — весело: кругомъ все свѣтло, ясно...
Вернулся лишь домой, нарядъ измятый снялъ —
И все забылъ и только что усталъ.
Но въ юныхъ лѣтахъ лучше съ ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
Съ ея бездушной пустотой;
Мгновенно въ міръ перелетѣть другой,
Покуда умъ былымъ еще не тяготится,
Покуда съ смертію легка еще борьба, —
Но это счастіе не всѣмъ даетъ судьба.

НИНА.

О, нѣтъ! я жить хочу!

АРБЕНИНЪ.

Къ чему?

НИНА.

Евгеній,
Я мучусь, я больна!

АРБЕНИНЪ.

А мало-ли мученій,
Которыя сильнѣй, ужаснѣе твоихъ!

НИНА.

Пошли за докторомъ.

АРБЕНИНЪ.

Жизнь — вѣчность, смерть — лишь мигъ.

НИНА.

Но я — я жить хочу!

АРБЕНИНЪ.

И сколько утѣшеній
Тамъ мучениковъ ждетъ!

НИНА (*въ испугѣ*).

Но я молю:
Пошли за докторомъ скорѣе!

АРБЕНИНЪ (*вставая холодно*).

Не пошлю.

НИНА (*послѣ молчанія*).

Конечно, шутишь ты, но такъ шутить безбожно:
Я умереть могу, пошли скорѣй.

АРБЕНИНЪ.

Что-жъ? развѣ умереть вамъ невозможно
Безъ доктора?

НИНА.

Но ты злодѣй,
Евгеній! Я жена твоя...

АРБЕНИНЪ.

Да! знаю, знаю!

НИНА.

О, сжалься! пламень разлился
Въ моей груди; я умираю...

АРБЕНИНЪ (*смотритъ на часы*).

Такъ скоро? Нѣтъ еще; осталось полчаса.

НИНА.

О, ты меня не любишь!

АРБЕНИНЪ.

А за что́-же
Тебя любить? за то-ль, что цѣлый адъ
Мнѣ въ грудь ты бросила? О, нѣтъ! я радъ, я радъ
Твоимъ страданьямъ. Боже, Боже!
И ты, ты смѣешь требовать любви?
А мало-ль я любилъ тебя — скажи?
А этой нѣжности ты знала-ль цѣну?
И что́-жъ нашелъ? — коварство и измѣну!
Возможно-ли? меня продать —
Меня — за поцалуй глупца... меня, который
По слову первому былъ душу радъ отдать?
Мнѣ измѣнить? мнѣ, и такъ скоро!...

НИНА.

О! еслибы вину свою сама
Я знала, то...

АРБЕНИНЪ.

Молчи, иль я сойду съ ума!
Когда-же эти муки перестанутъ?

НИНА.

Браслетъ мой князь нашелъ, потомъ
Какимъ нибудь клеветникомъ
Ты былъ обманутъ.

АРБЕНИНЪ.

Такъ, я былъ обманутъ!
Довольно! я ошибся... возмечталъ,
Что я могу быть счастливъ... думалъ снова
Любить и вѣровать... но часъ судьбы насталъ,
И все прошло, какъ бредъ больнаго.
Быть можетъ, я-бъ успѣлъ небесныя мечты
Осуществить, предавшися надеждѣ,
И въ сердцѣ-бъ оживилъ все, что цвѣло въ немъ прежде —
Ты не хотѣла, ты!...
Плачь! плачь! Но что такое, Нина,
Что слезы женскія? — вода.
Я плакалъ — я, мужчина,
Отъ злобы, ревности, мученья и стыда!
Я плакалъ — да!
А ты не знаешь, что такое значитъ,
Когда мужчина плачетъ?
О! въ этотъ мигъ къ нему не подходи:
Смерть у него въ рукахъ и адъ въ его груди.

НИНА (*въ слезахъ упадаетъ на колѣни и поднимаетъ руки къ небу*).

Творецъ небесный, пощади!
Не слышитъ онъ, но Ты все слышишь, Ты все знаешь
И Ты меня, всесильный, оправдаешь!...

АРБЕНИНЪ.

Остановись! хоть передъ Нимъ не лги.

НИНА.

Нѣтъ, я не лгу — я не нарушу
Его святыни ложною мольбой.

Ему я предаю страдальческую душу:
Онъ — твой судья — защитникъ будетъ мой.

АРБЕНИНЪ (*который въ это время ходитъ по комнатѣ, сложа руки*).

Теперь молиться время, Нина:
Ты умереть должна чрезъ нѣсколько минутъ —
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и насъ разсудитъ только божій судъ.

НИНА.

Какъ? умереть? теперь? сейчасъ?... нѣтъ, быть не можетъ!

АРБЕНИНЪ (*смѣясь*).

Я зналъ заранѣе, что это васъ встревожитъ.

НИНА.

Смерть, смерть! Онъ правъ... въ груди огонь, весь адъ...

АРБЕНИНЪ.

Да, я тебѣ на балѣ подалъ ядъ.
(*Молчаніе*).

НИНА.

Не вѣрю, невозможно — нѣтъ! ты надо мною
(*бросается къ нему*)
Смѣешься... ты не извергъ — нѣтъ, въ душѣ твоей
Есть искра доброты... Съ холодностью такою
Меня ты не погубишь въ цвѣтѣ дней.
Не отворачивайся такъ, Евгеній,
Не продолжай моихъ мученій,
Спаси меня, разсѣй мой страхъ...
Взгляни сюда...

(*Смотритъ ему прямо въ глаза и отскакиваетъ*).
О, смерть въ твоихъ глазахъ!
(*Упадаетъ на стулъ и закрываетъ глаза*).
(*Онъ подходитъ и цалуетъ ее*).

АРБЕНИНЪ.

Да, ты умрешь — и я останусь тутъ
Одинъ, одинъ... Года пройдутъ,
Умру — и буду все одинъ... Ужасно!
Но ты не бойся: міръ прекрасный
Тебѣ откроется, и ангелы возьмутъ
Тебя въ небесный свой пріютъ. (*Плачетъ*).
Да, я тебя люблю, люблю... Я все забвенью,
Что̀ было, предалъ; есть граница мщенью,
И вотъ она. — Смотри: убійца твой
Здѣсь, какъ дитя, рыдаетъ надъ тобой...
(*Молчаніе*).

НИНА (*вырывается и вскакиваетъ*).

Сюда! сюда!... на помощь!... умираю...
Ядъ, ядъ! — не слышутъ... понимаю:
Ты остороженъ... никого!... нейдутъ...
Но помни: есть небесный судъ,
И я тебя, убійца, проклинаю!
(*Не добѣжавъ до двери, упадаетъ безъ чувствъ*).

АРБЕНИНЪ (*горько смѣясь*).

Проклятіе! Что̀ пользы проклинать?
Я проклятъ Богомъ! (*Подходитъ*). Бѣдное созданье
Ей не по силамъ наказанье...
(*Стоитъ сложа руки*).
Блѣдна! (*Содрогается*). Но всѣ черты спокойны; не видать
Въ нихъ ни раскаянья, ни угрызеній...
Ужель?

НИНА (*слабо*).

Прощай, Евгеній!
Я умираю, но невинна... Ты — злодѣй.

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не говори, тебѣ ужъ не поможетъ
Ни ложь, ни хитрость... говори скорѣй:
Я былъ обманутъ... такъ шутить не можетъ
Самъ адъ любовію моей!
Молчишь? О! месть тебя достойна...
Но это не поможетъ: ты умрешь...
И будетъ для людей все тайно — будь спокойна...

НИНА.

Теперь мнѣ все равно... Я все-жъ
Невинна передъ Богомъ. (*Умираетъ*).

АРБЕНИНЪ (*подходитъ къ ней и быстро отворачивается*).

Ложь!
(*Упадаетъ въ кресло*).

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

—

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

АРБЕНИНЪ (*сидитъ у стола на диванѣ*).

Я ослабѣлъ въ борьбѣ съ собой
Среди мучительныхъ усилій...
И чувства наконецъ вкусили
Какой-то тягостный, обманчивый покой...
Лишь иногда невольною заботой
Душа тревожится въ холодномъ этомъ снѣ
И сердце ноетъ, будто ждетъ чего-то.
Не все-ли кончено? Ужели на землѣ
Страданье новое вкусить осталось мнѣ?
Вздоръ!... Дни пройдутъ — придетъ забвенье,
Подъ тягостью годовъ умретъ воображенье;
И долженъ-же покой когда нибудь
Вновь поселиться въ эту грудь...
(*Задумывается; вдругъ подымаетъ голову*).
Я ошибался?... Нѣтъ, неумолимо
Воспоминаніе!... Какъ живо вижу я
Ея мольбы, тоску... О! мимо, мимо!
Ты, пробужденная змѣя!...
(*Упадаетъ головою на руки*).

—

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ

КАЗАРИНЪ (*тихо*).

Арбенинъ здѣсь, печаленъ и вздыхаетъ.
Посмотримъ, какъ-то онъ комедію сыграетъ. (*Ему*).
Я, милый другъ, спѣшилъ къ тебѣ,
Узнавши о твоемъ несчастьѣ.
Какъ быть! угодно такъ судьбѣ.
У всякаго свои напасти. (*Молчаніе*).
Да полно, братъ! личину ты сними —
Не опускай такъ важно взоры;
Вѣдь это хорошо съ людьми,
Для публики, — а мы съ тобой актеры.
Скажи-ка, братъ... Да какъ ты блѣденъ сталъ,
Подумаешь, что ночь всю въ карты проигралъ.
О, старый плутъ!... да мы разговориться
Успѣемъ послѣ... Вотъ твоя родня:
Покойницѣ идутъ, конечно, поклониться.
Прощай-же, до другаго дня.

(*Уходитъ*).

—

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

РОДСТВЕННИКИ *приходятъ*.

ДАМА (*племянницѣ*).

Ужъ, видно, есть надъ нимъ господнее проклятье:
Дурной былъ мужъ, дурной былъ сынъ...
Напомни мнѣ заѣхать въ магазинъ
Купить матеріи на траурное платье.
Хоть нынче нѣтъ доходовъ никакихъ,
А разоряюсь для родныхъ.

ПЛЕМЯННИЦА.

Ma tante! какая-же причина
Тому, что умерла кузина?

ДАМА.

А та, сударыня, что глупъ вашъ модный свѣтъ.
Ужъ доживете вы до бѣдъ!

(*Уходятъ*).

—

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выходятъ изъ комнаты покойницы ДОКТОРЪ И СТАРИКЪ.

СТАРИКЪ.

При васъ она скончалась?

ДОКТОРЪ.

Не успѣли
Меня найти... Я говорилъ всегда:
Съ мороженымъ и балами бѣда!

СТАРИКЪ.

Покровъ богатъ; парчу вы разсмотрѣли?
У брата моего прошедшею весной
На гробѣ былъ точь-въ-точь такой.

(*Уходитъ*).

—

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ДОКТОРЪ (*подходитъ къ Арбенину и беретъ его за руку*).

Вамъ надо отдохнуть.

АРБЕНИНЪ (*вздрагиваетъ*).

А!... (*въ сторону*) Сердце сжалось.

ДОКТОРЪ.

Вы слишкомъ предались печали эту ночь, —
Усните.

АРБЕНИНЪ.

Постараюсь.

ДОКТОРЪ.

Ужъ помочь
Нельзя ничѣмъ; но вамъ осталось
Беречь себя.

АРБЕНИНЪ.

Ого! я невредимъ.
Какимъ страданіямъ земнымъ
На жертву грудь моя ни предавалась,
А я все живъ... Я счастія желалъ
И въ видѣ ангела мнѣ Богъ его послалъ;
Мое преступное дыханье
Въ немъ осквернило божество,
И вотъ оно, прекрасное созданье, —
Смотрите — холодно, мертво!
Разъ въ жизни человѣка мнѣ чужаго,
Рискуя честію, отъ гибели я спасъ,
А онъ — смѣясь, шутя, не говоря ни слова,
Онъ отнялъ у меня все, все — и черезъ часъ.
(*Уходитъ*).

ДОКТОРЪ.

Онъ боленъ не шутя, и я не сомнѣваюсь,
Что въ этой головѣ мученій было тьма;

Но если онъ сойдетъ съ ума,
То я за жизнь его ручаюсь.
(*Уходя, сталкивается съ двумя*).

—

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

Входятъ НЕИЗВѢСТНЫЙ И КНЯЗЬ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Позвольте васъ спросить: Арбенина нельзя-ль
Намъ видѣть?

ДОКТОРЪ.

Право, утверждать не смѣю:
Жена его вчера скончалась.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Очень жаль.

ДОКТОРЪ.

И онъ такъ огорченъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я и о немъ жалѣю.
Однако дома онъ?

ДОКТОРЪ.

Онъ? дома, — да.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я дѣло до него преважное имѣю.

ДОКТОРЪ.

Вы изъ друзей его, конечно, господа?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Покамѣстъ нѣтъ; но мы пришли сюда,
Чтобъ подружиться понемногу.

ДОКТОРЪ.

Онъ боленъ не шутя.

КНЯЗЬ (*испугавшись*).

Лежитъ
Безъ памяти?

ДОКТОРЪ.

Нѣтъ; ходитъ, говоритъ —
И есть еще надежда...

КНЯЗЬ.

Слава Богу!
(*Докторъ уходитъ*).

—

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

КНЯЗЬ.

О, наконецъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Лицо у васъ въ огнѣ.
Вы тверды-ли въ своемъ рѣшеньѣ?

КНЯЗЬ.

А вы ручаетесь-ли мнѣ,
Что справедливо ваше подозрѣнье?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Послушайте: у насъ обоихъ цѣль одна.

Его мы ненавидимъ оба;
Но вы его души не знаете — мрачна
И глубока, какъ двери гроба;
Чему хоть разъ отворится она,
То въ ней погребено навѣки. — Подозрѣнья
Ей стоютъ доказательствъ. Ни прощенья,
Ни жалости не знаетъ онъ,
Когда обиженъ. Мщенье, мщенье,
Вотъ цѣль его тогда и вотъ законъ.
Да, эта смерть скора не безъ причины.
Я зналъ: вы съ нимъ враги—и услужитъ вамъ радъ.
Вы драться станете — я два шага назадъ,
И буду зрителемъ картины.

КНЯЗЬ.

Но какъ узнали вы, что, день тому назадъ,
Я былъ обиженъ имъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я разсказать-бы радъ,
Да что вамъ наскучать?
Къ тому-жъ весь городъ говоритъ.

КНЯЗЬ.

Мысль нестерпимая!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Она васъ слишкомъ мучитъ.

КНЯЗЬ.

О, вы не знали, что такое стыдъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Стыдъ? — нѣтъ; и опытъ васъ забыть о немъ научитъ.

КНЯЗЬ.

Но кто вы?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Имя нужно вамъ?
Я вашъ сообщникъ, ревностно и дружно
За вашу честь вступился самъ,
А знать вамъ болѣе ненужно.
Но, чу! идутъ... походка тяжела
И медленна. — Онъ! точно. Удалитесь
На мигъ; есть съ нимъ у насъ дѣла,
И вы въ свидѣтели теперь намъ не годитесь.
(*Князь отходитъ въ сторону*).

—

ВЫХОДЪ ВОСЬМОЙ.

АРБЕНИНЪ (*со свѣчой*).

АРБЕНИНЪ.

Смерть! смерть! О, это слово здѣсь,
Вездѣ, — я имъ проникнутъ весь;
Оно меня преслѣдуетъ безмолвно.
Смотрѣлъ я цѣлый часъ на трупъ ея нѣмой,
И сердце было полно, полно
Невыразимою тоской.
Въ чертахъ спокойствіе и дѣтская безпечность,
Улыбка вѣчная тихонько разцвѣла,
Когда предъ ней открылась вѣчность,
И тамъ свою судьбу душа ея прочла.
Ужель я ошибался? — невозможно!
Мнѣ ошибиться? — кто докажетъ мнѣ
Ея невинность? — ложно! ложно!

Гдѣ доказательства? есть у меня они!
Я не повѣрилъ ей — кому-же стану вѣрить?
Да, я былъ страстный мужъ, но былъ судья
Холодный. — Кто-же разувѣрить
Меня осмѣлится?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Осмѣлюсь — я!

АРБЕНИНЪ (*сначала пугается и, отходя, подноситъ къ лицу свѣчу*).

А кто-же вы?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Немудрено, Евгеній,
Ты не узналъ меня, — а были мы друзья.

АРБЕНИНЪ.

Но кто вы?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я твой добрый геній.
Да! непримѣченный, вездѣ я былъ съ тобой.
Всегда съ другимъ лицомъ, всегда въ другомъ нарядѣ,
Зналъ всѣ твои дѣла и мысль твою порой;
Остерегалъ тебя недавно въ маскарадѣ.

АРБЕНИНЪ (*вздрогнувъ*).

Пророковъ не люблю, и выйти васъ
Прошу немедленно — я говорю серьёзно.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Все такъ; но, не смотря на голосъ грозный
И на рѣшительный приказъ,
Я не уйду. — Да, вижу, вижу ясно,

Ты не узналъ меня. Я не изъ тѣхъ людей,
Которыхъ можетъ мигъ опасный
Отвлечь отъ цѣли многихъ дней.
Я цѣль свою достигъ, и здѣсь на мѣстѣ лягу,
Умру — но ужъ назадъ не сдѣлаю ни шагу.

АРБЕНИНЪ.

Я самъ таковъ, и этимъ, сверхъ того,
Не хвастаюсь. (*Садится*). Я слушаю.

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*въ сторону*).

Доселѣ
Мои слова не тронули его.
Иль я ошибся въ самомъ дѣлѣ?
Посмотримъ далѣе. (*Ему*). Семь лѣтъ тому назадъ,
Ты узналъ меня, Арбенинъ. Я былъ молодъ,
Неопытенъ, и пылокъ, и богатъ.
Но ты... въ твоей груди ужъ крылся этотъ холодъ,
То адское презрѣнье ко всему,
Которымъ ты гордился всюду.
Не знаю, приписать его къ уму,
Иль къ обстоятельствамъ — я разбирать не буду
Твоей души — ее поймете лишь Богъ,
Который сотворить одинъ такую могъ!

АРБЕНИНЪ.

Дебютъ хорошъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Конецъ не будетъ хуже.
Разъ, ты меня уговорилъ, увлекъ
Къ себѣ... Мой кошелекъ
Былъ полонъ; и, къ тому-же,
Я вѣрилъ счастью. Сѣлъ играть съ тобой —
И проигралъ. Отецъ мой былъ скупой
И строгій человѣкъ, — и чтобъ не подвергаться

Упрекамъ, я рѣшился отыграться.
Но ты хоть молодъ, ты меня держалъ
Въ когтяхъ — и я все снова проигралъ.
Я предался отчаянью. Тутъ были —
Ты помнишь, можетъ быть, —
И слезы и мольбы... Въ тебѣ-же возбудили
Онѣ лишь смѣхъ... О! лучше-бы пронзить
Меня кинжаломъ! Но въ то время
Ты не смотрѣлъ еще пророчески впередъ.
И только нынѣче злое сѣмя
Произвело достойный плодъ.
(*Арбенинъ хочетъ вскочить, но задумывается*).
И я покинулъ все съ того мгновенья,
Все — женщинъ и любовь, блаженство юныхъ лѣтъ,
Мечтанья нѣжныя и сладкія волненья,
И въ свѣтѣ мнѣ открылся новый свѣтъ —
Міръ новыхъ, странныхъ ощущеній,
Міръ обществомъ отверженныхъ людей,
Самолюбивыхъ душъ и ледяныхъ страстей,
И увлекательныхъ мученій.
Я увидалъ, что деньги — царь земли,
И поклонился имъ. Года прошли,
Все скоро унеслось: богатство и здоровье;
Навѣки предо мной закрылась счастья дверь;
Я заключилъ съ судьбой послѣднее условье —
И вотъ сталъ тѣмъ, что я теперь...
А! ты дрожишь, ты понимаешь
И цѣль мою и то, что я сказалъ!
Ну, повтори еще, что ты меня не знаешь.

АРБЕНИНЪ.

Прочь! я узналъ тебя — узналъ!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Прочь? Развѣ это все? Ты надо мной смѣялся —

И я повеселиться радъ.
Недавно до меня случайно слухъ домчался,
Что счастливъ ты, женился и богатъ.
И горько стало мнѣ, и сердце зароптало,
И долго думалъ я: за что-жъ
Онъ счастливъ? — и шептало
Мнѣ чувство внятное: — «Иди, иди, встревожь!»
И сталъ я слѣдовать, мѣшаяся съ толпой,
Безъ устали, всегда повсюду за тобой,
Все узнавалъ — и наконецъ
Пришелъ трудамъ моимъ конецъ.
Послушай — я узналъ, и... и открою
Тебѣ я истину одну...
(*Протяжно*).
Послушай: ты убилъ свою жену!...
(*Арбенинъ отскакиваетъ. Князь подходитъ*).

АРБЕНИНЪ.

Убилъ? — я? — Князь! — О! что такое?...

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*отступая*).

Я все сказалъ; онъ скажетъ остальное.

АРБЕНИНЪ (*приходя въ бѣшенство*).

А! заговоръ!... прекрасно!... я у васъ
Въ рукахъ... Вамъ помѣшать кто смѣетъ?
Никто... вы здѣсь цари... я смиренъ: я сейчасъ
У вашихъ ногъ... душа моя робѣетъ
Отъ взглядовъ вашихъ... Я глупецъ, дитя,
Я противъ вашихъ словъ отвѣта не имѣю.
И мигомъ побѣжденъ; обманутъ я шутя,
И подъ топоръ нагну спокойно шею!...
А вы не разочли, что есть еще во мнѣ
Присутствіе ума, и опытность, и сила?

Вы думали, что все взяла ея могила?
Что я не заплачу вамъ всѣмъ по старинѣ?
Такъ вотъ какъ я униженъ въ вашемъ мнѣньѣ
Коварнымъ лепетомъ молвы!...
Да, сцена хорошо придумана; но вы
Не отгадали заключенья.
А этотъ мальчикъ?... такъ и онъ со мной
Бороться вздумалъ? Мало было
Одной пощечины — нѣтъ, хочется другой?
Вы все получите, мой милый!
Вамъ жизнь наскучила? не странно-ль: жизнь глупца?
Жизнь площаднаго волокиты?
Утѣшьтесь-же теперь — вы будете убиты,
Умрете — съ именемъ и смертью подлеца.

КНЯЗЬ.

Увидимъ; но скорѣй...

АРБЕНИНЪ.

Идемъ, идемъ!

КНЯЗЬ.

Теперь я счастливъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*останавливая*).

Да; а главное забыли!...

КНЯЗЬ (*останавливая Арбенина*).

Постойте! Вы должны узнать, что обвинили
Меня напрасно; что ни въ чемъ
Не виновата ваша жертва; оскорбили
Меня вы во время: я только обо всемъ
Хотѣлъ сказать вамъ... Но пойдемъ.

АРБЕНИНЪ.

Что? что?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Твоя жена невинна; слишкомъ строго
Ты обошелся...

АРБЕНИНЪ (*хохочетъ*).

Да у васъ въ запасѣ шутокъ много!

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не шучу, клянусь Творцомъ.
Браслетъ случайною судьбою
Попался баронессѣ и потомъ
Былъ отданъ мнѣ ея рукою.
Я ошибался самъ; но вашею женою
Любовь моя отвергнута была.
Когда-бъ я зналъ, что отъ одной ошибки
Произойдетъ такъ много зла,
То вѣрно-бъ не искалъ ни взора, ни улыбки...
И баронесса этимъ вотъ письмомъ
Вамъ открывается во всемъ.
Читайте-же скорѣй — мнѣ дороги мгновенья...
(*Арбенинъ взглядываетъ на письмо и читаетъ*).

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*поднявъ глаза къ небу, лицемѣрно*).

Казнитъ злодѣя Провидѣнье:
Невинная погибла — жаль!
Но здѣсь ждала ея печаль,
А въ небесахъ — спасенье!
Ахъ! я ее видалъ: ея глаза
Всю чистоту души изображали ясно.

Кто-бъ думать могъ, что этотъ цвѣтъ прекрасный
Сомнетъ минутная гроза!...
Что ты замолкъ, несчастный?
Рви волосы, терзайся и кричи...
Ужасно!... о, ужасно!

АРБЕНИНЪ (*бросается на нихъ*).

Я задушу васъ, палачи!
(*Вдругъ слабѣетъ и падаетъ въ кресло*).

КНЯЗЬ (*толкая грубо*).

Раскаянье вамъ не поможетъ.
Ждутъ пистолеты — споръ нашъ не рѣшенъ...
Молчитъ, не слушаетъ. Ужели онъ
Разсудокъ потерялъ?...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Быть можетъ...

КНЯЗЬ.

Вы помѣшали мнѣ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Мы цѣлимъ розно.
Я отомстилъ; для васъ, я думаю, ужъ поздно!

АРБЕНИНЪ (*встаетъ съ дикимъ взглядомъ*).

О, что́ сказали вы?... Нѣтъ силъ, нѣтъ силъ...
Я такъ былъ оскорбленъ, я такъ увѣренъ былъ...
Прости, прости меня, о Боже... Мнѣ прощенье?
(*Хохочетъ*).

А слезы, жалобы, моленья!
А ты простилъ?
(*Становится на колѣни*).
Ну, вотъ и я упалъ предъ вами на колѣна:
Скажите-же, не правда-ли, измѣна
Коварство очевидны... Я хочу, велю,
Чтобъ вы ее сейчасъ-же обвинили.
Она невинна? Развѣ вы тутъ были,
Смотрѣли въ душу вы мою?
Какъ я теперь прошу, такъ и она молила!...
Ошибка... я ошибся... что̀-жъ!
Она мнѣ то-же говорила,
Но я сказалъ, что это ложь... (*Встаетъ*).
Я это ей сказалъ. (*Молчаніе*).
Вотъ что̀ я вамъ открою:
Не я убійца. (*Взглядываетъ пристально на Неизвѣстнаго*). Ты скорѣй!
Признайся, говори смѣлѣй,
Будь откровененъ хоть со мною.
О, милый другъ! зачѣмъ ты былъ жестокъ?
Вѣдь я ее любилъ, я-бъ небесамъ и раю
Одной слезы ея, когда-бы могъ,
Не уступилъ, — но я тебѣ прощаю!
(*Упадаетъ на грудь ему и плачетъ*).

НЕИЗВѢСТНЫЙ (*отталкивая его грубо*).

Приди въ себя — опомнись... (*Князю*). Уведемъ
Его отсюда; онъ опомнится, конечно,
На воздухѣ... (*Беретъ его за руку*).
Арбенинъ!

АРБЕНИНЪ.

Вѣчно

Мы не увидимся... Прощай... Идемъ... идемъ...
Сюда... сюда... (*Вырываясь, бросается въ дверь, гдѣ гробъ Нины*).

КНЯЗЬ.

Остановите!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

И этотъ гордый умъ сегодня изнемогъ.

АРБЕНИНЪ (*возвращаясь съ дикимъ стономъ*).

Здѣсь посмотрите! посмотрите!...
(*Прибѣгая на средину сцены*).
Я говорилъ тебѣ, что ты жестокъ!
(*Падаетъ на землю и сидитъ полулежа съ неподвижными глазами. Князь и Неизвѣстный стоятъ надъ нимъ*).

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Давно хотѣлъ я полной мести —
И вотъ вполнѣ я отомщенъ!

КНЯЗЬ.

Онъ безъ ума — счастливъ; а я навѣкъ лишенъ
Спокойствія и чести!

БОЯРИНЪ ОРША

—

1835

БОЯРИНЪ ОРША.

—

ГЛАВА I.

Then burst her heart in one long shriek
And to the earth she fell like stone
As statue from its base o'erthrown.
Byron.

Во время оно жилъ да былъ
Въ Москвѣ боярин Михаилъ,
Прозваньемъ Орша. — Важный санъ
Далъ Оршѣ Грозный Іоаннъ;
Онъ далъ ему съ руки своей
Кольцо — наслѣдіе царей;
Онъ далъ ему, въ веселый мигъ,
Соболью шубу съ плечъ своихъ;
Въ день воскресенія Христа
Поцаловалъ его въ уста,
И обѣщался въ тотъ-же день
Дать тридцать царскихъ деревень,
Съ тѣмъ, чтобы Орша до конца
Не отлучался отъ дворца.

Но Орша нравомъ былъ угрюмъ:
Онъ не любилъ придворнюй шумъ;
При видѣ трепетныхъ льстецовъ
Щипалъ концы сѣдыхъ усовъ,

И разъ, опричнымъ огорченъ,
Такъ Іоанну молвилъ онъ:

«Надёжа-царь! пусти меня
На родину — я день отъ дня
Все старѣ; даже не могу
Обиду вымѣстить врагу.
Есть много слугъ въ дворцѣ твоемъ.
Пусти меня! мой старый домъ
На берегу Днѣпра крутомъ,
Близъ рубежа Литвы чужой,
Обросъ могильною травой;
Пробудь я здѣсь еще хоть годъ,
Онъ догніетъ — и упадетъ.
Дай поклониться мнѣ Днѣпру...
Тамъ я родился — тамъ умру!»

И онъ узрѣлъ свой старый домъ.
Покои темные кругомъ
Уставилъ златомъ и сребромъ;
Икону въ ризѣ дорогой
Въ алмазахъ, въ жемчугѣ, съ рѣзьбой
Повѣсилъ въ каждомъ онъ углу, —
И запестрѣлись на полу
Узоры шолковыхъ ковровъ.
Но лучше царскихъ всѣхъ даровъ
Былъ божій даръ — младая дочь;
О ней онъ думалъ день и ночь,
Въ его глазахъ она росла
Свѣжа, невинна, весела,
Цвѣтокъ грядущаго святой,
Былаго памятникъ живой!
Такъ средь развалинъ иногда
Растетъ береза: молода,

Мила надъ плитами гробовъ
Игрою шепчущихъ листовъ.
И та холодная стѣна
Ея красой оживлена!...
. . . . . *

Туманно въ полѣ и темно.
Одно лишь свѣтится окно
Въ боярскомъ домѣ, какъ звѣзда
Сквозь тучи смотритъ иногда.
Тяжелый звякнулъ ужъ затворъ,
Угрюмъ и пустъ широкій дворъ.
Вотъ, испытавъ замки дверей,
Съ гремучей связкою ключей
Къ калиткѣ сторожъ подошелъ
И взоры на небо возвелъ:
«А завтра быть грозѣ большой!»
Сказалъ, крестясь, старикъ сѣдой.
«Смотри-ка, молнія въ дали
Такъ и доходитъ до земли,
И бѣлый мѣсяцъ, какъ монахъ,
Завернутъ въ черныхъ облакахъ;
И воетъ вѣтеръ будто звѣрь.
Дай кучу злата мнѣ теперь,
Съ конюшни лучшаго коня
Сейчасъ сѣдлайте для меня —
Нѣтъ, не отъѣду отъ крыльца
Ни для родимаго отца!»
Такъ разсуждая самъ съ собой,
Кряхтя, старикъ пошелъ домой.
Лишь вдалекѣ едва гремятъ
Его ключи... Вокругъ палатъ

* Точки въ подлинникѣ.

Все снова тихо и темно,
Одно лишь свѣтится окно.
Все въ домѣ спитъ — не спитъ одинъ
Его угрюмый властелинъ
Въ покоѣ пышномъ и большомъ,
На ложѣ бархатномъ своемъ.
Полусгорѣвшая свѣча
Предъ нимъ, сверкая и треща,
Порой на каждый льетъ предметъ
Какой-то странный полусвѣтъ.
Висятъ надъ ложемъ образа;
Ихъ ризы блещутъ, ихъ глаза
Вдругъ оживляются, глядятъ —
Но съ чѣмъ сравнить подобный взглядъ?
Онъ непонятнѣй и страшнѣй
Всѣхъ мертвыхъ и живыхъ очей!
Томитъ боярина тоска;
Ужъ поздно. Подъ окномъ рѣка
Шумитъ, и съ бурей заодно
Гремучій дождь стучитъ въ окно.
Чернѣетъ тѣнь во всѣхъ углахъ,
И — странно — Оршу обнялъ страхъ!
Бывалъ онъ въ битвахъ, хоть и старъ,
Противъ поляковъ и татаръ;
Слыхалъ онъ грозный царскій гласъ,
Встрѣчалъ и взоръ въ недобрый часъ:
Ни разу духъ его крутой
Не ослабѣлъ передъ бѣдой;
Но тутъ, — онъ свиснулъ, и взошелъ
Любимый рабъ его, Соколъ.

И молвилъ Орша: «Скучно мнѣ,
Все думы черныя однѣ.
Садись поближе на скамью,

И рѣчью грусть разсѣй мою...
Пожалуй, сказку ты начни
Про прежніе златые дни,
И я, припомнивъ старину,
Подъ говоръ словъ твоихъ засну.»

И на скамью присѣлъ Соколъ
И рѣчь такую онъ завелъ:

«Жилъ былъ за тридевять земель,
«Въ тридцатомъ княжествѣ отсель,
«Великій и премудрый царь.
«Ни въ наше времячко, ни встарь
«Никто не видывалъ пышнѣй
«Его палатъ, и много дней
«Въ весельи жизнь его текла,
«Покуда дочь не подросла.

«Тотъ царь былъ слабъ и хилъ и старъ,
«А дочь — не прочный вѣдь товаръ!
«Ее, какъ лучшій свой алмазъ,
«Онъ скрылъ отъ молодецкихъ глазъ;
«И на его царевну-дочь
«Смотрѣлъ лишь день да темна ночь,
«И цаловать красотку могъ
«Лишь перелетный вѣтерокъ.

«И царь тотъ раза три на дню
«Ходилъ смотрѣть на дочь свою;
«Но вздумалъ вдругъ онъ въ темну ночь
«Взглянуть, какъ спитъ младая дочь.
«Свой ключъ серебряный онъ взялъ,
«Сапожки шолковые снялъ,
«И вотъ приходитъ въ башню ту,
«Гдѣ скрылъ царевну — красоту!...

«Вошелъ: въ свѣтлицѣ тишина;
«Дочь сладко спитъ, но не одна;
«Припавъ на грудь ея главой
«Съ ней царскій конюхъ молодой.
«И прогнѣвился царь тогда,
«И повелѣлъ онъ безъ суда
«Ихъ вмѣстѣ въ бочку засмолить
«И въ сине море укатить...»

И быстро на устахъ раба —
Какъ будто тайная борьба
Въ то время совершилась въ немъ —
Улыбка вспыхнула, потомъ
Онъ очи на небо возвелъ,
Вздохнулъ и смолкъ. «Ступай Соколъ!»
Махнувъ дрожащею рукой,
Сказалъ бояринъ: «въ часъ иной
Разскажешь сказку до конца
Про оскорбленнаго отца!»

И по морщинамъ старика,
Какъ тѣни облака, слегка
Промчались тѣни черныхъ думъ.
Встревоженный и быстрый умъ
Вблизи предвидѣлъ много бѣдъ.
Онъ жилъ: онъ зналъ людей и свѣтъ,
Онъ зломъ не могъ быть удивленъ.
Добру-жъ давно не вѣрилъ онъ,
Не вѣрилъ только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!

И вспыхнулъ въ немъ остатокъ силъ.
Онъ съ ложа мягкаго вскочилъ,
Соболью шубу на плеча

Накинулъ онъ; въ рукѣ свѣча;
И вотъ, дрожа, идетъ скорѣй
Къ свѣтлицѣ дочери своей.
Ступени лѣстницы крутой
Подъ тяжкою его стопой
Скрипятъ и свѣчка раза два
Изъ рукъ не выпала едва.

Онъ видитъ: няня въ уголкѣ
Сидитъ на старомъ сундукѣ
И спитъ глубоко, и порой
Во снѣ качаетъ головой;
На ней, предчувствіемъ объятъ,
На мигъ онъ удержалъ свой взглядъ —
И мимо; но, послыша стукъ,
Старуха пробудилась вдругъ,
Перекрестилась и потомъ
Опять заснула крѣпкимъ сномъ,
И, занята своей мечтой,
Вновь закачала головой.

Стоитъ бояринъ у дверей
Свѣтлицы дочери своей
И чуткимъ ухомъ онъ приникъ
Къ замку, — и думаетъ старикъ:
«Нѣтъ! непорочна дочь моя.
А ты, Соколъ, ты рабъ, змѣя,
За дерзкій, хитрый свой намёкъ
Получишь гибельный урокъ!»
Но вдругъ... о горе! о позоръ!
Онъ слышитъ тихій разговоръ!...

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

О! погоди, Арсеній мой!
Вчера ты былъ совсѣмъ другой.
День безъ меня — и мигъ со мной?...

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Не плачь... утѣшься! — близокъ часъ —
И будетъ міръ ничто для насъ.
Въ чужой, но близкой сторонѣ
Мы будемъ счастливы однѣ,
И не раба обнимешь ты
Среди полночной темноты.
Съ тѣхъ поръ — ты помнишь — какъ чернецъ
Меня привезъ, и твой отецъ
Вручилъ ему свой кошелекъ,
Съ тѣхъ поръ задумчивъ, одинокъ,
Тоской невольности томимъ,
Но нѣжнымъ голосомъ твоимъ
И блескомъ ангельскихъ очей
Прикованъ у тюрьмы моей,
Придумалъ я свой край родной
На вѣкъ оставить, но съ тобой!...
И скоро я въ лѣсахъ чужихъ
Нашелъ товарищей лихихъ,
Безстрашныхъ, твердыхъ, какъ булатъ.
Людской законъ для нихъ не святъ,
Война — ихъ рай, а миръ — ихъ адъ.
Я отдалъ душу имъ въ закладъ,
Но ты моя — и я богатъ!...»

И голоса замолкли вдругъ.
И слышитъ Орша тихій звукъ,
Звукъ поцалуя... и другой...
Онъ вспыхнулъ, дверь толкнулъ рукой
И, изступленный и нѣмой,
Предсталъ предъ блѣдною четой...
. . . . . *

* Точки въ подлинникѣ.

Боярин сдѣлалъ шагъ назадъ,
На дочь онъ кинулъ злобный взглядъ,
Глаза ихъ встрѣтились — и вмигъ
Мучительный, ужасный крикъ
Раздался, пролетѣлъ — и стихъ.
И тотъ, кто крикъ сей услыхалъ,
Подумалъ вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой.
И тяжко на цвѣтной коверъ,
Какъ трупъ бездушный съ давнихъ поръ,
Упало что-то. — И на зовъ
Боярина толпа рабовъ,
Во всемъ послушная орда,
Шумя, сбѣжалася тогда,
И безъ усилій, безъ борьбы
Схватили юношу рабы.

Нѣмъ и недвижимъ онъ стоялъ,
Покуда крѣпко обвивалъ
Всѣ члены, какъ змѣя, канатъ;
Въ нихъ проникалъ могильный хладъ
И сердце громко билось въ немъ
Тоской, отчаяньемъ, стыдомъ.

Когда-жъ безумца увели
И шумъ шаговъ умолкъ вдали,
И съ нимъ остался лишь Соколъ,
Боярин къ двери подошелъ,
Въ послѣдній разъ въ нее взглянулъ,
Не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ,
И трижды ключъ перевернулъ
Въ ея заржавленномъ замкѣ...
Но... ключъ дрожалъ въ его рукѣ!

Потомъ онъ отворилъ окно:
Все было на небѣ темно,
А подъ окномъ межъ дикихъ скалъ
Днѣпръ безпокойный бушевалъ.
И въ волны ключъ отъ двери той
Онъ бросилъ сильною рукой,
И тихо ключъ тотъ роковой
Былъ принятъ хладною рѣкой.

Тогда, рѣшивъ свою судьбу,
Боярин вѣрному рабу
На волны молча указалъ,
И тотъ поклономъ отвѣчалъ...
И черезъ часъ ужъ въ домѣ томъ
Все спало снова крѣпкимъ сномъ,
И только не спалъ въ немъ одинъ
Его угрюмый властелинъ.

ГЛАВА II.

Народъ кипитъ въ монастырѣ;
У вратъ святыхъ и на дворѣ
Рабы боярскіе стоятъ.
Ихъ копья мѣдныя горятъ,
Ихъ шапки длинныя кругомъ
Опушены густымъ бобромъ,
За кушакомъ блестятъ у нихъ
Ножны кинжаловъ дорогихъ.
Межъ нихъ стремянный молодой,
За гриву правою рукой
Держа боярскаго коня,
Стоитъ; по временамъ звеня
Стремена бьются о бока;
Истертъ ногами сѣдока,
Въ пыли малиновый чепракъ;
Весь въ мылѣ сѣрый аргамакъ
Мотаетъ гривою густой,
Бьетъ землю жилистой ногой,
Грызетъ съ досады удила,
И пѣна легкая — бѣла,
Чиста, какъ первый снѣгъ въ поляхъ —
Съ желѣза падаетъ на прахъ.

Но вотъ обѣдня отошла;
Гудятъ, ревутъ колокола;
Вотъ слышно пѣнье — изъ дверей
Мелькаетъ длинный рядъ свѣчей,
Во слѣдъ игумену-отцу
Монахи сходятъ по крыльцу
И прямо въ трапезу идутъ:

Тамъ грозный судъ, послѣдній судъ
Произнесетъ отецъ святой
Надъ бѣдной грѣшной головой!

Безмолвна трапеза была.
Къ стѣнѣ налѣво два стола
И пышныхъ креселъ полукругъ —
Издѣлье иноческихъ рукъ —
Блистали тканью парчевой;
Въ большія окна свѣтъ дневной,
Врываясь свѣтлой полосой,
Дробяся въ искры по стеклу,
Игралъ на каменномъ полу.
Рѣзьбою мелкою стѣна
Была искусно убрана,
И на двери въ кружкахъ златыхъ
Блистали образа святыхъ.
Тяжелый, низкій потолокъ
Расписывалъ, какъ зналъ, какъ могъ
Усердный инокъ... жалкій трудъ,
Отнявшій множество минутъ
У Бога, думъ святыхъ и дѣлъ —
Искусства горестный удѣлъ!...

На мягкихъ креслахъ предъ столомъ
Сидѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ
Боярин Орша. Иногда
Усы сѣдые, борода,
Съ игривымъ встрѣтившись лучомъ,
Вдругъ отливались серебромъ,
И часто кудри старика
Отъ дуновенья вѣтерка
Приподнимался слегка.
Движеньемъ пасмурныхъ очей

Нерѣдко онъ искалъ дверей,
И, въ нетерпѣніи, порой
Онъ по столу стучалъ рукой.

Въ концѣ противномъ залы той
Одинъ, въ цѣпяхъ, къ нему спиной,
Покрытъ одеждою раба,
Стоялъ Арсеній у столба.
Но въ молодомъ лицѣ его
Вы не нашли-бъ ни одного
Изъ чувствъ, которыхъ смутный рой
Кружится, вьется надъ душой
Въ часъ разставанія съ землей.

Хотѣлъ-ли онъ передъ врагомъ
Предстать съ безчувственнымъ челомъ,
Съ холодной важностью лица,
И мстить хоть этимъ до конца?
Иль онъ невольно въ этотъ мигъ
Глубокой мыслію постигъ,
Что онъ въ цѣпи существъ давно
Едва-ль не лишнее звено?...
Задумчивъ, онъ смотрѣлъ въ окно
На голубыя небеса:
Его манила ихъ краса;
И кудри легкихъ облаковъ,
Небесъ серебряный покровъ,
Неслись свободно, быстро тамъ,
Кидая тѣни по холмамъ.
И онъ увидѣлъ: у окна,
Заботой рѣзвою полна,
Летала ласточка — то внизъ,
То вверхъ подъ каменный карнизъ
Кидалась съ дивной быстротой

И въ щели пряталась сырой;
То, взвившись на небо стрѣлой,
Тонула въ пламенныхъ лучахъ...
И онъ вздохнулъ о прежнихъ дняхъ,
Когда онъ жилъ, страстямъ чужой,
Съ природой жизнію одной.
Блеснули тусклые глаза,
Но этотъ блескъ былъ — не слеза;
Онъ улыбнулся, но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ!

И вдругъ раздался звукъ шаговъ,
Невнятный говоръ голосовъ,
Скрипъ отворяемыхъ дверей...
Они! — взошли! — Толпа людей
Въ высокихъ, черныхъ клобукахъ,
Съ свѣчами длинными въ рукахъ.
Согбенный тягостью вериг,
Предъ ними шелъ слѣпой старикъ,
Отецъ-игуменъ. — Сорокъ лѣтъ
Ужъ онъ не зналъ что̀ божій свѣтъ;
Но умъ его былъ юнъ, богатъ,
Какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.
Онъ шелъ, склонясь на посохъ свой,
И крестъ держалъ передъ собой;
И крестъ осыпанъ былъ кругомъ
Алмазами и жемчугомъ.
И трость игумена была
Слоновой кости, такъ бѣла,
Что лишь съ сѣдой его брадой
Могла равняться бѣлизной.

Перекрестясь, онъ важно сѣлъ
И плѣнника подвесть велѣлъ,

И одного изъ чернецовъ
Позвалъ по имени: суровъ
И холоденъ былъ видъ лица
Того святаго чернеца.
Потомъ игуменъ, наклонясь,
Сказалъ боярину, смѣясь,
Два слова на ухо. Въ отвѣтъ
На сей вопросъ или совѣтъ
Кивнулъ боярин головой...
И вотъ слѣпецъ махнулъ рукой!
И понялъ данный знакъ монахъ,
Укоръ готовый на устахъ
Словами книжными убралъ
И такъ преступнику вѣщалъ:
«Безумный, бренный сынъ земли!
«Злой духъ и страсти привели
«Тебя медовою тропой
«Къ границѣ жизни сей земной.
«Грѣшилъ ты много, но изъ всѣхъ
«Грѣховъ страшнѣй послѣдній грѣхъ.
«Простить не можетъ судъ земной,
«Но въ небѣ есть судья иной:
«Онъ милосердъ, ему теперь
«При насъ дѣла свои повѣрь!»

АРСЕНІЙ.

Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ — благодарю.
Не понимаю, что̀ была
У васъ за мысль? — Мои дѣла
И безъ меня ты долженъ знать,
А душу можно-ль разсказать?
И еслибъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,

Ты вѣрно не прочелъ-бы въ ней,
Что я безсовѣстный злодѣй!
Когда-бъ сквозь бѣдный мой нарядъ
Не проникалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ-бы виноватъ.
Но всѣхъ равно влечетъ судьба:
И подъ одеждою раба,
Но полный жизнью молодой,
Я человѣкъ, какъ и другой.
И ты, и ты слѣпой старикъ,
Когда-бъ ея небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,
Ты позавидовалъ-бы мнѣ
И, въ изступленьи, можетъ быть,
Рѣшился-бъ также согрѣшить,
И клятвы-бъ грозныя забылъ,
И перенесть-бы счастливъ былъ
За слово, ласку или взоръ
Мое мученье, мой позоръ!...

ОРША.

Не поминай теперь о ней!
Напрасно! — у груди моей,
Хоть нынѣ поздно вижу я,
Согрѣлась, выросла змѣя!...
Но ты заплатишь мнѣ теперь
За хлѣбъ и соль мою, повѣрь.
За сердце-жъ дочери моей
Я заплачу тебѣ, злодѣй —
Тебѣ, найденышъ безъ креста,
Презрѣнный рабъ и сирота!...

АРСЕНІЙ.

Ты правъ: — не знаю, гдѣ рожденъ!
Кто мой отецъ и живъ-ли онъ.

Не знаю... Люди говорятъ,
Что я тобой ребенкомъ взятъ,
И былъ я отданъ съ раннихъ поръ
Подъ строгій иноковъ надзоръ,
И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ,
Душой дитя — судьбой монахъ!
Никто не смѣлъ мнѣ здѣсь сказать
Священныхъ словъ: «отецъ и мать!»
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ?
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ — могилъ!
Но нынѣче самъ я не хочу
Предать ихъ имя палачу,
И все, что̀ славно было-бъ въ немъ,
Облить и кровью и стыдомъ.
Умру, какъ жилъ, твоимъ рабомъ!...
— Нѣтъ, не грози, отецъ святой:
Чего бояться намъ съ тобой?
Обоихъ насъ могила ждетъ...
Не все-ль равно, что̀ день, что́ годъ?
Никто ужъ намъ не господинъ;
Ты въ рай, я въ адъ — но путь одинъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ длится жизнь моя,
Два раза былъ свободенъ я,
Послѣдній нынѣ. — Въ первый разъ,
Когда я жилъ еще у васъ,
Среди молитвъ и пыльныхъ книгъ,
Пришло мнѣ въ мысли хоть на мигъ
Взглянуть на пышныя поля,

Узнать прекрасна-ли земля,
Узнать для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы!
И въ часъ ночной, въ ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
При блескѣ молній роковыхъ
Я убѣжалъ изъ стѣнъ святыхъ.
Боязнь съ одеждой кинулъ прочь,
Благословилъ и хладъ и ночь,
Забылъ печали бытія
И бурю братомъ назвалъ я.
Восторгомъ бѣшенымъ объятъ,
Съ ней унестись я былъ-бы радъ,
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ!
О, старецъ! что средь этихъ стѣнъ
Могли-бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой и живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?...

ИГУМЕНЪ.

Начто намъ знать твои мечты?
Не для того предъ нами ты!
Въ другомъ ты нынѣ обвиненъ
И хочетъ истины законъ.
Открой-же намъ друзей своихъ
Убійцъ, разбойниковъ ночныхъ,
Которыхъ страшныя дѣла
Смываетъ кровь и кроетъ мгла,
Съ которыми, забывши честь,
Ты мнилъ несчастную увезть.

АРСЕНІЙ.

Мнѣ ихъ назвать? — Отецъ святой,
Вотъ что̀ умретъ во мнѣ, со мной.
О, нѣтъ, ихъ тайну — не мою,
Я непзмѣнно сохраню,
Пока земля въ урочный часъ
Какъ двухъ друзей не приметъ насъ.
Пытай желѣзомъ и огнемъ —
Я не признаюся ни въ чемъ;
И если хоть минутный крикъ
Измѣнитъ мнѣ... тогда, старикъ,
Я вырву слабый мой языкъ!...

МОНАХЪ.

Страшись упорствовать, глупецъ!
Къ чему? ужъ близокъ твой конецъ,
Скорѣе тайну намъ предай.
За гробомъ есть и адъ и рай,
И вѣчность въ томъ или въ другомъ!

АРСЕНІЙ.

Послушай, я забылся сномъ
Вчера въ темницѣ. Слышу вдругъ
Я приближающійся звукъ,
Знакомый, милый разговоръ,
И будто вижу ясный взоръ...
И пробудясь, во тьмѣ скорѣй
Ищу тѣхъ звуковъ, тѣхъ очей...
Увы! они въ груди моей!
Они на сердцѣ, какъ печать,
Чтобъ я не смѣлъ ихъ забывать,
И жгутъ его, и вновь живятъ...
Они мой рай, они мой адъ!
Для вспоминанія о нихъ
Жизнь — ничего, а вѣчность — мигъ!

ИГУМЕНЪ.

Богохулитель, удержись!
Пади на землю, плачь, молись,
Прими святую въ грудь боязнь...
Мечтанья злыя — божья казнь!
Молись Ему...

АРСЕНІЙ.

Напрасный трудъ!
Не говори, что божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
Все люди, люди, мой отецъ!
Пускай умру... но смерть моя
Не продолжитъ ихъ бытія,
И дни грядущіе мои
Имъ не присвоить — и въ крови,
Неправой казнью пролитой,
Въ крови безумца молодой
Имъ разогрѣть не суждено
Сердца́, увядшія давно;
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ ни была свята,
Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступенью новой къ небесамъ;
И тѣнь несчастнаго, повѣрь,
Не отопретъ имъ рая дверь!...
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной, вѣчной тишинѣ
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
Я молодъ, молодъ — зналъ-ли ты
Что́ значитъ молодость, мечты?
Или не зналъ? или забылъ
Какъ ненавидѣлъ и любилъ?

Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ, порой,
Въ глубокой трещинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?...
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ... ты слѣпъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ...
Что̀ за нужда? ты жилъ, старикъ;
Тебѣ есть въ мірѣ что̀ забыть,
Ты жилъ — я также могъ-бы жить!...

Но тутъ игуменъ съ мѣста всталъ,
Рѣчь нечестивую прервалъ,
И, негодуя, всѣ вокругъ
На гордый видъ и гордый духъ,
Столь непреклонный предъ судьбой,
Шепталисѣ грозно межъ собой,
И слово «пытка» тамъ и тамъ
Въ мигъ пробѣжало по устамъ.
Но узникъ былъ невозмутимъ,
Безчувственно внималъ онъ имъ.
Такъ бурей брошенъ на песокъ
Худой, увязнувшій челнокъ,
Лишенный веселъ и гребцовъ,
Недвижимъ ждетъ напоръ валовъ.

—

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

. . . . . .*

Свѣтаетъ. Въ полѣ тишина.
Густой туманъ, какъ пелена
Съ посеребренною каймой,
Клубится надъ Днѣпромъ-рѣкой.
И сквозь него высокій боръ,
Разсыпанный по скату горъ,
Безмолвно смотрится въ рѣкѣ,
Едва чернѣя вдалекѣ.
И изъ-за тѣхъ густыхъ лѣсовъ
Выходятъ стаи облаковъ,
А изъ-за нихъ, огнемъ горя,
Выходитъ красная заря.
Блестятъ кресты монастыря;
По длиннымъ башнямъ и стѣнамъ
И по расписаннымъ вратамъ
Прекрасный, чистый и живой,
Какъ счастье жизни молодой,
Играетъ лучъ ея златой.

Унылый звукъ колоколовъ
Созвалъ ужъ въ храмъ святыхъ отцовъ;
Ужъ дымъ кадилъ между столбовъ
Вился струей и хоръ звучалъ...
Вдругъ въ церковь служка прибѣжалъ;
Отцу-игумену шепнулъ
Онъ что-то скоро — тотъ вздрогнулъ
И молвилъ: «Гдѣ-же казначей?
Поди, спроси его скорѣй —
Не затерялъ-ли онъ ключей!»
И казначей изъ алтаря
Пришелъ, дрожа и говоря,
Что всѣ ключи еще при немъ,

* Точки въ подлинникѣ.

Что невиновенъ онъ ни въ чемъ!
Засуетились чернецы,
Забѣгали во всѣ концы,
И сводъ нерѣдко повторялъ
Слова: бѣжалъ! кто? какъ бѣжалъ?
И въ монастырскую тюрьму
Пошли, одинъ по одному,
Загадкой мучаясь простой,
Жильцы обители святой!..

Пришли, глядятъ: распилена
Рѣшотка узкаго окна,
Во рву притоптаный песокъ
Хранилъ слѣды различныхъ ногъ;
Забытый, на пескѣ лежалъ
Стальной, зазубренный кинжалъ,
И польскій шолковый кушакъ
Изорванъ, скрученъ кое-какъ,
Къ вѣтвямъ березы подъ окномъ
Привязанъ крѣпкимъ былъ узломъ.
Пошли прилежно по слѣдамъ:
Они вели къ Днѣпру — и тамъ
Могли замѣтить на мели
Рубецъ отчалившей ладьи.
Вблизи, на прутьяхъ тростника,
Лоскутъ того-же кушака
Висѣлъ, въ водѣ однимъ концомъ,
Колеблемъ раннимъ вѣтеркомъ.

«Бѣжалъ! — Но кто-жъ ему помогъ?
«Конечно, люди, а не Богъ!...
«И гдѣ-же онъ нашелъ друзей?
«Знать, точно онъ большой злодѣй!»
Такъ, собираясь, межъ собой
Твердили иноки порой.

ГЛАВА III.

Зима. Изъ глубины снѣговъ
Встаютъ, чернѣя, пни деревъ,
Какъ призраки, склонясь челомъ
Надъ замерзающимъ Днѣпромъ.
Глядится тусклый день въ стекло
Прозрачныхъ льдинъ — и занесло
Овраги снѣгомъ. На зарѣ
Лишь заяцъ крадется къ норѣ
И, прыгая назадъ, впередъ,
Свой слѣдъ запутанный кладетъ;
Да иногда во тьмѣ ночной
Раздастся псовъ протяжный вой,
Когда, голодный и худой,
Обходитъ волкъ вокругъ гумна;
И если въ полѣ тишина,
То даже слышны издали
Его тяжелые шаги,
И скрипъ, и щелканье зубовъ,
И каждый вечеръ межъ кустовъ
Сто яркихъ глазъ, какъ свѣчи въ рядъ,
Во мракѣ прыгаютъ, блестятъ...

Но вьюги зимней не страшась,
Однажды въ ранній утра часъ
Бояринъ Орша далъ приказъ
Собраться челяди своей,
Точить ножи, сѣдлать коней;
И разнеслась вездѣ молва

Что безпокойная Литва
Съ толпою дерзкихъ воеводъ
На землю русскую идетъ.
Отъ войска русскаго гонцы
Во всѣ помчалися концы:
Зовутъ бояръ и ихъ людей
На славный пиръ — на пиръ мечей!
Садится Орша на коня,
Далъ знакъ рукой: гремя, звеня,
Средь вопля женщинъ и дѣтей,
Всѣ повскакали на коней,
И каждый съ знаменьемъ креста
За нимъ проѣхалъ въ ворота;
Лишь онъ, безмолвный, не крестясь,
Какъ басурманъ, татарскій князь,
Къ своимъ приближась воротамъ,
Возвелъ глаза — не къ небесамъ,
Возвелъ онъ ихъ на теремъ тотъ,
Гдѣ прежде жилъ онъ безъ заботъ;
Гдѣ нынѣче вѣтеръ лишь живетъ,
И гдѣ, качая изрѣдка
Дверь безъ ключа и безъ замка,
Какъ мать качаетъ колыбель,
Поетъ гульливая метель!...

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . *
Умчался далѣ шумный бой,
Оставя слѣдъ багровый свой...
Между поверженныхъ коней,

* Точки въ подлинникѣ.

Обломковъ копій и мечей
Въ то время всадникъ разъѣзжалъ;
Чего-то, мнилось, онъ искалъ,
То низко голову склоня
До гривы чернаго коня,
То вдругъ привставъ на стременахъ...
Кто-жъ онъ? не русскій! и не ляхъ —
Хоть платье польское на немъ
Пестрѣло ярко серебромъ,
Хоть сабля польская, звеня,
Стучала по ребрамъ коня!
Чела крутаго смуглый цвѣтъ,
Глаза, въ которыхъ мракъ и свѣтъ
Въ борьбѣ смѣнялися не разъ,
Почти могли-бъ увѣрить васъ,
Что въ немъ кипѣла кровь татаръ...
Онъ былъ не молодъ и не старъ.
Но, разсмотрѣвъ его черты,
Не чуждыя той красоты
Невыразимой, но живой,
Которой блескъ печальный свой
Мысль неизмѣнная дала,
Гдѣ все, что̀ есть добра и зла
Въ душѣ прикованной къ землѣ,
Отражено какъ на стеклѣ, —
Вздохнувши, всякій-бы сказалъ,
Что жилъ онъ меньше, чѣмъ страдалъ.

Среди долины былъ курганъ.
Корнистый дубъ, какъ великанъ,
Его пятою попиралъ
И горделиво разстилалъ
Надъ нимъ, по прихоти своей,
Шатеръ чернѣющихъ вѣтвей.

Тутъ бой ужасный закипѣлъ,
Тутъ и затихъ. Громада тѣлъ
Обезображенныхъ мечомъ
Пестрѣла на курганѣ томъ.
И снѣгъ, окрашенный въ крови,
Кой-гдѣ протаялъ до земли;
Кора на дубѣ вѣковомъ
Была изрублена кругомъ,
И кровь на ней видна была,
Какъ будто-бы она текла
Изъ глубины сихъ новыхъ ранъ...
И всадникъ въѣхалъ на курганъ,
Потомъ съ коня онъ соскочилъ
И такъ въ раздумьѣ говорилъ:
«Вотъ мѣсто — мертвый иль живой
Онъ здѣсь... вотъ дубъ — къ нему спиной
Прижавшись, бѣшеный старикъ
Рубился — видѣлъ я, хоть мигъ,
Какъ окруженъ со всѣхъ сторонъ
Съ пятью рабами бился онъ.
И дорого тебѣ, Литва,
Досталась эта голова!...
Здѣсь, сквозь толпу издалека
Я видѣлъ, какъ его рука
Три раза съ саблей поднялась
И опустилась — каждый разъ,
Когда она являлась вновь,
По ней ручьемъ бѣжала кровь.
Четвертый взмахъ я долго ждалъ!...
Но съ поля онъ не побѣжалъ,
Не могъ бѣжать, хотя-бъ желалъ!...»
И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
Подходитъ, смотритъ: «это онъ!»
Главу, омытую въ крови,

Боярин приподнялъ съ земли
И слабымъ голосомъ сказалъ:
— «И я узналъ тебя! узналъ!
Ни время, ни чужой нарядъ
Не измѣнятъ зловѣщій взглядъ,
И это блѣдное чело,
Гдѣ преступленіе и зло
Печать оставили свою.
Арсеній! — Такъ! я узнаю,
Хотя могилы на краю,
Улыбку прежнюю твою,
И въ ней шипящую змѣю!
Я узнаю и голосъ твой
Межъ звуковъ стороны чужой,
Которыми ты, можетъ быть,
Его желаешь измѣнить.
Твой умыселъ постигъ я весь,
Я знаю для чего ты здѣсь.
Но, вѣрный родинѣ моей,
Не отверну теперь очей,
Хоть ты-бъ желалъ, измѣнникъ-ляхъ,
Прочесть въ нихъ близкой смерти страхъ
И сожалѣнье и печаль...
Но знай, что жизни мнѣ не жаль,
А жаль лишь то, что часъ мой былъ
Покуда я не отомстилъ;
Что не могу поднять меча,
Что на рукахъ моихъ, съ плеча
Омытыхъ кровью до локтей
Злодѣевъ родины моей,
Ни капли крови нѣтъ твоей!...»

— «Старикъ! о прежнемъ позабудь...
Взгляни сюда, на эту грудь,

Она не въ ранахъ, какъ твоя,
Но въ ней живетъ тоска-змѣя!
Ты отомщенъ вполнѣ давно,
А кѣмъ и какъ — не все-ль равно?
Но лучше мнѣ скажи, молю,
Гдѣ отыщу я дочь твою?
Отъ рукъ враговъ земли твоей,
Ихъ поцалуевъ и мечей,
Хоть самъ теперь межъ ними я,
Ее спасти я поклялся!» —

— «Скачи скорѣй въ мой старый домъ,
Тамъ дочь моя; ни ночь, ни днемъ
Не ѣстъ, не спитъ: все ждетъ да ждетъ,
Покуда милый не придетъ!
Спѣши... Ужъ близокъ мой конецъ...
Теперь обиженный отецъ
Для васъ лишь страшенъ какъ мертвецъ!»
Онъ дальше говорить хотѣлъ,
Но вдругъ языкъ оцѣпенѣлъ;
Онъ сдѣлать знакъ хотѣлъ рукой,
Но пальцы сжались межъ собой,
Тѣнь смерти мрачной полосой
Промчалась на его челѣ;
Онъ обернулъ лицо къ землѣ,
Вдругъ протянулся, захрипѣлъ,
И — духъ отъ тѣла отлетѣлъ!

Къ нему Арсеній подошелъ,
И руки сжатыя развелъ,
И поднялъ голову съ земли:
Двѣ яркія слезы текли
Изъ побѣлѣвшихъ мутныхъ глазъ,
Собой лишь свѣтлы какъ алмазъ.

Спокойны были всѣ черты,
Исполнены той красоты,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной какъ смерть сама.

И долго юноша надъ нимъ
Стоялъ, раскаяньемъ томимъ,
Невольно мысля о быломъ,
Прощая — не прощенъ ни въ чемъ!
И на груди его потомъ
Онъ тихо распахнулъ кафтанъ:
Старинныхъ и послѣднихъ ранъ
На ней кровавые слѣды
Вились, чернѣли, какъ бразды.
Онъ руку къ сердцу приложилъ,
И трепетъ замиравшихъ жилъ
Ему неясно возвѣстилъ,
Что въ буйномъ сердцѣ мертвеца
Кипѣли страсти до конца,
Что блескъ печальный этихъ глазъ
Гораздо прежде ихъ погасъ!..

Ужъ время шло къ закату дня,
И сѣлъ Арсеній на коня,
Стальныя шпоры онъ въ бока
Ему вонзилъ — и въ два прыжка
Отъ мѣста битвы роковой
Онъ былъ далеко. — Пеленой
Широкою за нимъ луга
Тянулись: яркіе снѣга
При свѣтѣ косвенныхъ лучей
Сверкали тысячью огней. —
Предъ нимъ стѣной знакомый лѣсъ
Чернѣетъ на краю небесъ;
Подъ сѣнь деревъ въѣзжаетъ онъ.

Все тихо, всюду мертвый сонъ,
Лишь иногда съ сѣдаго пня,
Послыша близкій храпъ коня,
Тяжелый воронъ, царь степной,
Слетитъ и сядетъ на другой,
Свой кровожадный чистя клевъ
О сучья жесткіе деревъ;
Лишь отдаленный вой волковъ,
Бѣгущихъ жадною толпой
На мѣсто битвы роковой,
Терялся въ тишинѣ степей...
Сыпучій иней вкругъ вѣтвей
Березъ и сосенъ, надъ путёмъ
Прозрачнымъ свившихся шатромъ,
Висѣлъ косматой бахромой;
И часто, шапкой иль рукой
Когда за нихъ онъ задѣвалъ,
Прахъ серебристый осыпалъ
Его лицо... И быстро онъ
Скакалъ, въ раздумье погруженъ.
Измучилъ непривычный бѣгъ
Его коня. — Въ глубокій снѣгъ
Онъ вязнетъ часто... труденъ путь!
Какъ печь, его дымится грудь,
Отъ нетерпѣнья сѣдока
Въ крови и пѣнѣ всѣ бока.
Но близко, близко... Вотъ и домъ,
На берегу Днѣпра крутомъ,
Предъ нимъ встаетъ изъ-за горы.
Заборы, избы и дворы
Привѣтливо между собой
Тѣснятся пестрою толпой,
Лишь домъ боярскій между нихъ,
Какъ призракъ, сумраченъ и тихъ!...

Онъ въѣхалъ на широкій дворъ:
Все пусто... будто гладъ иль моръ
Недавно пировали въ немъ.
Онъ слѣзъ съ коня, идетъ пѣшкомъ...
Толпа играющихъ дѣтей,
Испуганныхъ огнемъ очей,
Одеждой чуждой пришлеца
И блѣдностью его лица,
Его встрѣчаетъ у крыльца
И съ крикомъ убѣгаетъ прочь...
Онъ входитъ въ домъ — въ покояхъ ночь,
Закрыты ставни; полъ скрипитъ;
Пустая утварь дребезжитъ
На старыхъ по̀лкахъ; лишь порой
Широкой, бѣлой полосой,
Рисуясь на печи большой,
Проходитъ въ трещину ставней
Холодный свѣтъ дневныхъ лучей!

И лѣстницу Арсеній зритъ;
Сквозь сумракъ онъ бѣжитъ, летитъ
Наверхъ, по шаткимъ ступенямъ.
Вотъ свѣтъ блеснулъ его очамъ,
Предъ нимъ замерзшее окно:
Оно давно растворено;
Сугробомъ собрался большимъ
Снѣгъ нерастаявшій подъ нимъ.
Увы, знакомыя мѣста!
Налѣво дверь — но заперта.
Какъ кровью, ржавчиной покрытъ,
Большой замокъ на ней виситъ,
И, вынувъ ножъ изъ кушака,
Онъ всунулъ въ скважину замка,
И затрещавъ, распался тотъ...

И тихо дверь толкнувъ впередъ,
Онъ входитъ робкою стопой
Въ свѣтлицу дѣвы молодой.

Онъ руку съ трепетомъ простеръ,
Онъ ищетъ взоромъ милый взоръ,
И слабый шепчетъ онъ привѣтъ.
На взглядъ, на рѣчь отвѣта нѣтъ!
Однако смято ложе сна,
Какъ будто-бы на немъ она,
Тому назадъ лишь день, лишь часъ,
Главу покоила не разъ,
Младенческій вкушая сонъ.
Но, приближаясь, видитъ онъ
На тонкихъ бѣлыхъ кружевахъ
Чернѣющій слоями прахъ,
И ткани паутинъ сѣдыхъ
Вкругъ занавѣсокъ царчевыхъ.

Тогда въ окно свѣтлицы той
Упалъ заката лучъ златой,
Играя, на коверъ цвѣтной.
Арсеній голову склонилъ...
Но вдругъ затрясся, отскочилъ.
И вскрикнулъ, будто на змѣю
Поставилъ онъ пяту свою...
Увы! теперь онъ былъ-бы радъ,
Когда-бъ быстрѣй чѣмъ мысль, иль взглядъ,
Въ него проникъ смертельный ядъ!...

Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей,
Съ улыбкой вѣчной и нѣмой —
Вотъ что̀ узрѣлъ онъ предъ собой!

Густая, длинная коса,
Плечъ бѣломраморныхъ краса,
Разсыпавшись, къ сухимъ костямъ
Кой-гдѣ прилипнула... и тамъ,
Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кровавый червь — жилецъ могилъ!
. . . . . *

«Такъ вотъ все то, что я любилъ!
Холодный и бездушный прахъ,
Горѣвшій на моихъ устахъ,
Теперь безъ чувства, безъ любви
Сожмутъ объятія земли!
Душа прекрасная ее,
Принявъ другое бытіе,
Теперь паритъ въ странѣ святой,
И, какъ укоръ, передо мной
Ея минутной жизни слѣдъ.
Она погибла въ цвѣтѣ лѣтъ,
Средь тайныхъ мукъ, иль безъ тревогъ,
Когда и какъ — то знаетъ Богъ.
Онъ былъ отецъ, но былъ мой врагъ:
Тому свидѣтель этотъ прахъ,
Лишенный сѣни гробовой,
На свѣтѣ признанный лишь мной!

«Да! я преступникъ, я злодѣй —
Но казнь равна-ль винѣ моей?
Ни на землѣ, ни въ свѣтѣ томъ
Намъ не сойтись однимъ путёмъ...
Разлуки первый грозный часъ

* Точки въ подлинникѣ.

Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ!
О, еслибъ рай передо мной
Открытъ былъ властью неземной —
Клянусь, я прежде, чѣмъ вступилъ,
У вратъ священныхъ-бы спросилъ:
Найду-ли тамъ, среди святыхъ,
Погибшій рай надеждъ моихъ?
Творецъ! отдай ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, нѣжный взглядъ;
Отдай мнѣ свѣжія уста
И голосъ сладкій, какъ мечта,
Одинъ лишь слабый звукъ отдай!...
Что безъ нея земля и рай? —
Одни лишь звучныя слова,
Блестящій храмъ — безъ божества!...

«Теперь осталось мнѣ одно:
Иду! — куда? не все-ль равно:
Та иль другая сторона?
Здѣсь прахъ ея, но не она!
Иду отсюда навсегда
Безъ думъ, безъ цѣли и труда,
Одинъ, съ тоской во тмѣ ночной,
И вьюга слѣдъ завѣетъ мой!...»

КАЗНАЧЕЙША

—

1836

КАЗНАЧЕЙША.

Играй, да не отыгрывайся.
Пословица.

—

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Пускай слыву я старовѣромъ —
Мнѣ все равно, я даже радъ:
Пишу Онѣгина размѣромъ,
Пою, друзья, на старый ладъ.
Прошу послушать эту сказку!
Ея нежданную развязку
Одобрите, быть можетъ, вы
Склоненьемъ легкимъ головы.
Обычай древній наблюдая,
Мы благодѣтельнымъ виномъ
Стихи негладкіе запьемъ —
И пробѣгутъ они, хромая,
За мирною своей семьей
Къ рѣкѣ забвенья на покой.

I.

Т....въ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда;
Онъ прежде городъ былъ опальный,
Теперь-же, право, хоть куда!

Тамъ есть три улицы прямыя,
И фонари и мостовыя;
Тамъ два трактира есть: одинъ
Московскій, а другой Берлинъ;
Тамъ есть еще четыре будки,
При нихъ два будочника есть,
По формѣ отдаютъ вамъ честь,
И смѣна имъ два раза въ сутки;
. . . . . .
Короче! славный городокъ —

II.

Но скука, скука, Боже правый! —
Гоститъ и тамъ, какъ надъ Невой,
Поитъ васъ прѣсною отравой,
Ласкаетъ черствою рукой.
И тамъ есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И тамъ нѣтъ средства отъ глупцовъ
И музыкальныхъ вечеровъ;
И тамъ есть дамы — просто, чудо!
Діаны строгія въ чепцахъ,
Съ отказомъ вѣчнымъ на устахъ.
При нихъ нельзя подумать худо:
Въ глазахъ грѣховное прочтутъ,
И васъ осудятъ, проклянутъ.

III.

Вдругъ оживился кругъ дворянскій,
Губернскихъ дѣвъ нельзя узнать,
Пришло извѣстье: полкъ уланскій
Въ Т....вѣ будетъ зимовать.

Уланы!... Ахъ, какіе хваты!...
Полковникъ, вѣрно, неженатый,
А ужъ бригадный генералъ,
Конечно, дастъ блестящій балъ.
У матушекъ сверкнули взоры;
За то, несносные скупцы,
Неумолимые отцы
Пришли въ раздумье; сабли, шпоры —
Бѣда для крашеныхъ половъ...
Такъ волновался весь Т....въ.

IV.

И вотъ, однажды утромъ рано,
Въ часъ лучшій дѣвственнаго сна,
Когда чрезъ пелену тумана
Едва проглядываетъ Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотитъ аврора,
И, тишины извѣстный врагъ,
Еще безмолвствовалъ — кабакъ,
. . . . . .
. . . . . .
Уланы справа по-шести
Вступили въ городъ; музыканты,
Дремля на лошадяхъ своихъ,
Играли маршъ изъ *Двухъ Слѣпыхъ*.

V.

Услышавъ ласковое ржанье
Желанныхъ вороныхъ коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тутъ не запрыгало сильнѣй?

Забыта жаркая перина...
«Малашка, дура, Катерина!
«Скорѣе туфли и платокъ!
«Да гдѣ Иванъ? какой мѣшокъ!
«Два года ставни отворяютъ...»
Вотъ ставни настежь. Цѣлый домъ
Третъ стекла тусклыя сукномъ —
И любопытно пробѣгаютъ
Глаза опухшіе дѣвицъ
Ряды суровыхъ, пыльныхъ лицъ.

VI.

«Ахъ, посмотри сюда, кузина,
«Вотъ этотъ!» — Гдѣ? майоръ? — «О, нѣтъ!
Какъ онъ хорошъ, а конь — картина!
Да жаль, онъ, кажется, корнетъ...
Какъ ловко, смѣло избочился...
Повѣришь-ли, онъ мнѣ приснился...
Я послѣ не могла уснуть...»
И тутъ дѣвическая грудь
Косынку тихо поднимаетъ —
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взоръ живой.
Но полкъ прошелъ. За нимъ мелькаетъ
Толпа мальчишекъ городскихъ,
Немытыхъ, шумныхъ и босыхъ.

VII.

Противъ гостинницы Московской —
Притона буйныхъ усачей —
Жилъ нѣкто господинъ Бобковскій,
Губернскій старый казначей.

Давно былъ домъ его построенъ,
Хотя невзраченъ, но спокоенъ;
Межъ двухъ облупленныхъ колоннъ
Держался кое-какъ балконъ.
На кровлѣ треснувшія доски
Зеленымъ мохомъ поросли;
За то предъ окнами цвѣли
Четыре стриженыхъ березки,
Взамѣнъ гардинъ и пышныхъ сторъ —
Невинной роскоши уборъ.

VIII.

Хозяинъ былъ старикъ угрюмый,
Съ огромной лысой головой;
Отъ юныхъ лѣтъ съ казенной суммой
Онъ жилъ, какъ съ собственной казной.
Въ пучинахъ сумрачныхъ разсчета
Блуждать была его охота,
И потому онъ былъ игрокъ
(Его единственный порокъ).
Любилъ налѣво и направо
Онъ въ зимній вечеръ прометнуть,
Четвертый кушъ перечеркнуть,
Рутеркой понтирнуть со славой,
И талью скверную порой
Запить цимлянскаго струей.

IX.

Онъ былъ врагомъ трудовъ полезныхъ,
Трибунъ Т....скихъ удальцовъ,
Гроза всѣхъ матушекъ уѣздныхъ
И воспитатель ихъ сынковъ.

Его крапленыя колоды
Не разъ невинные доходы
Съ индѣекъ, масла и овса
Вдругъ пожирали въ полчаса.
Губернскій врачъ, судья, исправникъ —
Таковъ его всегдашній кругъ;
Послѣдній былъ дѣлецъ и другъ,
И за столомъ такой забавникъ,
Что казначейша иногда
Сгоритъ, бывало, со стыда.

X.

Я не повѣдалъ вамъ, читатель,
Что казначей мой былъ женатъ.
Благословилъ его Создатель,
Пославъ ему въ супругѣ кладъ.
Ее цѣнилъ онъ тысячъ во сто,
Хотя держалъ довольно просто
И не выписывалъ чепцовъ
Ей изъ столичныхъ городовъ.
Предавъ ей таинства науки,
Какъ бросить вздохъ, иль томный взоръ,
Чтобъ легче влюбчивый понтеръ
Не разглядѣлъ проворной штуки,
Межъ тѣмъ догадливый старикъ
Съ глазъ не спускалъ ее на мигъ.

XI.

И впрямъ, Авдотья Николавна
Была прелакомый кусокъ.
Идетъ, бывало, гордо, плавно —
Чуть тронетъ землю башмачокъ.

Въ Т....вѣ не запомнятъ люди
Такой высокой, полной груди:
Бѣла какъ сахаръ, такъ нѣжна,
Что жилка каждая видна.
Казалося, для нѣжной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну, что̀ такое бирюза?
Что̀ небо? Впрочемъ, я отчасти
Поклонникъ голубыхъ очей,
И не гожусь въ число судей.

XII.

А этотъ носикъ! эти губки —
Два свѣжихъ розовыхъ листка!
А перламутровые зубки,
А голосъ сладкій, какъ мечта!
Она картавя говорила,
Нечисто *р* произносила;
Но этотъ маленькій порокъ
Кто извинить-бы въ ней не могъ?
Любилъ трепать ея ланиты,
Разнѣжась, старый казначей.
Какъ жаль, что не было дѣтей
У нихъ! . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

XIII.

Для бо̀льшей ясности романа
Здѣсь объявить мнѣ вамъ пора,
Что страстно влюблена въ улана
Была одна ея сестра.

Она, какъ должно, тайну эту
Открыла Дунѣ по секрету.
Вамъ не случалось двухъ сестеръ
Замужнихъ слышать разговоръ?
О чемъ тутъ, Боже справедливый,
Не судятъ милыя уста!
О, русскихъ нравовъ простота!
Я, право, человѣкъ нелживый —
А изъ-за ширмовъ раза два
Такія слышалъ я слова...

XIV.

Итакъ Т.....ская красотка
Цѣнить умѣла ужъ усы
. . . . . .
. . . . . .
Что-жъ? — знаніе ее сгубило!
Одинъ уланъ, повѣса милый
(Я вмѣстѣ часто съ нимъ бывалъ),
Въ трактирѣ нумеръ занималъ
Окно въ окно съ ея уборной.
Онъ былъ мужчина въ тридцать лѣтъ;
Штабъ-ротмистръ; строенъ какъ корнетъ:
Взоръ пылкій, усъ довольно-черный,
Короче — идеалъ дѣвицъ,
Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ.

XV.

Онъ все отцовское имѣнье
Еще корнетомъ прокутилъ;
Съ тѣхъ поръ дарами провидѣнья,
Какъ птица божія, онъ жилъ.

Онъ спать, лежать привыкъ; не вѣдать
Чѣмъ будетъ завтра пообѣдать.
Шатаясь по Руси кругомъ
То на курьерскихъ, то верхомъ,
То полупьянымъ ремонтеромъ,
То волокитой отпускнымъ,
Привыкъ онъ къ случаямъ такимъ,
Что я-бы самъ почелъ ихъ вздоромъ,
Когда-бы всѣ его слова
Хоть тѣнь имѣли хвастовства.

XVI.

Страстьми земными несмущаемъ,
Онъ не терялся никогда
. . . . . .
. . . . . .
Бывало, въ дѣлѣ подъ картечью
Всѣхъ разсмѣшитъ надутой рѣчью,
Гримасой, фарсой площадной,
Иль неподдѣльной остротой.
Шутя однажды, послѣ спора,
Всадилъ онъ другу пулю въ лобъ;
Шутя и самъ онъ легъ-бы въ гробъ
. . . . . .
Порой, незлобенъ, какъ дитя,
Былъ добръ и честенъ, но шутя.

XVII.

Онъ не былъ тѣмъ, что̀ волокитой
У насъ привыкли называть;
Онъ не ходилъ тропой избитой,
Свой путь умѣя пролагать.

Не дѣлалъ странныхъ изъясненій,
Не становился на колѣни:
А не смотря на то, друзья!
Счастливѣй былъ, чѣмъ вы и я.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Таковъ-то былъ штабъ-ротмистръ Гаринъ:
По крайней мѣрѣ мой портретъ
Былъ схожъ тому назадъ пять лѣтъ.

XVIII.

Спѣшилъ о рѣдкостяхъ Т....ва
Онъ у трактирщика узнать.
Узналъ немало онъ смѣшнаго —
Интригъ секретныхъ шесть иль пять;
Узналъ, невѣсты какъ богаты,
Гдѣ свахи водятся, иль сваты;
Но занялъ болѣе всего
Мысль безпокойную его
Разсказъ о молодой сосѣдкѣ.
«Бѣдняжка!» думаетъ уланъ:
«Такой безжизненный болванъ
Имѣетъ право въ этой клѣткѣ
Тебя стеречь; и я, злодѣй,
Не тронусь участью твоей!»

XIX.

Къ окну поспѣшно онъ садится,
Надѣвъ персидскій архалукъ;
Въ устахъ его едва дымится
Узорный, бисерный чубукъ.

На кудри мягкія надѣта
Ермолка вишневаго цвѣта
Съ каймой и кистью золотой —
Даръ молдаванки молодой.
Сидитъ и смотритъ онъ прилежно...
Вотъ, промелькнувши, какъ во мглѣ,
Обрисовался на стеклѣ
Головки милой профиль нѣжный;
Вотъ будто стукнуло окно...
Вотъ отворяется оно.

XX.

Еще безмолвенъ городъ сонный,
На окнахъ блещетъ утра свѣтъ;
Еще по улицѣ мощеной
Не раздается стукъ каретъ...
Что-жъ казначейшу молодую
Такъ рано подняло? Какую
Назвать причину повѣрнѣй?
Ужъ не безсонница-ль у ней?...
На ручку опершись головкой,
Она вздыхаетъ, а въ рукѣ
Чулокъ; но дѣло не въ чулкѣ —
Заняться этимъ намъ неловко...
И если правду ужъ сказать,
Ну, кстати-ль было-бъ ей вязать?

XXI.

Сначала взоръ ея прелестный
Бродилъ по синимъ небесамъ,
Потомъ склонился къ поднебесной
И вдругъ — какой позоръ и срамъ!

Напротивъ, у окна трактира,
Сидитъ мужчина — безъ мундира.
Скорѣй, штабъ-ротмистръ, вашъ сюртукъ?
И по-дѣломъ... окошко стукъ...
И скрылось милое видѣнье.
Конечно, добрые друзья,
Такая грустная статья
На васъ навѣяла-бъ смущенье;
Но я отдамъ улану честь —
Онъ молвилъ: «Что-жъ? начало есть».

XXII.

Два дня окно не отворялось;
Онъ терпѣливъ. На третій день
На стеклахъ снова показалась
Ея плѣнительная тѣнь.
Тихонько рама заскрипѣла;
Она съ чулкомъ къ окну подсѣла.
Но опытный замѣтилъ взглядъ
Ея заботливый нарядъ.
Своей удачею довольный,
Онъ всталъ и вышелъ со двора —
И не вернулся до утра.
Потомъ, хоть было очень больно,
Собралъ запасъ душевныхъ силъ:
Три дня къ окну не подходилъ.

XXIII.

Но эта маленькая ссора
Имѣла участь нѣжныхъ ссоръ:
Межъ нихъ завелся очень скоро
Нѣмой, но внятный разговоръ.

Языкъ любви — языкъ чудесный,
Одной лишь юности извѣстный!
Кому, кто разъ хоть былъ любимъ,
Не сталъ ты языкомъ роднымъ?
Въ минуту страстнаго волненья
Кому хоть разъ ты не помогъ
Близъ милыхъ устъ, у милыхъ ногъ?
Кого подъ игомъ принужденья,
Въ толпѣ завистливой и злой,
Не спасъ ты, чудный и живой?

XXIV.

Скажу короче: въ двѣ недѣли
Нашъ Гаринъ твердо могъ узнать,
Когда она встаетъ съ постели,
Пьетъ съ мужемъ чай, идетъ гулять,
Отправится-ль она къ обѣдни —
Онъ въ церкви, вѣрно, не послѣдній;
Къ сырой колоннѣ прислонясь,
Стоитъ, все время не крестясь.
Лучомъ краснѣющей лампады
Его лицо озарено:
Какъ мрачно, холодно оно!
А испытующіе взгляды
То вдругъ померкнутъ, то блестятъ —
Проникнуть въ грудь ее хотятъ.

XXV.

Давно разрѣшено сомнѣнье,
Что любопытенъ нѣжный полъ.
Уланъ большое впечатлѣнье
На казначейшу произвелъ

Своею странностью. Конечно,
Не надо было-бъ мысли грѣшной
Дорогу въ сердце пролагать,
Ее бояться и ласкать!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Жизнь безъ любви такая скверность!
А что́, скажите, за предметъ
Для страсти мужъ, который сѣдъ?

XXVI.

Но время шло. «Пора къ развязкѣ!»
Такъ говорилъ любовникъ мой.
«Вздыхаютъ молча только въ сказкѣ,
А я не сказочный герой.»
Разъ входитъ, кланяясь пренизко,
Лакей. — Что это? — «Вотъ-съ записка;
Вамъ баринъ кланяться велѣлъ-съ;
Самъ не пріѣхалъ: много дѣлъ-съ;
Да приказалъ васъ звать къ обѣду,
А вечеркомъ потанцовать. —
Онъ самъ изволилъ такъ сказать.»
— Ступай, скажи, что я пріѣду. —
И въ три часа, надѣвъ колетъ,
Летитъ штабъ-ротмистръ на обѣдъ.

XXVII.

Амфитріонъ былъ предводитель —
И въ день рожденія жены,
Порядка ревностный блюститель,
Созвалъ губернскіе чины

И цѣлый полкъ. Хотя бригадный,
Заставилъ ждать себя изрядно,
И послѣ цѣлый день зѣвалъ,
Но праздникъ въ томъ не потерялъ;
Онъ былъ устроенъ очень мило:
Въ огромныхъ вазахъ по столамъ
Стояли яблоки для дамъ;
А для мужчинъ въ буфетѣ было
Еще съ утра принесено
Въ большихъ трехъ ящикахъ вино.

XXVIII.

Впередъ подъ-ручку съ генеральшей
Пошелъ хозяинъ. Вотъ за столъ
Усѣлся отъ мужчинъ подальше
Прекрасный, но стыдливый полъ,
И дружно загремѣлъ съ балкона,
Средь утѣшительнаго звона
Тарелокъ, ложекъ и ножей,
Весь хоръ уланскихъ трубачей.
Обычай древній, но прекрасный:
Онъ возбуждаетъ аппетитъ,
Порою кстати заглушитъ
Межъ двухъ сосѣдей говоръ страстный;
Но въ наше время рѣшено,
Что все старинное — смѣшно.

XXIX.

Родовъ, обычаевъ боярскихъ
Теперь и слѣду не ищи,
И только на пирахъ гусарскихъ
Гремятъ, какъ прежде, трубачи.

О! скоро-ль мнѣ придется снова
Сидѣть среди кружка родного,
Съ бокаломъ влаги золотой,
При звукахъ пѣсни полковой?
И скоро-ль ментиковъ червонныхъ
Привѣтный блескъ увижу я,
Въ тотъ сѣрый часъ, когда заря
На строй гусаровъ полусонныхъ
И на бивакъ ихъ, у лѣска,
Бросаетъ лучъ исподтишка?

XXX.

Съ Авдотьей Николавной рядомъ
Сидѣлъ штабъ-ротмистръ удалой:
Впился въ нее упрямымъ взглядомъ,
Крутя усы одной рукой.
Онъ видѣлъ, какъ въ ней сердце билось...
И вдругъ — не знаю, какъ случилось,
Ноги ея, иль башмачка,
Коснулся шпорой онъ слегка.
Тутъ начался извиненья
И завязался разговоръ;
Два комплимента, нѣжный взоръ —
И ужъ дошло до изъясненья...
Да, да, какъ честный офицеръ!
Но казначейша не примѣръ.

XXXI.

Она, въ отвѣтъ на нѣжный шопотъ,
Нѣмой восторъ спѣша сокрыть,
Невинной дружбы тяжкій опытъ
Ему рѣшилась предложить —

Таковъ обычай деревенскій!
Помучить — способъ самый женскій.
Но ужъ давно извѣстна намъ
Любовь друзей и дружба дамъ!
Какое адское мученье
Сидѣть весь вечеръ tête-à-tête,
Съ красавицей въ осьмнадцать лѣтъ!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

XXXII.

Вобще, я могъ, въ году послѣднемъ,
Въ дѣвицахъ нашихъ городскихъ
Замѣтить страсть къ воздушнымъ бреднямъ
И мистицизму. Бойтесь ихъ!
Такая мудрая супруга,
Въ часы любовнаго досуга,
Вамъ вдругъ захочетъ доказать,
Что 2 и 3 совсѣмъ не пять,
Иль, вмѣсто пламенныхъ лобзаній,
Магнитизировать начнетъ —
И счастливъ мужъ, коли заснетъ!...
Плоды подобныхъ замѣчаній,
Конечно-бъ, могъ не вѣдать міръ,
Но польза, польза — мой кумиръ.

XXXIII.

Я балъ описывать не стану,
Хоть это былъ блестящій балъ.
Весь вечеръ моему улану
Амуръ прилежно помогалъ.

Увы! . . . . . .
Не вѣруютъ Амуру нынѣ:
Забытъ любви волшебный царь;
Давно остылъ его алтарь!
Но за столичнымъ просвѣщеньемъ
Провинціалы не спѣшатъ;
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

XXXIV.

И сердце Дуни покорилось;
Его сковалъ могучій взоръ...
Ей дома цѣлу ночь все снилось
Бряцанье сабли или шпоръ.
Поутру, вставъ часу въ девятомъ,
Садится въ шлафорѣ измятомъ
Она за вѣчную канву —
Все тотъ-же сонъ и наяву.
По службѣ занятъ мужъ ревнивый,
Она одна — разгулъ мечтамъ!
Вдругъ дверью стукнули. «Кто тамъ?
Андрюшка! Ахъ, тюлень лѣнивый!...»
Вотъ чей-то шагъ — и передъ ней
Явился... только не Андрей.

XXXV.

Вы отгадаете, конечно,
Кто этотъ гость нежданный былъ.
Немного, можетъ быть, поспѣшно
Любовникъ смѣлый поступилъ;

Но, впрочемъ, взявши въ разсмотрѣнье
Его минувшее терпѣнье,
И разсудивъ, легко поймешь,
Зачѣмъ рискуетъ молодёжь.
Кивнувъ легонько головою,
Онъ къ Дунѣ молча подошелъ,
И на лицо ея навелъ
Взоръ, отуманенный тоскою;
Потомъ сталъ длинный усъ крутить,
Вздохнулъ и началъ говорить:

XXXVI.

«Я вижу, вы меня не ждали —
Прочесть легко изъ вашихъ глазъ;
Ахъ! вы еще не испытали,
Что̀ въ страсти значитъ день, что̀ часъ!
Среди сердечнаго волненья
Нѣтъ силъ, нѣтъ власти, нѣтъ терпѣнья.
Я здѣсь — на все рѣшился я...
Тебѣ я преданъ... ты моя!
Ни мелочные толки свѣта,
Ничто, ничто не страшно мнѣ;
Презрѣнье свѣтской болтовнѣ —
Иль я умру отъ пистолета...
О, не пугайся, не дрожи!
Вѣдь я любимъ — скажи, скажи!...»

XXXVII.

И взоръ его притворно-скромный,
Склоняясь къ ней, то угасалъ,
То, разгараясь страстью томной,
Огнемъ сверкающимъ пылалъ.

Блѣдна, въ смущеньи оставалась
Она предъ нимъ... Ему казалось,
Что чрезъ минуту для него
Любви наступитъ торжество...
Какъ вдругъ внезапный и невольный
Стыдъ овладѣлъ ея душой —
И, вспыхнувъ вся, она рукой
Толкнула прочь его: «Довольно!
Молчите, слушать не хочу!
Оставите-ль? я закричу!»

XXXVIII.

Онъ смотритъ: это не притворство,
Не шутки — какъ ни говори —
А просто, женское упорство,
Капризы — чортъ ихъ побери!
И вотъ... о, верхъ всѣхъ униженій!
Штабъ-ротмистръ преклонилъ колѣни
И молитъ жалобно... Какъ вдругъ
Дверь настежь — и въ дверяхъ супругъ.
Красотка «ахъ!» Они взглянули
Другъ другу сумрачно въ глаза;
Но молча разнеслась гроза,
И Гаринъ вышелъ. Дома пули
И пистолеты снарядилъ,
Присѣлъ и трубку закурилъ.

XXXIX.

И черезъ часъ ему приноситъ
Записку грязную лакей.
Что это? чудо! Нынче проситъ
Къ себѣ на вистикъ казначей:

Онъ именинникъ — будутъ гости...
Отъ удивленія и злости
Чуть не задохся нашъ герой.
Ужъ не обманъ-ли тутъ какой?
Весь день проводитъ онъ въ волненьи.
Насталъ и вечеръ наконецъ.
Глядитъ въ окно: каковъ хитрецъ!
Домъ полонъ; что за освѣщенье!
А все — засунуть, или нѣтъ,
Въ карманъ, на случай, пистолетъ?

XL.

Онъ входитъ въ домъ. Его встрѣчаетъ
Она сама, потупя взоръ.
Вздохъ полновѣсный прерываетъ
Едва начатый разговоръ.
О сценѣ утренней ни слова.
Они другъ друга чужды снова.
Онъ о погодѣ говоритъ;
Она — «да-съ», «нѣтъ-съ», и замолчитъ...
Измученъ тайною досадой,
Идетъ онъ дальше въ кабинетъ...
Но здѣсь спѣшить намъ нужды нѣтъ,
Притомъ спѣшить нигдѣ не надо.
Итакъ, позвольте отдохнуть,
А тамъ докончимъ какъ нибудь.

XLI.

Я жить спѣшилъ въ былые годы
Искалъ волненій и тревогъ;
Законы мудрые природы
Я безразсудно пренебрегъ.

Что-жъ вышло? Право, смѣхъ и жалость!
Сковала душу мнѣ усталость,
А сожалѣнье день и ночь
Твердитъ о прошломъ. Чѣмъ помочь?
Назадъ не возвратятъ усилья.
Такъ въ клѣткѣ молодой орелъ,
Глядя на горы и на долъ,
Напрасно не подъемлетъ крылья,
Кровавой пищи не клюетъ,
Сидитъ, молчитъ и смерти ждетъ.

XLII.

Ужель исчезъ ты возрастъ милый,
Когда все сердцу говоритъ,
И бьется сердце съ дивной силой,
И мысль восторгами кипитъ?
Не все-жъ томиться безполезно
Орлу за клѣткою желѣзной.
Онъ свой воздушный прежній путь
Еще найдетъ когда нибудь,
Туда, гдѣ снѣгомъ и туманомъ
Одѣты темныя скалы,
Гдѣ гнѣзда вьютъ одни орлы,
Гдѣ тучи бродятъ караваномъ —
Тамъ можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь!

XLIII.

Но есть всему конецъ на свѣтѣ,
И даже выспреннимъ мечтамъ.
Ну, къ дѣлу. Гаринъ въ кабинетѣ...
О, чудеса! Хозяинъ самъ

Его встрѣчаетъ съ восхищеньемъ.
Сажаетъ, подчуетъ вареньемъ,
Несетъ шампанскаго стаканъ.
«Іуда!» мыслитъ мой уланъ.
Толпа гостей тѣснилась шумно
Вокругъ зеленаго стола;
Игра ужъ дѣльная была,
И банкъ притомъ благоразумный.
Его держалъ самъ казначей
Для облегченія друзей.

XLIV.

И такъ какъ господинъ Бабковскій
Великимъ дѣломъ занятъ самъ,
То здѣсь блестящій кругъ Т....ій
Позвольте мнѣ представить вамъ.
Во-первыхъ, господинъ совѣтникъ,
Блюститель нравовъ, мирный сплетникъ,
. . . . . .
. . . . . .
А вотъ уѣздный предводитель,
Весь спрятанъ въ галстухъ — фракъ до пятъ,
Дискантъ, усы и мутный взглядъ;
А вотъ спокойствія рачитель,
Сидитъ и самъ исправникъ... но
О немъ ужъ я сказалъ давно.

XLV.

Вотъ въ полуфрачкѣ, раздушеный,
Временъ новѣйшихъ Митрофанъ;
Нетесаный, недоученый,
А ужъ безнравственный болванъ!

Довѣрье полное имѣя
Къ игрѣ и знанью казначея,
Онъ понтируетъ какъ велятъ —
И этой чести очень радъ.
Еще тутъ были... но довольно,
Читатель милый, будетъ съ васъ;
И такъ несвязный мой разсказъ,
Перу покорствуя невольно
И своенравію чернилъ,
Богъ знаетъ, чѣмъ я испестрилъ.

XLVI.

Пошла игра. Одинъ, блѣднѣя,
Рвалъ карты, вскрикивалъ; другой,
Повѣрить проигрышъ не смѣя,
Сидѣлъ съ поникшей головой.
Иные, при удачной тальи,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкометъ
Былъ нѣмъ и мраченъ. Хладный потъ
По гладкой лысинѣ струился.
Онъ все проигрывалъ до-тла.
Въ ушахъ его *дана*, *взяла*
Такъ и звучали. Онъ взбѣсился —
И проигралъ свой старый домъ,
И все, что̀ въ немъ, или при немъ.

XLVII.

Онъ проигралъ коляску, дрожки,
Трехъ лошадей, два хомута,
Всю мебель, женщины сережки,
Короче — все, все до-чиста.

Отчаянный и злости полный,
Сидѣлъ онъ блѣдный и безмолвный.
Ужъ было за́-полночь. Треща,
Одна погасла ужъ свѣча.
Свѣтъ утра синевато-блѣдный
Вдоль по туманнымъ небесамъ
Скользилъ. Ужъ многимъ игрокамъ
Сонъ прогулять казалось вредно,
Какъ вдругъ, очнувшись, казначей
Вниманья проситъ у гостей.

XLVIII.

И проситъ важно позволенья,
Лишь только прометнуть одну,
Но съ тѣмъ, чтобъ отыграть имѣнье
Иль «проиграть ужъ и жену».
О, страхъ! о, ужасъ! о, злодѣйство!
И какъ донынѣ казначейство
Еще терпѣть его могло!
Всѣхъ будто варомъ обожгло.
Уланъ одинъ прехладнокровно
Къ нему подходитъ. «Очень радъ!»
Онъ говоритъ: «пускай шумятъ;
Мы дѣло кончимъ полюбовно;
Но только, чуръ, не плутовать —
Иначе, вамъ не сдобровать!»

XLIX.

Теперь кружокъ понтеровъ праздныхъ
Вообразить прошу я васъ,
Цвѣта ихъ лицъ разнообразныхъ,
Блистанье ихъ очковъ и глазъ,

Потомъ усастаго героя,
Который понтируетъ стоя.
Противъ него, межъ двухъ свѣчей,
Огромный лобъ, сѣдыхъ кудрей
Покрытый рѣдкими клочками,
Улыбкой вытянутый ротъ
И двѣ руки съ колодой, — вотъ
И вся картина передъ вами,
Когда прибавимъ, вдалекѣ,
Жену на креслахъ, въ уголкѣ.

L.

Что̀ въ ней тогда происходило —
Я не берусь вамъ объяснить;
Ея лицо изобразило
Такъ много мукъ, что, можетъ быть,
Когда-бы вы ихъ разгадали,
Вы по неволѣ-бъ зарыдали.
Но пусть участія слеза
Не отуманитъ вамъ глаза.
Смѣшно участье въ человѣкѣ,
Который жилъ и знаетъ свѣтъ!
Разсказы вымышленныхъ бѣдъ
Въ чувствительномъ прошедшемъ вѣкѣ
Не мало проливали слезъ...
Кто-жъ въ этомъ выигралъ? — вопросъ.

LI.

Недолго битва продолжалась.
Уланъ отчаянно игралъ,
Надъ старикомъ судьба смѣялась —
И жребій выпалъ... часъ насталъ...

Тогда Авдотья Николавна,
Вставъ съ креселъ, медленно и плавно
Къ столу, въ молчаньи, подошла —
Но только цвѣтъ ея чела
Былъ страшно блѣденъ. Обомлѣла
Толпа. Всѣ ждутъ чего нибудь —
Упрековъ, жалобъ, слезъ... Ни чуть!
Она на мужа посмотрѣла
И бросила ему въ лицо
Свое вѣнчальное кольцо, —

LII.

И въ обморокъ. Ее въ охапку
Схвативъ, съ добычей дорогой,
Забывъ разсчеты, саблю, шапку,
Уланъ отправился домой...
Поутру вѣстію забавной
Смущенъ былъ городъ благонравный.
Недѣлю цѣлую спустя,
Кто очень важно, кто шутя,
Объ этомъ всѣ распространялись.
Старикъ защитниковъ нашелъ;
Улана проклялъ милый полъ —
За что, — мы, право, не дознались.
Не зависть-ли? Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Ухъ! я не выношу клеветъ.

LIII.

И вотъ конецъ печальной были,
Иль сказки — выражусь прямѣй.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали дѣйствія страстей?

Повсюду ищутъ нынѣче драмы,
Всѣ просятъ крови — даже дамы.
А я, какъ робкій ученикъ,
Остановился въ лучшій мигъ;
Простымъ, нервическимъ припадкомъ
Неловко сцену заключилъ,
Соперниковъ не помирилъ,
И не поссорилъ ихъ порядкомъ...
Что-жъ дѣлать!... Вотъ вамъ мой разсказъ,
Друзья, покамѣстъ будетъ съ васъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ СОЧИНЕНІЙ ЛЕРМОНТОВА.

—

Первый вопросъ, который задастъ себѣ каждый, конечно, будетъ состоять въ слѣдующемъ: чѣмъ отличается это изданіе отъ предшествовавшихъ?

Удовлетворяемъ этому требованію.

Въ прежнее время, издавая полное собраніе сочиненій какого нибудь автора, издатели обыкновенно брали на себя трудъ, по своему усмотрѣнію, разбить произведенія поэта на множество отдѣловъ, раздѣленій и подраздѣленій: элегій, одъ, сатиръ, посланій, поэмъ, антологическихъ стихотвореній и проч. и проч. Невольно рождался вопросъ: съ какою цѣлью производилось это насильственное размежеваніе, и кому отдавали издатели отчетъ въ этихъ схоластическихъ категоріяхъ? Дѣлалось все это съ цѣлью возвысить автора, о которомъ можно было сказать, что онъ писалъ во всѣхъ родахъ: сатиры и элегіи, оды и посланія, комедіи и трагедіи, драмы и повѣсти.

Эта форма изданій пала вслѣдствіе того, что теорія поэзіи признала только три главные рода поэтическихъ произведеній: лирику, эпическій разсказъ и драму.

Но и эта форма изданій, истинная въ теоретическомъ отношеніи, оказалась на практикѣ мало удобною, потому что не всегда объясняла автора; а въ этомъ, мы полагаемъ, и состоитъ главная цѣль хорошаго изданія. Авторъ могъ быть преимущественно драматургомъ, могъ писать во всѣхъ родахъ, но имѣть значеніе поэта лирическаго. Какъ быть: лирика признается теоріей, какъ низшая ступень искусства, вѣнецъ котораго въ драмѣ. Авторъ могъ начать свою дѣятельность поэмами или драмами (случай съ Лермонтовымъ)

и окончить ее лирическими произведеніями: на основаніи теоріи трехъ отдѣловъ пришлось-бы, къ концу книги, а повидимому и дѣятельности поэта, печатать самыя незрѣлыя и дѣтскія произведенія.

Въ этомъ случаѣ здравый смыслъ указывалъ на хронологическій порядокъ, а исторія литературы указывала на необходимость его, какъ единственнаго средства для уясненія развитія таланта. Мы приняли этотъ порядокъ при изданіи Лермонтова, хотя въ примѣненіи къ нашему поэту и здѣсь нужно было нѣсколько измѣненій, на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Для поясненія развитія какого нибудь таланта, начали отыскивать всюду и все, что̀ онъ писалъ; это повело къ тому, что издатели включали въ полное собраніе стихотворенія, которыя самъ авторъ при жизни не печаталъ, считая ихъ слабыми и недостойными явиться въ свѣтъ. Потомъ начали отыскивать и печатать всѣ юношескія упражненія и даже дѣтскія сочиненія автора... матеріалы, изъ которыхъ впослѣдствіи выработались, можетъ быть, два-три стихотворенія. Эти матеріалы совершенно загромоздили то немногое, но уже отдѣланное, что̀ составило имя автору; вмѣсто поясненія писателя часто затемняли смыслъ его, потому что относили произвольно къ тому или другому году стихотвореніе первой молодости, отрывокъ, недоконченную картину.

Все это дѣлалось и дѣлается съ самою похвальною цѣлью; только результатъ не оправдываетъ этихъ стараній. Пока, напримѣръ, Лермонтовъ былъ живъ, онъ былъ извѣстенъ публикѣ по тоненькой книжкѣ перваго изданія его стихотвореній и по «Герою нашего времени». Публика была въ восторгѣ отъ его поэзіи, отъ его стиха и отъ его прозы. Личность Лермонтова рисовалась необыкновенно рельефно на нашемъ литературномъ горизонтѣ, и публика вѣрила, что каждый его стихъ, если являлся въ печати, то былъ достоинъ того. Такъ пріучилъ ее поэтъ, пять лѣтъ — только пять лѣтъ! — печатавшій свои произведенія въ журналахъ, и подъ своимъ именемъ. Выборъ пьесъ его былъ строгъ. Такъ, онъ не внесъ въ первое изданіе своихъ стихотвореній: цѣлыя тетради лирическихъ произведеній, «Казначейшу» и «Хаджи-Абрека», уже напечатанныхъ безъ его вѣдома, «Измаилъ-Бея», «Боярина Оршу», поэму «Ангелъ смерти», «Маскарадъ» и другія драмы, уже написанныя имъ, но которыя онъ тщательно скрывалъ. Вдругъ, со смертью Лермонтова, начинается чуть не наводненіе его стихотвореній, сначала достойныхъ печати, которыя онъ самъ присылалъ съ Кавказа или которыя были найдены въ его записной книжкѣ, потомъ юношескихъ произведеній 1831 — 1834 годовъ, произведеній отысканныхъ

въ его тетрадяхъ. Эти юношескія поэмы, драмы и другія стихотворенія совершенно поглотили тѣ отдѣланныя произведенія, которыми дорожилъ самъ поэтъ и которыя составили его славу... Юношескія произведенія Лермонтова!... да онъ умеръ почти юношей, потому что ему тогда (въ 1841 г.) былъ только двадцать-седьмой годъ.

Такимъ образомъ, въ хронологическомъ порядкѣ стихотвореній Лермонтова, оказалось необходимымъ сдѣлать два главныя подраздѣленія: то, что̀ самимъ Лермонтовымъ было напечатано, что̀ онъ считалъ достойнымъ явиться въ печати, отдѣлить отъ того, что̀ напечатано послѣ его смерти изъ его раннихъ произведеній.

Подраздѣленіе на лирическія стихотворенія, повѣсти и драмы, нейдетъ къ Лермонтову, потому что драмы его принадлежатъ къ юношескимъ произведеніямъ, тогда какъ въ теоріи драма есть вѣнецъ искусства. Лермонтовъ лирикъ по преимуществу, вездѣ лирикъ — и въ повѣсти и въ драмѣ. Художническій элементъ такой сильный въ немъ, что̀ видно изъ «Сказки о купцѣ Калашниковѣ», изъ «Бородина», изъ «Сказки для дѣтей», изъ мастерства въ рисункѣ характеровъ, каковы: Максимъ Максимычъ, Бэла, изъ картинности пейзажей,—все-таки былъ всюду заглушенъ исключительнымъ лиризмомъ. Годы, нѣтъ никакого сомнѣнія, взяли-бы свое, отрезвили-бы этотъ исключительный потокъ лирическаго порыва; но Лермонтову не суждено было достигнуть зрѣлой поры творчества: онъ палъ на дуэли въ то время, когда, если можно судить по «Сказкѣ для дѣтей», прежніе идеалы начинали казаться ему дѣтскими. Къ чему-же, въ такомъ случаѣ, подраздѣленіе на лирическія стихотворенія, повѣсти, драмы?

Вслѣдствіе всего этого, порядокъ принятъ нами въ изданіи хронологическій. Мы всего болѣе хлопотали надъ возстановленіемъ его; а потомъ мы его подраздѣлили на два главные отдѣла. *Первый отдѣлъ* (и томъ) заключаетъ всѣ стихотворенія Лермонтова, отъ первыхъ попытокъ до полнаго образованія лермонтовскаго стиха и прозы. Найденныя нами тетради Лермонтова и многія стихотворенія дѣлаютъ весь художническій, постепенно развивающійся трудъ поэта почти наглядным и во многихъ случаяхъ замѣняютъ недостаточныя біографическія свѣдѣнія. Чтобы не перерывать рядъ мелкихъ стихотвореній большими произведеніями, мы сочли необходимымъ сдѣлать въ этомъ томѣ еще два подраздѣленія: въ одномъ собрали всѣ мелкія лирическія стихотворенія, а въ другомъ помѣстили драмы и поэмы. *Второй отдѣлъ* (и томъ) заключаетъ все то, что̀ самъ Лермонтовъ печаталъ или признавалъ годнымъ

къ печати. Сюда-же мы отнесли и тѣ немногія стихотворенія *послѣднихъ годовъ* его дѣятельности, которыя были: 1) пропущены въ изданіи 1840 года, 2) напечатаны самимъ Лермонтовымъ уже по выходѣ этого изданія и 3) напечатаны послѣ смерти поэта по его рукописямъ.

---

1) Къ стр. 5, 8 и 17. «Черкесы», повѣсть въ стихахъ, принадлежитъ къ самымъ раннимъ произведеніямъ Лермонтова. Къ тому-же времени принадлежатъ «Кавказскій плѣнникъ», и «Корсаръ». Обѣ эти пьесы названы *сочиненіями* Лермонтова въ тетради, которую мы видѣли. Тщательно выведенный заголовокъ, также старательно разрисованная виньетка: два пистолета, на-крестъ сложенные, кучка ядеръ и надъ ними надпись: *Черкесы* — все еще дышетъ желаніемъ столько-же, можетъ быть, блеснуть правописаніемъ, сколько и самыми поэмами. Тутъ-же нарисованъ дѣтской рукой ландшафтъ: горы Кавказа съ удивительно-синимъ небомъ и рыжими по немъ полосами, должно быть, въ знакъ бури, и въ этихъ горахъ черкесъ, быстро скачущій на конѣ, и русскій, убитый на-повалъ. Очевидно, что вся книжка приготовлена для представленія родственникамъ и потому такъ тщательно иллюстрирована. Самая поэма «Кавказскій плѣнникъ» раздѣлена на три части и написана дотого подъ вліяніемъ поэмы Пушкина, что въ двухъ первыхъ частяхъ она даже похожа на перифразъ ея. Въ концѣ поэмы, у Пушкина, русскій бѣжитъ изъ плѣна и спасается,—у Лермонтова отецъ черкешенки убиваетъ плѣнника; у Лермонтова, также какъ и у Пушкина, черкешенка бросается въ Терекъ. Какъ-бы то ни было, воображеніе Лермонтова, еще мальчика, должно быть, сильно было поражено поэмою Пушкина, что онъ написалъ подобную передѣлку. Читатель видитъ, что изъ этой поэмы напечатаны только отрывки. Этотъ планъ принятъ нами для всѣхъ пьесъ, которыя не представляютъ ничего новаго въ развитіи таланта Лермонтова, и потому составляли-бы лишній грузъ въ изданіи. Все, что̀ въ нихъ есть лучшаго, представлено нами въ приведенныхъ отрывкахъ. Печатать-же дѣтскія произведенія вполнѣ, для одного счета, мы не видѣли никакой необходимости.

Въ «Корсарѣ» видимъ то-же самое подражаніе, что̀ и въ «Кавказскомъ плѣнникѣ»: Корсаръ скитается по бѣлу свѣту; его преслѣдуетъ холодность ко всему и обманъ вездѣ. Онъ бѣжалъ на Дунай, гдѣ вскорѣ былъ названъ атаманомъ корсаровъ. — Пиры съ шайкой и набѣги. Въ третьей части — «Корсаръ» въ трехъ час-

тяхъ — описывается буря. Греческій корабль разбивается у береговъ и, въ числѣ выброшенныхъ на берегъ, корсаръ встрѣчаетъ гречанку, въ которую, конечно, и влюбляется. Тѣмъ и кончается повѣсть, вся написанная стихами.

2) Къ стр. 92. Въ нѣкоторыхъ спискахъ это стихотвореніе читается:

Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Неправдой истину зови,
Зови надежду сновидѣньемъ,
Но вѣрь, о вѣрь моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего;
Ты неспособна лицемѣрить:
Ты слишкомъ ангелъ для того!

3) Къ стр. 96. Подробности о стихотвореніяхъ, напечатанныхъ на стр. 89 — 96, находятся въ запискахъ дамы (Е. А. Хв.), помѣщенныхъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1857 г., № 18, подъ заглавіемъ: «Воспоминанія о Лермонтовѣ».

4) Къ стр. 96. Трагедія эта въ пяти дѣйствіяхъ. Несмотря на нѣмецкое заглавіе, пьеса взята изъ русской жизни. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ одного изъ дѣйствующихъ лицъ — старушки Громовой. Въ трагедіи слѣдующія дѣйствующія лица: бабушка Марѳа Ивановна 80 лѣтъ, два ея сына, внукъ и двѣ внучки. Мы слышали, что эта трагедія имѣетъ нѣкоторое біографическое значеніе. Здѣсь главное дѣйствующее лицо — внукъ, Юрій Николаевичъ, влюбленный въ кузину. Онъ находится въ странномъ положеніи: бабушка не любитъ его отца, не видно почему и, кажется, только по сплетнямъ своей старой горничной, Дарьи. Отецъ Юрія бѣденъ, бабушка богата; отецъ требуетъ, чтобъ сынъ жилъ съ нимъ; бабушка желаетъ, чтобъ Юрій оставался у нея жить. Въ одномъ мѣстѣ Юрій говоритъ: «Надо ѣхать къ отцу, но отецъ едва можетъ прокормить себя. О, какую глупость я сдѣлалъ! но тутъ нѣтъ поправки, нѣтъ дороги, которая вывела-бы изъ сего лабиринта». Однако передумываетъ: «Лучше ѣсть сухой хлѣбъ и пить воду въ кругу людей любезныхъ сердцу, нежели здѣсь веселиться среди змѣй и, пируя за столомъ, думать, что каждое роскошное блюдо куплено насчетъ кровавой слезы отца моего... Это ужасно! это адское дѣло!» Сплетенная любовная интрига не имѣетъ никакого литературнаго значенія. Старушка Громова представлена въ трагедіи сварливою;

она безпрестанно бьетъ горничныхъ по щекамъ. Въ концѣ трагедіи отецъ проклинаетъ сына и тотъ отравляется.

5) Къ стр. 99. Повѣсть не кончена. Дѣйствіе происходитъ около Неаполя. Джуліо влюбленъ въ Лору, Лора — въ него; но вскорѣ Джуліо бросаетъ Лору и ѣдетъ скитаться по свѣту, томимый тоской — отчего и какой тоской, изъ повѣсти не видно. Ни Парижъ, ни Швейцарія, ни Рейнъ — ничто его не развлекло. Наконецъ, мы его встрѣчаемъ въ рудникахъ Швеціи.

6) Къ стр. 105 и 106. Оба стихотворенія написаны въ апрѣлѣ 1831 года. Они были напечатаны въ Библ. для Чтенія 1844 г., № 6, подъ произвольными заглавіями: «*Звѣзда*» и «*Въ альбомъ (подражаніе Байрону)*».

Не имѣя достаточныхъ основаній для точнаго обозначенія года, мы поставили надъ этимъ отдѣломъ 1830 — 1831 г., какъ было на имѣющихся у насъ тетрадяхъ. Уже по отпечатаніи тома получены нами еще рукописи Лермонтова, на основаніи которыхъ слѣдуетъ отнести къ 1830 году всѣ стихотворенія, напечатанныя на стр. 119—128 и 153*.

7) Къ стр. 109. Первый очеркъ того стихотворенія, которымъ Лермонтовъ впослѣдствіи обратилъ на себя вниманіе публики. Оно отдѣлано окончательно только въ 1837 г.

8) Къ стр. 130. При окончаніи этого отрывка, рукою Лермонтова написано: «Я хотѣлъ писать эту поэму въ стихахъ, но нѣтъ — въ прозѣ лучше».

9) Къ стр. 163. Содержаніе повѣсти въ стихахъ «*Литвинка*» неестественно въ историческомъ смыслѣ дотого, что она кажется подражаніемъ или передѣлкой на русскіе нравы нѣмецкой баллады. «Литвинку» можно назвать первымъ очеркомъ «Боярина Орши». Арсеній, боярынъ, грозный и суровый, живетъ въ дѣдовскомъ замкѣ. Жена его въ часы разлуки съ мужемъ играетъ на лютнѣ и ожидаетъ Арсенія съ войны. Боярынъ возвращается въ свой замокъ и привозитъ съ собою красавицу-плѣнницу, литвинку. Жену отдаетъ въ монастырь, а литвинка дѣлается хозяйкой замка. Но Арсеній замѣчаетъ, что она скучна. Однажды вечеромъ стучатся у воротъ двое путешественниковъ; ихъ впускаютъ, и Клара (литвинка) узнаетъ въ одномъ изъ нихъ прекраснаго юношу, котораго любила

* См. оглавленіе стихотвореній 1830 и 1831 г.

еще въ Литвѣ. Она смущена, не можетъ вынести взгляда черныхъ глазъ своего менестреля (литвинъ поётъ) и уходитъ въ комнату. Ночь. Отворяется окно. Литвинка бѣжитъ, и Арсеній остается одинъ. Онъ дѣлается еще мрачнѣе; еще болѣе возненавидѣлъ людей, ищетъ смерти въ сраженіи съ литвинами, которыми, какъ оказалось, предводительствуетъ Клара. Его убиваютъ.

Стихъ мѣстами гладокъ.

10) Къ стр. 166. Въ этомъ аулѣ, между Машукомъ и Бешту, живутъ два брата: Акбулатъ и Селимъ. Селимъ, меньшой братъ, обязанъ былъ старшему всѣмъ. Оба брата жили нелюдимо, въ землянкѣ. Однажды старшій изъ набѣга привезъ себѣ въ жены красавицу Зару. Въ нее влюбляется младшій братъ и требуетъ у старшаго, чтобъ онъ уступилъ ему жену. Тотъ, конечно, отказываетъ. Селимъ объясняется въ любви Зарѣ, но та отвѣчаетъ ему, что любитъ Акбулата и будетъ ему вѣрна до смерти.

Тогда Селимъ замышляетъ убить Зару и сжечь саклю Акбулата. И то и другое онъ исполняетъ. Отъ аула Бастунджи остался одинъ пепелъ...

11) Къ стр. 168. Мулла говоритъ Аджи, что онъ долженъ отмстить Акбулату за смерть отца, матери и брата, погибшихъ отъ руки Акбулата, и благословляетъ Аджи на месть. Ночью Аджи пробрался въ саклю Акбулата, убилъ старика, сына и наконецъ красавицу-дочь. Возвратившись въ аулъ, онъ убилъ и муллу, подавшаго ему такой совѣтъ. И съ тѣхъ поръ въ горахъ показался безвѣстный странникъ. Въ повѣсти всего VI главъ, скорѣе набросанныхъ, нежели отдѣланныхъ.

Доставленіемъ свѣдѣній объ этихъ трехъ поэмахъ (примѣч. 9, 10 и 11), а равно и о драмѣ: «Menschen und Leidenschaften», мы обязаны г. Хохрякову.

12) Къ стр. 190. Стихотвореніе это было помѣщено Лермонтовымъ въ рукописномъ журналѣ, издававшемся зимой 1834 года въ юнкерской школѣ. Тамъ-же были помѣщены: *Уланша*, *Монго* и *Юнкерская молитва*. Юнкерскій эскадронъ тогда былъ раздѣленъ на 4 отдѣленія, и въ *Уланшѣ* описывается ночлегъ одного изъ этихъ отдѣленій (уланскаго) въ Ижоркѣ, близъ Стрѣльны, при переходѣ изъ Петербурга въ лагерь. Въ *Монго* Лермонтовъ разсказываетъ, подъ вымышленными именами, о себѣ и своемъ пріятелѣ А. А. С—нѣ. Въ *Юнкерской молитвѣ* упоминается о тогдашнемъ командирѣ

юнкерскаго эскадрона Александрѣ Степановичѣ С — евѣ, котораго юнкера очень любили.

13) Къ стр. 211. Экспромтъ написанъ въ февралѣ 1838 г., при прощаньи съ товарищемъ по Гродненскому гусарскому полку, М. И. Ц — мъ, ѣхавшимъ на Кавказъ.

14) Къ стр. 216. Въ спискѣ съ черновой тетради Лермонтова, изъ которой взято это стихотвореніе, находятся еще слѣдующіе отрывочные наброски:

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОКЪ.

1.

Свои записки нынѣ пишутъ всѣ,
И тотъ, кто славно жилъ и умеръ славно,
И тотъ, кто кончилъ жизнь на колесѣ;
И каждый лжетъ, хоть часто слишкомъ явно,
Чтобъ выставить себя во всей красѣ.
Увы! — Дѣла ихъ, чувства, мнѣнья
Погибнутъ безъ слѣда въ волнахъ забвенья.
Ни модный слогъ, ни модный фронтисписъ —
Ихъ не спасетъ отъ плесени и крысъ;
Но хоть пути предшественниковъ склизки,
И я хочу издать мои записки!

2.

Нашъ вѣкъ ужасно страненъ! Все пиши
Ему про добровольныя изгнанья,
Про темныя волненія души,
И только слышно — муки да страданья.
Такія вещи хороши
Тому, кто мало спитъ, кто думать любитъ,
Кто жизнь свою въ воспоминаньяхъ губитъ.
Впадалъ я прежде въ эту слабость самъ,
Но видя отъ нея лишь вредъ глазамъ,
Минувшее свое, безъ дальней справки,
Я схоронить рѣшился въ книжной лавкѣ.

3.

Печальныхъ много будетъ тутъ вещей,

Но васъ онѣ заставятъ разсмѣяться. —
Когда, уставъ отъ дѣлъ, отъ ласкъ друзей,
Отъ ласкъ жены, случится вамъ остаться
Однимъ, то книжкою моей
Займитесь чинно. Кликните Петрушку;
Онъ дастъ вамъ трубку; мягкую подушку
Вамъ за-спину положитъ; — и потомъ,
Раскрывъ на серединѣ первый томъ,
Любезный мой, вы можете свободно
Уснуть или читать, какъ вамъ угодно.

4.

Видѣнья сна замѣнятъ мой разсказъ,
Запутанный и, какъ они, неясный.
И, еслибъ могъ я спать, то въ этотъ часъ,
Съ перомъ въ рукахъ, я-бъ наяву напрасно
Не бредилъ... Правда, мнѣ не въ первый разъ
Просиживать въ мечтахъ о томъ, что было,
Мучительныя ночи... Тайной силой
Я былъ лишенъ отъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ
Забвенья жизни и забвенья бѣдъ...
. . . . . .

И даже сны упорно повторяли
Моей души протекшія печали. —
Сонъ — благо, даръ небесъ, когда онъ тихъ
Безропотно, какъ смерть, какъ отдыхъ рая, —
Но, признаюсь я, часто для иныхъ
Карикатура жизни — жизнь вторая:
Не лучше первой, полная нѣмыхъ
И безпокойныхъ образовъ другаго
Таинственнаго міра, неземнаго;
Смущенная душа раздѣлена
Между . . . . . и призраками сна,
Блуждаетъ въ мірѣ вымысла безъ пищи,
Какъ лазарони, а по-русски — нищій....

ВТОРОЙ ОТРЫВОКЪ.

1.

Подъ рубищемъ простымъ она росла
Въ невѣжествѣ, какъ травка полевая,
Прохожимъ не замѣчена, — ни зла,
Ни гордой добродѣтели не зная.
Но часъ насталъ, пора любви пришла —
Ей кто-то улыбнулся, — простодушно
Она своихъ покинула, послушна
Какъ агнецъ. — Но, увы! прошло пять дней —
Любовникъ глупый ужъ наскучилъ ей,
И съ этихъ поръ, чтобъ выбирать по волѣ,
Она взяла ихъ пять, шесть, семь и болѣ.

2.

Мечты умчались, какъ ночной туманъ,
Но сердце (у) Терезы все осталось то-же
. . . . . .
Былъ это знакъ тоски нѣмой, сердечной...

3.

Безвѣстная печаль смѣнилась вдругъ
Какою-то веселостью недужной
(Дай Богъ, чтобъ всѣхъ томилъ такой недугъ).
Волной вставала грудь и пламень южный
Въ ланитахъ рдѣлся, — бѣлый полукругъ...
. . . . . .

4.

Когда шалунья на кровать,
Шумя, рѣзвясь, роскошно упадала —
Не спорю: мудрено ее понять —
Она сама себя не понимала
Ей было трудно сердцу приказать,
Какъ баловню ребенку: надо было
Кому нибудь съ невѣдомою силой

Явиться, и привѣтливой душой
Ее согрѣть .. Явился-ли герой,
Или вотще — остались... ожидали...
Все это мы со временемъ узнали.

5.

Теперь къ подругѣ перейдемъ,
Чтобъ выполнить начатую картину.
Онѣ недавно жили тутъ вдвоемъ,
Но души ихъ сливались воедину
И мысли ихъ встрѣчалися во всемъ.
О, еслибъ знали, сколько въ этомъ звани
Сердецъ отлично-добрыхъ!... но вниманье
Увлечено блистаньемъ модныхъ дамъ —
Вздыхая, мы бѣжимъ по ихъ слѣдамъ...
Увы, друзья!... а наведите справки —
Вся прелесть ихъ въ кредитъ изъ модной лавки!

8.

Предъ нагорѣвшей сальною свѣчой
Красавицы задумчиво сидѣли,
И занималъ вниманье ихъ порой
Печальный свистъ играющей метели,
И — какъ и вамъ, читатель милый мой —
Имъ было скучно. — Вдругъ на мѣсто знака
Условнаго — залаяла собака
И у калитки брякнуло кольцо...
Вотъ чей-то голосъ... Идутъ на крыльцо...
Параша потянулась и зѣвнула,
Такъ что едва не уронила стула...

14.

Но кто-же этотъ гость? Сейчасъ, сейчасъ!
Разсѣянность... pardon!.. рекомендую:
Герой мой, другъ мой — Саша. Жаль для васъ,
Что случай свелъ въ минуту васъ такую
И въ этомъ мѣстѣ. Вѣрьте, я не разъ
Ему твердилъ, что эти посѣщенья
О немъ дадутъ весьма дурное мнѣнье.

Я говорилъ — онъ слушалъ, онъ былъ весь
Вниманье, — глядь, а вечеромъ ужъ здѣсь,
И я нашелъ, что мнѣ его исправить
Труднѣе въ прозѣ, чѣмъ въ стихахъ прославить...

ТРЕТІЙ ОТРЫВОКЪ.

1.

Но, несмотря на это, мы войдемъ...
Вы знаете — для музъ и для поэта,
Какъ для хромаго бѣса, каждый домъ
Имѣетъ дверь особую... Секрета
И запрещенья нѣтъ для насъ ни въ чемъ...
У круглаго стола въ углу свѣтлицы
Сидѣли двѣ, дѣвицы не дѣвицы —
Красавицы . . . . . .
Чѣмъ выгоднѣй, — узнать прошу васъ
Отъ нашихъ дамъ въ деревнѣ и столицѣ,
Красавицею быть или дѣвицей? —

2.

Красавицы сидѣли за столомъ,
Раскладывали карты и гадали
О будущемъ... И умъ ихъ видѣлъ въ немъ
Надежды (то, что́ мы и всѣ видали).
Свѣча горѣла трепетнымъ огнемъ
И часто, вспыхнувъ, лучъ ея мгновенный
Вдругъ обдавалъ и потолокъ и стѣны.
Въ углу переднемъ фольга образовъ
Тогда мѣняла тысячу цвѣтовъ,
И верба, наклоненная надъ ними,
Блистала вдругъ листами золотыми.

3.

Одна изъ нихъ — красавицъ — не вполнѣ
Была прекрасна... Но за то другая!
О! мы такихъ видали лишь во снѣ...

И то заснувъ о небесахъ мечтая!
Головку приклонивъ къ стѣнѣ
И устремивъ на столикъ взоръ прилежный,
Она сидѣла молча и небрежно...
Въ отвѣтъ на рѣчь подруги иногда
Изъ устъ ея пустое *нѣтъ* иль *да*
Съ улыбкой вырывалось... наконецъ рукою
Она смѣшала карты предъ собою.

4.

Она была затѣйливо мила,
Какъ польская затѣйливая панна.
Но вмѣстѣ съ этимъ гордый видъ чела
Казался ей приличенъ. Какъ Сусанна,
Она-бъ на судъ неправедный пришла
Съ лицомъ холоднымъ и горящимъ взоромъ.
Такая смѣсь не можетъ быть укоромъ
И вы должны повѣрить мнѣ въ кредитъ,
Тѣмъ болѣ, что отецъ ея былъ жидъ,
А мать, какъ слышалъ, краковская полька, —
И страннаго по-мнѣ тутъ нѣтъ нисколько.

5.

Когда Суворовъ Прагу осаждалъ,
Ея отецъ служилъ у насъ шіономъ;
И разъ, когда украдкой онъ гулялъ
Въ мундирѣ польскомъ вдоль по бастіонамъ —
Неловкій выстрѣлъ въ лобъ ему попалъ
И онъ былъ радъ, что умеръ не подъ палкой,
Что, признаюсь, мнѣ право очень жалко.
Его жена, пять мѣсяцевъ спустя,
Произвела на божій свѣтъ дитя —
Хорошенькую (*дочь*) Терезу... имя это
Дано по волѣ одного корнета...

ЧЕТВЕРТЫЙ ОТРЫВОКЪ.

. . . . . .

Калитка скрипъ. Дворъ грязный. Подошли.

Идти неловко. Вотъ на-силу сѣни
И лѣстница, но снѣгомъ по мѣстамъ
Занесена. Дрожащія ступени
Грозятъ мгновенно измѣнить ногамъ.
Взошли. Толкнули дверь, и свѣтъ огарка
Ударилъ въ очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждаетъ путь гостямъ
И вопрошаетъ: что̀ угодно вамъ?
И услыхавъ отвѣтъ краснорѣчивый,
Захлопнувъ дверь, бранится неучтиво.

ПЯТЫЙ ОТРЫВОКЪ.

Я врагъ Невы и невскому туману:
Тамъ новый вѣкъ развилъ свою чуму —
. . . . . вредны русскому карману,
Занятья вредны русскому уму;
Тамъ жизнь тяжка, пуста и молчалива,
Какъ плоскій берегъ Финскаго залива
Москва не то! Покуда я живу —
Клянусь, клянусь не разлюбить Москву!
(Тамъ я впервые, въ дни надеждъ и счастья,
Былъ болѣнъ отъ любви и любострастья).

---

15) Къ стр. 221. Содержаніе драмы «Испанцы» слѣдующее. Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Альвареса, знатнаго испанца, гордаго своею знатностью и своими предками. Онъ женатъ во второй разъ на молодой женщинѣ, доннѣ Маріи, которая, въ свою очередь, третій разъ замужемъ. Отъ перваго брака у дона Альвареса есть дочь, донна Эмилія, и, кромѣ того, у него-же въ домѣ живетъ пріемышъ, донъ Фернандо, найденный имъ на дорогѣ и воспитанный въ христіанской вѣрѣ. Фернандо и Эмилія влюбляются другъ въ друга; но Альваресъ выгоняетъ Фернандо изъ дома, въ отвѣтъ на требованіе руки Эмиліи.

Во второмъ дѣйствіи является езуитъ Соррини, который собралъ у себя воровъ и разбойниковъ и угощаетъ ихъ за то, чтобъ они убили Фернандо и похитили Эмилію. Соррини помогаетъ мачиха, подкупленная патеромъ. Потомъ является на сцену жидъ Моисей, которому Фернандо спасъ жизнь, и дочь его Ноеми, которая заочно влюбилась въ спасителя своего отца. Это мѣсто драмы при-

ведено нами въ текстѣ. Наемники Соррини, между тѣмъ, увозятъ Эмилію; Фернандо отправляется спасать ее; подъ видомъ пилигрима входитъ въ домъ Соррини, но спасти Эмилію отъ сластолюбія патера не можетъ. Тогда онъ убиваетъ Эмилію, несетъ трупъ на рукахъ своихъ въ домъ Альвареса; тамъ его настигаетъ инквизиція и ведетъ на казнь. Въ это время входитъ жидъ Моисей и предлагаетъ все свое золото патеру Соррини за спасеніе Фернандо, который оказывается его сыномъ. Патеръ беретъ деньги и все-таки не освобождаетъ Фернандо, котораго ведутъ на казнь. Ноеми, сестра Фернандо, сходитъ съ ума.

На каждомъ шагу въ этой мелодрамѣ видна еще полная неопытность.

Къ такимъ-же мелодрамамъ принадлежитъ еще одно юношеское произведеніе Лермонтова: *Два брата*. Дѣйствіе этой драмы происходитъ въ Москвѣ. Главное дѣйствующее лицо къ ней Александръ Радинъ, который влюбился въ женщину замужнюю, нѣкогда влюбленную въ его брата Юрія, овладѣлъ ея сердцемъ, заставилъ ее полюбить себя, хотя и зналъ, что братъ Юрій все еще влюбленъ въ эту женщину. Братья сдѣлались соперниками въ любви къ женщинѣ, впослѣдствіи равно-охладѣвшей къ нимъ обоимъ. Александръ хлопочетъ только о томъ, чтобъ прежняя любовь къ брату не вспыхнула въ женщинѣ, еще имъ любимой. Эта вражда братьевъ убиваетъ старика-отца, заставляетъ мужа Загорскиной увезти жену въ деревню. Но Александръ Радинъ торжествуетъ, потому что женщина, имъ любимая, если не принадлежитъ ему, то не принадлежитъ и никому. Чувство самолюбія и гордости удовлетворено.

Въ этой попыткѣ, самой несовершенной, написать что-то, дѣйствующія лица не имѣютъ даже понятія о любви; у нихъ есть одно сластолюбіе.

16) Къ стр. 246. Драма «Странный человѣкъ» для насъ важна по двумъ причинамъ: она имѣетъ значеніе біографическое для поэта, о чемъ можно судить по примѣчанію, сдѣланному Лермонтовымъ (см. стр. 245—246). Во-вторыхъ, она важна для насъ, какъ первое, возможно полное объясненіе байронизма самимъ Лермонтовымъ. Онъ здѣсь видитъ начало отрицанія только въ однихъ психологическихъ и своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ жизни. Онъ былъ обманутъ въ жизни и оттого презираетъ ее. Какъ отсюда далеко до отрицанія байроновскаго!

На черновой тетради, въ которой написана эта драма, находится помѣта: «1831 года. Кончена 17 іюля. Москва». Въ тетради

есть еще замѣчаніе, оставшееся неисполненнымъ: «Прибавить къ Странному Человѣку еще сцену, въ которой читаютъ исторію *его* дѣтства, которая нечаянно попалась Бѣлинскому».

17) Къ стр. 331. Въ черновой тетради Лермонтова, за двѣ страницы до начала поэмы, замѣчено: «Написать поэму—Ангелъ Смерти. Ангелъ Смерти, при смерти дѣвы, влетаетъ въ ея тѣло изъ сожалѣнія къ любезному и раскаявается, ибо это былъ человѣкъ мрачный и кровожадный, начальникъ грековъ. Онъ раненъ въ сраженіи и долженъ умереть; ангелъ уже не ангелъ, а только дѣва, и его поцалуй не облегчаетъ смерти юноши, какъ бывало прежде; ангелъ покидаетъ тѣло дѣвы, но съ тѣхъ поръ его поцалуи мучительны умирающимъ».

Въ самомъ началѣ поэмы приписано сбоку: «Повѣсть кончается вотъ чѣмъ:

Съ тѣхъ поръ
Хладнѣе льда его объятье,
И поцалуй его — проклятье!»

Послѣ этого замѣчено: «*Ангелъ говоритъ:* море колеблется, и цвѣтокъ, отраженный его волнами, долженъ колебаться; скажи, отчего ты такъ безпокоенъ?»

ПОПРАВКИ.

1) Стр. 7, ст. 16:
Тамъ Терекъ издали крутитъ.
2) Стр. 13; ст. 2:
Ужъ смерть холодною рукой.
3) Стр. 59, ст. 1:
Онъ образъ смертный принимаетъ.
4) Стр. 76, ст. 2 снизу:
Такъ стану-жъ умнымъ называть.
5) Стр. 81, ст. 12:
Казалось, упрекала въ томъ.
6) Стр. 83, ст. 4 снизу:
Знай, мы чужіе съ этихъ поръ.
7) Стр. 106, ст. 12:
Пришельца — памятникъ могилы.

ИНСТИТУТЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ БИБЛІОТЕКА А. Н.-С. С. Р.